

ЧЁРНАЯ СИРОТКА

ЕСЛИ БЕЖАТЬ, ТО ТОЛЬКО ВПЕРЕД

РИЯ ДЕЛЬ

Человеческая алчность породила целый мир. Отныне его населяют покровители, хранители и безжалостная правящая власть, именуемая Владыками.

Одной из них становится Милдред Хейз. Ей суждено сокрушать фаугов — творение и ошибку магии хранителей.

Плохая репутация, которую она приобретает в ходе обучения и личность, которую окружающее общество видит в ней из-за Джюель Бертран, делает девушку крупной мишенью.

Теперь Милдред нужно пройти не только Испытания, но и добраться до обещанного пьедестала не разбитой на части. Когда вокруг плетутся тайные заговоры, а окружение Милдред утаивает о ней что-то важное, это оказывается сложнейшей задачей. Ей приходится действовать быстро, жестоко и эгоистично, порой глупо. Каждое Испытание — огненный кнут, пробуждающий в ней не столько злости и обиды, сколько чувства разрушающей мести.

Чёрная сиротка

Громко завывает ветер. Я встряхиваю головой и смахиваю белые пряди с глаз. Еле видимое облако танцует испорченный вальс, поддаваясь разрывному дуновению. Оно отчаянно пытается добраться до меня и столкнуться с крутой скалы. Я стою неподвижно, только плащ развевается в воздухе точно победный флаг. В одной руке я сжимаю меч, а в другой сдавливаю острый камень. Кровь стекает по тыльной стороне ладони. Щекочет, привлекая к себе внимание. «Давай, отвлекись, и оно убьёт тебя».

Если бежать, то только вперёд.

Двадцать девятый день мне снится один и тот же сон, и эти слова я повторяю перед тем, как проснуться в холодном поту. Я вкладываю максимум агрессии в пустоту бушующего шторма. Мой голос огибает остроту скал, будоражит форменную хмарь, кажется, даже весь мир содрогается, сплошь падает на колени и затыкает уши.

Вторую неделю я смотрю на пустой лист исследовательской работы, и только на титульном располагается: «Разновидности кварца. Применение минералов в обиходе». Как только я тянусь к клавиатуре, кошмар воссоздаётся. Мысли затуманиваются, и каждая новая идея, начальное предложение улетучиваются. Свист бури, и моя речь умерщвляют идеи.

Я отказалась праздновать «совершенное взросление», как это называют мои знакомые, чтобы уступить очередному неудавшемуся сну. Утомлённость и бессонница крадут все выжатые как цедра лимона силы. Ничего не осталось.

— Почему не ложишься? Время перевалило за полночь, — переживает Айк.

Мы удерживаем долгий зрительный контакт и, в конце концов, я выдыхаю. Шумно как ураган.

— Я не справляюсь, — запуская пальцы в волосы, говорю я лучшему другу.

— Возьми мои записи. — Айк достаёт из холодильника молоко и заполняет небольшой стакан. — Я тоже писал о кварце.

— Дело не в этом, — подступившие слёзы смазывают вид. Я сглатываю и очищаю сознание от негатива.

— Кошмары?

Я киваю.

— Всё в порядке, — резко встречаю я, прежде чем он начнёт, — они редуют. Скоро этот ужас закончится.

Мои проблемы расстраивают его, и я стараюсь не подавать вида, что разрушаюсь. Но кто, как не он, видит меня насквозь. Мы друзья с раннего детства, и уже как два года живём вместе. Он читает мои чувства, как открытую книгу.

— Я буду молиться, чтобы всё это закончилось. Я скучаю по прежней Милдред. Такой же сильной и настойчивой. Мог бы я снять с тебя этот груз, непременно бы это сделал. Как раньше, — он грустно улыбается, а зрачки его сверкают.

После смерти бабушки, воспитывавшей меня ещё с пелёнок, только Айк оставался рядом, простыл след фальшивых друзей. Мне едва исполнилось шестнадцать. Недалеко меня поджидала взрослая жизнь, хихикала, как только я на неё заглядывалась. «Чего мне от тебя ожидать, жестокая?». Никого у меня не осталось, не было и родителей. Мама Айка с трудом взяла надо мной опеку. Она живёт за границей и не поддерживает с нами связь.

Бабушка упорно трудилась, чтоб я вкусно ела и красиво одевалась. Она приходила

домой уставшая и почти не разговаривала. У неё не оставалось времени, чтобы спросить о моих переживаниях. Айк на тот момент учился на геолога. Его пылкое стремление достичь высот пробудило во мне интерес. Теперь я шагаю по стопам друга.

— Иди, спи, — говорю я. — Я скоро закончу.

Он недолго смотрит на меня. Я знаю этот взгляд — он хочет помочь, посоветовать решение проблемы, но сомневается, что я в этом нуждаюсь. «Ты хочешь помощи, понимания, но ненавидишь это», — сказал Айк однажды. И он полностью прав.

— Если снова приснятся ужасы, зови меня, я тут же примчусь.

Я киваю ему, и он уходит, по пути попивая молоко.

Через месяц я съезду в соседний дом, чтобы не мешать твоей личной жизни, думаю я, глядя на его удаляющуюся спину. Он упомянул это один раз, мягко, но требовательно: «Мне двадцать четыре. Я хочу завести семью».

Я укутываюсь в одеяло, отворачиваюсь к стене. В юности я боялась спать иначе. Думала, что если открою глаза, передо мной окажется чудовище или привидение. Иногда я надеялась увидеть дух своей мамы, чтобы она поцеловала меня в лоб со словами «спи, золотая», или дух отца, который сказал бы: «Я уничтожу всех твоих обидчиков».

Они намеренно бросили меня. А позже погибли. Не дали возможности найти их, увидеть издалека. Я была бы рада даже силуэту — далёкой неуловимой тростинке, исчезающей с каждой секундой. Дальше, дальше, дальше...

Полусон прерывает протяжной скрип старого кресла. Галлюцинации от недосыпа? Померещилось? Или детские вымыслы превратились в явь?

Звук повторяется — тягучий, как резина, продолжительный. Здесь кто-то есть. Я не двигаюсь. Вдох. Выдох. Оборачиваюсь.

Лунный свет демонстрирует мужскую фигуру, отливающую серебром. Всё тело покрыто утягивающими доспехами, а на поясе свисают ножны. Он легко держит рукоять, невпопад постукивая пальцами: барабанит мелодию. Я невольно вспоминаю про сны.

— Кто ты? — почти шёпотом спрашиваю я, сжимая уголок одеяла.

Швырнуть в него подушку или прикроватную лампу? А может, лучше уже с кулаками кинуться на него?

— Я пришёл, чтобы забрать тебя в предназначенное для тебя место, — мужчина бесшумно поднимается. — Пойдём со мной. А иначе мне придется тебя заставить.

— Я... никуда... не пойду, — выдавливаю я и украдкой поглядываю на закрытую дверь. Если я закричу, Айк меня услышит?

Мужчина подходит вплотную к кровати. Отполированное снаряжение громко шелестит. Это значит, что мы больше не задержимся.

В горле пересыхает, точно после недельной жажды. Я не в состоянии гаркнуть на похитителя. Или галлюцинацию?

Я издаю глухой стон: мужчина закрывает своей холодной ладонью почти всё лицо. Челюсти немеют, во рту вкус крови: я прикусила щеку.

— Т-ш-ш, Милдред, — мурлычет мужчина. Меня охватывает ещё большее оцепенение. «Милдред». Ему известно моё имя.

Он поднимает меня, как кусок теста, ставит на подкашивающиеся ноги. Темнота... Невесомость.

«Моя жизнь зависит от реалистичной галлюцинации — мечника в железных пластинах», — в голове звучит мой голос, с ноткой безнадежной ухмылки.

Я отталкиваюсь от твёрдой груди кулаками, локтями, дрыгаю ногами в воздухе. Тщетно. Я толкаю булыжник массой в сто килограммов. Мечник превосходит меня не просто как человек, а как нечто иное.

Костяшки простреливает боль, средняя замирает, как вечная статуя. Запястья ломит от напряжения. Я сдаюсь — физически. Пока я готова бороться, а именно, узнать маньяка и его цели.

На кухне меня ждёт горячий завтрак Айка, его заботливая улыбка и очередной упрёк за опоздание к столу. Через полчаса я отправлюсь на учёбу, а домой вернусь уставшей, и мы с Айком в полночь загоримся желанием посмотреть сериал.

Как только я распахиваю глаза, осознаю, что это всего лишь фантазия моего тоскующего разума. Я подрываюсь с обветшалой кровати и шустро осматриваю помещение.

Ярко-голубой свет ослепляет. Мне непременно хочется надеть десять пар солнечных очков. Силясь, я уделяю больше внимания месту моего пленения.

Меня окружают голубые стены, инкрустированные бурыми и жёлтыми вкраплениями. На потолке шатается дряхлая лампада с тремя свечами. Возле кровати располагается тёмно-коричневый шкаф, расцарапанный до неузнаваемости. Напротив спального места — кресло-качалка, закиданное тряпками, ужасно смердящими табаком и плесенью. На каждой из четырёх стен прикреплены свечи в золотистой «подставке»: они отражают блики на гладких глянцевах стенах из голубой бирюзы.

Я делаю несколько неуверенных шагов к стрельчатой двери. Когда тянусь к ручке, чтобы выбраться из неизвестного места, дверь отворяется, и я отскакиваю в сторону, хлюпая голыми стопами по кафелю.

Гостем захолустной комнатухи становится мужчина. Он останавливается посредине, ладонями откидывает шёлковые снежно-белые волосы, поднимает на меня серо-голубые глаза и возмущённо фыркает.

— Я не удивлён, что он притащил тебя в этот кошмар, — говорит мужчина, бегло оглядываясь. — Впрочем, я пришёл рассказать о главном, Милдред. А конкретнее, о твоём предназначении. Или о работе. Называй это как пожелаешь.

Он выдерживает короткую паузу, выжидая моей реакции.

— Кто ты? — сдержанно произношу я, сжимая ткань алебастровой ночной сорочки, доходившей до щиколоток.

— Важно, кто ты такая.

— Парень, у тебя явно проблемы. Если ты не собираешься меня убивать самым жестоким методом, объяснись, какого чёрта я здесь нахожусь и каким уродским именем тебя нарекли.

— Боги милосердные, я в вас не верю, но что-то мне подсказывает, что вы приложили к этому свою святую руку. Милдред её точная копия! — громко объявляет похититель, смотря вверх.

Так и не услышав ни слова, я проскакиваю между ним и высоким шкафом, чтобы выбежать наружу, однако мужчина хватает меня за локоть и толкает на кровать. Он не двигается с места, только его безупречные волосы, отдающие холодом, колышутся на макушке подобно песку.

— Кто ты?! — раздирающим криком спрашиваю я. — Почему делаешь это со мной?

Он широко улыбается, а потом начинает заливаться смехом.

— Знаю. Я понимаю твой гнев, Милдред. Но ты должна меня слушаться. Ты не у себя дома на Земле: тут другие правила. Твоё поведение навлечёт на тебя огромную беду. Предупреждаю — будь осторожна, — последнее предложение звучит не как беспокойство, а как настоящая угроза. Я не намерена сдаваться сумасшедшему убийце. Раз мне суждено погибнуть, то перед убийством я хотя бы буду бороться.

— Я выберусь из этой лачуги любым способом. Даже если придётся убить тебя, — мой голос неестественно дрожит от злости. У себя в мыслях я позорно похохотала.

— Коленки трусятся, деточка, — хмыкает он, и пальцами указывает на свои ноги. — О-о-о, я не просто человек, Хейз. Моих сил во сто крат больше, чем у жалкого человека. Не помнишь того олуха в серебряном костюмчике? Ты можешь случайно врезаться в него и крякнуться от сотрясения.

— Ты... болен, — я отрицательно качаю головой, поднимаюсь с кровати и пячусь от мужчины. — Какие ещё силы? Какая Земля?

— Я стараюсь постепенно посвящать тебя в азы!

Тонны сарказма, но ни капли вразумительного.

— Так ты не хочешь моей смерти? — иронично задаю вопрос я, всматриваясь в насыщенный огонь свечи.

— Ха! Ежедневно представляю, как отсеку твою головку и брошу чайкам на съедение. Но, увы, мне не позволено.

— Я ненавижу тебя, — сквозь зубы выдавливаю я.

— Как думаешь, за то, что я отрежу тебе язык, меня накажут? М-м... Навру всем, что немая прибыла. Забавно выйдет.

Он подходит к одному из настенных подсвечников, таких же ветхих как лампада. Мужчина указательным пальцем водит вокруг пламени, а затем сдвливает в руке воск. Из-под его ладони поднимается тонкий дымок.

— Пока рано высовываться. Нам нужно поболтать, — не всерьёз лепечет он, препятствуя моим новоиспечённым планам — бежать.

— Выпусти. Меня.

— Ты потеряешься в замке.

— Опять за своё? — отчаянно фыркаю я.

«Держи себя в руках», — мелькают мысли.

— Он огромен. Его площадь не измеряется — растёт изо дня в день. Я — сокрушающий покровитель, принадлежу сфере Голубой Бирюзы. Ты училась на геолога, вероятно, сразу узнала, из чего сделаны стены.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Ты хотела объяснений. Я тебе их предоставил.

Теперь я отказываюсь верить, что он здоров.

— Впереди тебя ждут Испытания, — продолжает тот. — Если ты их провалишь — останешься внизу, — он указывает пальцем в пол и хмурит брови. Взгляд его каменный. Он серьёзен. Ни намёка на иронию.

— Что ещё значит внизу? На Земле?! — выплёвываю я. Я не верю в то, что говорю это.

— Это значит, что тобой будут помыкать. На Землю тебе никогда не вернуться, — делает вывод мужчина. — А знаешь, ты бы вжилась в роль посыльного покровителя — бегала бы, придерживая подол платья или плаща для всеми уважаемой власти.

Я оглядываюсь, осматриваю предметы — чем можно ненадолго обезвредить

похитителя. Что если это на самом деле невозможно? Его сила — крепкий щит, о который моя плоть разлетится вдребезг.

— Я не верю ни единому твоему слову, — безнадежно говорю я. Окончательная точка моей злости. Я, наконец, успокаиваюсь, потому что сил не осталось. Некто, зовущий себя сокрушающим покровителем, выжал из меня последние соки напускным безразличием. — Мне не нужна никакая информация и тем более испытания.

— Почему именно мне выпало с тобой возиться? — возмущается мужчина.

— О, ну раз ты так силён, покажи, — я не придаю словам никакого значения. Он лишь отмахнётся от меня.

— Меня ждёт работа и ты здесь не одна новенькая. — Как и ожидалось. — Помимо тебя у меня ещё десяток учеников. Каждому я рассказываю одно и то же.

— Качество уступает количеству. Подождут, — всё с таким же нежеланием говорю я. Мужчина сопит носом. Он берёт своё лицо в пригоршни, задирает ими непослушные волосы.

— Посвящу в азы. Здесь твой настоящий дом, — он медлит. На мгновение мне кажется, что он боится напугать меня новой информацией. Разве не было с самого начала ясно, что обойдётся без инсульта? Мужчина просто устал от меня. — Ты не человек, в тебе таятся такие же силы, как у меня и у посыльного в доспехах. Существует занимательная история мира сфер. Посетишь библиотеку, изучишь историю. Если вкратце объяснить нашу работу... Есть чудовища, они пожирают все природные явления, нарушают равновесие, потому существуем мы — чтобы предотвращать трагедии.

— Как увлекательно. Долго придумывал?

Всё, что сказал незнакомец — несуразица. Я не верю словам, а действиям — и то покажется мухлежом.

Мужчина нервно сопит носом, тянет улыбку. Достает из-за пазухи меч и лёгким движением разрезает старую кровать. Сечение аккуратное и ровное. Перед глазами плывёт, пелена быстро исчезает. Но не мой ужас. Я прохожу вдоль кровати, трогаю ржавые пружины, внимательно осматриваю, не была ли она треснута до этого. Я спала на ней, мужчина с нечеловеческой силой толкнул меня на еле держащуюся лежанку и она не разломилась. Что он такое?

— Я могу оставить тебя здесь поразмыслить или направлю в сферу Чёрного Оникса.

— Нет, — я отрицательно качаю головой, проигнорировав его предложение. — Допустим, я поверила твоим сверхспособностям, но ты не имел права отрывать меня от дома, от лучшего друга! — я тыкаю в него пальцем. — Верни меня домой. Это мой выбор. Не говори, что здесь, — я осматриваю комнату и усмехаюсь, — мой дом. Что я такая же нездоровая, как ты. Покровители? Это так печально. И жалко! Я не останусь здесь. Нигде, кроме моего дома. Ни-где.

— Здесь у тебя нет права выбора, — задорно проговаривает покровитель. — Забудь о своём прошлом. То была жизнь смертной, щупленькой Милдред Хейз. Пора бы собраться и стать той, кем должна, какой тебя зачали твои глупенькие и ничего не смыслящие родители.

— Тебе ли не знать о моих родителях и какими «глупыми» они были, — вступаюсь я.

— Лучше бы не знал, — бубнит мужчина.

— Ты... знал их? — даже в такой клоунской ситуации надежда умирает последней. А вдруг? Скажи мне об этом инопланетянин, я бы и ему доверилась. Узнать о родителях, что они ели перед тем, как погибнуть, с кем общались, как учились — дало бы мне знание, что они существовали.

— Как бы страшно это ни звучало, твоя мать жива-здора, — говорит он. — И я чертовски её ненавижу.

— Да ну? Серьёзно? — я заражаюсь смехом.

— Я посмотрю, как ты будешь обхохотываться, когда познакомишься с ней.

Если я поверю похитителю — предам себя. Но что-то внутри меня щёлкает, вынуждает услышать мужчину. Я представляю красивую женщину, с шёлковыми прядями, тёмно-жёлтыми глазами... «Не обнадёживай себя. Не обманывайся».

— Ладно, — максимально равнодушно говорю я. — Ты уже понял, что я не верю словам. Покажи.

Мужчина гасит ещё одну свечу. Он обходит меня, пинает обломки дерева. Я терпеливо жду, не отвлекаясь на его метания.

— Закроем эту тему, — говорит он.

— Нет. Не закроем. Отвечай за свои слова.

— Чего твякаешь? Возомнила из себя, — шикает покровитель. — Сворачивайся, ты будущий покровитель, а не мокрая тряпка.

— Ты меня не понимаешь, — возмущаюсь я. — Я хочу домой. Это место убивает меня. Эти приторные голубые стены... Ненавижу.

— Если тебе тяготит такая жизнь, ты мучаешься, не можешь забыть своего друга, — незнакомец медлит, — я убью его.

Слова комом застревают в горле. Я вытаращиваюсь на мужчину, он смаргивает усталость, всё медленнее закрывая веками глаза.

— Прими свою судьбу — Аик будет жить.

— Разреши попроситься с ним, — перебиваю я.

— А ты не глупая, — незнакомец склоняется надо мной, вынуждая смотреть друг на друга. — Я знаю, что таким образом ты хочешь сбежать. А ведь когда люди прощаются, это сделать ещё сложнее. Тебе нужно забыть о нём, как это сделал он.

— Он не забыл обо мне, — твержу я.

— Силы хранителей в помощь, — возглашает мужчина, расправив руки. — Тебя не было в его жизни, он счастлив со своей девушкой, не зная о твоём существовании.

— Таковую участь вы мне уготовили? — начинаю я и осознаю, что всецело верю ему. Крик срывается от неожиданно подступивших слёз. — Тогда сотрите и мне память. Я не хочу помнить о нём и мучатся. Прошу, — я выдыхаю и падаю на кресло с тряпками. Запускаю пальцы в волосы и нервно натираю кожу головы.

— Снова попытаешься сбежать — окажешься в темнице.

Мужчина уходит. Он оставляет дверь открытой. Хочет проверить, на что я готова ради себя и ради друга.

Нервирующая тишина, приторные голубые стены, мысли о доме и друге — это всё убивает меня.

Мужчина дал мне возможность сбежать. Будь это допустимым, он бы замкнул комнату. Есть что-то невозможное в этом месте.

«Ты потеряешься в замке».

Прошло около трёх часов — и то, это только мои предположения. Время тянется, как свежая жвачка. Выход вынуждает азартно поглядывать на него, в сознании мелькает картина, где я открываю шаткий кусок дерева, переступаю порог, прохожу домой. Валюсь в постель и забываюсь. Иногда воображение отыгрывается на мне: я представляю ограниченный коридор без окон, с теми же голубыми стенами. А рядом никого. Бывает, я представляю то, что утешит душу: лживая роскошь и сотня гостей, смеющихся от бодрящего неземного алкоголя. Мозг кипит, я не могу отогнать домыслы, и они крутятся, как колесо фортуны.

Вернуться домой. Я должна вернуться. Айк, скорее всего, проснулся, чтобы проверить, сплю ли я. Меня нет в кровати, нет дома. Он переживает. Второй голос твердит: «Он не знает, кто ты. Понятия не имеет».

Как *он* с такой серьёзностью может говорить о хранителях, чудовищах и покровителях, стирании памяти?! Неужели я так легко поддамся лепету?

Ожиданию чуда нужно заканчиваться, бездействовать глупо. Я, наконец, открываю, усиленно манящие меня двери.

Я прикрываю глаза ладонью, даю им привыкнуть к новой обстановке. Насыщенность голубых стен, как иголки, вонзается в глазные яблоки.

Я медленно подхожу к балюстраде из гранита, осторожно кладу ладони на тёплый поручень. Важно знать, сколько этажей мне преодолеть. Незнакомец не лгал — я в замке вот только он совсем меня не шокирует. В университете у нас были экскурсии по замкам, построенных из песчаника или известняка, зачастую — мрамора. Я видела и не такие масштабы.

Замок почти полностью сооружён из голубой бирюзы. По левой стороне протягивается полоса дверей из чёрного дерева, алюминия и других видов металла. Напротив меня в круг загибаются анфилады, украшенные белым узорчатым барельефом. Я подаюсь вперёд, наполовину высывая корпус. Ввысь поднимаются тысячи рядов анфилад. Самая вышка будто загуманена — рассмотреть только под телескопом, куда ведёт путь. «Не такие масштабы». И всё, что я вижу — реально?

Я следую по коридору пять минут — он так и не заканчивается. Я оглядываюсь, и паника нарастает. Будто возвращаюсь в одно и то же место. Вокруг нет ни единой живой души.

— Эй! — зову я беловолосого незнакомца. На мой отклик не отзываются. Я бегу в обратную сторону, силы уплывают быстрым течением. Я располагаюсь у стены, прижимаюсь лбом, дабы остудиться. В метре от лица горят свечи. Настенный тройной подсвечник изготовлен из золота — уже не такой хлипкий, как гнилое дерево.

— Ты упрямая, Милдред Хейз, — раздаётся голос похитителя.

— Вот бы тебя чёрт побрал, — шепчу я и поворачиваюсь к нему. Всё же я рада, что он

вернулся. Одиночество и безызвестие сводят с ума.

— Я думал, ты сразу выйдешь. Не это ожидала увидеть? — ехидничает он. — Знаю, свечение яркое. К нему возможно привыкнуть даже людишкам. Легче, конечно, если голубая бирюза выбрала тебя. Пока не вижу, что в тебе кипит страсть.

— Ты говорил, я нужна вам. Значит, вы опасаетесь потерять меня, — делаю вывод я, игнорируя его колкости. — Мне терять нечего. Вы отняли у меня всё за один день, когда я выстраивала это восемнадцать лет.

— Глупости.

Я перекидываю одну ногу через балясины, затем вторую — из-за сорочки у меня это с трудом получается. Ногами нахожу опору. Она ненадежна. Одно движение — и я распластаюсь на мраморном полу, как летучая мышь.

— Хочешь сдохнуть? Вперёд, тебя никто не держит. Ты не особенная. А на данный момент не отличаешься от обычных людей, готовых рисковать по таким пустякам.

Я открываю рот, чтобы поспорить, но кто-то хватается за шиворот и кидает на пол. Я кубарем качусь к стене, и мгновенно хватаюсь за ноющее плечо.

— Не благодарите, Найджел, — произносит мой «спаситель».

Казалось бы, такое необычное имя, придаёт ему шарма. Но как таковой привлекательности у покровителя нет. Найджел кивает своему помощнику и тот поспешно спрыгивает вниз.

— Как он?.. — Боль мгновенно проходит, когда я отвлекаюсь на полетевшего вниз парня.

— Так же, как и все, — томно заключает Найджел.

Он лениво берёт меня под руку и помогает подняться: делает это с осторожностью, очевидно, не по своей воле. Будь моя судьба целиком в его власти, я бы точно стала летучей мышью, а перед кончиной отделалась бы парой пощёчин.

Его «бережное» отношение оказалось просто скукой: Найджел хватается за руки, как преступницу, и уводит в неизвестном направлении. Мы спускаемся по винтовой лестнице, которую я, клянусь, не видела.

— Куда ты меня ведёшь? — Найджел остаётся непроницаемым под давлением моих слов.

Мы останавливаемся подле ржавой двери с мощным замком. Найджел одной рукой срывает его и заталкивает меня внутрь. А когда заходит за мной, выдыхает так, словно пробежал кросс.

Тюремные решётки. Запахи сгнивающего железа, сырости и крови. Они ощущаются на языке. Хочется сплюнуть, но я натягиваю манерную маску. И зачем только?

— Это исправительное место для таких буйных, как ты, — оповещает Найджел.

— Ты думал, я буду прилежной? Меня похитили из собственного дома!

— Некоторые мирятся со своим предназначением быстрее, кому-то это нравится, а кто-то до сих пор ненавидит его, оставаясь в самых низах. Единственный разумный путь — принятие. — Найджел щурится. — Это не шутки, Милдред, ты должна выбрать. Либо ты здесь, — тихо говорит он, — либо наверху.

Он указывает пальцем в потолок со свисающими железными цепями.

— Я смогу смириться, если ты дашь мне попроситься. И даже если мои знакомые меня не помнят, я хочу видеть их в последний раз, — заключаю я, и меня тут же бросает в жар.

— Я без проблем это устрою. Только... никогда больше не пытайся вытворять такое. Ты

ещё смертная, должна беречь себя, — без заботы говорит он.

Мы поднимаемся по той же лестнице. Она длинная и очень крутая. С каждой поднятой ногой кажется, будто к ним привязали тяжёлые гири. Найджел с лёгкостью спешит наверх. Короткий белый жакет приподнимается от его быстрого шага. Каблук сапог цокает в точности как женский. На серебряном поясе, сжимающем талию Найджела, свисает меч, одетый в сероватые от грязи ножны, на рукоятке меча — три голубых круглых камня — бирюза.

Найджел оборачивается, словно чувствует, как я прожигаю его взглядом.

Не совсем далеко от нас раздаётся мелодичный женский смех. Навстречу шагают две рыжеволосые девушки и одна чистая брюнетка.

На каждой девушке красуется исключительно белая рубашка, но совершенно разного орнамента. Правую ногу тёмно-рыжей девушки облегает сапог из металла. У светло-рыжей девушки открыт живот и спина, грудь похожа на два твёрдых, но сочных яблока. Последняя девушка — брюнетка, одета откровеннее: бюст прикрывает плотная рубашка, а нижнюю часть тела закрывает чёрное нижнее бельё. Они носят при себе точь-в-точь похожие с Найджелом мечи.

Троица лицемерно улыбается, гадко скользя по мне взглядом.

Девушка с металлическим ботфортом пальцами приглаживает ногу светлой девушки, намеренно задевая кружевную повязку. Третья — чёрненькая, обнимала тёмно-рыжую, пока не увидела меня и Найджела. За её пазухой на плечах висит корзинка, хаотично украшенная аметистом. Корзинка наполнена фруктами: виноград чёрного и белого сортов, несколько яблок, бананы и большой спелый гранат.

— Приветствую, Найджел Гальтон, — смело здороваются все вместе. Найджел приветствует их одним кивком, встречает акульей улыбкой.

— Милдред, это Хейли, Холли и Хэйзи, — он указывает на каждую. — Девушки, это Милдред, новенькая.

— Неплохая. Губки красивые, — говорит, Хэйзи, накручивая тёмно-рыжие пряди.

— Я бы накрасила их спелой вишней, вечность смаковала бы, — Холли, брюнетка осматривает меня с головы до ног.

— Посмотрим, — отрезает Хейли — светло-рыжая. В её глазах играет жадность, как бы она ни пыталась это скрыть. Веко дёргается от слащавого внимания. К горлу подступает тошнота — фантазии Холли омерзительные.

— Прекращайте, — Найджел махает рукой. — Она? Да вы шутите! Не прошло дня — я уже в прошлом. Вы заставляете меня нервничать и ревновать.

— Ты предпочёл нас той мерзавке, — Хейли смерила Найджела надменным взглядом и твёрдо продолжила: — Бесплатный вход закрыт.

Три красавицы, с гордо поднятыми головами уходят по коридору.

— Кто они? — спрашиваю я, и мы вновь продолжаем шагать.

— Можешь спросить у них, — резко бросает Найджел. — Они захотят поделиться не только биографией, но и усладой. Профессиональные девочки.

Я прикусываю язык.

— Что ж, Милдред, у тебя есть половина дня. Я отправлю тебя к твоему дому. Через двенадцать часов я приду — будь на месте.

— Подожди. Обо мне не помнит только Айк?

— Вопрос времени, когда забудут остальные. Хранители всё подчистят.

Тогда Найджел попросил меня закрыть глаза и ни в коем случае не открывать их. Он объяснил, что это опасно для человека — вероятность обзавестись болезнью. «Высокая скорость, давление, смена температуры и воздуха «сдавят» организм, если ты увидишь процесс собственными глазёнками. Нужно быть расслабленным», — пояснил покровитель. Не прошло секунды, как я оказалась возле дома Айка.

На улице под ночь похолодало и мне удалось выпытать у Найджела белый плащ и сапоги, превосходившие меня на несколько размеров.

Свет горит только в кухне и здесь пусто. Стол обложен справочниками о музыкальных инструментах и чистом пении. Аик рассказывал мне, что его девушка занимается музыкой. Он уже заказал планировку комнаты — шумоподавление, уголок для пианино, оборудование.

Девушка выходит на кухню, открывает холодильник. Я приседаю.

Найджел мог солгать. Вдруг в памяти Айка осталась хотя бы крупица меня, небольшое напоминание, что мы дружили целую вечность и повлияли друг на друга.

Если покровитель отпустил меня, значит, Аик ничего не помнит. Возле дома нет полиции, которая меня разыскивает, а его девушка спокойна.

Аик выходит следом, обнимает возлюбленную со спины и целует в щёку.

— Я хотела выпить молока, — говорит она и достаёт ту же бутылку, которую несколько часов назад брал Аик. Прямо передо мной! Кто бы мог подумать, что это окажется концом.

Моих вещей нигде нет. Нет моей фруктоницы, тумбы для ноутбука, стопки белых листов, на наших совместных фотографиях пустое место.

Я сдерживаю слёзы. Хочется их чем-нибудь запить, пусть даже молоком.

Я перебегаю дорогу, ловлю такси. В кармане плаща нахожу серебряную серьгу. Этого недостаточно, поэтому я прошу таксиста довезти меня только за эту цену. Я выхожу — остаётся идти пешком в самое нежеланное место.

Бывший парень не ждёт меня в поздний час, вообще не ждёт. Мы разошлись год назад, в последний день лета, но позади — целых два года лживых отношений. После его предательства, он был настолько мне мерзок, что не было сил даже говорить с ним. Я ушла. Спустя время, накопились вопросы — я боялась спрашивать, боялась знать. Слышать имя родного отца.

Дом выглядит лучше, чем раньше. Мэлвин планировал заняться обустройством фасада ещё с начала отношений. Наш разрыв подарил ему время и желание.

Я нажимаю на звонок несколько раз, чтобы наверняка. Раньше я могла входить в дом без приглашения, правда, его мать часто приезжала в гости, чтобы я реже являлась. Но это не мешало нам проводить безумные ночи, отмечать праздники и вместе готовить.

За дверью раздаются шаги. Сердце пускается бежать, не давая передыха, морит жаждой, требует каплю. Я скручиваю кожу на руке. Страх временный, часы сочтены. Он всего лишь призрак прошлого, кусок моей ненависти. Он не стоит моих переживаний, особенно спустя столько времени.

— Милдред?! — Мэлвин стопорится у двери. Он нервно поглаживает свои волосы, которые раньше я до безумия любила.

— Привет, Мэлвин. Я поговорить, — к счастью, дрожи в голосе нет. — Пропустишь?

Он освобождает проход, и я по памяти ищу гостиную.

— Идём на кухню, — бывший парень прочищает горло, отодвигает стул, я сажусь. Стараюсь расслабиться и избавиться от неловкости.

— Я давно тебя не видел. Успел соскучиться, — улыбается он. Сладкая ложь, которую он так любит. Больше я не поведусь на его уловки. Я копирую его улыбку и ставлю локти на стол, сплетая пальцы в замок.

— Давай без лишних слащавых фразочек. Я пришла по важному делу.

— После того, что я сделал, тебе действительно приятно находится рядом со мной?

Мэлвин наливает нам по чашке кофе. Он сделал так, как я люблю — удивляет, что он ещё помнит.

— Не сказала бы, что приятно, но терпимо, — я делаю глоток кофе. — Я хочу узнать про своего отца.

— Почему ты тогда не спросила? Уже год прошёл с нашей последней встречи.

— Я хотела знать. Но боялась, — с трудом выговариваю я. — Боялась разочароваться. В моих представлениях родители были счастливы, любили меня.

Я снова открываюсь перед этим человеком. Целых два года он лгал мне, а я делилась с ним собой. Это напоминание кольнуло меня, и я опомнилась.

— Неважно. Не будем тянуть время. Пятнадцать минут для тебя не проблема. За предательство с тебя должок.

— Что ты хочешь знать? — не обращая внимания на мои слова, спрашивает Мэлвин.

— Всё.

Он томно выдыхает и допивает свой крепкий кофе без сахара.

— Когда я был шестилетним парнем, часто видел его в нашем доме. У них с моей мамой были очень близкие отношения. В один день они поссорились, и эта ссора положила конец их роману. Твой отец ушёл в работу, как рассказала мне мама, и забыл о ней. Через год она узнала о Джюель и ещё не родившемся ребёнке. А потом новость о том, что они оба погибли, оставив ребёнка твоей бабушке.

— Мою маму звали Джюель... — шепчу я, хотя точно помню об этом. Имя вылетело у меня из головы.

— Мама давно спланировала кражу денег Уильяма, — продолжает Мэлвин. — Твой отец руководил двумя известными историческими музеями. У него было много денег! Это то, чего хотела мама. Я ждал сообщение, какое-то письмо, но ничего не было. Потом друг помог узнать, что имение Уильяма принадлежит городу, он не успел заверить своё имущество на тебя.

— Зато теперь я хотя бы знаю детали.

Во время скандала Мэлвин в общих чертах рассказал о «романе наших родителей» и «краже имущества» и я отказывалась слушать подробности и оправдания.

— Ты помнишь, как он выглядел, его характер? — говорить о том, что в своё время ударило по мне, больше не хотелось.

— Думаю, ты больше похожа на свою мать. Внешностью и, наверное, характером. А она, наверное, красавицей была. Уильям был сдержанный, непробиваемый. В каждом его движении чувствовалась аристократия, словно весь мир должен склонить перед ним колени. Я никогда не мог выдержать его взгляд. Я был мальчишкой и думал, что у него не растёт борода. Он просыпался в пять, проводил в ванной десять минут и... уже был нечеловечески ухожен. Носил серые и коричневые костюмы. Никогда не надевал пиджак.

— Он бросил меня. Как и мама. Бабушка говорила, что они оставили меня под её дверью и уехали, а там попали в автокатастрофу. Я должна ненавидеть их, но мне всё больше хочется узнать, кем они были. Я хочу знать, почему они это сделали. Мой отец мог бросить

меня из-за своего холода?

— Но мою мать он полюбил.

— Он мог ею пользоваться, — я громко хмыкаю, и на меня накатывает злость. —

Интересно, все мужчины такие?

— Я делал это под давлением мамы. Она манипулировала мной. Ты была отличным другом. Жаль, что для хорошей видимости, у меня не вышло влюбиться.

— Тогда это была бы не видимость.

Я обращаю внимание на погремушку и женские туфли на полке.

— Ты ждёшь семью, а мне пора.

Он виновато кивает, бросает взгляд на игрушку и улыбается.

— Удачи в жизни. Надеюсь, ты найдёшь то, что искала во мне.

Любовь.

«Как я снова доверюсь кому-то настолько сильно как тебе?». Искать можно вечность, перебирать можно каждого второго.

Имело ли смысл приходить сюда? Мэлвин — давно забытое прошлое. У него появилась семья и то, о чём он всегда говорил — счастье. Я должна отпустить всё, что меня держит здесь, найти ответы на все вопросы.

Время от времени существование сферы Голубой Бирюзы, Найджела и тех трёх девушек кажется обычным сном. Но есть множество факторов, обозначающих обратное.

Я захожу через эти двери почти ежедневно на протяжении года. Неужели с исследовательской работой покончено? Им больше не требуются мои знания. Преподаватели могли забыть обо мне. После моего ухода обо мне мог забыть Мэлвин. Все, кого я знала, и кто знал меня.

Это не меняет моего решения войти внутрь. По правой стороне у нас всегда была выставка: за стеклом находились разные минералы, на которые мог посмотреть каждый, сфотографировать или попросить рассмотреть. Я часто здесь ошивалась. На каждом этаже есть такая выставка, и я не могла оторвать глаз от градиента минералов. Самые редкие находятся за отдельным стеклом, защищены электротоком, а отключить его может только охранник.

Я подхожу ближе. В первую очередь замечаю голубую бирюзу и аметист. Я уже видела эти камни в сфере. Мой грустный выдох эхом разносится по коридору.

— Ты кто? — звучит язвительный голос.

Уборщица не помнит меня. Она всегда недолго любила нас с Айком. Причина неизвестна. Старым людям с маразмом повод не нужен.

— Простите, я уже уйду.

— Кто разрешил тебе войти?

Я торопливо выбегаю из университета, и заворачиваю за угол, где курят мои знакомые. Они не замечают меня или намеренно игнорируют.

— Не найдётся сигареты? — спрашиваю я, привлекая их внимание.

— Учишься здесь? — спрашивает Миранда.

— Нет, просто проходила мимо.

Я перекидывалась с этой леди парой слов, она любила смеяться над всеми, скрывая за этим наследственную жестокость. Девушка протягивает мне две сигареты и махает рукой, чтобы я ушла. Так я и делаю. Меня ничего не держит рядом с людьми, которые забыли обо

мне. Я ломаю сигареты пополам и бросаю в ближайшую урну.

Прошла только треть времени из того, что дал мне Найджел. Поэтому я возвращаюсь к моему бывшему дому и терпеливо жду. Оттуда выходит Айк под руку со своей девушкой.

— Простите? — спрашивает он. — Вы в порядке?

Мне хочется броситься ему на плечи, спросить, всё ли хорошо прошло с переездом, о приближающейся экспедиции. Хочется поделиться моими приключениями и переживаниями. О, как я не хочу возвращаться в тот адский мир!

— Да, всё хорошо. Вы не против, если я подожду здесь своего... друга? — Я оглядываюсь и неожиданно осознаю, что стою возле террасы.

— Ладно. Ладно, ждите. Но почему здесь?

— Он сам просил о встрече здесь. Сумасшедший.

Айк кивает и уходит, улыбнувшись возлюбленной. На меня накатывает тоска.

— Я дал слишком много времени. У тебя ведь никого нет, — спокойно говорит Найджел.

— У меня был Айк. А вы убрали меня из его жизни.

— Увы, тебе очищать разум нельзя. Для тебя начинается новая глава, Милдред, — произносит Найджел. — Сфера Чёрного Оникса.

Мы переправились в сферу Чёрного Оникса. Оникс — один из моих любимых минералов. Его тона хоть и обычные, но завораживающие. На семнадцатый день рождения Айк подарил мне серьги из чёрного оникса, я ни разу их не надела и теперь крупно жалею об этом. Они исчезли вместе с моим прошлым.

— Эти ворота до сих пор меня пугают, — тихо говорит Найджел и искоса смотрит на меня.

Я чувствую жар, находясь в этом месте. Осматриваюсь, чтобы уличить источник тепла. Вдоль каменной тропинки по обеим сторонам текут реки раскалённой лавы. Я негромко ахаю. Найджел удовлетворённо улыбается, довольный моей реакцией.

Перед нами возвышаются громоздкие металлические ворота с острыми как стрелы прутьями. Посередине ворот размером в две мои головы висит выпуклый оникс, на нём выгравирован символ: два скрещенных меча, окутанные белым дымом. За воротами ввысь поднимаются тонкие шпильки. Замок кажется нескончаемым, его границы мне найти не удаётся — протяжённость скрыта туманностью.

Небо в буквальном смысле пылает багровыми и оранжевыми красками. Облаками здесь служат серые клубы дыма. Огненные массы, сжёвывая друг друга, выпускают их в «атмосферу». Они кружатся, смешиваются под дуновением лёгкого ветра. Законы природы здесь не играют никакой роли. Это что-то неземное. Магическое.

Стены в сфере Голубой Бирюзы отдают глянцем, они ровные и гладкие, но в сфере Чёрного Оникса их будто слепили из кусков жидкой грязи.

— Зачем мы здесь? — спрашиваю я, с трудом отрывая взгляд от замка. В голове копошились мысли и страхи того, что ждёт меня внутри.

— Чтобы стать покровителем, ты пройдёшь Испытания в трёх сферах. На четвёртом, Священном Испытании, тебя избирает камень. Какой — зависит от твоей души и умений уничтожать фаугов. Твой учитель расскажет тебе все подробности, — наконец отмахивается он. — Встретимся нескоро.

Найджел исчезает в мгновение ока. Неожиданно для себя мне хочется вернуть его любой ценой. Просто, чтобы я не оставалась здесь одна.

Что мне делать?

Как будто услышав мой мысленный вопрос, ворота медлительно открываются, сопровождаясь громким рыком металла. Возле входа в замок стоит мужчина в угольном кафтане, закрывающий его руки до самых запястий. Он прищуривается — явно не от слепоты. Его седые волосы вьются на гордо расправленных плечах.

Ядвигаюсь к нему медленно, не спеша. Сейчас он единственный путеводитель.

— Имя, — резко выпаливает мужчина.

— Милдред Хейз, — голос слегка вздрагивает.

— Милдред... — протягивает он, пробуя слово на вкус. — Знаем таких. Говоришь на английском?

— Да, родной язык.

— Славно. Тебя не нужно учить главному языку, ибо такие проблемы от иностранцев.

Он оголяет зубы и приветствует меня:

— Сфера Чёрного Оникса выказывает своё почтение. Перед тобой Вермандо Бронте

отставной покровитель.

Я его не понимаю, и он не вдаётся в подробности. Отставной, то есть в отставке. Он сторож у ворот, принимающий новеньких.

Я склоняю голову и копирую его улыбку. Он зазывает меня, и я следую за ним внутрь тёмного замка. Мы останавливаемся в атриуме. Своды едва заметны, как и замок снаружи. Полы глянцевые, ровные, свет факелов, расположенных на неизведанной высоте, образует круг ярких огоньков на ониксовом полу.

Справа от меня на стене изображён символический барельеф — скрещенные мечи.

— Почему здесь никого нет? — любопытничаю я.

— Все сражаются, — грузно выдыхает Вермандо. — В этом году произошло дичайшее нашествие фаугов за всю историю. Они никогда не собрались такими большими группами, не были такими продуманными, никогда не увеличивались так стремительно. Эти чудовища истребляют все природные явления, останавливают катаклизмы, замедляют развитие «дома».

— У меня много вопросов. Но боюсь, будет некорректно задавать их сейчас.

— Третий этаж занимает библиотека. Ты можешь прочесть все книги и тома, узнать, как появились мы и фауги, о Касьяне и Многоплодном. Это твоя история, её нужно выучить. Грэм посвятит тебя во все подробности.

— Грэм?

— Твой учитель.

Вермандо берёт меня за плечо, я закрываю глаза, и мы переносимся на тёмный мрачный этаж.

Две комнаты соседствуют друг с другом. Одна из них будет моей, понимаю я, а другая — моего учителя. Сторож входит первым, я иду следом.

Комната кажется большой за счёт минимального количества мебели. С потолка свисает лампада с красной свечой. В левом углу располагается кровать с серым постельным бельём, в правом — санузел. У изголовья кровати меня привлекает шкаф с книгами и бронзовыми статуэтками. Хочется каждую из них подержать. Выглядят они ветхо, но чисто. Их постоянно натирают.

Перед зеркалом в рост стоит мой учитель. Он одет в свободную подвязанную чёрным ремнём тунику, на ногах зашнурованные черные ботинки и широкие лёгкие штаны. Его меч, облаченный в чёрные кожаные ножны, лежит на тумбе возле зеркала. Ножны выглядят поношенными и старыми, но кожа на них качественная и, пройдя через тысячи сражений, хоть и потеряла свой чёткий окрас, сохранила качество.

Грэм стоит неподвижно, держась противоположной рукой за плечо.

— Это она? — спрашивает он, метнув на меня взгляд в отражении зеркала. Он нахмуривает широкие толстые брови и поворачивается к нам лицом. Его коротко подстриженные чёрные волосы заправлены за оба уха, они даже не колыхнулись.

— Я доверяю её тебе. Ты знаешь, что делать, — озвучивает Вермандо. — Не держи больше меч на плече. Сыплешь соль на рану.

Грэм перекидывается парой реплик с Вермандо и даёт ему уйти. Оставшись наедине, наступает неловкое молчание. Наверное, так думаю только я.

— За мной. — Учитель хватает меч и выходит из комнаты, я иду за ним быстрыми шагами, чтобы преуспеть.

— Как тебя зовут? — интересуется Грэм.

— Милдред.

— Я бы перенёс нас в тренировочную, но тебе лучше исследовать нашу сферу.

— Здесь мрачнее, чем я думала. — Хорошо, что мы не перенеслись: для меня это дикость.

Учитель кивает после моих слов и продолжает двигаться в одном направлении. Мы спускаемся по лестнице с чёрной ковровой дорожкой, отделанной по бокам серебром. Я как будто следую в лапы тёмного зверя, к проклятому алтарю.

Стены изгибистые и матовые, как сторевающий уголёк. На меня накатывает неожиданное желание поджечь замок, чтобы он тлел, переливаясь огненными оттенками: картинка вышла бы великолепной, а месть ещё краше.

По правой стороне от поручня лестницы десятки разноформенных окон с наличниками из тёмного дерева. Чем выше мы поднимаемся, тем любопытнее мне становится, как выглядит небо вблизи без дымчатых помех. Но череда окон закончилась, прежде чем я увидела то, что хотела.

Грэм двигается медленно, словно напрочь уплыл в свои мысли, забыв обо мне.

— Я не понимаю, зачем я здесь, — банально, но я хотя бы пытаюсь найти общий язык.

— У тебя будет время, чтобы всё понять, — резко отвечает учитель.

Грэм открывает серые двери с белыми хаотично расположенными узорами. Тренировочный зал пуст, отчего его размер кажется невероятным. Куполообразный потолок состоит из нескольких стеклянных многоугольников. У макушки купола виднеется красное небо, ниже кучерявится дым. Это зрелище походит на солнце. На мгновение я теряюсь, ухожу в себя и пропускаю половину слов Грэма.

— ...найдёшь то, в чём тебе будет удобно. Через десять минут приступаем к первой тренировке.

Он кивает в сторону комнаты, завешенной вишнёвой бархатной тканью. Внутри так же темно и мрачно, как во всём замке. После огненного неба мне приходится некоторое время привыкать к мраку. Я удивлённо ахаю, когда замечаю чехлы для одежды. Я прохожу вдоль вешалок, осторожно касаясь пальцами скрипучего материала. Сквозь чехлы просвечиваются угольные, чёрно-синие, графитовые цвета тканей. Я борюсь с желанием открыть и примерить каждый наряд: особенно платье бронзового цвета с чёрными бутонами. От него веет величием и тьмой. Я опускаю застёжку. «В чём тебе будет удобно». Я поднимаю холодный замок и пропускаю «роскошный ряд». Следом идут тренировочные одежды аспидного цвета.

Я беру первое попавшееся. Надеваю корсет, утягивающие брюки с завязками и короткие перчатки, открывающие пальцы; наскоро натягиваю ботинки. Я смотрюсь в зеркало, уже давно обшарпанное у краёв. Цвет одежды подчёркивает ключицы и шею, выражая невиданную мне раньше остроту. Короткие белые волосы растрёпаны, завиваются в разные стороны и походят на веник.

Штора резко взлетает и в гардероб входит Грэм.

— Ты долго.

— Я могла переодеться, — возмущаюсь я тихим голосом.

— Прошло двадцать минут, — устало говорит учитель. — Десять. Я установил такое время.

Ненавижу, когда мне приказывают.

Я вздыхаю и прохожу мимо Грэма. Он вскоре движется за мной.

Мы стоим в центре арены, как противники, собирающиеся сразиться насмерть. Без зрителей зал навеивает не только одиночество, но и чувство смертельного поражения.

— Лови, — Грэм бросает мне деревянный меч, я тянусь за ним и ловлю одной рукой.

— В следующий раз сделай шаг вправо. Не тянись. Это сократит время в бою.

— Ну-ну... — шепчу я.

— Стань в стойку, держи рукоять крепко и уверенно. Угол сорокапятиградусный.

— Думаешь, я знаю, как управляться с этой... игрушкой? — хмыкаю я. — Я здесь даже не по своей воле. Я не умею ничего из того, что ты говоришь!

В тёмно-коричневых глазах Грэма сквозит гнев. Он вытаскивает меч из ножен и, стиснув зубы, направляет его на меня.

— Не по своей воле? — тон его становится ниже. Голос кружится по залу, словно тень, изгнанная из ада. — Я не буду снисходителен, если это снова прозвучит из твоих уст, — он подходит ко мне и едва склоняется над ухом. Но я знаю: он намеренно это делает, чтобы я услышала. — Учитель Коши.

Я прикусываю щёку и стараюсь не двигаться с места. Холодный меч соприкасается с кожей на моей шее и по её поверхности стремительно стелется покрывало мурашек.

— Хорошо, — отчеканиваю я. — Учитель Грэм Коши, — я сглатываю и тяну улыбку, отступаю на шаг. По крайней мере, он не может убить меня.

Словно прочитав мои мысли, Грэм заявляет:

— Я могу ранить тебя, — звучит мягко, с заботой.

— Да... Я понимаю, — мне хочется добавить «у всех бывают ошибки», но я прикусываю язык. Такому человеку, как он негоже ошибаться. Ранит — специально.

— Ты ещё человек, в крови которого текут непроявленные силы, — он резко расслабляется, словно только что не произошло никакой стычки. — Это свобода, а не плен. После Испытаний ты это поймёшь. Жить на земле — неблагодарно, сфера исцеляет и дарит новую жизнь.

— Это то, что вы чувствуете? — интересуюсь я.

— Отчасти. Для меня это работа, долг, который я выполню вне зависимости от обстоятельств.

Грэм два раза прокручивает меч в руках и становится в стойку. Левую ногу он выкидывает вперёд, правую заводит назад. Его корпус наклонён, колени полусогнуты, меч занесён за правое плечо. Он стоит так некоторое время, а потом возвращается в исходное положение и кладёт лезвие на плечо.

— Повтори, что я сделал.

Секунд десять я раздумываю, основываясь на моей рабочей руке. Я сжимаю деревянную рукоять настолько крепко, насколько это возможно. Забрасываю меч за спину, ноги ставлю в положение, а затем разрезаю воздух остриём. В зале раздаётся шумный звук, отражённый эхом.

Грэм удивляется, но старается этого не показывать.

— Ты быстро усвоила. Тренировки обещают быть простыми. А теперь...

Грэм замахивается на меня мечом, и я инстинктивно отбиваю удар, опираясь на заднюю ногу. Наши взгляды встречаются в схватке. Его спокойный и мой разъярённый от неожиданности. Он точно разъярённый.

— Всему можно научиться, если захотеть, — говорит учитель. Сейчас я осознала, какую глупость сморозила ранее. Мне категорически не хотелось соглашаться с Грэмом, поэтому я

оставила его без ответа.

Громадные двери тренировочной комнаты распахиваются с громким гулом, и внутрь врывается порядка десяти человек.

Их не особо отличает одежда — красные, чёрные, серые цвета. В каждом есть заметное сходство — ужас на лице, намешанный с горечью.

Мужчина с лысой макушкой несёт бледнолицую девушку, на её застывших губах остались следы крови. Он кладёт её на пол. Грэм, завидев её, бросается к телу. Он закичивается на её белых веках и стискивает челюсти с невероятной злобой.

— Грядёт что-то ужасное, — говорит лысый мужчина. — Грядут изменения и ещё множество смертей. Фауги крепнут с каждым днём, Грэм. Мы должны быть готовы к худшему.

Прежде чем мы ушли, Грэм успокоил лысого парня и пообещал ему, что всё исправит.

— Кем она была? — спрашиваю я учителя. Он сидит на своей кровати, постукивая по коленке указательным пальцем.

— Любимая девушка моего знакомого.

— Мне не стоило...

— Прекрати, — приказывающим тоном говорит Коши. — В последнюю очередь нам нужно твоё сострадание. Отдохни. Куда идти — знаешь.

— Вам нужны покровители, а мне нужны тренировки, чтобы суметь помочь. Вы говорите, что моё сожаление никому не сдалось. Хорошо, я не буду его проявлять. Смерть одних из вас — не повод останавливаться. Ни я, ни вы не должны этого делать. Вы лишь теряете время.

Грэм смотрит на меня новым взглядом... Гордым? Уважительным? Может быть. Но учитель бесчувственный как вещь.

— Закончим занятие здесь. В тренировочной проходит подготовка к захоронению.

Лысый сообщил нам, что помимо девушки погибло ещё двенадцать покровителей. Этого достаточно, чтобы начать беспокоиться.

Я киваю, и достаю из-за пазухи фальшивый меч. В руках с этой подделкой я чувствую себя глупо, но мысль «все начинают с малого» успокаивает меня.

«Когда-нибудь я смогу рассечь что-либо настоящим, острым и опасным оружием», — когда я поймала себя на этих размышлениях, поняла, что уже смирилась с предназначением, представила силу и власть. А потом вдруг появился испуг — как я так быстро отказалась от Айка? «Это правильно», — сказали бы покровители. Я не забуду лучшего друга, моего спасителя и советчика, самого родного человека, но приму то, что имею.

— Когда ты держишь меч в руках, вы дополняете друг друга. Одно целое. — Учитель проводит пальцем по долу своего вечного спутника. — Не ты владеешь мечом, а вы друг другом. Когда меч с камнем сольётся с тобой, у вас будет единая жизнь. Погибнешь ты — и он уйдёт. — Он стучает остриём по обуви, целиком сосредотачивая моё внимание. — Первый занятый нюанс: только ты сможешь поднять своё оружие, и только твоё оружие способно убить тебя. Одним словом, второй нюанс — самоубийство, но по законам сфер — только когда твоё покровительство придёт к концу.

— Урок первый. «Что такое меч?».

— Это важная часть, я не её могу пропустить. Я должен обучить тебя как можно скорее, но и лекцию тоже нужно рассказывать. Они думают, что это так просто, но ошибаются. Я

выпускаю не пушечное мясо, а способных покровителей.

— «Они» это кто?

— Владыки сфер. Все трое отдали приказ начать обучение в сжатом виде.

— А третья сфера...

— Отложим эту тему на потом, — перебивает покровитель, — а сейчас защищайся.

Он с лёгкостью, закидывает меч за плечо и направляет его на меня. Я отбиваю атаку, используя всю силу. Наши мечи должны были скреститься, но этого не произошло. Мой деревянный рассёкся, а меч Грэма находился в дюйме от моей шеи.

Он хмурит брови и осторожно убирает остриё.

— Как это... — шёпотом про себя говорит учитель.

— Это было неожиданно! — с бушующим адреналином выпаливаю я. Чуть не лишилась головы.

Грэм снова надевает маску устойчивой личности.

— Тебе нужен отдых. Продолжим завтра утром. Не смей перечить.

Я и не собиралась.

Я двигаюсь в сторону выхода, как тут неожиданно дверь распахивается, ударяясь об стену. Я отскакиваю назад и чуть не вскрикиваю. Дверь пролетела прямо у меня перед носом.

— Снова ты, мальчишка! Мои нравоучения ничему тебя не учат, — кряхтит мужчина, тыкая пальцем в Грэма. Длинная тёмная борода мужика вьётся до самой груди, на бритой макушке отражается свечной огонь. Он неухоженный, но его выделяет золочёный пояс, облегающий пузо чёрной закрытой тоги.

На крик бородатого мажора покровитель не кидается негативом, а только приветствует.

— Я уничтожу тебя, когда придёт время, Коши! — рычит мужчина. Спокойствие противника выводит — это мне давно известно. — Мы потеряли покровителей по твоей вине. Ты знаешь, какая сейчас ситуация. Ты должен был быть там, защищать и сражаться. Ты никто, уродец.

— Если я такой никчёмный, зачем мне там быть?

Глаза Грэма бесстрастные, но где-то внутри он точно в гневе и готов порвать глотку хамскому обвинителю.

— Не заговаривай мне зубы чушью, тварь, — толстяк резко подскакивает ко мне. — А эт кто? Твоя ученица? — Он в смехе обнажает жёлтые зубы и на красных дёснах пенится слюна. Я отхожу от него, чтобы он не забрызгал меня своими ротовыми выделениями. Маразм уже сто раз постукал его по голове за все эти пять минут. Боюсь представить, что было в его жизни.

— Да, — коротко выбрасывает учитель.

— Удачно поразвлечься. Ха! Посмотрим, что из вас выйдет.

Бородатый осматривает меня и с отвращением дёргает губой.

— Мерзость, — встречаю я. Слова полились из меня словно рекой. Сволочь не заслуживает хорошего к себе отношения. Почему Грэм терпит это? — Ума у тебя, как у старого иссыхающего алкоголика. Кто дал тебе право потешаться над невинными? Это унижительно.

Я улыбаюсь и смотрю на Грэма. Он хмурится, и сжимает рукоять меча с неприятным скрипом.

— Ах ты ж стерва! Ты должна мне ноги зацеловывать. Да твоя белая башка полетит

быстрее, чем котелок Коши, — мужик закашливается: слишком много кричит, голосок не бережёт.

Он подлетает ко мне и толкает в плечо. Я падаю на колени, сжимаю губы от боли, заставляющей меня издать жалобное «Мгм». Толстяк пинает меня в бедро ногой, а затем хватает за горло, крепко сжимая пальцы. Я выкашливаю ему в лицо и бью по рукам.

— Отпустите её, — просит Грэм, стараясь держаться на расстоянии.

Мужчина улыбается и поворачивается к нему, смотря через плечо. Он бросает меня, как тряпичную куклу. Я стучаюсь теменем об ониксовый пол. Места ударов пульсируют, я всё ещё хриплю, а на шее чувствуются его круглые пальцы.

— Девка уже стала тебе дорога? И дня не прошло с твоего «преподавания». Наступит день, и я прикончу вас обоих.

Я поднимаюсь на локти и наблюдаю уход подонка. Даже не радость, а облегчение накатывает на меня.

Покровитель садится рядом, осторожно осматривая шею. Затем его взгляд опускается на моё бедро. Естественно, этот синяк он исследовать не будет. Учитель старается держаться на расстоянии, но лицо мужчины так близко, что я слышу его дыхание, и, кажется, сердцебиение.

— Насколько всё плохо? — спрашивает он.

Я хочу сказать, что проблема мирового масштаба, что сейчас развалюсь на песчинки и заплачу. Молчу. Слова не идут. После выдоха способность говорить появляется, но Грэм уже начинает изрекать:

— Синяки останутся. Нам следовало помолчать. Ты познакомилась с Владыкой сферы Чёрного Оникса.

— Я подозревала — пояс же всё-таки богатырский. — Как только я сохраняю оптимизм?

Грэм подаёт мне руку, и я тут же принимаю этот жест. Он достаёт из ониксовой шкатулки стеклянную баночку с тёмно-серой мазью и протягивает мне. Я нажимаю на бедро и получаю повторный удар. Всего лишь проверила, насколько мне больно.

— Ссадины сойдут через два дня.

— Спасибо... — тихо благодарю я.

— Он запомнит тебя. Будет нелегко. Я-то привыкший.

— За что он так ненавидит вас? — я откладываю банку и сажусь на кресло, приводя себя в чувство. — Что вы ему сделали?

— Он глуп, стар, много пьёт. Помешан. Ему пора передать кому-то управление сферой, — Грэм уходит от разговора, явно не желая вспоминать прошлое с Владыкой.

— Он убьёт меня?

Грэм отрицательно качает головой.

— Ты ступила на лезвие его ножа. Помочь могу только я. Владыка боится меня, — он останавливается, — и моей власти.

Он мог злорадно улыбнуться, но остался непроницаемым. Такой выдержке позавидует каждый.

— И что такого... грандиозного у вас есть?

Грэм обводит меня многозначительным взглядом и говорит:

— Есть. Поинтересуйся чем-то другим.

Никто бы не выложил свои карты незнакомцу — мне даже надеяться на ответ не

позволено.

— Почему сферы разделяются?

Грэм поворачивается лицом к шкафу, касается рукой статуэтки меча. Указательный палец покровителя обвивает кольцо из оникса, а запястье — браслет из аметистовых бусин.

— В сфере Чёрного Оникса преобладает безжалостность, кровожадность, мы ставим чёткие цели, уверены в себе. При этом покровитель может быть страстным, как в сфере Голубой Бирюзы. Аметистовая сфера славится правильностью, острым умом, сердечностью. Мир почитает их. В покровителе могут быть свойства трёх сфер, но преобладать только одно.

— Меня должен выбрать камень, — мне становится не по себе: до чего же безрассудно это звучит.

— Можешь ли ты предположить, к какой сфере относишься? — учитель садится на кровать, перед этим схватив тонкую тетрадь с полки.

Я не задумываюсь об этом — сферы не до конца мне понятны, и выводы делать сложнее.

— Я понимаю, — со вздохом говорит Грэм, — порой люди сами не знают, кем являются. Камень залезет в твою душу и найдёт самое потаённое.

— Звучит пугающе и... откровенно.

— Ничего серьёзного, — Коши начинает шерстить страницы. — Здесь ты уже нажила себе проблем: не прошло и дня.

— Это было справедливо, учитывая, как Владыка вас оскорблял и предвзято ко мне относился. Никто не заслуживает такого отношения.

Грэм фыркает, словно я изрекла редчайшую в мире глупость.

— Здесь всё не так работает. Земная политика чем-то сходится с нашей. Что мы, мелочные, можем сделать против тех, в чьих руках власть? Против тех, кто имеет сильнейших подданных и уважение? Владыка носит на голове корону, в то время как его правая рука умело управляет им, разделяя позолоченный головной убор.

— Покровители не отличаются внутренним миром от людей. Такие же алчные и бесчеловечные.

— Чувства — это единственное, что связывает нас с земными. Мы другие, Милдред, запомни. — Грэм откладывает тетрадь, поворачивается ко мне, сверкая чёрными глазами, виднеющимися из-за выбившихся вороньих волос. — Ты другая, поэтому тебе было приказано забыть прошлую жизнь. Или притвориться, что забыла.

— Мне до конца дней заниматься притворством? — раздражаюсь я. — Это неправильно. Я каждую минуту думаю о доме... О своём друге.

— Это станет твоей мотивацией, — говорит он так, будто мне нужно плясать от радости. — Если повезёт — ею будет кто-то, с кем ты сблизись. В мире сфер уйма заговоров, интриг — они могут использовать близких против тебя, запугивать, шантажировать.

— Такое везде существует.

— Ты ещё мало, что понимаешь.

— По вашим словам лучше ни с кем не общаться? Откуда такие выводы?

У него могу быть причины, и я не могу судить его. Но мне такой совет не подходит. Я лучше пройду через ад, чем буду кого-то избегать.

— Первое занятие закончено. Только одно, — покровитель достаёт из кармана

ожерелье с чёрным ониксом в виде капли. Кровь, слеза, а может быть просто вода? Чёрные слёзы?

Чёрная кровь, олицетворяющая покровителей сферы Чёрного Оникса.

— Возьми его.

Я выполняю непонятную просьбу Грэма и сжимаю двумя ладонями тёплый камень.

Меня перехватывает что-то неизвестное, силой вытаскивает из реальности. Я проникаю вглубь камня, в его историю и его владельца. Вдыхаю горячий воздух, он жжет лёгкие, а затем отдаёт импульс по всему телу до самих кончиков пальцев.

В голове всплывает чьё-то воспоминание, картина.

В снегу стоит темноволосая женщина, она держит меч. Мутное облако стремительно летит к ней и резко проходит сквозь её тело. Женщина отлетает на несколько метров, изо рта ливнем хлыщет кровь. Лицо её тотчас же бледнеет. Она выкрикивает последнее слово, и я с трудом разбираю его среди шума падающего снега, скрипа чьих-то сапогов и отдалённых голосов.

— Грэ-э-эм!

Когда я открываю глаза, осознаю, что уснула в комнате своего учителя. Если быть точнее — отключилась. Ониксовая слеза, зима, женщина со смольными волосами и в символической одежде сферы. Кровь, фауг, смерть. Белое облако, как в моих снах.

В комнате пусто: здесь только я, пугающая тишина и чёрные стены.

Я поднимаюсь из глубокого кресла, и спина издаёт громкий хруст, оповещающая о том, чтобы я больше не спала в неудобной позе.

Тотчас же входит Грэм. Его волосы заплетены в небрежный пучок, растрёпанный изнурительной тренировкой. С лица катится пот, чёрная безрукавка прилипает к спине. Сейчас его руки кажутся массивнее, облачённые в нарукавники, вены пробиваются через плотную загорелую кожу.

— Я иду в душ, — говорит он и делает продолжительную паузу, роясь в шкафу со своими вещами. Он достаёт два коричневых полотенца. Одно протягивает мне, а другое закидывает себе на плечо. — Ты идёшь со мной.

— Что это ещё значит? — пренебрежительно восклицаю я.

— Я думал, ты знаешь, что такое душ. Мне предстоит провести тебе экскурсию по этому месту? — со всей серьёзностью произносит Грэм. — Сейчас утро, — продолжает учитель, игнорируя сказанные ранее слова. — Ты проспала двенадцать часов.

— Достаточно много. Мне вряд ли удастся уснуть ночью, — я протяжно выдыхаю. — Какая тренировка будет сегодня?

— Немного потренируемся с мечом и по боевым искусствам, а дальше ты продолжишь своё занятие в библиотеке.

— Одна?

— Да, — Коши возмущённо сопит носом, — одна.

Мы минуем коридоры, которые освещены яркими свечами и факелами, те будто никогда не догорают до конца. Моя обувь стучит по стеклянному на звук полу. Оникс под ногами не рушится, замок устойчивый, что вообще невозможно по его свойствам: он хрупкий и не переносит жар. Видимо, обиталище такое же, как и его жители.

Я подмечаю узоры на стенах: его полукруглые изгибы сделаны из топаза. С канделябров свисают цепочки, на них в меру насажен опал, он вызывающе отблескивает; ручки некоторых дверей изготовлены из алмаза. И всё это так, чтобы не разбавлять цвета сферы Чёрного Оникса. На мгновение я даже задумалась, что алмаз — дешёвая подделка, но потом вспомнила, что я вообще не на Земле.

Я осматриваю прямоугольный потолок, на котором переливаются глянцевитые красные ромбы. Меня пугают размеры замка, приводят в ужас своей неизвестностью. Но почему? Дома, на Земле, столько стран, городов, уголков не были изведаны мною, и я чувствовала себя в полном комфорте. «Это совсем другое», — чуть было не озвучила я.

За всё это время я увидела катастрофически мало покровителей. Они сражаются. Но что бы было с замком, если бы каждый из них взял непозволительный отгул? Отсутствие пространства? Наверняка, власть решает этот вопрос или решает их магия.

Будто обшарив мои мысли, появляются покровители. Мужчина, который вчера принёс мёртвую девушку на руках, разодет в железные доспехи. Позади него стоит ещё один. Он выглядит распухшим: алая рубашка держится на одной пуговице, со рта разит перегаром, и

он едва сосредотачивает взгляд на Грэме. Я дёргаю носом и отворачиваюсь: «аромат» недавно выпитого алкоголя отвесил мне знатную оплеуху.

— Приветствую, — здоровается Грэм. Мужчина отвечает ему тем же самым. — Зейн, зайдёшь потом позже ко мне, — он обращается к пьяному.

— Без проблем, дружище, — отвечает тот весьма веселящим голосом, пропустив мигающий гнев в глазах Коши.

Они не тратили время на формальности, и мы с Грэмом поднялись на этаж выше, а затем завернули в коридор, полностью поглощённый мраком. Здесь несколько дверей и каждая из них приоткрыта. Звуки стекающей по трубам воды смешались в один и стали похожи на шум волн, толкаемых ветром.

Я стараюсь сокращать расстояние между мной и Грэмом, чтобы не затеряться в непроглядном лабиринте. Когда он открывает железную дверь, та противно скрипит.

— Душ общий как для мужчин, так и для женщин. Когда закончишь, жди меня, ясно?

Приятные новости в приятный день после приятного сна!

— Да, — я натягиваю фальшивую улыбку и продвигаюсь в самый конец. Открываю тяжёлую ониксовую дверь в кабинку душа. Кто-то незадолго принимал здесь душ — пахнет мускусом и сандаловым деревом.

Я смываю с себя весь пот, всю грязь и пыль. Начинается другая жизнь. Мне хочется убежать от неё каждый раз, когда я задумываюсь о доме. Разбавление рутины всегда удручало меня, а сейчас я это ненавижу. Новая жизнь пугает меня и одновременно чем-то манит. Влечение к силам, власти заставляет стыдиться себя. Я дёргаю головой, чтобы избавиться от этих мыслей, но от сопротивления они только нарастают.

Когда я заканчиваю, Коши уже ждёт меня переодетый в верхнюю тунику, подпоясанную ремнём. Брюки те же, что и вчера, широковатые и воздушные. Сегодня на нём невысокие кожаные ботинки на замысловатых застёжках.

Я тем временем не заморачивалась с одеждой и надела то же, что и вчера.

— Впредь найди свою рабочую одежду, — скользя по мне взглядом, уверенно говорит он. — И подбирай с умом. Твой «наряд» может привести тебя к смерти.

— Я поняла, — до сих пор мне претит признавать, что какой-то высокомерный парнишка указывает мне.

— Мы идём во внутренний двор. За пределы замка, — сообщает Грэм.

Проходит целая вечность, прежде чем мы оказываемся возле ворот. Они автоматически отворяются. Я чувствую головокружение, когда прохожу над пугающей аркой.

Запах гари и дыма застоялся в горле, приелся к лёгким. Ещё чуть-чуть и меня вывернет на глазах у учителя.

— Этого не будет, когда ты станешь покровителем, — замечая моё скривившееся лицо, оповещает Коши и кидает мне металлический меч.

Я отступаю на шаг и ловко ловлю его. Это можно считать прогрессом с нашей прошлой тренировки.

«В следующий раз сделай шаг вправо. Не тянись. Это сократит время в бою».

Меч летел быстро, поэтому я отступила. Это не так значимо, я уверена. Есть вещи куда важнее — научиться им пользоваться.

— Он не заточен и не опасен.

— Это хорошо. Иначе я бы точно совершила ошибку.

— Я так не думаю, — перебивает меня учитель Коши и тут же сосредотачивает на мне

темноту своих глаз, осознавая, что сказал. Это была похвала или я с ума схожу?

— Держи дистанцию, иначе не попадёшь в цель. — Грэм старается объяснять жестами, наглядно показывать, будто разжевывает мне таблицу умножения. — Учитывай длину рук и длину оружия. Ты должна научиться на глаз определять, на каком расстоянии нанести удар. Вытяни атакующую руку вперёд, на меня, — я выполняю его указание и направляю на него остриё, сдвинув противоположное плечо в сторону, как это делал Грэм на прошлой тренировке, — вот так. Теперь запомни это расстояние. Поначалу ты будешь ошибаться от непривычки, но со временем ты будешь знать, когда бить.

— Это мелочнее, чем я думала.

— Думала, легко будет? — тон его серьёзный, даже грубый.

— Нет, — так же отвечаю я.

Учитель, как обычно, игнорирует мои слова и продолжает рассказывать лекцию.

— Всегда следи, чтобы ноги были расставлены на ширине плеч, не скрещивались, больше движений ногами. Туловище наклони вперёд и выпрямься. Локти ближе к телу, согни их и направь остриё мне в сердце. Думай не о том, что тебя ранят, а в первую очередь, что ранить будешь ты. Ударишь — выдыхай. Техника всегда побеждает силу. А теперь попробуй напасть на меня.

Я держу меч крепко, двумя руками сжимая рукоять. Мы с Грэмом, как соперники по фехтованию, движемся по кругу, перебирая ногами почти синхронно. Я слежу за каждым его движением, за каждым мускулом, чтобы в точности скопировать его действия. Я нелепо тыкаю в него мечом, он умело хватает наконечник ладонью и отталкивает его вместе со мной. Моё поражение.

— Ты раскрыла свои действия, когда посмотрела, куда хочешь нанести удар.

— Вы же не сломаете и этот меч? С чем я тренироваться буду, учитель Коши?

— Я всегда рассчитываю силы, ученица Милдред Хейз, — передразнивает он. Когда он делает это, всегда остаётся непоколебимым. Если Грэм следит за своей силой, тогда меч сломала я? Глупости и ещё раз глупости.

Я делаю выпад и замахиваюсь мечом с плеча, заставляя своего же учителя врасплох. Он отражает атаку в паре сантиметров от своей шеи, предварительно одной рукой удерживая лезвие. Грэм не злится, чего я ожидала, а сдержанно принимает поражение.

— Ты занималась этим раньше? — нахмурившись, спрашивает он.

— Нет. Но это было приятно: напасть, когда вы этого не ожидаете.

— Ты быстро схватываешь материал. В скором времени нам предстоит распрощаться.

— Вдруг не навсегда, — предполагаю я.

— Может быть, — подтверждает Грэм. — Кистевой, локтевой и плечевой. Это важно.

Откуда ты знаешь плечевой?

— Однажды вы атаковали меня таким способом, а выпады известны каждому, но воспользоваться им, взглянув несколько раз, смогут не все. Надеюсь, не разочаровала.

Покровитель коротко кивает.

— Продолжим с боевых искусств.

— Неплохо бы мне вспомнить, что такое драться, — говорю я и улыбаюсь в надежде, что улыбка вышла злорадной.

— Значит, тебе известна база.

Я занималась год рукопашным боем на бесплатном кружке в школе. Я знаю только базовые приёмы, выходила на бои с девочками. Если мы поражали каждого противника —

переходили на второй уровень и могли сражаться с парнями. Мне не удалось подняться на ступеньку выше, я сильно расстраивалась, даже несколько раз плакала. Я денно и ночью тренировалась с Айком, хоть он не был умелым бойцом, чтобы надрать задницы вышибалам с большой грудью и длинными шевелюрами. В итоге я выгорела и забросила.

— И чему тебя научили? — учитель скрещивает руки и уступает мне территорию. Я воображаю перед собой грушу, становлюсь в стойку, которую на удивление помню.

— Прямой, — бодро говорит Коши. Я прокручиваю в голове уроки тренера и бью в воздух.

— Соидёт. А теперь от бедра.

Последний бой с лысой девчонкой, тоннелями в ушах и проколами на лице, где только можно. Благодаря этому приёму я победила её.

Воздух пронзает замах моего кулака и хруст собственных не разогретых костей.

— В следующий раз не трать время на раздумья.

— Это ведь тренировка, — протестую я.

— Здесь тренировки отличаются. Ты должна учиться так, будто уже сокрушаешь. В таких случаях не должно быть ошибок. Ни единой, — подчёркивает покровитель.

— Как это серьёзно, — со скрыто иронией молвлю я. Было услышано — осталось проигнорированным. Меня это даже радует.

Тренировка набирает новый накал: больше движений, усиленное сердцебиение и сбитое дыхание. Я сильно вспотела, хотя на Грэме нет и капли. Он выглядит так, словно сделал лёгкую утреннюю разминку.

— Что ты видела, когда коснулась камня? — невзначай спрашивает он, наступая на меня.

— С чего вы взяли, что я что-то видела?

Его брови поднимаются: то ли от удивления, то ли от насмешки. Ни один мускул на его лице больше не вздрагивает.

— Мышь убеждает человека, что она не ела сыр, тогда как она оказалась в мышеловке?

Язык не поворачивается говорить. Я видела что-то личное, влезла в чужую жизнь, увидела непозволительное. Под пристальным взглядом Коши слова полились из меня лавовой рекой.

— Я видела женщину с чёрными волосами. — Опускаю меч и отвлекаюсь на свежее воспоминание. — Она погибла. Облако прошло сквозь нее, и женщина упала, выплёвывая кровь.

— Что-то ещё видела? — тихо и взволновано спрашивает он.

— Слышала, — я останавливаюсь. — Она кричала ваше имя, когда умирала. Вы знали её?

— Это не важно. Забудь, что видела.

— Насколько я понимаю, от меня что-то скрывают, — я пытаюсь говорить мягко, чтобы Коши не расцарапал меня любимым оружием. — Я не глупая. Мне нужно знать что, по крайней мере, происходит вокруг меня. И касается лично меня.

— Это опаснее, чем ты думаешь. В библиотеке содержится информация, которую тебя нужно знать *прежде всего*. Не забивай голову сомнительными вещами.

— О, правда?! — громко восклицаю я. — Все ли покровители видят чьи-то воспоминания? Да я до сих пор человек. Месяц! Целый месяц ко мне во сне приходили фауги, игрались с моей психикой. «Если бежать, то только вперёд». Я ненавижу этот

грязные слова. Ненавижу!

Я выплёвывала дерзкие речи, вышвыривала ужас, копившийся двадцать девять проклятых дней. Теперь Грэм Коши разделит мою ношу — лёгкость объяла меня.

— Они не грязные. Они священные, — говорит учитель. Он проворачивает меч в руках, нарочно задевая моё плечо. Через белую полосу просачиваются капельки крови.

Я отпрыгиваю назад. Хочется вопить во всё горло, но я лишь шёпотом спрашиваю:

— Зачем вы это сделали?

Грэм отворачивается, как от пощёчины.

— Иди в свою комнату. Используй мазь. Позже приду, покажу библиотеку.

Я достаиваю Коши разгневанным взглядом. В голове полная мешанина, кровь кипит, кожа горит. Я останавливаюсь, когда на меня снисходит идея — проследить за Грэмом. Вряд ли я узнаю что-то сейчас, но попытаться стоит.

Я прячусь за каменной стеной возле громадных ворот и наблюдаю за своим учителем. Он непоколебим, но потом его ноздри раздуваются, он сжимает челюсти и с лязгом засовывает меч в ножны.

Вдалеке идёт человек в серебряных доспехах, быстро и устремлённо — к Грэму. По его выражению лица видно, что он ждал его.

— Не стоило видеться здесь. Грэм Коши и покровитель Аметистовой сферы в сговоре? Что подумают люди? — Учитель даже не оглядывается.

— Приветствую. Впредь будем видеться в городе, — звучит голос мужчины. — Есть какие-то изменения?

— Обычная девушка, в ней есть потенциал. Думаю, вы ошиблись с Пророчеством.

— Вам нужно больше времени. Вдруг сила скоро проявит себя. Насколько нам известно, это должно произойти, — покровитель выдыхает и оглядывает округу с расслабленным интересом. — Я буду молиться Касьяну: пусть это будет Милдред. Интересно, как сила может проявиться у человека?

Деревянный меч рассекла я, а видения подтверждают догадки. Не нужно молиться. Это и есть я.

— Библиотека огромная, — произношу я, подняв голову вверх. Я глазами пробегаю по высоким стеллажам с книгами, томами и целыми циклами. Тут пахнет бумагой, жжёным свечами, отдалённо — клеем и чернилами. Я протягиваю руку к жёсткому коричневому корешку толстой книги, и она будто делится частичкой себя. От ветхих вещей всегда бешеные ощущения.

— Пропуск свободный, но вернуть, что взяла — обязательно. Невозврат жестоко карается. Следи за книгами в два ока, не оставляй на видном месте. Ответственность понести придётся тебе, если ты порвёшь, изрисуешь, замажешь. Вон там. — Грэм указывает на открытые настежь двери и тёмную комнату, в которой горит от силы пара свеч. — Пропишешься у мадам Бланчфлоер.

— Мадам... Что? У меня на языке кости прорастут, пока я буду выговаривать её имя.

— Запиши себе где-нибудь. Она не любит, когда её имя уродуют.

Мы проходим стеллаж с тонкими тетрадями, серией томов научной физики, молекулярной химии и молекулярной кухни. Здесь запах совсем иной — свежие гляцевые журналы и многолетние рассыпчатые книги без переиздания. Отдалённо доносится запах булок с карамелью.

Пройдя ещё один книжный лабиринт, мы выходим в зал с пышной хрустальной люстрой. По всей площади располагаются столики с удобными мягкими стульями. Под ногами стелется красный ковёр, касаясь каждого угла читального зала.

Здесь можно вместить двадцать легковых машин. Слева и справа вертикально стоят два стеллажа: не удивлюсь, если за ними потайные комнаты. Центр, когда-то оставшийся пустующим, завешан рисунками и картинами. Иллюстрации описывают прошлое мира сфер: мечи, кровь, сражения, различные дивные места нашей планеты и колыхающиеся плащи покровителей, отважно сокрушающие фаугов. Некоторые рисунки врагов-чудовищ передают как живых существ: с лицом и волосами. Это и мужчины, и женщины, их ноги частично размыты, лица беспокойные, как море во время бури. Один рисунок показывает фауга полукровкой: до туловища — человеческие признаки (волосы, женская красивая грудь, эмоции), а после — тело фауга, похожее на раздавленный паучий кокон.

— Фауги могут так выглядеть? — спрашиваю учителя. Он тут же схватывает, о какой картине я говорю.

— Глупости. Они не могут так выглядеть. Фауги всего лишь помутнение, без разума, души и тела.

— Это странно. Почему покровители это рисуют?

— Иногда хочется обвинить этих созданий во многих смертях, — взгляд Коши прикован к картинам. — На самом деле, они были сотворены такими. Если бы планета была живой, внутри неё рождались бы люди, она не смогла бы их винить — они ни при чём. Не родится же им на Марсе?

Безжалостная правда, которую ему сложно признать.

— Логично... Могу я иногда читать здесь? Тут спокойно.

— Обычно это не так. Где читать — твой выбор.

— Но место для чтения здесь хорошее.

— Оно создано для чтения.

Коши указал на единственный том. Он предупредил меня, что в длинных абзацах много воды, описывающие природу, инфраструктуру или внешность людей и их смело можно пропускать. «Книга историческая», — сказал он, когда я возмущилась его указанием исключать особенные части книги. Ещё несколько раз он повторил, что это важная деталь обучения, я обязана знать, ради чего сражаюсь, это основа, после которой идёт набросок, потом зарисовка и уже настоящая картина — истинный сокрушающий покровитель.

В комнате мадам Бланчфлоер тихо, как в норке сытой мыши. Грэм оставил меня и отправился сокрушать фаугов. Если женщина в моём видении погибла, значит, что Коши сейчас сражается не только ради защиты Земли, но и за свою жизнь и жизнь своих друзей. Их слабое место — безобидные на вид фауги.

Уничтожить можно всё, не существует бессмертного создания в мире. Фаугов можно сокрушить, убить, но и истребить тоже. Я к этой мысли отношусь относительно безразлично, но покровителя она бы согрела, как горячий шоколад в зимнюю непогоду, и подарила бы покой до конца сурового периода.

Я достаю книгу, бережно, едва касаюсь пальцами обложки из крокодильей кожи. Со скрежетом отодвигаю мягкий красный стул и усаживаюсь поудобнее. Тяжёлую книгу с грохотом кидаю на стол и по привычке сдуваю с неё толстый слой пыли. Чёрное облачко быстро оседает на ониксовую поверхность, обходя лишь крошечную алую скатерть отделанную белым кружевом. Рядом с изящным плетением лежит корочка от булки.

Карамельная?

Книгу открывали миллионы раз, поэтому долгожданного скрипа переплёта я не слышу. Начальная страница встречает меня фразой: «Если бежать, то только вперёд».

Я отодвигаюсь от книги, поджав ладони под бёдра. Появляется ощущение, словно именно это книга всё время следила за мной, проникла в мои сны, где на обрыве я повторяла эту фразу. «Вполне вероятно», — с ужасом признаю я. Оглядываю пустой зал. Сотни глаз, привидения. Я зарываюсь руками в волосы, стараясь выбить из головы неожиданный страх. Перед глазами появляются отрывистые жёлто-зелёные силуэты проклятого сна.

Я буквально валюсь со стула, нащупываю рукой скатерть, с трудом поднимаюсь. Лёгкие заставляют вдыхать книжный запах, чтобы привести меня в чувство, но я просто хочу отключиться, чтобы это прекратилось.

В стороне кабинета мадам Бланчфлоер шумно хлопает пробка от шампанского или вина. Я вздрагиваю. В это мгновение сон исчезает. Сбитое дыхание приобретает ритм, только сердце бешено скачет в груди: страх быть хрупкой перед кем-то затмил панику.

Вопреки всему я сажусь обратно и дрожащими руками перелистываю страницу.

«В твоих руках последнее переиздание этой книги. Её касались миллионы людей, а может быть, меньше. А может быть, ты первый, будущий покровитель! Но не исключено, что после тебя эту запись выбросят и напишут новую. Ты перевернёшь следующую страницу — пути назад нет, ты сделаешь это, узнаешь историю моих родных мест: как были созданы сферы, появились фауны, покровители, хранители... Удачи в прочтении».

Издатель, писатель, историк, отставной покровитель Киприано

Слова написаны красивым аккуратным почерком: каждая буква украшена замысловатым узором, наклон идеален — это приятно утешает. Вызов или предупреждение? Так или иначе, я его принимаю и смело переворачиваю страницу, которая начинается со слов:

«Мир приветствует конец пятнадцатого и начало шестнадцатого веков. Прославленную Италию поглотил кризис, торговля шла на спад, рынки снабдили фальшивью и мусором. В то время многие пытались выделиться, заработать на бесценной гнили побольше лир. В такую беспокойную эпоху живёт половник Алойз и его друг, торговец Касьян, ставивший того на верный путь каждый раз, когда он двигался по кривой дорожке. Алойз всегда принимал помощь лучшего друга, переступал через себя и терпел наставления Касьяна. Касьяну казалось это правильным, он думал, что сможет изменить своего товарища. Этот период в истории отразился фактически на каждом крестьянине Италии, заграбастав в свои лапы сродни заразе она уничтожала в них всё хорошее».

Строки закручиваются в водоворот, буквы соединяются в сплошное чернильное пятно. Я хватаюсь за край стола как можно крепче, чтобы не дать себе рухнуть лицом в книгу и не уснуть посреди чтения. Вместо того чтобы отправиться в тёмное забытие, почувствовать давящее головокружение, меня озаряет странная лёгкость.

Я вижу огромную площадь. Почти такая же, как возле моей школы: каждую зиму мы с Айком приходили завешивать гигантскую городскую ёлку вещами, с которыми хотим

распростаться. В прошлом году я, наконец, отпустила Мэлвина и нацепила на острую искусственную иголку его подарок — фарфоровую фигурку изящной влюблённой пары.

Только здесь нет ёлки, снега, здесь нет Айка. На припекающем горизонте виднеются высокие дворцы. Напротив — крытая галерея с толстыми колоннами, всё это выдержано в идентичных тонах — светло-жёлтых, песочных и оранжево-серых. Только на единственном самом высоком сооружении возвышается каменный шпиль, похожий на клюв чёрной цапли.

На площади механично работает фонтан, вокруг него путаются люди, разглядывая с восторгом. В наше время возле журчащих струек люди сделали бы серию одинаковых глупых фотографий и в социальных сетях похвастались бы, в каком крутом месте они побывали. Здесь всё по-иному: инструктор рассказывает, какие старания были приложены для создания предмета восхищения любого итальянца, показывает зарисовку схемы.

Женщины восхищённо ахают, обряженные в оранжевые, тёмно-синие атласные платья до пят; треугольный вырез выделяет пышность и упругость груди, которую при поклоне они прикрывают ладонью. У большинства богатых красавиц зону декольте украшает лёгкое ожерелье. Мимо, без особо интереса, мчатся простушки в скромной одежде: голова укрыта платком, туника на два размера больше — зачастую серая или бледно-желтоватая, что говорит об изношенности материала и её низкой стоимости.

Мужчины у фонтана одеты в длинные колеты, под низом — рубашки длиной до середины бедра, украшенные манжетами на воротниках, ноги облачают штаны-чулки. Однотипно, но с разным оформлением, каймой и расцветкой. Настоящие аристократы... жадно глазающие на выпирающие груди алчных аристократок. Всех этих людей отличает одно — честность. Простаки идут стороной, без какой-либо надобности доказывать, что ты умный, а вот богатенькие так лицемерно слушают инструктора, будто каждый из них планирует возвести фонтан во дворике своего роскошного поместья голыми руками, а затем пройтись по этой же площади и трезвонить об этом во всяком бомжеватом уголке.

Внезапно меня покалывает осознание. Что я здесь делаю? Я вижу эту картину наяву, я нахожусь в этой «картине». Речь итальянцев резкая и чёткая. Некоторые слова хорошо слышны мне: «изодранный бедняк», «несчастные», «мои шелка дороговаты будут», «твои щёки краше яблок», «сложная конструкция и чистенькая водичка». Их стрекотания звучат на неясном для меня языке, вероятно, итальянском, но он понятен мне так же, как и родной. Будто в голову встроили автоматический переводчик.

По периметру, в каждом углу стоят обнажённые скульптуры людей, важные места которых прикрывает простыня. Посреди площади негоциант выкрикивает «Подходи, покупай!», афишируя свои ткани. Из-за их нехватки в стране, люди выстроились в очередь, длиной в египетскую речку.

Меня обуревают ужас после второй волны осмысления. Как я сюда попала?

Я не контролирую моргание, на глаза стелется чёрная пелена, оставляя в пустоте на длительные десять секунд. Обстановка сменяется мрачной. Затхлый запах вольно наживается в тесной комнатухе с неровными бетонными стенами.

— Ты совершил ошибку! Если правительство об этом узнает, жизнью поплатишься не только ты, но и твои ближние, Алойз!

Оба мужчины стоят далеко друг от друга, но жар их гнева чувствуется на языке. Этот гнев вовсе не ненавистный, это заботливый гнев.

Мужчины одеты в поношенную одежду. На плечи Алойза накинут плащ, многократно сшитый из лоскутков на воротнике и подоле. Латает свежие дыры. Его разгневанный

собеседник, как несложно было догадаться, Касьян, — одет в многослойную рубашу и штаны выцветшего молочного цвета.

На столе висится башенка грязных тарелок с торчащими из неё ложками, по центру валяются осколки разбитого стакана. Как только здесь выжили лилии в глиняной вазе? Крохотная кровать растрёпана, постель поедена молью.

— Я стану могучим! — выпаливает Алойз с безумным лицом, тыча пальцем в Касьяна. — Я создал шедевр, который принесёт мне деньги. Я выберусь из хватки хозяина, почувствую свободу, не буду больше его ручной собачонкой! Ты, Касьян, ни от кого не зависишь, у тебя своя лавка и тебе никогда не понять моих мучений. — Алойз бешено цепляется за свои рыжие локоны. — Не понять.

— Мы что-нибудь придумаем, — Касьян водит глазами по комнате, наскоро перебирая решения проблемы. — Ты понимаешь, насколько это опасно? Тебя забьют камнями, выпорют, король прикажет пытаться тебя! А потом казнят, — с лицом, полным сожаления, твердит торговец. Со скрещенными запястьями на животе мужчина убеждал друга остановиться, но тот упрямец осла, стоял на своём.

— Я потерял родителей в раннем возрасте, у меня украли моё наследство, лиры, мою маленькую лабораторию. Ты же знаешь, как я люблю опыты! — жалобно мямлит Алойз. Сломленный сумасшедший. — Я признаюсь... Стать половником было частью плана. Кропотливо работать, копить деньги и... Посмотри, в каких гнидях условиях я живу! Я заработал и наконец-то смог осуществить мечту — лаборатория, приборы, опыты. Признание. Я заслужу признание. — Голос перешёл на шёпот. — Король сможет использовать моих пушистиком в войнах, сумеет приручить их. Я пока ещё тружусь над этим. Тогда наш Властелин найдёт моё богатство и вернёт ворованное, а если не найдёт, выдаст новое.

— Услышь меня, умоляю тебя. Скоро твои твари выберутся и начнут крушить то, что им под силу! Этим существа непосильны клетки. Ты сотворил зло, с которым не сможешь совладать. Решения нет. Фаугам категорически нельзя покидать тюрьмы.

— Откуда тебе знать, как работают мои малыши? Я вырастил их. Проводил разные эксперименты и уверен, что они не настроены на вражду.

— Знаешь, поначалу мне действительно было интересно. Пока я не узрел, как они питаются.

— Подумаешь, — уныло ухмыляется Алойз, — тот парень и так был на смертном одре, а я лишил его мучений.

— Ты выкрал больного юношу из тёплого очага, впихнул к этим голодным уродам и дал им буквально раскромсать тело. Уже год ты их содержишь. Сколькими ты пожертвовал? Тот потерянный парнишка, которого я достал из переулка, накормил, предоставил жильё; которого так любила моя матушка, тот мальчуган, вечно дарующий нам проблемы, стал монстром.

Половник выпускает слезу, оставаясь безжалостным в лице.

— Не говори так, — сквозь зубы шипит он.

— Пора заканчивать, — с едва сдерживаемой болью подытоживает Касьян. — Если не уступишь мне место, не дашь уничтожить фаугов, я освобожу проход должным образом.

Я замечаю деревянную дверь рядом с тумбой, она приоткрыта. Несколько рядов стеклянных контейнеров, вокруг множество каких-то электрических приборов, поддерживающие жизнь уродцев. Это всё, что способен увидеть мой глаз. В лаборатории

достаточно темно.

— Я не уйду. Пусть нам с тобой и предстоит сразиться, я буду защищать своих пушистиков.

Половник печально смотрит на заточенный кинжал.

— Мы оба знаем, кто победит, — сжимая рукоять, отчаянно бубнит Касьян. — Оружие никогда не было в твоих руках, тебя всегда поглощала наука.

— И всегда будет, друг, — лицо Алойза освещается улыбкой, такой, какой награждают в последний раз. Он хватает с тумбочки острую палку и направляет её на Касьяна. — Попытаюсь сопротивляться, чтобы не губить твою честь.

Касьян качает головой, одним взглядом выражая всю любовь, уважение и крупное сожаление. «Видимо, суждено», — твердят его тусклые изумрудные глаза.

— Быстро и без угрызений совести, — шепчет мужчина. Не задумываясь, он выхватывает подручное ружьё и отбрасывает в сторону. Алойз округляет глаза, и тогда его любимый товарищ вонзает острие прямым в злое от судьбы сердце.

— Я говорил тебе остановиться, — объясняется Касьян. Он начинает разрываться от плача, как новорождённый малыш. — Теперь это всё... на моих плечах.

Он медленно достаёт кинжал, и в этот момент густые белые облака заполняют комнату. Они проходят сквозь тело создателя, минуя Касьяна, и выбираются наружу через дверной проём. Это добивает Алойза — он падает камнем, захлебнувшись кровью.

Торговец из-за страха и боли дрожит на бетонном полу с горстками мусора.

Я смыкаю веки, не желая знать, что будет дальше, наблюдать за мучениями торговца и ещё тёплым трупом половника.

Сознание удаляется из прошлого, я просыпаюсь. Моя голова лежит на столе. Впервые я так рада находится в сфере, в замке, в библиотеке, лёжа на пахнущей бумаге.

Я отскакиваю от первого тома со скрипом стула и отхожу на несколько шагов, продолжая глазеть на страницы. С лица катится пот. Я спешно обтираю его рукавом.

— Приветик!

Напротив моего места сидит девушка: её волосы цвета молочного шоколада, глаза хвойные. Не знаю, сколько она здесь долго, но спящей точно меня видела.

— Бурные сны тебе снятся, девчонка, — надменно проговаривает она.

— Кто ты такая? — спрашиваю я осипшим голосом.

— Алисия Бодо. Приятно познакомиться, Милдред Хейз, — девушка протягивает руку, надеясь на приветствие, но я демонстративно отправляю руки за спину.

— Совсем не приятно.

— О-оу, не горячись, — говорит Алисия, скручивая губы в трубочку. — Тебя затронули мои слова? Прости за мою бестактность.

Её «прости» больше похоже на издёвку, чем на извинение. У меня вдруг появляется неистовое желание использовать все приемы, которые повторила сегодня на тренировке. Девушка выглядит сильной и мужественной, несмотря на утончённое острое лицо, кошачий взор, наиболее выраженный из-за десятка тоненьких косичек, ореолом заплетённых вокруг головы. Она является покровителем — я ей не ровня. Заяц против тигра.

— Ты подумала, что меня задело хамство? — невзирая на смелое высказывание, я отступаю на шаг. — Тебе стоит поработать над самооценкой.

Лицо девушки делается угрожающим: улыбка исчезает, взгляд приобретает отточенность. Некоторое мгновение она задерживается на мне, а затем возвращает исходные эмоции, окончательно расслабившись. Запугать хотела. Я по-настоящему струшу, если мне приставят нож к горлу или заберут под носом миску с жареными мидиями, но волноваться оттого, что кто-то не так смотрит — уморительно до разрыва живота.

— Читаешь историю? Спать запрещено в этом месте, — информирует покровитель и тыкает пальцем в книгу. — И почему это ты одна, а не с учителем?

— Я понятия не имею, кто ты, поэтому перед тобой отчитываться не должна. Особенно за других.

— Защищ-а-аешь его, — задумчиво тянет девушка.

Картина становится яснее.

— Ты какая-нибудь влюблённая ревнивая дурочка?

Алисия подскакивает с места, чёрный плащ, надетый поверх полуночно-синего платья, развеивается с ней в такт. Её лицо оказывается в сантиметре от моего.

— Мы любим друг друга, — выпаливает она, оскаливая острые зубы. Клянусь, в прошлой жизни она была кошкой. — Я здесь, чтобы предупредить тебя, — не вздумай плести за моей спиной амуры. Заканчивай обучение и порхай в другие края. Милдред смертная, а значит, за любым углом ей могут вспороть брюхо. Ты же, голоштанка, ещё даже защищаться не научилась.

Алисия хватая со стола свой меч и пулей вылетает из библиотеки. С чего бы ей бояться конкуренции со мной? Я завершаю ученичество и исчезаю из *его* жизни. Красивая и неуверенная в себе.

— Милдред, — зовёт меня Грэм и входит в зал, — как успехи?

— Познавательное, — удаётся выдавить.

Перед глазами возникает предсмертная физиономия Алойза, убитый скорбью Касьян, на языке чувствуется вкус крови, в ушах раздаётся звук разрезающейся плоти. Нет! Нет! Нет! Я не хочу больше это видеть. Хочется удариться головой о ближайшую стену, но стереть к чертям сцену фактического братоубийства.

Алисия. Её дерзкий оскал выводит меня из временного ступора — злость стучится, чтобы сменить страх, и она успешно выламывает дверь.

— Вижу, ты уставшая, — подмечает учитель.

Пусть лучше слабая, чем та, которая несколько минут назад перенеслась в прошлое и погрызлась с его избранницей, грозившейся выпустить мои кишки.

— Да, есть немного.

— Ониксовая мазь лишает аппетита. — Он думает, я такая потерянная из-за голода.

Славно.

— Исцеляющая штука, доставляющая неприятности.

— Око за око. После хорошего следует плохое. — Грэм оживляется. — Идём в трапезную.

Мы отправляемся на верхние этажи, и уже на третьей лестнице мои стопы начинают ныть. И почему он просто не перенесёт меня? Через одышку, набрав воздуха, я спрашиваю, терзающий меня вопрос:

— Слушайте. Если вы такие могучие волшебники, наверное, вы подпитываете себе какими-то эликсирами?

— Есть такое, — молвит покровитель. — Нам не нужно есть, чтобы выжить, для нас это лакомство, немного дополнительной энергии. К этому разряду относится и сон.

— Что ещё интересного?

— Реалии — не сказки, чтобы их интересно было слушать. Относись к этому серьёзно.

— Да какая разница, как я об этом говорю?

Коши сопит носом, а затем продолжает:

— Мы долго живём. Слабое место покровителей — фауги. Нам непокорны человеческие болезни, мороз, пекло. Телесные и сквозные раны заживают через сутки.

Мы, наконец, достигаем назначенного места. Восьмой этаж и ноги стали резиновыми.

Трапезная — огромное помещение, вмещающее в себя больше сотни покровителей. Они завтракают пахнущими вкусами и болтают о чём-то между собой. Действо похоже на сборище фанатиков, верующих в великого сатану. Здесь мрачно, горят люстры с красными лампадами, на высоте подвешены длинные факелы, декоративно обмотанные колючей проволокой. Центр столиков, в свою очередь застеленные чёрной скатертью, занимает кованый или керамический канделябр. Особого сходства в еде я не заметила — у всех разная пища. Каждый берёт себе, что захочет или что в наличии.

— Держись близ, можешь затеряться.

Мне хочется схватить Грэма за рукав, чтобы наверняка не потеряться, но этот жест привлечёт много внимания, да и я не хочу выглядеть перепуганной мышкой. Я стараюсь следить только за спиной Грэма. Его плечи настолько широкие, что мне кажется, он может снести всю толпу, которая преграждает нам путь.

Мы становимся в очередь. Покровители за километровым столом обслуживают со скоростью света, поэтому мы ждём не больше минуты, когда очередь настигает нас.

— Две порции ризотто с шампиньонами, салат из апельсинов, пару кусков овощного пирога, — заказывает учитель.

Нас обслуживает девушка в тканевой маске, закрывающая всё её лицо — видны лишь глаза и немного нос. Она ниже меня, двигается быстро, профессионально подаёт еду. В наших кафе, на Земле, под ноги этой девушки постелили бы красный ковёр за такую работу.

Коши забирает заказы и садится за свободный трёхместный стол.

— Пробуй, — говорит он.

— Это вкусно, — подмечаю, пережёвывая пирог.

На входе в трапезную я обнаруживаю Алисию. Она смотрит сквозь меня — как оказывается, на Грэма. Когда Коши оборачивается в ту сторону, замечая мой устремлённый взгляд, Алисии след простывает. Она избегает его или боится. Покровитель не придаёт

этому значения, складывает посуду и относит обратно. «Мы любим друг друга». Искренней и взаимной любовью так и веет.

— Всё запомнила?

— Конечно. Это несложно.

— Сегодня ты закончила со всеми тренировками. Мы отправляемся увидеть город. Возьми меня за руку.

Я хватаю его ладонь, уверенная, что она окажется шершавой и жёсткой. Грэм — покровитель с быстрой регенерацией, у него не может быть мозолей. Я сжимаю мягкую выпуклую кожу, но такой же отдачи не получаю.

Сомкнуть глаза, разомкнуть — как приказал Грэм Коши.

— Это город. Замок — столица.

— Прямо как на Земле, — во всеуслышание осознаю я.

Даже местность выглядит земной, только вместо почвы, травы и деревьев здесь бурая брусчатка, местами поцарапанная. В округе множество небольших белых домов, в долине пламенного горизонта виднеется пара красивых дворцов. Огненные движущиеся вихри воссоздают второе небо на еле глянцева брусчатке.

— Кто здесь живёт?

— Если ты о дворцах — отставные Владыки. Они закончили пост, переправились в город, — я вспоминаю Вермандо, который всё ещё живёт в сфере. Почему он не здесь? — В обычных домиках живут бывшие сокрушающие и посыльные покровители. Сама понимаешь, после отставки репутацию хранят до кончины.

Мы проходим длинные улицы. По обочинам стоят несколько торговых лавок с одеждой, едой, предметами для развлечения, не заточенными мечами, ножами, стрелами и арбалетами. Меня притягивает лавка длиной в десять метров, с женской и мужской бижутерией. Глаза бегают от блеска украшений их малахита, обсидиана, агата, лунного камня и прочих. Прямо возле торговца ждёт, когда его купят перстень из чароита — редкого камня на Земле. Я как голодная собака плетусь к торговцу, от восхищения беру сокровище и тут же кладу обратно.

— Желаете выменять? Ранее его носил пятый Владыка Аметистовой сферы, он ценен не только из-за своей редкости. Стоить будет *очень* дорого, — лукаво проговаривает женщина, восхваляя антикварную вещь.

— Сколько? — интересуюсь я, зная, что точно не смогу приобрести её.

— Уверена, девочка, что хочешь знать? — твёрдо спрашивает она.

— Милдред, нам пора.

Грэм хватается за локоть и отводит в сторону. Я смотрю на лавочницу: она презренно косится на нас и крутит в руках драгоценный перстень.

— Здесь сходных прихлебателей в достатке. Пятый Владыка был великим — что ещё мягко сказано, это украшение на каких только пальцах не побывало. Купцы заставят тебя отнять чью-то жизнь, доставить детскую кожу с лица, сбежать из сферы и отдать своё оружие на хранение за стеклом. Я много слышал о «грязных рынках», назвал относительно лёгкие задания.

— Это всего лишь побрякушки, — хмыкаю я. — Дико давать им такую... стоимость. Если его таскала какая-то шишка, это не делает её значимой.

— Купцы надеются на алчных покровителей, распространяя на них собственное безумие, а те, как азартные игроки не могут остановиться.

— Есть в вашем городе хоть что-то честное? — возмущаюсь я.

— Есть. Обменные рынки. Валюта в сферах отсутствует, поэтому мы меняемся хорошими вещами. Бывает, на ярмарках мелькают пачки, золото — с их помощью покровители скупают товары на Земле, не прибегая к хитростям и воровству. Иногда это необходимо делать.

Принести детскую кожу с лица? Куда я попала?..

Мы поворачиваем в тёмный переулок, в конце которого я вижу площадь с огромным количеством отставных. Они одеты просто и удобно, в белые, синие и телесные одежды. На мужчин надета тога, ноги зашнурованы греческими сандалиями. Их возраст только пересёк черту старения.

— Сколько им лет? — любопытствую я.

— Больше ста.

— Сколько?..

— Мы бессмертны, — сдержанно говорит Коши. — Прожив один век, каждый покровитель уходит в отставку — прямая обязанность, а дальше уже твоё решение, когда умереть. Насколько я знаю, отставные проживали не больше трёхсот. Многие обезумели.

— В многолетии свои минусы. А ведь для меня это казалось занимательным — пройти много эпох, познакомиться с интересными личностями, полюбить и проводить.

— Фильмов пересмотрела? — Я киваю, и учитель тихо фыркает.

Мужчина ведёт нас между торговых лавок, тусклых белых домов.

Считаются ли отставные людьми? Я интересуюсь у Коши, на что он отвечает: «Никогда. Покровителями есть и будут». И снова тот же упрекающий тон. Конечно, я должна выучить устройства мира сфер за пару ночей.

Поглощённая в свои мысли я чуть не врезаюсь в спину Грэма, когда тот останавливается. Я удивляюсь, смотрю на него, чтобы высказаться. Глаза, полные горечи стопорят меня. Он сосредоточен на чём-то позади.

Я оборачиваюсь к помпезному тёмно-алому дворцу, окружённому скопищем покровителей.

Из дворца два покровителя в доспехах выносят гроб из оникса, его крышка декорирована камнями, не оставляя свободного места на поверхности. Выглядит это прямо-таки пышно.

— Что происходит? — спрашиваю я Грэма.

— Владыка мёртв.

Во мне смешались чувства облегчения и досады — он мёртв, но мне не удалось посетить казнь. Уверена, меня бы вырвало — вместо крови из заколотого живота вылился бы лимонный жир.

— Хорошо, — выдыхаю я.

Что сейчас испытывает Грэм? Заклятый враг повержен, бегемотообразный не будет цепляться за его ошибки, орать как оглашённый и обвинять в чужом грехе. Я заикливаюсь на блеске чёрных зрачков Коши.

Складываю два плюс два. Учитель сожалеет явно не о смерти своего злопыхателя. Владыка мог покончить с собой, являясь таким самовлюблённым? Нет. Гроб узок для правящего колобка.

— Это ведь не он?

— Нет, — с хрипотой отвечает Коши. Он прочищает горло, затем продолжает. — Бывший Владыка. Он прожил двести три года. Флойд был хорошим лидером. Я о нём ещё в книгах читал.

— Мне жаль, что это случилось. Его выбор — закон.

— Столько вопросов. Вечное отсутствие ответов, — тихо бормочет он. — Пусть Касьян благословит его.

— Во дворце будут поминки?

Грэм кидает на меня странный взгляд, но всё же понимает, о чём речь.

— Не принято. Это посчитают неуважением к нынешнему Владыке.

— Мне предстоит разобраться с вашими правилами.

— Научиться сокрушать. Выучить историю, — добавляет он. — Мне нужно остаться, — мужчина смотрит на горюющих покровителей и глянцевый гроб. — Тебя ждёт библиотека.

Он переносит меня и быстро возвращается, чтобы успеть проститься с Владыкой.

Несколько минут я стою над закрытой книгой, не осмеливаясь её открыть. Каждая трещинка, царапина и погрешность зафиксировались в моей памяти.

Грэм отказывается рассказывать о происхождении видений, о том кто я и как связана с Пророчеством. Я сама доберусь до сути и узнаю, что от меня скрывают. Прежде чем это сделать, я обязана знать, какое мясо покрывает кости.

Я открываю книгу, убираю закладку с последней законченной страницы, с паникой и бьющимся в ушах сердцем, зачитываю вслух первые строки главы. Достаточно зачитать нижнюю строчку, перед глазами плывет, тошнота тихонько отзывается — это выматывает.

Италия, Флоренция. Снова здравствуй, хочется сказать мне стране, но слова не идут, я словно говорю их в себя, шёпотом. В прошлом я ничто, я зритель, который молча должен наблюдать за развитием событий.

На деревянном скрипящем полу сидит Касьян, сосредоточенный на убитом друге. Жалеет ли он о своём решении, считает ли правильным свой поступок?

Собравшись с мыслями, он поднимает тело Алойза, руки мёртвого свисают и елозят по полу, голова валится набок.

Касьян затаскивает друга в клетку для фаугов, закрывает её и в раздумьях останавливается возле приборов, ранее сдерживающих тварей. Я замечаю блеск на его щеках — слёзы. С каждой секундой их становится больше, впитываясь в длинную бороду. Тут он падает на колени и плачет навзрыд. Торговец тянется к кнопке прибора, ударяет по ней боковой стороной ладони, сжатой в кулак. Стекланные ящики задвигаются металлическими занавесками, внутри слышится небольшой взрыв. Занавески отодвигаются, по коробке, как песок в бурю, летает прах, не спеша оседать на дно.

— Я найду способ устранить людские отродья. Ты был жесток и заслужил такую участь. Проводить эксперименты над людьми хуже, чем то, что я сделал с тобой, — во взгляде Касьяна появляется злоба и ненависть... жажда расправы и установления справедливости. Торговец оправдывает свои деяния.

Мгновение и мои глаза оказываются в другом пространстве — комната купца. Она будет побольше, чем у Алойза, покрасивее и побогаче. Стол заставлен свечами и кипами жёлтых бумаг. Слева от хозяина лежат его очки, а справа — остывшая чашка чая. Судя по всему, это кабинет — здесь нет кровати. Шкафа тоже нет: все книги, тетради, черновики порядочно сложены в углу пола.

Купец держит перед собой черновик: «Цели. Номер 1 — изучить фаугов по оставшейся

информации Алойза, разобраться в устройстве лаборатории. Уничтожить».

Другой лист, огороженный смятыми бумажными шариками, испещрён корявыми записями: «Фауги были созданы Алойзом с помощью подопытных людей с мутациями и отклонениями. Он выпаривал их, сушил, жёг, обливал кислотой и замачивал в опасных химических веществах, спаривал между собой, сшивал различные кусочки тканей. Таким образом у них исчезла оболочка.

Примечание. «Дневник исследования учёного, часть 5.

Они едва видимы, похожи на кучерявый дым. Создания совсем не близки к здоровой науке. Возможно, он использовал какие-то заклинания.

Цель 2. Узнать, какую магию применил Алойз».

Внизу мелко начиркана фраза: «Умоляли о помиловании».

Я чувствую подступающий ужас к горлу, слёзы. Изверг Алойз существовал, ходил по той же земле, что и мы все, он отнимал человеческие жизни. Пытал их ради денег и репутации.

— Я не сумасшедший. Я — не он, — проговаривает Касьян, постукивая пером по своему уху. — Фауги пожирают природу — то, что породило их. Человек порождён природой, никак не Богом, побуждает наука. Творение сильное убьёт творение слабое. Человек слаб. Это не должно произойти.

Он размышляет с энтузиазмом, его слова полны надежды. Сейчас он ещё не знает, что создаст покровителей, что его детище наблюдает за ним. Торговец не сумел покончить с фаугами: простуда обратилась в бессмертный вирус.

— Чёрт! Что за колдовство за этим стоит? — Касьян подпрыгивает со стула и отшвыривает его в стену.

С одного кадра меня перебрасывает на другой. От неожиданности сердце пускается галопом. Я мысленно кладу руку на грудь. Спокойствие: всего лишь фильм с перемоткой.

Торговец находится посреди пустыни. Седая как луна кучерявая борода сливается с волосами на голове в одно единое.

Мужчина выглядит вразумительным, нежели в прошлом видении, где он убеждал себя в отсутствии помешательства, — взор стал уверенным, тёмным; одежда смотрится богаче. Походка ровная — он идёт по песку, будто выискивая ответы в небе. На подоле и воротнике вшиты серебряные нити, очерчивая красивый узор.

— Древние немало поведали о магических свойствах камней, — говорит Касьян голубой выси. — Я выясню, какие задействовал Алойз, чтобы разработать оружие, им же вас истреблю.

Миновало около тридцати лет, если не больше. Создатель стар, а потому история вскоре должна закончиться.

— Знаете, фауги, он любил изучать минералы, пока не решил взяться за тяжёлую артиллерию. Позже он позабыл об этих безделушках, но конечно они емугодились для стоящих деяний, — он хмыкает. — Иногда я думаю, вдруг вся дружба была фальшью, вдруг он использовал мою семью? Пригрелся, как змея и в нужный момент укусил, впуская отраву? Чего вы стоите, бездушные?

Небо безмолвствует, фауги ему не отвечают, даже ветер не откликается на его зов. Одиночеством в сиротливой пустыне веет даже на таком расстоянии — за шесть веков. На плечи падает громоздкий, как бульжник, груз печали.

Мужчина, что так отчаянно верил своему близкому, подарил уют, не был вознаграждён за свои старания. Он наказан, вынужден из чувства долга и достоинства спасти мир,

который разрушил Алойз.

На этой ноте я разлепляю глаза, и снова обнаруживаю себя спящей на книге — скоро она станет моей новой подушкой. Я ощущаю усталость и истощение, поэтому по памяти ищу свою комнату. Надеюсь на лучшее, а именно — не встретить никого по пути.

Мои ожидания не оправдались: под яркими языками пламени, взлетающей от уверенности походки, двигается Алисия. Она хитро улыбается.

Я шустро прохожу мимо, стараясь не подавать виду, насколько девушка мне неприятна.

— Эй, — окликает она и вынуждает остановиться. Я медленно поворачиваюсь к ней. —

Как прошёл второй день в сфере Чёрного Оникса?

— Ты вдруг подумала стать дружелюбной и побеспокоиться о моём благополучии?

— Любопытствую, как проходят ваши уроки с учителем. Уж очень хочется узнать!

— Знаешь, а мне хочется домой, ещё я хочу съесть мороженое. О, забыла, как без этого?

Я хочу, чтобы ты исчезла с дороги и из моей жизни тоже, — украдкой говорю я, чтобы посторонние нас не услышали. — Хватит врывать в моё личное пространство и бросаться ядом как гадюка.

Алисия подавляет вспыхнувший гнев и показывает острые зубы.

— Напомни-ка, голоштанка, чтобы я сразилась с тобой, если станешь покровительницей, — она ошпаривает моё лицо горячим дыханием. — Тогда сравняем силы и определим, кому позволено каркать «исчезни» с такой наглой мордочкой.

— Мне не сложно, — улыбаюсь я. — С нетерпением буду ждать дня, когда смогу не просто надрать тебе зад, а размазать, как кучу экскрементов.

— Смотри, руки замараешь.

— О-о, оно того стоит.

— Ты слишком много из себя возомнила. Гадкая голоштанка. Никто — ты.

Расхлябанно оперируй слабость, чтобы поразить противника, говорил мне тренер по боксу. То, что я скажу, разозлит его и навлечёт на меня беду. Что мне терять?

Я склоняюсь к её уху и шепчу, вкладывая в голос максимальную дозу желчи:

— Ты никто для Грэма Коши, милая.

В глазах девушки вспыхивает ярость, она прикусывает язык и с размаху ударяет по щеке.

Её ладонь обжигает кожу как пламя.

— Я не из тех, кто жалуется и просит помощи, но интересно, что случится, если Грэм узнает, что ты промышляешь за его спиной.

Случайно ткнула скальпелем в дыхало! Девушка втягивает воздух и мотает головой.

— Он не поверит какой-то девчурке. — Смех покровителя выходит чересчур фальшивым.

— Я дам тебе время, подожду, пока твои несмазанные шестерёнки дадут жару.

Демонстративно скрещиваю руки на груди.

— Нам с тобой ого-го сколько нужно разъяснить, — говорит Алисия и в мгновение ока исчезает как призрак.

Почему она делает это со мной?

Я протираю щеку льдом, наношу мазью и ложусь спать. Я несколько раз пробуждаюсь из-за новой обстановки, другой кровати, иных запахов и предметов, а ещё бесконечно горящих свечей, которые невозможно погасить. Магия хранителей создала вечный огонь. «Тебе нужно привыкнуть засыпать со светом». Ребёнка эта речь бы обрадовала, но когда Коши сказал мне эти слова, я хотела не только провалиться сквозь землю, но и прописать

учителю.

В дверь комнаты слышатся два прерывистых стука. Остальные три звучат быстро и громко. Без спроса входит мужчина. Такого я бы точно запомнила.

Это пьяный Зейн, которого мы с Грэмом встретили по пути на дворовую тренировку. Его рубашка по-прежнему расстёгнута.

— Выйди! Почему заваливаешься, когда я сплю и без разрешения?

— Милдред Хейз, ученица моего лучшего друга, — он косится в сторону, держится за стену. Да он никакой! — Я мечтал увидеть тебя в такой короткой пижамке. Хочу сорвать с тебя это тряпьё.

Зейн приближается, от него исходит запах перегара после выпитого бидона алкоголя, гари и табака. Кожа на груди липкая и потная, на лице чёрная пыль. Он тянет ко мне свои лапы, и в этот момент меня одолевает беспомощность. Грэм отправился сокрушать фаугов, и никто мне не поможет. Зейн сильнее меня в сто раз. Бороться против него бессмысленно, я только покалечу себя. К горлу подступает сегодняшний завтрак.

— Позади Владыка, — ляпаю я, что первое приходит на ум. Зейн вяло оборачивается, и я набрасываю на него чёрное одеяло. Без раздумий подпрыгиваю с постели и мчусь к двери, широкими шагами преодолеваю расстояние.

Тёплая мягкая рука берет моё запястье. Я стремлюсь вырваться из хватки извращённой свиньи, но она сильнее сдавливает пальцы. Покровитель толкает меня к кровати, я удерживаюсь на одной ноге, нащупав стену. Первая попытка оказалась тщетной, а с моими способностями второго и подавно не будет.

— У тебя красивые жёлтые глазки. Привлекательные белые волосы. — Он, как заинтересованная собака склоняет голову набок. — Как у кошечки, Милдред. Мил... Могу я так называть тебя? Или предпочитаешь «милая»? Ха-ха-ха!

— Будет лучше, если ты... — я стискиваю кулаки настолько крепко, что перестаю их ощущать. Мысли сплелись в сложную паутину: я пробую проехать по каждой ниточке, найти слова, которые так яро ищу, но каждая из них обрывается.

У себя за спиной ладони утыкаются в стену. Вот бы вжаться в неё, пройти насквозь. И очутиться в комнате Коши. Разбить его зеркало, по периметру обитое обсидианом, поднять самый острый осколок и располосовать им Зейна. Беспомощность, унижение, слабость. Ненавистная мне комбинация, которую необходимо избегать.

Покровитель упирается в меня липучим голым телом и дотрагивается губам до мочки уха. Он отстраняется, смотрит на мою одежду, а потом засовывает руки под мою спальную атласную майку. Я стараюсь сопротивляться, отодвинуть его, но это сравнимо с тем, что я пытаюсь сдвинуть скалу. Монстр касается моего живота, и из меня вырывается медвежий рёв, резко переходящий в растерянный плач.

Его мерзкая, пропахшая табаком, лапища закрывает мне рот, два пальца зажимают нос. — Обещай быть тихоней, чтобы я случайно не сломал тебе позвоночник, — взволнованно проговаривает нелюдь и убирает руку. Я выпускаю тихий яростный вопль и согласно киваю.

Я могу свободно говорить, но и использовать зубы. Я кусаю покровителя за плечо. Он шипит от боли. Надежда чувствуется в воздухе, боюсь, она вот-вот развеется. Я замахиваюсь ногой, чтобы ударить Зейна в пах. Он перехватывает лодыжку, а затем бьёт меня по лицу. Во рту появляется металлический вкус, нащупываю кончиком языка стёртую десну.

Зейн снимает рубашку, поочерёдно придерживая меня локтями. Он запикивает мне в рот сжатые в комок рукава. Срабатывает рвотный рефлекс, и я издаю истошный рык. Слезы скатываются по щекам, промачивая алую потную ткань. Я точно так же хочу скатиться на пол, но меня удерживают.

— Ах, какая ты горячая, — шепчет Зейн мне на ухо. Сжечь его миндалины, чтобы он никогда не смог разговаривать. Его рука опускается вниз, к моим шортам, под которыми нет нижнего белья, он сжимает ягодицы. Силы покидают меня, как душа погибшее тело, но я делаю над собой удивительное усилие и снова рычу. В голову, со скоростью гоночной машины, вторгаются воспоминания: щупальца Владыки, окольцованные на моей шее, гневный трёп. Лучше бы Зейн был озлобленным, так бы я чувствовала к нему только ненависть, а не омерзение — самое худшее из всей гаммы чувств.

Ногти ублюдка оставляют на коже пекущие дугообразные порезы. Новая волна

сдавленных звуков. Меня пробирает гордость: я ещё держусь и это достойно уважение.

Либо я схожу, с ума, либо зримое реально — дверь открывается. Зейн отскакивает от меня. Я бессознательно трогаю места, которых касался этот урод. Достаю со рта вонючую рубашку и из глаз рождаются слёзы счастья.

Грэм подходит к своему товарищу, заламывает ему руки и вышвыривает как бейсбольный мяч. Я слышу приятное приземление с четвертого этажа. Вермандо уходит, чтобы проверить или прописать Зейну дополнительную оплеуху.

— Вы пришли... — это всё, что у меня выходит сказать.

Коши едва смотрит на меня, снимает простыню с кровати и накрывает мои плечи. Он решительно подымает меня с пола.

— Он сделал тебе больно? — спрашивает покровитель.

Я киваю, подтверждая его слова. Чувствую себя поверженной. Моя школьная знакомая, на тот момент ей было пятнадцать, рассказала про старого соседа, который приставал к ней. Она описывала весь мерзкий ужас, через который она прошла. Теперь я понимаю её.

— Сейчас мы не можем наказать его, но когда ситуация в сферах уляжется, я дам тебе возможность самой порешить парня подобающим образом, — он словно говорит и улыбается. Я разглядываю его беспокойные зеницы и тонкую линию под носом.

— Мне срочно нужно вымыться, — полушёпотом выговариваю я.

Покровитель исчезает, мигом возвращается и протягивает мне лёгкий шелестящий плаш серого цвета. Он отворачивается, я в одночасье накидываю одеяние и предварительно завязываю пояс.

Я прихватываю полотенце, дегтярное мыло и зелёную мочалку. Аналогичный бытовой набор есть в каждой незаселённой комнате, сказал мне только что Коши. Также там есть зубная щётка, дешёвая паста, пара женского и мужского нижнего белья, расчёска для волос и одноразовая бритва.

— Закупают на Земле. Посыльные распределяют.

Мы перемещаемся в душ. Я провожу в нём около часа. Моя кожа покраснела от жёстких натираний, на животе и ягодицах появились царапины. Меня как будто атаковали маленькие волчата.

Я надеваю чёрно-красный сарафан, который Грэм оставил на вешалке: он великоват на талии и маловат в груди. Я не заморачиваюсь с сапогами на замысловатых застёжках и оставляю не застёгнутыми.

Я попросила Грэма выбросить пижаму, пока купалась. Надеюсь больше не увидеть ничего подобного.

— Я быстро! — заявляю взбодрившись. — Сколько приблизительно времени?

— Вторая половина ночи.

Три или четыре часа ночи.

Мы переносимся, Грэм велит доспать у него, сам ненадолго пропадает. Я обрабатываю мазью все раны и синяки, наклеиваю пластыри.

Постельное бельё шёлковое, матрац мягкий как батут. Подушки крохотные, чуть больше моей головы, она пахнет мокрой хвоей, отдалённо — лаймом.

Покровитель бесшумно заходит в комнату. Я резко закрываю глаза. Тяжёлые шаги раздаются над ухом, затем едва слышное шуршание картона и снова шаги. Я смотрю на удаляющуюся спину, Коши садится в кресло, открывает книгу и с задумчивым видом погружается в чтение. Учитель уверен, что я уснула, но мне интересно наблюдать за ним,

испытывающим себя в одиночестве: бывает, он супит брови, сопит носом, постукивает пальцем по подбородку, редко — переворачивает прочитанные страницы и с непонятливым взглядом прищуривается.

В один миг я смыкаю веки и углубляюсь в очередное глупое сновидение с летающими свечками.

Утром обнаруживаю на тумбе завтрак: горячий суп с чёрной фасолью, мексиканская булочка, две сырны маффины и стакан мятного чая.

В комнате никого нет. Как по зову, меня навещает Вермандо. Его ломкие кудрявые волосы собраны в слабый хвост у затылка, на макушке пара прядей смутно поседела.

— Здравствуй, Милдред.

— Приветствую.

Этот урок я выучила, когда мы с Грэмом встретили его личного посыльного, и я сказала ему «Доброе утро».

— Как ты себя чувствуешь? Можешь позавтракать, я задам тебе вопросы.

— Спасибо, но не стоило так заморачиваться.

— Какие заморочки? — он хмыкает. — Ешь.

Я переставляю поднос себе на ноги. Бронте садится на край кровати, складывает руки на коленях.

— Зейн поплатится за свой поступок.

Я чуть ли не давлюсь пищей и отвечаю:

— Грэм обещал, что я накажу его.

— Станешь ты сокрушающим покровителем или посыльным — неизвестно.

— Известно. Мои навыки улучшились.

— За два дня? Впечатляюще, — он хмурит глаза, и переводит тему. — Вкусно, не так ли?

— Это так.

— Уж больно я падок на вкусности, — Вермандо смотрит, как я глотаю ложку супа. —

Но предпочитаю отвергать людское.

— Вы верны собственным принципам или кто-то внушил вам это?

— Мне не так уж и просто что-то внушить, — усмехается Бронте.

— Вы живёте в сфере, чтобы защитить планету и людей. Они всегда будут с вами связаны.

— В этом ты права.

— Кем вы приходитеесь учителю? Я не первый раз вижу вас вместе.

— Я полностью заменил ему семью, а потом учил сокрушать, — он говорит без гордости, а с крупницей отчаяния в голосе.

— Вы единственный, кто у него есть, — проговариваю я.

— М-м-м, да.

В сердце вонзается тонкая иголка. Айк был моим близким человеком. Бронте ходит за Грэмом, как отец, Айк ходил за мной как брат. Оба не являются для нас родными, но ощущаются такими родственными.

Я доедаю всё до последней крошки, не оставляя совсем ничего.

— Пока вы в отставке, вам случайно не был отдан приказ сторожить ворота и принимать людей? — интересуюсь я.

— О, нет. Найджел Гальтон сообщил мне, что прибыла девушка, а Грэм как раз хотел

взять себе ученика.

Вермандо сообщает, что Грэм ждёт совместной тренировки, если у меня есть силы. Я не потеряю возможность выпустить пар, напрячь мышцы, разбить кулаки, заработать мозоли на ладошках.

Я натягиваю лосины с поясом, поверх красной футболку накидываю жилет из акульей кожи. Полная безвкусица.

Грэм не удивляется моему приходу. Он, как никто другой знает — лучшим средством успокоить душу есть и будет драка.

— Начнём?

— Вы не представляете, как мне хочется вспотеть.

Мы штудируем ещё десять способов нападения с мечом и прогоняем их в геометрической прогрессии. Под вечер я невероятно устаю и падаю на пол, полностью пропитав одежду потом.

Покровитель садится рядом, подражая моей усталости. Он способен выйти и бороться прямо сейчас, для него это очередная разминка, в то время как для меня — мука. Мне такие мучения нравятся. «Не возвращаться в спальню. Не оставаться одной».

— Скажи мне, почему ты пришла?

— Почему? — изумляюсь я. — Научиться чему-то. Мне нужно чему-то научиться, — я выдыхаю от утомления и подвигаюсь к стене, примкнув к ней спиной.

— Мне не нужно, чтобы ты ходила на тренировки в плохом настрое, с синяками и царапинами на теле. Не приставай к холодным стенам, люди легко от таких вещей болеют. — Коши подымается, встряхивается и покидает зал, бросая меня наедине со своими мыслями.

За дверью слышится гул и смех, он стремительно близится. Двустворчатые двери распахиваются и внутрь входят покровители. Девушек больше, чем мужчин и от всех веет уверенностью. Они замечают меня только после того, как обсудили, кто с кем будет сражаться.

— О, интересно, — громко оглашает девушка с улыбкой. Я встаю с пола, приготовившись к её нападкам и резким высказываниям, но её подруга толкает её в плечо.

— Яфа, сейчас не время набирать в ряды новичков. При всём этом она первая ученица Грэма Коши, — подруга Яфы говорит почти шёпотом, но это не мешает ей быть услышанной всем залом.

— Что-то не так? — интересуюсь я и подхожу близко к компании.

— Мы собирались тренироваться. Не будем тебя беспокоить? — спрашивает Яфа.

— Я как раз уйду. Удачно... разомнутся, — говорю я и мухой вылетаю из тренировочной. Я иду в библиотеку, чтобы узнать, чем обернулась судьба Касьяна и фаугов, какие последствия ожидал мир.

Тихо захожу в зал, чтобы мадам Бланчфлоер пропустила моё появление. Стук моих сапог эхом раздаётся по громадному высокому помещению. Запах бумаги трепетно встречает меня в своей обители.

В читальном зале царит напряжённая гробовая тишина. Коши говорил, что здесь нет пустых мест, но пока я не увидела ни одного человека или покровителя в листании страниц, даже мадам Бланчфлоер не высовывается из норки. Свечи над столиком содрогаются. Я обнаруживаю Грэма. Он раскинулся на стуле, скрестив ноги. Взгляд до того опасный, метнулся с книги на меня.

— Заглянула почитать? — он медленно тянет руку к книге и без труда поднимает её, словно тонкий бумажный лист. — Ты, правда, хотела скрыть это от меня?

— Вы о чём? — Я осторожно подступаю вперёд. Настал час поболтать.

— Видения.

— Мы квиты, Грэм. Вы тоже что-то от меня скрыли, — он вскидывает брови, всем видом насмехаясь: «И что же? Давай, говори». — Обсуждали меня с посыльным Аметистовой сферы. Говорили о моих... особенностях? Я жду объяснений.

— Нет. Не будет никаких объяснений, — отчеканивает Грэм. — То, что ты слышала — всего лишь догадки.

— Догадки подтверждаются.

— Не вздумай никому ничего рассказывать, — он кладёт книгу на красную скатерть, подходит ко мне вплотную и тихо шепчет. — Это повредит в основном тебе.

— Вам тоже?

— Мне тоже.

Его лицо настолько близко, что я ощущаю холодное дыхание на своей шее. От Коши веет, как от холодильника. Он никогда не был таким бестактным, угрожающим. Жуткая опасность возникает в потемневших глазах. Вдруг он снова решит царапнуть меня мечом и на этот раз поглубже? Я демонстративно отступаю.

— Почему я не могу знать?

— Станешь покровителем и сможешь защитить себя, тогда и поговорим. Пока учи историю и держи рот на замке. заметишь изменения в себе — сообщай, — покровитель медлит. — Доверяй мне.

— То, как вы себя странно ведете, не внушает доверия. Мне становится страшно рядом с вами! — Шаг назад, ещё один.

Грэм не двигается с места. Глаза выражают безразличие, но я замечаю, как он сжимает рукоять оружия, его постоянного спутника.

— Меня это не волнует. Я сказал мне верить. Поплывёшь на дно, если останешься без меня.

«Нет», — хочется возразить, но осознание неприятно сдавливает грудь. Что тогда мне делать? К кому идти?

— Ненавижу доверять. Все вы жестокие! В первый день они подносят стакан воды, а завтра подливают в него яд. Не ждите от меня открытости.

— Ты правильно мыслишь, Милдред. Из тебя выйдет разумный и сильный покровитель, но не забывай, что у тебя должны быть сторонники.

— Для этого потребуются годы.

— Да... Я посмотрю. Одинокие покровители не держаться столько.

Грэм рассеивается, морозный запах остаётся после его исчезновения. Чтобы не позволять домыслам и страхам потопить меня, я усаживаюсь поудобнее и погружаюсь в крепкий сон, наполненный реальными событиями.

Касьян, не спеша, закручивая бороду, идёт на продуктовом рынке с небольшими кухнями. Старенькая женщина в синей изношенной накидке готовит мясо на углях. Компания их трёх итальянцев в своём поварском шабаше с брезентовым навесом тушат говядину и баранину. Девочка, ещё не достигшая шестнадцати, торгует специями, баночками с тростниковым сахаром, подвязанными у горлышка коричневой ленточкой. Безусловно, не

обходится без тех, кто громко голосует, зазывает руками, обещая, что их товар высшего качества, редчайший во всей Италии. Я наблюдаю крохотного мальчугана, на вид ему около восьми лет. Он сидит на деревянной скамье, понутив плечи, глаза усталые, нос замазан грязью, под ногами корзина с парой килограммов красных помидоров. Снующие по рынку люди не замечают маленького торгаша. «Я бы купила у тебя всё, заплатила бы щедрые чаевые. А потом выслушала историю: почему ты не учишься, не играешь с друзьями, не читаешь захватывающе книги, как положено дитю в таких годах, а позволяешь этим безжалостным подхалимам причинять тебе боль безразличием». Он оказался совсем один. Прошлое миновало, и этого паренька подавно нет в живых. Быть может, он стал известным художником, поэтом, богатым негодником или навечно остался юношей.

— Гренки со спаржей выглядят отменно, — подмечает Касьян, указывая на большую тарелку.

— Покупайте, — предлагает лавочник, обольстительно оголяя зубы, — на вкус они ещё смачнее, — он причмокивает губами и изображает, как облизывает пальцы.

— А оливки у вас есть?

— Не-е-ет, я не продаю. Десять метров, по моей стороне. У Сандро малые стоимости. Там найдёте, что ищите.

— Слышал, ваш приятель, меценат Гайюс, имеет дело с глянцевыми оливками. Именно такие мне нужны.

Негодник намного отстраняется от своей лавки с едой, лицо его бледнеет.

— Что вы знаете? — его баритон приобретает жестокость, а лесть, свойственная всем купчикам, уносится дымком.

— Заметьте, достаточно, если я знаю имя. Доселе оно было никому не ведомо. Таинственный Лев. Грация, могущество, деньги.

Купец хватает Касьяна под локоть и затаскивает в свою кухню, выгнав оттуда всех поваров. Они остались наедине с моим взглядом, вероятно, взволнованным и любопытным.

Негодник осматривается, проверяя комнату на наличие людей, неожиданно достаёт из-под плаща короткий дугообразный кинжал и направляет его на Касьяна.

— Занимательно, — усмехается тот и потирает мохнатый подбородок. — Притворяешься торговцем.

Касьян не страшится остроты оружия, не боится смерти.

— Я им и являюсь. У каждого за спиной могут быть делишки. У меня они совсем незлые, я всего лишь защищаю друга. Знается мне, сколько врагов и соперников у него в запасе.

— Убери кинжал, и мы поговорим. Я старый, отцветаю ежедневно, мне чужды его богатства.

Негодник выглядит недоверчивым, рука его трясется, он медленно заправляет кинжал в ножны и отправляет за спину. Жестом приглашает Касьяна сесть на деревянную лавку.

— Гайюс жертвует в музеи много денег, — приступает Касьян. — Начиная от двухсот лир — это немалые деньги. Вы понимаете причину, по которой он это делает. Музеи отдают ему все камни и магические находки. Вместо этого они ставят подделку. Но меня не волнует липа это или нет, мне нужны камни и его помощь.

— Я не скажу ни слова, и выпытать не сможете, пока не услышу, кто предатель. Гайюс не нанимает бродяг. Кто он? И как у вас удалось выведать сведения?

— Да будет вам угодно. Англичанин Сэмюэл Данс. Он крадёт оригинальные камни у

твоего товарища, продавал по бешеным ценам — в особенности дворянам. Мне ничего не стоило украсть роскошную одежду, притвориться богатеем, назначить встречу в парке. Я попросил своих коллег в Англии доложить о нём. Имеется девочка пяти лет, жена — ткачиха. Ребёнок увлекается рисованием. Один рисунок их любящей семейки и Сэм стушевался. Рассказал всё вплоть до того, когда меценат стрижёт бороду. Не доверяли бы вы иностранцам.

— Гайюс отыщет гада, — рычит купец. — Достанет из-под земли.

— Это уже меня не волнует. Вернёмся к началу.

— Помощь. И как верить, что вы не копия нашего изменника?

— Вы обязаны мне верить. О проделках Гайюса знают единицы, в которые входит незнакомец — я. Я заключу эту сделку, даже если потребуется убить сотню или умереть самому.

— Что такого может быть стоящего у старца, а?

— Я хочу сотрудничества не для себя. Я на смертном одре, мне не нужны роскоши или длительная жизнь. Я желаю защитить мир, навести равновесие, которое и так висит на волоске. Вы видите, что происходит с природой! Это кошмарно!

— Думаете, меня заботит природа? Что такое же с ней творится?

— Катаклизмы исчезают, не успев вернуться. Мощная запретная магия обитает вокруг нас. Следует ей поглотить должное, рушится устройство мира, его предначертанные страдания. Смерть поджидает нас в закоулках.

— Да ну! И чего я до сих пор во здравии?

— Потому что вы идиот. Я не буду больше беседовать с вами. Отведите меня к меценату Креону. Немедленно.

Локация отдаляется от меня вбок, как в напряжённом фильме детективе.

Теперь я наблюдаю небольшой, но помпезный дворец. Окрас фасада чередуется кроваво-алым и оранжевым. Главный вход увенчан серебряными фигурками льва, на лбу которых красуется бронзовый ободок с золотыми вставками. Двустворчатые массивные двери из дерева ведут в просторный атриум. Прямоугольный внутренний водоём заполняет исключительно дождевая вода. Заходящий через отверстие в потолке ветер содействует плавной ряби на её поверхности, окатывая волнами глиняный горшок пушистой глицинии. Маленький бассейн окружает четыре колонны из розового мрамора. Стенные росписи изображают полунагих женщин, бородатых мужчин с безумными лицами, мохнатого льва, странных нечеловеческих или волшебных действий. Много рассмотреть не удаётся — смеркается, а парочка канделябров едва озаряют фрески.

На свет выходит мужчина. Он зажигает покойные свечи, садится на небесно-голубой диван, аналогичный букве «Г» с серебристыми переливающимися, как морская гладь, узорами. Богатый костюм: облегающие штаны-чулки с плоскими подошвами: одна нога с чередой чёрных и красных полосок, а вторая полностью красного цвета, верхом одежды служит горчиная туго подпоясанная куртка с длинными рукавами. На голове — чепчик с пышным белым пером. Короткие волнистые волосы цвета незрелой кукурузы и борода только-только причёсаны. Входит ещё один мужчина: он несёт поднос с замысловатым кувшином из раковины моллюска, украшенный драгоценными камнями, содержимое в нём никак иначе как вино. Молодой человек ставит на крохотный столик два кувшинчика из горного хрусталя, наполняет ёмкости рубиновой жидкостью. Когда он поднимается, лицо его озаряется закатными лучами солнца. Негоциант. А расфуфыренный, видно, Гайюс

Креон.

— Покорнейше благодарю, — отточенным голосом молвит он. — Останься со мной, Амплий, — он произносит имя лучшего друга так сладко, что у его розовых губ как по команде должен собраться рой изголодавшихся пчёл.

— Конечно.

Оба реагируют на медленные шаркающие шаги, неотрывно глядя в темноту.

— Рад приветствовать, — Гайюс поднимается, выказывая уважение Касьяну. Тот кажется отдохнувшим или просто переполнен от счастья, ведь в метре от него тот, кого он искал всю жизнь. Он почтено склоняет голову с игривой улыбкой.

— Вы уже знаете обо мне то, чего не нужно, Касьян. Приступим к делу без особых формальностей. Я предлагаю хлебнуть красного вина.

— Смею отказаться. Здоровье не хочу поганить.

— Да? Глоток сильно навредит вам?

Касьян задерживает на собеседнике хмурый взгляд.

— Нет. Я не пью. Совсем.

— Ты обещал быстро, без навязчивости, — шепчет Амплий на ухо меценату. Он коротко кивает и приглашает Касьяна сесть напротив. Доставив удобства гостю, Гайюс снова принимает удобную позу на богатом диване — скрещенные ноги. Амплий восседает рядом. Он переоделся во что-то похожее, как у его товарища, но только чёрного цвета, головной убор отсутствует. Кудрявые волосы ещё больше взъерошены, как будто он спешил. Воротник его плаща завёрнут, на оголенном лице проплешинами выступает щетина.

Друзья выглядят так, будто они изверги и перед ним сидит стусевавшийся голодный пёс. Их можно понять — Касьян раскрыл великую тайну, допытывал их сторонника. Старик держится, не подавая вида, что его задевает лицемерие.

— Вы практикуете магию, — говорит он, размахивая кистями рук, словно объясняя замысловатый материал. — Я скитался по миру в поисках магии камней двадцать восемь лет. Но оказалось, что она была прямо у меня под носом, в родной Италии. Хранителей найти не так уж просто, особенно тех, кто ступил на запретный путь. Если вы занимаетесь подобным, уверен, замечали, что происходит с нашей драгоценной планетой. Она рушится, меценат Креон. Ответственность полностью на мне. Чудовища съедают каждый катаклизм. Вы обязаны мне помочь. Если Землю захватят чудовища, все ваши труды, музеи и здания рухнут, как карточный домик.

— Вы виновны в этом? — встревает Амплий.

— Алойз, мой друг. Я успел остановить его, но не успел предотвратить нашествие фаугов.

— Мёртв значит. Вам известно, как он это сделал? — спрашивает Креон.

— В совершенстве. Записи экспериментов в наличии, в моей лаборатории. Я поделюсь ими с вами.

— Я изучу их, возможно, окажу содействие. Но что грандиозного я совершу? Я ссылаюсь на магию камней, их свойства и воздействие. Нет никаких метающих волн и взрывов.

— Мы это создадим. Как создал изменник. Того неопытного парнишку казнили не так ли? — удовлетворённо заключает Касьян.

— Сговор с местным, создание неземного. Его повесили, да. Хранители всё гадали, когда проявится смертельная магия, потратили все свои силы на поиски. Тоже под носом,

тоже в родной Италии.

— Фауги разрослись, как паразиты, шествуя по всему миру. Учёные составляют трактаты о скором конце света. Разве вам не было об этом известно?

— Мы не воспринимали это всерьёз, — с долей сожаления произносит Гайюс. — Подозревали, но были уверены, что они не добрались бы до такой глобальности.

— Глаза у хранителей были намылены верой в лучшее. И вы-то называете себя хранителями жизни, природы и Земли!

— Не дерзи, негодник, — протестует негоциант, подскакивает с места и ставит руки на пояс.

— Уймись, Амплий, — Гайюс махает рукой, вынуждая его сесть обратно. Тот недолго медлит и оседает, возмущённо бурча себе что-то под нос. — Он абсолютно прав.

— Почему вы, меценат, практикуете магию камней после убийства одного из вас за такое же действие?

Он глубоко усмехается.

— В детстве родители поручали читать множество книг о магии. Настал момент, когда я вычитал каждую страничку, хотелось большего, хотелось недозволенного. С моим любопытством и рвением я нашёл частную библиотеку с редким изданием учебных материалов о другой магии. Опасной. По правде, она помогла мне заработать денег, творить добрые и скверные дела. Но я всегда бдителен. Для этого в моей жизни есть Амплий — он сторож моей тёмной стороны, соблазна над великой силой и захватом власти. — Видимо, мужчина снял полуоткрытую маску: все его сделки ведомы старичку.

— Занятная история. Так значит, вы живёте с этим и вас до сих пор не повесили.

— Такого не будет. Я осторожен. К тому же давно не принадлежу ни одному клану.

— Каково ваше решение, Гайюс Креон? Никаких волн и взрывов?

— Такая магия тесно связана с природой. Сильное творение природы может убить слабое творение. Уверен, вы знаете это утверждение.

— Итальянский учёный так и писал. Я в это верю.

— Я тоже верую в его теорию, хотя никогда не пробовал. Мои музеи, библиотеки, мастерские, мой замок в Неаполе, амфитеатр в Венеции и, конечно же, мраморная скульптура в Милане не могут исчезнуть, — иронично истолковывает Гайюс. — Меценат Креон будет жить в сердцах покровителей искусства. Да начнётся сотрудничество, — возглашает он и расправляет руки, словно для крепких объятий.

Сцена сменяется другой. Кабинет Гайюса. Длительные изучения записей Касьяна. Эти двое выпивают виноградное вино на каждом «кадре». «Нет. Я не пью. Совсем». Они стали близки, как друзья, даже больше — как братья. Полное доверие выходит из берегов — они знают друг друга до каждой косточки в теле. Дальше следуют их изменения в речи, внешности, одежде — проходит больше года. Касьян старше мецената лет на тридцать, но оба наравне интеллектуальны.

— Ониксовый меч с мощной энергией, — задумчиво бубнит Гайюс, рассматривая рисунок. — И как это пришло тебе в голову?!

— Двадцать восемь лет, — улыбается Касьян, будто напоминает ему, какого числа родился. — У меня есть знакомый кузнец. Тебе остаётся создать сильное заклинание.

— На это уйдёт несколько месяцев. Нужно накопить силы, выбрать подходящий день, когда Земля будет наиболее спокойна, потому что я буду красть её великую мощь, используя её детище. Ещё предстоит разработать примеси других заклинаний, опробовать их, найти

нужное и проявить.

— Я буду ждать, как и всегда, — он усмехается. — Не бездействовать, конечно, но ожидать от тебя вестей. У меня в планах армия.

Гайюс хлопает Касьяна по спине, и они начинают заливаться смехом, как два сумасшедших.

Темнота. Кузница. Посреди кузницы стоит взрослый крупный мужик с широкими плечами и массивными ногами. Великан, одним словом.

— Я не идиот, и не буду заниматься этим абсурдом, — кричит он на двух друзей. — Меня казнят за такие проделки. Выметайтесь.

— Ладно, — спокойно возглашает меценат. — Не сто, а триста лир.

Кузнец выпучивает глаза от шока. Это около двадцати тысяч долларов!

— Я согласен, — бешеный голос приобретает твёрдость. Когда перед тобой такие цены, можно согласиться на что угодно, особенно, если ты всю жизнь куёшь металл, зарабатывая в основном грубые мозоли.

Касьян и Гайюс радостно обнимаются. Они не мелочатся, не задерживаются и отстраняются. Решимость. Значит, друзья готовы создать мечи сейчас.

— Условие — если нам снова что-то понадобится, ты это сделаешь. Деньги немалые, — напоминает Креон.

Кузнец кивает и приступает к созданию шедевра. Его движения резки и импульсивны, искры разлетаются по всей кузнице. Глаза Касьяна искрятся от слёз. Гайюс задумчиво смотрит на него, во взгляде просачивается печаль. О чем думает меценат? И какие изобретения придумывает Касьян? Сегодняшняя ситуация в сферах — следствие их действий и открытий.

Гайюс отходит за стену, дальше от коваля, достаёт из кожаной сумки горшок, окунает в него десять пальцев. Они покрываются жидкой чёрной присыпкой, видимо, ониксовая стружка с какими-то ядами и эликсирами. Губы двигаются, шепча заклинание. Мешанина проникает под кожу хранителя, ладони чернеют, темнота расходится по телу, покрывая шею тёмными узорами. Проходит целая вечность, прежде чем кузнец вручает мечи собратям. Кожа Гайюса всё такая же живая, без колдовских линий, только веки его слабо опускаются. Шаг и он упадёт в обморок.

— Оникс есть в металле и на рукояти. Надеюсь, вам это поможет, — проговаривает мастер.

— Молчание — это ещё одно условие, — произносит Касьян. — Скоро тебе привезут ящики. Не беги из страны, мы найдём тебя в любой дыре.

— И в планах не было, — с возмущением шипит создатель оружия. Он склоняется вполювину. Если бы он ещё немного нагнул, мог бы коснуться макушкой пола.

Приятельки поспешно выбегают из жаркого помещения. Мечи, всё ещё тёплые, завернуты в плотную бумагу. Свой Касьян держит как бесценное сокровище, которое будто вот-вот рассыплется и простынет след его двадцативосьмилетней мечты. Гайюс сдержанно шагает, опустив ружьё вдоль туловища, от ходьбы он слегка его поднимает. Товарищи усаживаются на лошадей, они недовольно фыркают, но под стук хозяйских пяток об их бока, начинают нерадиво передвигать копытами. Касьян скачет на лошади цвета молочного шоколада, с пушистой смоляной гривой и хвостом. Теперь он крепче сжимает оружие, потому что одна рука управляет поводьями. Точно так же справляется Креон. Он горделиво восседает на огненной лошади с рыжими остриженными волосами. Мужчины глядят друг на друга, когда

на всех скоростях пересекают поле, сплошь усеянное цветками лиловой лаванды. Что-то мне подсказывает, что их счастье подлинно, а печальные глаза молвят о мученическом конце. Пробег под закатным небом будет отличным воспоминанием, живущим лишь в их голове, воспоминание, не предназначенное для посторонних. Увы, эту историю вижу я. Размытая пелена застилает обзор, и я смотрю только на удаляющиеся пятна.

Друзья входят во дворец, преодолевают тёмный атриум, поднимаются по крутым и высоким ступенькам. Здесь всего два этажа, на верхнем обосновался меценат. Его спальня и кабинет находятся друг напротив друга. Двери приоткрыты для проветривания, но Гайюс всё равно их захлопывает.

— Устал я, — молвит он, оттягивая воротник, обшитый золотым узором, и плюхается в кресло.

— От чего? — спрашивает его Касьян так непринуждённо, словно каждый день слушает об утомлении.

— Жизни не хочу. Никакой. Я теряю всяк смысл в существовании.

— За годы поисков и испытаний я познал истину людей, природы, всего мироздания. И, признаюсь, меня убивало это знание. Казалось, будто я проник в секретный сундук богатенького дворянина, отсиживаюсь, жду, когда уж изловят. Но никто не приходил. Нет сущего создателя, и он не накажет меня за любопытный пятак. Я волочу бремя познания по сей день. Шестьдесят восемь лет не прошли даром. Я наделю мир счастьем, внесу крупицу и не стану бесследной птицей, как порицала любимая матушка. Верь в лучшее. Быть может, у тебя будут наследники твоих музеев, дворцов, статуй и прочего, — он усмехается.

— Конечно, будут, — горько улыбается Креон. — Они подарят мне внуков, а те правнуков... Обнадёживающие грёзы. Ненавижу их, ты же знаешь. Я не переживу ритуал.

— Тебя будут чтить за большее — спасение мира, как то и предначертано хранителям природы.

— Почитать будет народ, наша армия, а хранители возненавидят.

— Где твоя семья, дружище? Ты никогда о ней не ведал, — Касьян садится за рабочий стол, на коленях сцепляя пальцы в замок.

— Мать заболела чумой, умерла десять лет назад, а отец отрёкся, когда узнал, что его сын стал выродком, — без промедлений рассказывает меценат. — Он нашёл у меня книгу «Камни. Границы», больше не возвращался, не писал писем.

— Судьба отобрала у тебя всё, что осталось.

— Она безжалостно обошлась и с тобой.

— Я не жалею, что так обернулась моя жизнь. Я бы до скончания торговал тканями, не добравшись до истины.

Меценат неожиданно захохотал, откинувшись на спинку кресла.

— Что такое?

— Ох, Касьян. Я столько хочу испытать. Хочу таких забавных путешествий, как у тебя. Мечтаю завести ребёнка, тоже как ты. Завидую я.

— Кстати об этом. Объяснись перед Амплием, согрей душу его. Он жаждет заботы и любви.

— Мы знатно повздорили. Единственное, чего он жаждет — это моей кончины.

— Враньё. Он привлекает твоё внимание. Знаешь же его горячность.

— Я боюсь оставлять его одного, — шёпотом произносит Гайюс, уставившись в пейзаж лавандовых полей за окном. — Горевать будет.

Касьян подходит к другу, вынуждая его подняться. Они крепко обнимаются.

— Покорно извиняюсь за приобретённую чёрствость, — говорит Касьян, похлопывая Креона по спине. — Ему требуется горе, чтобы жить дальше. Примирится.

Хранитель заглядывает в обвисшие глазницы собеседника. Нет там сожаления о содеянном. Гайюс хочет сбежать, бросить затею спасти людишек. Но он ни за что не поступит бесчестно со своим лучшим другом, не даст рухнуть Земле ради любви к мужчине. Эгоистично.

— Да...

Мужчины завтракают тушёным мясом в соусе, салатом, потягивают вино.

— Не нужно тебе дёргать ниточки, — сообщает меценат сразу после окончания трапезы.

— Но...

— Тс-с-с. Я хранитель природы. Я постараюсь... Точнее, уверен, что смогу найти катаклизм. У меня не было должного обучения истинного хранителя. Один мухлёж, деньги и... Деньги! Завтра после рассвета отыщу помехи поблизости, отправимся галопом.

Миновал день. Рассветное солнце подпекает зеленеющую травку, лёгкий ветер качает ветки мохнатых деревьев, подталкивает течение пышных облаков, колышет седые волосы Касьяна и встряхивает курчавую бородку Гайюса. За пазухой каждого прикреплен оголённый меч. Он в точности такой же, как у Грэма.

— Что ты почувствовал?

— Свободу.

Оба остановились выпить воды посреди леса.

— Что ещё это значит? — интересуется Касьян.

— Я никогда этого не делал. У хранителей настолько сильная связь с природой! Естественная магия вынула меня из задворков, сбросила пинком каменные оковы. Я звал в темноте, а потом увидел свет. Мысленно помчался к нему. Очутился среди хвойной рощи, журчащих ручейков с кристально чистой водой, поющими синицами. Меня обдувал свежий, как долгожданный поток воды воздух, почва покачивалась, как корабль в океане. Природа услышала меня, дала приветливую аудиенцию, а затем направила. Я оказался в бедном городке. В небе наблюдались страшные тучи. Надвигается буря на севере. Туда мы и держим путь.

Единомышленники сидят на парапете кровли чьего-то домика. Он достигает всего лишь двух метров в высоту. Забраться туда не доставило труда даже Касьяну. Он смотрит, на приближающиеся вихри. А Гайюс хмуро постукивает по черепице.

— Спаси меня, родненькая планета, — шепчет Креон.

Люди в спешке удрали из домашних очагов. По улице испуганно бегают собаки, кошки несутся прочь.

— А вдруг свершится чудо? — кричит девушка, выбежав из своего дома с одним только попугаем в руках.

— Чёрта с два я в это поверю, — ворчит её двойник — мама. — Не сойдёт беда. Ложь. Собирайся и беги. Я догоню.

Сердце кольнуло. Я вздыхаю. Не смерть, пожалуйста. Я не желаю чувствовать её запах, видеть уход на тот свет сотен. Реальность! Я смыкаю глаза, но видение не уходит, будто давая мне урок.

Первый фауг не торопясь кружит на территории с ветром средней скорости. Он опускается вниз, пролетая над травой, съедая часть катаклизма — шторм немного утихает. Мать девчонки ошарашенно оглядывается. Гайюс соскакивает с крыши, толкает её в плечо и приказывает уносить ноги. Половина его лица спрятана под чёрным платком. Без свидетелей.

Касьян, несмотря на старость, спрыгивает и мчится к фаугу. Я знаю, что это произойдёт — их план сработает. Касьян рассекает дымчатое облако и он, как пар растворяется в воздухе. Позади него Гайюс сокрушает ещё двоих фаугов.

Они переглядываются и пускаются бежать от бури. В это же мгновение она затихает, свист пропадает, мусор медленно спускается с небес. Фауги сохранили население, спасли их уничтожителей.

— Твари обитают повсюду, Гайюс. Даже вне нашей планеты. Они плодятся как блохи. И их надобно остановить.

— Пожертвовать придётся многим.

— Гранатовый сок, — говорю я девушке, и она через мгновение подаёт заказ в хрустальной чашке.

Я довольно улыбаюсь, сажусь за столик и быстренько выпиваю холодный напиток. Какое счастье, что сфера припасла целый бидон красной жидкости. Теперь буду чаще бегать в трапезную, доставлять себе удовольствие воспоминаниями. В своё единственное свободное время бабушка готовила нам сок из тяжёлых гранатов, превышающих по размерам мою ладонь. Тогда солнце всюду пекло, нагревая железные загородки клумб, которые бабушка засаживала розами. Ухватив со стола полулитровую бутылку сока, я перелезла через надоедливые раскалённые железки, опускалась между колючими лозами, — там, где было больше места, — и принималась потягивать воображаемое вино.

— Ты бы ещё в огороде с тыквами разлеглась, — насмехаясь, ворчала бабушка.

— У нас его нет, — отвечала семилетняя я.

Соседи считали меня странной, порой — жестокой. В одиннадцать лет я ударила своего ровесника за то, что обнаружила его блондинистую макушку у своего окна. А ведь тогда у меня начинала расти грудь и я не носила бюстгальтер. Соответственно, я переодевалась, заметила мальчугана, накинула майку и пустилась в бега. Когда он стал жертвой моей подножки, я обломала ветку сливы и полоснула ею по щеке хулигана, вознаграждая жирной кровавой царапиной. Как будто вчера помню слова бабушки после беседы с его мамой: «Что за гены».

Я отправляюсь в свою комнату. В мои планы входит тренировка или хотя бы небольшая разминка. Я так устала, два раза преодолев восемь этажей, сначала подъём, а потом — спуск. Когда желудок взывает к кусочку жареного мяса, я жалобно вздыхаю. Ни за что не буду есть, если потом сразу же придётся сжечь все калории и проголодаться посреди ночи!

Я близка к своей спальне, но меня окликают быстрые лёгкие шажки — я разворачиваюсь и иду на шум. Как я его слышала?! На дыбы встаёт чёрный кот с блестящей гладкой шерстью. Он оголяет острые клыки, шипит и медленно отступает. Пара янтарей поблёскивает в мрачном коридоре, освещённом несколькими факелами, на углу которого будто всегда поджидает опасность. Я призываю гладкошёрстного обычным кошачьим жестом. Этот звук его только пугает: он издаёт продолжительное рычание.

— Думаешь, я буду ловить тебя? — где-то вдалеке слышится голос Грэма. Я, было, подумала, что он обо мне, но он смотрит только на кота, не замечая моего присутствия. Он хватает его на руки, осторожно поглаживает пушистый подбородок. Кот становится ласковым, шумно мурлычет и щурится.

— Он ваш? — любопытствую я и подхожу к Грэму. Он вскидывает брови, завидев меня, и поправляет питомца, чтобы тому было удобно.

— Да.

Коши выпрямляется и стремительно уходит. Я торопливо догоняю его, и он останавливается.

— Он голоден и умрёт, если я не покормлю его, Милдред. Займись библиотекой.

Выжженные в памяти лица итальянцев дружно, как надгробные портреты, встают перед глазами. Я обнаруживаю за собой дрожь, щипаю локоть и прихожу в себя. Их история постепенно становится моей. Одно дело — читать, другое — видеть, обонять, слышать. Я

проживаю их жизнь, чувствую её пребывание постоянно. Мужчины точно стучатся ко мне, умоляют закончить том, дойти до конца. До их конца.

— Мне нужен перерыв. Обязательно, — тембром я даю понять, насколько сильно на меня влияют визиты в прошлое.

— Приступишь завтра. Я займусь котом. Потом мы идём на тренировку.

Я продолжаю следовать за учителем, он сжимает кота крепче и нервно сопит носом. Животное, будто примиряя хозяина, начинает мурлыкать.

Грэм отпускает питомца, и он шустро запрыгивает на кровать, испуганно закручиваясь в комок. Его выразительные орбиты широко открыты и устремлены на меня.

— И снова на подушку, — шёпотом возмущается Коши.

Я подхожу ближе, садиться не решаюсь. Не лучший способ познакомиться — кот расценит это как угрозу. Для них постель, как их собственная лежанка.

— Всё равно милый, каким бы устрашающим ты ни пытался казаться, — говорю я. — Как его зовут?

— Это так важно? — он оборачивается ко мне с плеча, и его ноздри раздуваются. — Тебе стоит позаботиться о том, чтобы ты не нахваталась врагов, знала историю, структуру сферы Чёрного Оникса и не испортила себе репутацию. Твоих способностей недостаточно, чтобы даже с человеком тягаться.

Покровитель вылетает в коридор, громко стучая сапогами. Я мчусь за ним.

— Разве? — в левое плечо меня толкает обида, а уже в правое — негодование. — Здесь и сейчас не убьют, потому что рядом вы! Не будем забывать о том, что в сферах критическая ситуация, фауны множатся и крепнут. Прикончат меня — будет только хуже.

— Не возвышай себя только по этой причине.

Я резко прекращаю какое-либо движение. В горле зарождается треклятый ком злости. Секунда за секундой уходят в никуда, приводя в действие появившееся внутри взрывчатое устройство.

Грэм останавливается и сосредотачивает на мне полный решимости взгляд. Смотрит свысока.

— Хватит! — мой голос раздаётся эхом. — Это кто ещё возносит себя? Я не так плоха в обучении. Вам лишь бы отчитать меня. Нравиться помыкать? Приказывать? Издеваться? Уж извините, я для такого не гожусь, — я становлюсь вплотную к Коши и почти плюю ему слова в лицо. — У вас ненормальное видение, если вы считаете меня такой никчёмной. По-видимому, вы хотите меня такой видеть. Чтобы я осталась там, — я указываю пальцем в пол, — внизу.

— Легче стало?

Его глаза выражают одно мерзкое самодовольство. Я здорово вскипаю, но отсчитав до десяти, шумно выдыхаю и унимаюсь, не до конца конечно, но выбросить Грэма за перила по-прежнему хочется.

— Теперь мне можно выпускать на вас в пар в тяжёлые дни? — хмыкаю я. — Чудно. Большое спасибо.

— Тогда будем делать это взаимно. Жду тебя в тренировочной.

Коши переносится. В его случае сбросить напряжение означает по максимуму оторваться на мне, используя все приобретённые навыки. Навыки опытного, и, по рассказам Вермандо, одного из лучших покровителей во всех трёх сферах. Хлопком он умертвит меня, как надоедливо жужжащего комарика.

В комнате перед зеркалом я надеваю облегающую безрукавку медвежьего цвета. Натягиваю шорты с кожаными завязками по бокам (только бы они не развязались), и широкие короткие сапоги. О боги, как же я хочу пройтись по магазинам, прикупить мужскую футболку до колен и почувствовать ту земную свободу.

Идти и биться с Грэмом — рискованно. Я сто раз передумываю по пути, но продолжаю передвигать ногами. Запахи вокруг обостряются — жженные свечи, натуральная кожа, старая бумага. Тепло, которое часто мучило меня во время сна становится горящим пламенем, мучительно сжигает изнутри, оставляя росинки пота на лице. Я вспоминаю всё, что наговорила учителю, как оскорбила его и насколько он был в гневе, что решил его сдерживать. Конечно, ему лучше было уйти, успокоиться в уединённом месте, а оставшийся гнев испустить на меня — причину его настроения. Мне стоило послушать его, когда он говорил о сторонниках, о том, что я должна сосредоточиться на обучении. Мне стоило его послушать. Но я не хочу, не могу существовать здесь, обучаясь круглые сутки. Я восемнадцать лет прожила на Земле человеком, и привыкнуть к такому образу жизни, как он, попросту не в состоянии.

Кто-то хлопает меня по плечу, встряхивает и поворачивает к себе.

— Выглядишь ужасно, — говорит Алисия. — Вспотела, покраснела... Плетёшься как черепаха. Ты что навстречу смерти с такой миной идёшь?

Я вырываюсь из её жёсткой хватки, сталкиваюсь лопатками с холодной стеной. Шершавая поверхность царапает кожу. Я негромко шиплю.

Алисия непоколебимо наблюдает за мной и скрещивает руки на груди. Она брезгливо ухмыляется, а затем тыкает в меня ножами.

— Ты мне нравишься, — выпаливает она. — С тобой можно поиграться.

— Знаешь... — набираю полные воздуха лёгкие и выдыхаю. Почти бессонные ночи, плохие приёмы пищи, раны, тренировки, ходьба по лестницам, нервотрёпка от моих ненавистников, видения из прошлого — всё это вымотало меня. Я бы скатилась на пол, закрыла веки и отдохнула. Явно это произойдёт не сейчас и не в присутствии Алисии.

— Да ты ответишь хоть что-то? Я с кем говорю? Или так и будешь стоять передо мной убитая? Да ты же сейчас на колени рухнешь.

Она медленно аплодирует и начинает хохотать, как старая ведьма.

Я крепко сжимаю кулак. Ударить стерву не выйдет — со сломанной рукой я автоматически приобрету статус негодной. Взрывной волной на меня накатывает отвращение к Алисии: я ненавижу её высокомерное лицо, острый язык, поганый характер, жалкое существование, ненавижу Грэма, потому что из-за него я страдаю от нападков чёрной крысы. Алисия никогда не остановится, такие люди будут подлыми до конца своих дней, даже перед смертью они не попросят о пощаде и не обронят извинения. Я с размаху изо всех сил разбиваю хрупкую бетонную стену справа от меня. Ранее она была разрисована печатью сферы Чёрного Оникса, но теперь она разрушена и её куски валяются на ониксовом полу.

— Ты чокнутая, — звучит из уст Алисии взволнованное оскорбление.

— Ах! — вырывается из собственных уст: чёртова рука. Отделаюсь вывихом костяшки, либо царапинами и временной пульсирующей болью. Толщина бетона не превышала и двух сантиметров. Я никак не ожидала, что она осыплется.

— Что ты натворила? — вопрошает девушка. — Тебе ух как не поздоровится.

Алисия исчезает так резко, будто она в бегах от самой смерти. Мои ноги дрожат, точно сломаются под весом тела. А дыхание звучит громко и прерывисто, заполняя каждый уголок

этого коридора.

Грэм давно дожидается меня. Не исключено, что он будет бранить меня из-за опоздания.

Я врываюсь в зал, двери громко бахают, ударяясь об стены. Переусердствовала.

— Начнём, — объявляю я и хлопаю по мечу на поясе.

— Во что ты ввязалась? — спокойно осведомляется учитель, осматривая меня как экспонат. Он опять отчитает меня, выставит виноватой, я стану слабее и бесполезнее. Ах, как же я забыла, что без кона сую нос не в своё дело, вместо тренировок и чтения. Не будь я в безвыходной ситуации, никогда не пожаловалась бы.

— Во что я ввязалась? Хотела познакомиться с одной щучьей особой, а она подвинула меня своим хвостом. Почему Алисия Бодо является ко мне?

Покровитель сощуривает глаза, напрягается и близко ко мне подходит, будто посторонние нас услышат.

— Что она сделала?

— Здорово потрепала мне нервишки.

— Она тебя тронула?

— И всё из-за Грэма! Она помешанная, нездоровая.

Я хватаюсь за голову и шагаю туда-сюда. Сегодня кто-то заложил в меня десяток штук взрывчаток и с улыбкой нажимает на кнопки, наблюдая за моей реакцией, как за театральным представлением.

— Милдред, мне нужны объяснения. Без них я не смогу сдержать её.

— Вы намеревались это устроить? — я оборачиваюсь на него и спрашиваю это таким голосом, словно насмехаюсь. — А как же ваша любовь, о которой она так яростно восклицала.

— Что она говорила — давно не так.

— Так и думала, — фыркаю я. — Остановите её. Хотя бы временно, а там, как время покажет, я разберусь с вашей любимицей.

Я предвкушала, что Коши покоробит моё оскорбление, но он с хладнокровием принимает его.

— Я преподам ей урок. Обещаю.

Нет! Я не собираюсь благодарить покровителя, это его обязанность: во-первых, защищать ученицу, во-вторых, от своего прошлого.

— Хорошо. Я планирую опробовать один приём.

— Не сегодня и не с твоей рукой.

— Пара царапин. К чему драма?

— Я уже не в духе выпускать на тебе пар. Идём.

В его комнате жарко, как в паровой бане или у меня просто поднялась температура. В одежде я чувствую себя ещё хуже. Если бы здесь не было Грэма, я бы разделась догола, легла на холодную постель и спала бы целый день.

Коши сыплет на руку лечебный порошок, а затем намазывает ониксовую мазь. Я прикусываю язык и сохраняю лицо, когда он выполняет эти действия.

— Костяшка среднего пальца посинела и распухла, — истолковывает он. — Указательная почти в целости, а вот безымянная и мизинец содраны в кровь.

Его взор внимательный, он бережно выполняет нужные действия, как будто одним лишним движением он может сделать мне больно. Коши плотно забинтовывает мне руку,

подвязывает ниточки и ещё некоторое время сосредоточенно смотрит на неё, не выпуская из своей осторожной хватки. Поперёк брови Грэма я замечаю большой шрам от пореза. Я хочу спросить его об этом, но истории величавого покровителя вряд ли предназначены для моих ушей.

— До меня дошёл слух, что я ваша первая ученица, — говорю я, чтобы он, наконец, перестал глазеть на свою медицинскую работу. Он поднимает глаза, всё так же, не отпуская мою ладонь. Я немедленно одёргиваю её и улыбаюсь.

— Это правда.

— У вас отлично получается.

Я не жду услышать благодарностей, но самую глупую малость надеюсь. В данном случае ему бы не позволил посыльный, влетевший в спальню пулей. Он выглядит весьма взволнованным, мужчина резко одёргивает кафтан из чёрной тафты.

— Цитирую, — надломленным голосом изрекает посыльный. — Иначе не сносить мне головы. «Милдред Хейз, величайший Владыка Флавиан Эбурн приказывает явиться в тронный зал», — он бегаёт глазами и решается продолжить. — Одной.

— Зачем? — повышаю голос я.

— Не знаю, честно, но Алисию мне тоже сказали оповестить. Владыка был в таком гневе.

Мы с Грэмом переглядываемся. Он сообщает взглядом: «Необходимо действовать».

— Я иду с ней, — решает Грэм.

— Но...

— Не обговаривается.

Посыльный демонстрирует испуганную гримасу и убирается прочь, подстрекаемый чрезвычайным страхом.

Чем ближе мы к тронному залу, тем шибче бьётся моё сердце. Грэм не проронил ни слова с того самого момента, как мы вышли. Я хотела, чтобы мы перенеслись, — так быстрее, — но теперь я рада, что Коши этого не сделал. Отсрочить наказание или что там придумала верхушка, пойдёт мне на пользу.

Нет, конечно: я просто веду себя как трусливый ягнёнок. Но всё равно не прошу перенести нас на тридцать пятый этаж. Сколько ещё минут нам шагать по бесконечным лестницам, сколько ещё я буду натирать ладонь мраморными перилами? Я тихонько глотаю воздух.

— Успокоилась. Значит, можем скоротать время.

Коши берёт кисть моей руки, каменным тоном предупреждая сомкнуть глаза.

Два посыльных открывают нам высокую двустворчатую дверь с массивными узорчатыми ручками, декорированные мамонтами из лабрадорита. Поначалу нас встречает выступающее из стены изваяние на платформе. Она изображает нагого покровителя с прожжённым животом, исполосованными ногами, выпускающими оливково-чёрную кровь; на щеках — дорожки агатовых слёз, невзирая на боль, статуя недвижно сжимает в руке меч, возвышая остриё к ониксовым сводам. Грэм бережно трогает моё плечо, я отрываюсь от созерцания отважного сокрушителя. Мы продвигаемся. Центральная лестница ответвляется на две тонкие, но очень крутые. Безусловно, они ведут к роскошному престолу Владыки, его золотая громоздкая кайма ведёт к потолочным канделябрам, имеющие такую же роскошь, как и седалище Флавиана. Он, собственно, усадил свой титанический зад на чёрный бархат:

даже издали заметен превосходный блеск дорогой ткани. Воротник и рукава его длинного плаща окаймлены серебряными узорами, талию обвивает золотой пояс. Как он только выдерживает его огромное пивное пузо?

Слева от трона, возвысив точёные и до ужаса похожие подбородки, стоит Алисия с черноволосой женщиной. Алисия — истинная копия матери. От отца девушка унаследовала угрожающий взгляд — он расположился с другой стороны. Больше здесь никого, если не брать в счёт посыльных, охраняющих владетелей по всему периметру. Они либо конкретные параноики, либо им грозит страшная опасность. В честь чего так много охраны? От кого? От меня? Или, может быть, от Грэма? Не исключено, что каждый второй хочет потрясти дерево и сбить высоко растущие спелые яблоки.

Алисия расправляет складки своего тёмно-синего платья, её тонкие ноги обтягивают чёрные кожаные колготы, острые носки сапог смиренно направлены вперёд. О, боги, как же уродливо это смотрится: на Земле её бы засмеяли. Родители выглядят пышнее, по сравнению с дочкой. Все трое за спиной самого властного покровителя в сфере. «Владыка носит на голове корону, в то время как его правая рука умело управляет им, разделяя позолоченный головной убор».

— Эй, девка, — окликает меня Владыка. — Почему он с тобой, а?!

Он махает ручищей на Грэма, не стесняясь осматривать его как мусор. Слюна брызжет с его рта, как вода из поломанного фонтана.

— Ваше владычество, он мой наставник и сопроводитель, — оповещаю я самым покорным, каким только возможно, голосом. Я побоялась за жизнь? Как ещё это можно назвать? Ранее я говорила Грэму, что шишке не позволено купаться в мёде: топить и только топить в свежем коровьем навозе.

Ни в коем случае. Это всего лишь маска, которую я верно буду таскать, беречь пуще зеницы ока, в нужный момент расколошмачу на мелкие части и раскрою подлинное лицо злопамятной особы.

— Ах, так?! — Флавиан смеётся, вытаращивается на своих высших подданных, и они следуют его образцу. Смех Алисии я слышу впервые, и он тошнотворнее, чем звук туалетного смыва.

— Ты кем себя возомнила? — выкрикивает мать. — Ты терроризировала мою дочь, хотела обвинить её в разрушенном священном символе. Каждая печать не должна быть тронута и пальцем. А ты что учинила, погань? Где это произошло, дочка?

— Скажу так: седьмой правитель сферы Чёрного Оникса самолично расписывал стену. Милдред намерено расколотила наше знамя, чтобы подставить меня, — девушка сменяет улыбку взволнованным видом. — Выяснив... о нашем прошлом с её учителем, она жутко заревновала, что я вернусь к нему, обещала нещадную расправу, когда станет покровителем. Каждый раз, когда мы встречались, Милдред находила минутку, чтобы оскорбить меня. А сегодня... она поставила меня в пример разрухе — это моя участь, когда она возвеличится. Весь этот погром она собиралась свалить на меня. За столько времени Хейз достаточно освоилась, чтобы узнать о наших обычаях. Не сомневаюсь: она знала, что творит, куда бьёт и с кем разговаривает. Слабую девочку поддерживают, поэтому она высокомерна.

Я теряю дар речи: они поверили её блистательному красноречию. Я не осмеливаюсь смотреть на Грэма. Откуда ему знать меня настоящую? Но доверия к Алисии у него тоже нет — уж это очевидно. Девушка нервно моргает, бросая незаметный взгляд на возлюбленного.

— Это ужасно, — мурлыкает Владыка, а затем берёт под ногами бутылку с вином и

принимается жадно высасывать напиток. Отец и мать переглядываются и едва приметно кивают друг другу. Флавиан тяпнул, значит, можно надеть позолоченный головной убор.

— Лиходейку нужно казнить, — он громко икает и без стеснения выпускает кошмарную отрыжку. Правая рука всем составом никак не реагирует, ведь он давненько неспособный и больной.

— Этого не произойдёт, — уверенно возглашает Коши, умело контролируя низкий баритон.

— Почему его ещё никто не вытурил? — Владыка косо всматривается в своих посыльных — они возбуждённо пересматриваются и покаянно опускают головы.

— Никому не хочется участвовать в схватке, не подняв меч выше пояса, — так же спокойно говорит Грэм. Я избегаю даже боковым зрением наблюдать за ним. Куда угодно: на барельефные потолки, встревоженное пламя свечей, вытянутые стрельчатые окна, — но не Коши в лицо. Пускай ничего позорного в его отношении я не делала, не допускала непристойных помыслов, мне стыдно. Он вполне мог поверить в рассказы Алисии, потому что я тоже недостаточно хорошо его знаю.

— Сегодня я разбираюсь не с тобой. Сойди на второй план. И это... мой прика-с-с, — он жестикулирует рукой в воздухе, больше не находя слов в своём пустом пропитом черепке, и покровитель без колебаний отходит.

— Что прикажете делать? — задаёт вопрос отец, мерзко улыбаясь. Сознаюсь, я вздрогнула от его неотрывного взора, заточенного как клинок: мужчина не мигает, а ухмылка тянется до самих ушей.

— Нам требуется определённый срок, не так ли? — предлагает Владыка. — Разобраться с ситуа-а-ацией.

Его не волнует: рано утверждать решение или поздно, для него потеха — показаться устойчивым и способным самостоятельно удержать сферу.

— Зачем нам время? Ясно же, кто неправый, — настаивает младшая Бодо.

— Время, чтобы вынести ей кару. А над таким надо хорош-о-о пораскинуть умом.

— Конечно, — мягким лицедейским голосом отвечает мама девушки. — Выметайтесь.

Учитель без шума открывает дверь, пиная её носком сапога, тем самым он облегчает работу посыльных, я вылетаю, пока она не захлопнулась.

— Они играют с огнём, — гневается он.

— Меня будут пытаться? — догадываюсь я.

— Ожидай, чего угодно. Зачастую людей лишают того, что им было дорого.

— Нет, — я торможу, у меня нарастает паника, вынуждая взбираться с ней на высокую скалу. Айк. — Они на это не пойдут. Мы обязаны что-то сделать, решить эту проблему. Выставить... Алисию виноватой. Я могу... могу просить о помощи?

— У меня есть идея. Организуем небольшое представление. Например, драка на виду у всех.

— Я должна с ней драться?! Одуматься не успею, как она меня по стене размажет. Сумасшествие, да это самоубийство!

— Я вовремя приду.

Как по мановению волшебной палочки я отключаюсь: невероятно устала и зверски проголодалась. Идти в трапезную долго и тяжело: такой роскоши — перемещаться из одного места в другое за мгновение у меня, к несчастью, нет.

Наутро я просыпаюсь с бесконечными мыслями о кончине, последнем вдохе, недавней

съеденной вкусности, запоминаю чувства, запахи. Сегодня я могу погибнуть, так и не начав свой путь. Я стою перед зеркалом, смотрю себе в глаза и бесчётное количество раз твержу успокоиться. Грэм сидит на кресле из чёрной кожи, закинув ногу на ногу, пальцами он потирает ошетилившийся за ночь подбородок.

— Она всегда тренируется в пять утра, — оповестил Коши перед сном. — Я освежил свои связи, и завтра там соберётся много покровителей.

Общественный позор — моя желанная мечта. Каждый второй в сфере станет кумекать об унижении Милдред Хейз бывшей любимой её прославленного учителя. Алисия только этого и жаждет.

— Мне страшно, — бесшумно признаюсь я.

Грэм отрывается от глубоких раздумий.

— Это несерьёзно. Бойся худшего.

— Ничего грандиознее в моей жизни не случилось. Разве что бабушку в школу вызывали за очередной шлепок по лицу.

— Привыкнешь, — просто кидает покровитель и выходит из комнаты.

В тренировочной оказывается пусто и тихо. И пускай покровители не спят вовсе, зал, будто вместе с ними отсыпался. Отдыхали друг от друга. Я открываю дверь и стою так некоторое время. Могильная тишина вынуждает мозг создать противный гул в ушах.

Где-то далеко слышатся громкие шаги и разительный женский смех — идут. Сердце подпрыгивает, и я отхожу от входа ближе к гардеробу.

— Ничего такого, — голос Яфы выражает восторг. Она проходит первая, как неглупый глава стаи со своими глупыми волчатами, и когда видит меня, сощуривается. Её друзья становится позади неё. Они переглядываются, а затем кучкой движутся в центр, их макушки освещает пылающее небо.

— Ты одна практикуешься? — спрашивает Яфа, и закидывает длинные розовато-коричневые волосы за спину. Другая сторона неестественных ржавых прядей рассыпается у неё на груди.

— Пока что да, — стараюсь звучать уверенно.

— Не хочешь поучаствовать в бою? — предлагает девушка. Она — не воплощение дружелюбия, но и не олицетворение злобы. Что-то нейтральное... Либо ей нет до меня дела. Совсем.

— Она физически не способна противоборствовать нам, — возглашает дружок Яфы, угадав содержание нашего диалога.

— Мы вполне можем сражаться не силой, а навыками.

— Успокой своё любопытство, Яфа. Рвёшься сразиться с новым человеком — дождись, когда она станет сокрушительной.

— Ладно. Не забудьте напомнить мне как-нибудь, — басовито отвечает девушка.

— Я с удовольствием одержу над тобой победу, — говорю я и стучаю по полу мечом. Звук, как церковный колокол, эхом раздаётся по всему помещению. На него реагирует толпа, затихая.

Да, вы правильно поняли причину стука.

— Мне нравится твой настрой, Милдред. Пожелаю успешного обучения и блестящего выпуска. Грэм, случаем, не изводит тебя тренировками?

Он постоянно ворчит, какая побитая я хожу на занятия. Иногда он переусердствует, и я устаю до изнеможения, но я вижу в этом больше пользы, чем вреда. Просплюсь,

нашпугатурюсь ониксовой мазью, залеплю повреждения пластырем и наутро очнусь чистой, как новорождённый младенец.

— Уверю, всё в порядке.

В эту секунду в тренировочную входит мой желанный гость. На часах, должно быть, пять утра.

— О да, это я. Чего уставились? Продолжайте бездельничать вместо того, чтобы сокрушать.

Гурьба покровителей всё так же глазеет на неё с нескрываемым отвращением. Даже до меня дошёл запах тотального всплеска — яда и ненависти. Не удивлюсь, если каждый присутствующий здесь подвергся её жестокости, интригам и манипуляциям. Эдакая девчурка, превозносящая себя над всем сущим из-за своей влиятельной семейки.

Покровительница быстро разминается. На ней утягивающие шорты и висячая чёрная майка, волосы заплетены в высокий хвост, который мне так и хочется раскромсать мечом, преобразовав в грязный песок.

— Поучаствуешь в бою? Знаю, обычно ты обходишь это стороной, но разве сегодня не особенный день? — Яфа наклоняется и подзывает Алисию, но та стоит на месте. Это не мешает огненноволосой перейти на шёпот. — Запугай её, покажи, что умеешь.

Две покровительницы многозначительно переглядываются и поворачиваются ко мне. Выражение лица Бодо становится злорадным, левый уголок губ судорожно приподнимается.

— Если обещаете, что будет жарко, поиграюсь с вами. А потом сотрите из головы этот день: мне такой позор ни к чему.

Яфа кивает, но её друзья не довольны этим изменением в их планах: слышится негромкий протяжной гул — народ яростно возмущается. Алисия устремляет на них строгий взгляд, и шум исчезает. Точно проклятая ведьма.

— Эй! — встречаю я и подхожу к покровителям. Сердце подскакивает от ужаса. Что я творю? Один вдох и меня затягивает в зыбучие пески: я готова наводить суету. — Не думай, что я зажмурюсь, как бездомный котёнок, Алисия. Если хочешь похвастаться умениями, то лично проведи мне урок. Драться — наравне.

— Уже успели погрызться?

— Что за разлад между ними?

— Как новенькая могла ввязнуть в неприятности с дочерью правой руки?

Голоса из толпы исходят прерывисто, их много. Одно обвинение за другим.

— Затихните, — шипит Алисия как змея.

— Её великая проблема — ревность к учителю Коши, — обращаюсь к толпе я. — Кто начал эту войну — так это Алисия Бодо. Я не догадываюсь, что произошло между вами, но зачем втягивать меня в ваши дразги? Ты жалкая. Подлая. Грубая. Оскорблённая. Обезумевшая. Безвкусная. Затравленная. Бесстыдная. Девица, которая самостоятельно заслужила статус особо ненавистного покровителя в сфере, пробудила во многих желание безжалостно убивать. Разве не так?

Публика безмолвна. Только слышатся шаркающие звуки, шумное сопение и вздохи.

— Молчат, потому что боятся. Поэтому и хотят твоей кончины. Кому, если не мне озвучить мысли загнанных в угол покровителей?

— Я убью тебя, — презрение сменяется возмущением и резко перетекает в ярость. Я не ждала честной битвы, хотя так жаждала её. — Я убью тебя! — рычит Алисия. Толчком в плечо она ставит меня на колени. Боль пронзает не только ноги: я слышу, как внутри что-то

с громким щелчком трескается. Такое повреждение можно починить — мою гордость она всего лишь задела. Бодо тыкает пальцем в мой лоб, и я пошатываюсь назад от её невероятной силы.

— Ты умрёшь за свои слова. Голоштанку запросто облапошить, нейтрализовать — ещё проще, — продолжает Алисия, а затем заливается смехом, прерывисто аплодируя собственному представлению. Представлению, устроенному по моей воле.

— Смелей, — шиплю я и сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в кожу.

— Ты передо мной на коленях. Не отдавай приказы из ямы — я и только я смогу подать тебе руку и вытащить из глубокой могилы. Как знаешь, я не сама душка и без колебаний пну землю тебя в лицо.

Алисия обхватывает руками мою шею и, повисая надо мной как голодный волк, некрепко сдавливает её. Она не хочет скорей прикончить меня, стерва хочет, чтобы я мучилась, хватала воздух всеми способами и надеялась на спасение. Она даёт понять: здесь целая толпа, никто не окажет помощь, а она без сожалений, подобно кровожадному вампиру, будет высасывать из меня жизнь.

Я задыхаюсь, воздух выходит из меня с каждой секундой. Десяток озлобленных грабителей выбивают из лёгких последние плоточки жизни. Время кажется тягучей вечностью. Я прилагаю все усилия, всевозможно сопротивляюсь: бью Алисию по рукам, бултыхаю ногами, как утопающий, обязательно нуждающийся в спасении. Покровители замерли, взор застелила пелена, поэтому я не в состоянии рассмотреть их физиономии — вдруг они равнодушно смеются и ждут трагического окончания кошмарной пьесы. Я озираюсь по сторонам... И пустота.

— Не убивай её, — взволнованно просит Яфы. Да кто тебя услышит?..

Это точно не конец. Не такой. Из меня уходит жизнь, я чувствую, как натянутая струна вот-вот оборвётся, отвратительно тренькнув.

— Лис! — выкрикивает её мать. Нападающая смягчает хватку.

— Мама, я всё объясню. Моей вины в этом нет, — с небывалой твердостью уверяет младшая Бодо.

Вдыхая грамм воздуха, моё тело инстинктивно вынуждает меня приподняться и громко закашляться. Я ощущаю прикосновение мягких пальцев Грэма на моих плечах. Покинутая надежда возвращается и врзается в меня с невероятной скоростью. За его спиной я замечаю Владыку, черноволосую женщину и её крупного мужчину, по бокам отрешённо мнутя посыльные.

— Ты как? — шепча, спрашивает Коши.

— Нормально, — осипший и скребущий, как наждачная бумага, голос доказывает обратное. Учитель помогает мне подняться с тёплого пола, и я смело принимаю его помощь.

— Она мерзавка! — рычит Владыка. — Схватить и убить! — приказывает он своим посыльным. Я крепко сжимаю кожаный скрипучий рукав учителя, давая ему понять, что ни в коем случае не отпущу его, если ко мне дотронуться этих два олуха.

— Алисия отрицает свою вину, — начинает Грэм, осторожно убирая мою руку, и отец жестом останавливает посыльных. — Я достаточно знаю Милдред, чтобы убеждать вас в её невиновности. Действия этой девушки были бы нелогичны. Не исключаю возможность словесной перепалки, зачинщиком которой очевидно является Алисия. Она собиралась убить человека, — неожиданно Коши издаёт звериный рык. — А это непростительно.

— Думаешь, мы будем верить твоим догадкам? — выпаливает отец.

— Можете, Генри.

Народ оборачивается к входу, заслышав тяжёлые шаги. Зейн подходит к Коши, от него приятно пахнет резким парфюмом, волосы уложены, щёки наголо выбриты, чёрный камзол с меховой опушкой возносит парня и превосходит его владычество. Глаза выражают решительность и полную вразумительность в отличие от того самого проклятого вечера, но мне так же хочется нарезать их дольками, запечь в духовке и скормить ему «деликатес от Милдред».

— Я давно знаю Алисию, — говорит Зейн, после того, как поклонился «правительству». — Мы дружим с детства. Я бы ни за что не стал лгать, но в этот раз она заслуживает наказания. Она заложница собственного языка и распущенных кулаков. Я наблюдал, как Алисия многократно подстрекала Милдред.

— Хейз не грешна, — выходит вперёд Яфа. — Я отвечаю за всех присутствующих. Мы

видели, как Алисия набросилась на неё — без веских причин.

— Да!

— Так и было!

— Это правда.

Голоса из толпы звучат громче, чем в прошлый раз. Я замечаю раздосадованные лица семьи Бодо и Владыки.

— Какой занятный спектакль! — возглашает отпрыск Бодо. — Кто вам верить будет?

— Мы примем нужные меры, — решает мать. Дочь вопросительно смотрит на неё, а затем невинно хмурит брови.

— Грэм...

Он стоически смотрит на того, кого раньше любил: она обратилась к нему за помощью. Алисия резко отворачивается, как от пощёчины: мучительное осознание беспомощности. В глазах мужчины мелькает малозаметное злорадство.

— Мы хотим наблюдать процесс выговора, — предъявляет Коши.

— Этому не бывать, — возражает Владыка. — Мы не можем публично наказать влиятельную личность.

— Откуда нам знать, что она получит по заслугам?

— Она отсидит за решёткой семь дней, — тихо объявляет Флавиан, не обращая внимания на взбешенных подданных. Муж придерживает отчаявшуюся жену, поглаживая её по спине. — Потом проверишь. Хоть каждый день навещай.

— Тебе потом это обернётся, — угрожает мне Алисия.

Двое посыльных хватают её за предплечья, но она вырывается. За ней из тренировочной уходит вся верхушка сферы.

— Ты вернула долг — теперь мы в расчёте, — обращается учитель к Яфе.

— Этого недостаточно, чтобы расплатиться с тобой. Я не горю желанием выполнять мелочные поручения, испытывая незавершённость, и предлагаю постоянное сотрудничество.

— Это возможно.

Яфа оголяет зубы, и её веки целиком накрывают глазное яблоко.

— Я не буду благодарить, — полушёпотом заявляю Зейну. — Ты этого не заслуживаешь.

— Я пытался искупить вину.

— Впредь не мельтеши передо мной, иначе лишишься своей бесскелетной пятой конечности.

— Идём, Милдред, — говорит Грэм, явственно услышав моё жестокое предупреждение.

Мы переносимся в неизвестное мне место, далекое от замка. Небо источает жаром, и я интуитивно дую себе на лицо, выпятив нижнюю губу. Кругом подсохшие деревья, только несколько жёлтых листьев на тонких ветвях колышутся под дуновение слабого ветра, большинству всё-таки удаётся приземлиться на высушенную почву, некоторым судьба уготовила воздушное приключение.

Поодаль виднеется чёрная ротонда. Когда мы входим внутрь, я обнаруживаю её просторность: сюда вместились бы половина друзей Яфы. Полукруг ротонды занимает потускневшая каштаново-коричневая лавка.

Грэм не сказал мне, зачем мы здесь. Взгляд покровителя говорит, что это место доставляет ему дискомфорт. Возможно когда-то, в моменты одиночества, он обращался к живым деревьям, находил утешение в забытой всеми глуши и одном единственном месте здесь, где можно спокойно усесться.

Коши медленно поворачивается вокруг своей оси, с поднятой головой осматривая ротонду.

— Здесь хорошо, — произношу я.

— У тебя, должно быть, много вопросов, — он опускается на скамью, жестом приглашая меня сесть. Я соблюдаю, наверное, желанную Грэмом дистанцию, усаживаюсь с краю, расслабляю ноги, сбавляя онемение стоп.

— Разве я могу? Ворошить болезненное прошлое...

— Моё прошлое меня не задевает, — категорично говорит он. — Спрашивай всё, что хочешь услышать.

— Вы сами говорили, что мне не позволено соваться не в своё дело. Предаёте свои же слова?

— Моя личная жизнь по случайности разделилась с тобой. Тебе нужно знать суть действий Алисии.

— Зейн. Почему он такой ужасный?.. И как он может...

— Его девушка погибла, — со вздохом вклинивается Коши. — Сара. Её принесли в тренировочный зал. Ты её видела.

Я ненароком вспоминаю мертвенную красоту покровительницы.

— Отношения у них были ядовитые. Зейн всегда был дьяволом, но после того, как Сара ушла, всё кардинально изменилось: стало не над кем измываться. Таких, как она, выносящих его безумство, не нашлось.

— Он сказал, что вы лучшие друзья.

— Ранее он помогал мне, пока не предал.

— Если он изменник, как вы уговорили его на благой поступок?

— Я назначил ему жестокое наказание. Он испугался, когда узнал его детальное содержание, спас собственную шкуру и бросил друга детства — Алисию.

— Я не буду с ним вежливой. Он заслуживает зверств.

— Разумеется. Ты получишь его, когда придёт час.

— Грэм, думаете, я стану покровителем? — невзначай задаю вопрос, мучающий меня каждую секунду в сутках.

Он переводит глаза с огненного неба на меня, несколько секунд их не отрывает, а затем кивает.

— Я буду стараться, — громко возглашаю я.

— Через пару дней начнём тренировку. А пока изучай историю.

— Читать легче, чем видеть кровь, убийство. Я прочувствовала каждое событие, поставила себя на место Касьяна и Алойза.

— И в чьей шкуре лучше?

— В шкуре убийцы, а не сумасшедшего предателя. Но, по крайней мере, этот преступник позднее совершил поступки во благо, а Алойза интересовали слава и деньги.

— Алойз и Касьян отражают нынешнее общество. Те, кто делает дела во благо, способен на подобный ужас. И лишь бы «во благо». Убить душегуба, вора, насильника, живодёра...

— Мир никогда не поменяется. Люди ни за что не предадут своих тараканов, — я хмыкаю.

— Поэтому мы никого не жалеем. Милдред, когда мы сокрушаем фаугов, позволяем природным явлениям произойти. Умирает невинный народ, младенцы, великие умы с

грандиозными идеями, и нам ежедневно приходится допускать такой исход.

— Как я могу так поступать?

Моё сердце сжимается до атомов, когда я представляю горюющие по своим родным и детям семьи. Они лишаются всего, если утрачивают родственников. Кому как ни мне знать разрывающее на куски душу чувство.

— Привыкнешь. Судьбой предначертано — они должны погибнуть, а мы не вмешиваемся в людское.

— Но их же можно спасти, если не убивать фаугов!

— Если не убивать фаугов, нарушится равновесие, планета начнёт медленно разрушаться и приблизится к концу. Это будет иметь страдальческие последствия и для человечества. Ты невнимательно читала историю?

— Откуда вам знать, что это правда?!

— Один раз я намеренно пропустил фаугов, чтобы они поглотили цунами. Люди выжили. Но потом их настигла агония в виде туберкулёза. Они умирают в муках, а могли быстро и безболезненно уйти.

— Почему Алисия так ненавидит меня? — Я оставляю разговор о человечестве, не желая выслушивать безжалостные суждения.

Грэм молчит и тихо погружается в раздумья, рассматривая дымчатый туман в конце тропинки, уходящей от ротонды.

— Она раздражена. Ты — со мной, она — одна.

— Я попрошу поделиться о том, что между вами произошло — вы мне расскажете?

— Ничего необычного, — отмахивается покровитель. — Обыкновенная склока.

— Ну конечно.

— Эта история закрыта, — говорит учитель.

— Как пожелаете. Я отправлюсь в свою комнату.

Коши кивает в знак одобрения. Я следую в темницу. Планировка замков сферы Голубой Бирюзы и Чёрного Оникса немногим отличаются, поэтому моя догадка полностью подтверждается. Я спускаюсь по винтовой лестнице-башне, двадцать пять градусов тепла сменяются пятнадцатью... десятью. Нужно было позволить Найджелу запереть меня в клетке: восхитительная прохлада прибавляет сил.

Мрак окутывает весь коридор, сплошь усеянный металлическими дверями. Ноздри обжигает запах ржавого металла, на удивление — приятный.

— Подскажите, в какой камере Алисия Бодо? — спрашиваю я у сторожа.

— В конечной по коридору, — неохотно бормочет он, чавкая овсяным печеньем.

Идти приходится долго. Здесь, должно быть, много заключённых, но я не слышу ни одного крика, даже вздоха или шуршания. Значит ли это, что предполагаемые мною пытки сокрыты звуконепроницаемыми стенами?

Наконец я нахожу нужную камеру, роскошную по сравнению с остальными. Маленькое окошко, как глоток воздуха, открывает вид на кровать с белой постелью, рядом, на тумбе покоится стакан воды. На подушке сидит Алисия, погружённая в свои мысли, её взгляд сосредоточен на стакане, спина прямая, хотя колени её поджаты и она окольцовывает их руками.

— Как самочувствие? — деланно спрашиваю я. Она даже бровью не водит.

— Пришла потешаться?

— Надо же! Тебя поместили в шикарные апартаменты.

— Этого стоило ожидать. Я дочь влиятельных покровителей.

— Без сил и великой власти я одержала верх над «дочерью влиятельных покровителей».

— Это ненадолго, — смеётся Бодо и, наконец, смотрит на меня. — Почувствовала всемогущество? Для такой нищенки достаточно счастья. Я выйду отсюда и отомщу тебе: ни одно насекомое об этом не узнает. Грэм тоже.

— Разве? С твоим контролем над бешенством мне в это с трудом верится.

— Ты представить не можешь, насколько я злопамятна, — она подходит к двери с зарешённым окном, которое запросто могла бы снести единым ударом кулака. Видимо, здесь что-то нечисто. — Я буду смаковать тебя, растягивать удовольствие, попивая коктейль из твоих органов.

— Спасибо за такую честь. Отправишь мне потом рецепт?

Девушка разъярённо хлопает по решётке, а затем оббивает ладонями толстые прутья.

— Смотри, не подавись, если кусочек моего сердца попадёт не в то горло, — предупреждаю я и ухожу, зажигая позади себя мосты.

— Я четвертую тебя, слышишь? Ты даже умолить о пощаде не успеешь. Ты заплатишься за свой поступок. Напрашиваешься, мерзостная голошганка, — кричит Алисия, избивая металл. Громыхание вынуждает сторожа подорваться со стула и поплестись в конец коридора.

Побеждают люди, пропитанные гневом, но умеющие сдерживать его.

Моя рука зажила, как и все раны и царапины на теле. За одну неделю я покалечилась больше, чем за всю жизнь, а такие оплеухи судьбы я отхватывала частенько. Я не особо жаловала дружбу с соседскими детьми, с одноклассниками беседовала поверхностно, зато была неудержимой, если кто-то бросал хоть одно оскорбительное слово в мою сторону, — вот тогда я получала ободранные локти, синий фонарь под глазом, вырванную белую прядь. И тогда мне с бабушкой приходилось общаться с их родителями, выживающими из меня извинения. Я, непосредственно, либо упрямо молчала, либо сбегала к Айку. Вечером любимая бабуля ожидала меня после тяжкой работы, с приготовленными вкусностями на кухне.

— Извини, — промолвила я.

— Говорить нужно было перед несчастной девочкой.

— Она обзывала меня беспомощной сироткой!

Бабушка пождала губы и поплелась наверх в собственную спальню.

— Что за гены, — неустанно шептала она, поглядывая на меня за чашкой чая: каждый день — каждое утро в процессе сборов в школу, каждый вечер перед сном, когда я не могла улечься в кровать, перелазила через окно и лежала на крыше, выглядывая обещанный новостями метеорный поток. Всегда.

Она терпела всякую мою выходку, неизвестным способом заглаживая вину перед семьями, жутко обозлившимся на беловолосую дьяволицу. Такой меня сотворили Джюель Бертран и Уильям Хейз, навечно покоящиеся в жёлтой рамке на моём письменном столе: они бросили меня.

— Я упражнялась по ночам, — признаюсь Грэму. Очередной раз я засматриваюсь на рукоять его меча, инкрустированного глянцевым ониксом. Самый крупный камушек располагается посередине и имеет параллельные светлые полосы.

— Я слышал, — говорит он.

Я ждала, что Грэм будет проявлять недовольство: Милдред не следила за здоровьем, не давала ранам спокойно затягиваться, и ему не сдалась хромая ученица, но он только непринуждённо посмотрел, проговорив «я слышал».

Я старалась быть бесшумной, ступала на цыпочках, без лязга рассекала мечом воздух, поминутно делала перерывы, чтобы моё дыхание не снесло дверь.

— Ты много практикуешься, — подтверждает Коши. Я допускаю осторожную улыбку.

— Большое спасибо. За спасение.

— Мне тоже была выгодна эта ситуация.

— Славно. Тогда... начнём?

Коши соглашается кивком головы и, не раздумывая, принимает стойку. Я повторяю его действие. Мы снова кружим по всему помещению, взмахивая оружием, перебегая то быстро, то медленно. Мы парим как две насмерть дерущиеся птицы, и цель каждой — заставить противника утомиться и сокрушить его.

— Сколько силы вы используете, тренируясь со мной? — интересуюсь я, продолжая двигаться по залу на полусогнутых коленях, наострив слух, прослеживая движения Грэма. Любой чирк сапога, встряска вороньих волос, чешущееся плечо что-то означает. Он не позволяет себе бесполезных жестов, в то время как моя незадействованная рука постоянно в невесомости. Тем не менее я выполняю каждый приём, каждый выученный трюк молниеносно, от привычки.

— В соответствии с человеческой.

— А я думала, почему вас так надолго хватает? — запыхавшись от усталости, отмечаю я. — У меня чувство, что я разваливаюсь. Покажете?

— Я продемонстрирую всю свою силу, когда ты будешь наблюдать за моим сокрушением.

— О, и когда же я удостоюсь такой чести?

— На экзамене.

— Экзамен...

В школе мои знания, любую попытку стать лучше демонстративно презирали, но в университете я не позволила к себе такого отношения. Я всегда не щадила себя, ради экзаменов, не спала по несколько дней, а когда наступал день отдыха — дремала шесть часов и садилась проверять всё, что написала. Это забирало почти всю мою энергию, однако я продолжала следовать такому распорядку. Айк вечно брюзжал на меня за литры выпитого в день кофе. Никто из преподавателей не заикался о том, какая я «тупая и необразованная» — они уважали мои умения. Я отчеканивала формулы минералов, как таблицу умножения, без ошибок чертила геологические карты, довольно было одного мимолётного взгляда, чтобы различить обсидиан и чёрный агат.

— Второй экзамен должен показать, на что ты способна.

— Я убью фауга.

Молчанием Грэм подтверждает мою догадку. Мне хочется тренироваться ещё больше, пить крепкое кофе без сахара, разгонять свою кровь, нарабатывать руки, тело, чтобы они двигались плавно и последовательно, как долговечный механизм.

— Следи лучше за тем, как туго держишь своё оружие.

— Мои человеческие силы не вечные. У меня кисти ломит.

— Продолжим завтра, — резко высказывает учитель.

— Неплохая идея, но я хочу сейчас.

— Тогда придётся сжать кулак на рукояти покрепче. Ну же.

Учитель подзывает меня, чтобы я начинала. Один раз он позволяет кольнуть в него мечом, но затем Коши наносит сокрушительный удар: наши лезвия со звяканьем скрешиваются. Я не сразу замечаю, что мне теперь нечем отбиваться, а мышцы изрядно напряжены. Я тихо бранюсь и тянусь к чёртовой железке, но в этот момент, пока я в полуприседе, Коши толкает мою единственную защиту: она уезжает и ударяется об стену, тогда как моей шее угрожает гарантия безопасности Грэма. Двинусь — порежусь.

— Оплошала из-за слабости, — будто приговор, заключает Грэм. — Не щади себя в тренировках, однако если пойдёшь хлипкой в сражение с фаугами — он убьёт тебя первым.

— Разумеется. Убьёт, — я оглядываю высящуюся надо мной чёрную скалу, которая бесцеремонно грозит мне скорой гибелью. Я немедленно поднимаюсь, иду в конец зала и забираю свой меч. — Мне пора в библиотеку. Не против, если позже зайду к вам?

Грэм короткое время медлит, а затем соглашается: видимо, у него были планы.

Помимо манящего запаха старой бумаги меня, загородив дорогу, встречает мадам Бланчфлоер.

— Приветствую... мадам Бланчфлоер? — спрашиваю я, чтобы произвести на неё впечатление правильным произношением. Женщина улыбается, сверкнув светло-голубыми глазами. В тёмном зале её золотистые волосы светятся и отливают белыми бликами. Губы подчёркивает чёрно-красная помада, естественные ресницы достают до бровей. Я бросаю взгляд на роскошное рубиново-красное платье с глубоким декольте, раскрывающим небольшую грудь; тонкую длинную ногу открывает вырез одеяния; обувь представляет собой открытые туфли на шпильках.

— Ни разу не приветствовала, — авторитетным голосом делает замечание покровительница. Ей может быть семьдесят, а то и более. Покровительской молодости хватает на век, пока их не настигает старение и увядание дара и они не переправляются в город.

Я не видела необходимости знакомиться с ней, если собиралась смотреть историю в читальном зале. Мадам Бланчфлоер либо расстроена, либо злится, потому что сочла это за неуважение.

— Приветствую, — я говорю непринуждённо, чтобы не казаться подчинённой её упрёком.

— Не желаешь пройти? Вина выпить? — она указывает на свой мрачный кабинет.

— Я занята. История ждёт.

— Забудь, — посмеивается она. — В сфере Чёрного Оникса она не имеет никакого значения. Если Грэм тебя гоняет, ему пора начать общаться с девочками Аметистовой сферы и обучать их. Разве приятно быть такой заучкой?

Женщина пропускает меня вперёд. Ещё не заходя внутрь, до меня доносится дурманящий запах духов, свежего алкоголя и косметической пудры.

Здесь оказывается настолько темно, что мне становится не по себе: не загнала ли серая мышка в норку лакомую добычу? Женщина щёлкает пальцами, зажигается пара свечей.

— Люблю темноту.

Я бросаю на неё мимолётный взгляд и продолжаю осматривать её кабинет. Нет, это комната.

В углу располагается кровать цвета слоновой кости, изголовье венчает три шёлковые подушки — розовой, оранжевой и синей. Справа от спального места размещается деревянная

округлая тумба с фигуркой: играющая на скрипке девушка в белоснежном платье с золотистым корсетом. Другой угол украшает пузатая серебряная ваза с белыми пионами. Окон, как и в большинстве помещений, тут нет. Повсюду «разбросаны» подсвечники, которыми хозяйка не пользуется.

Под рукой мадам Бланчфлоер обязательно есть небольшая библиотека. Неужели ей не хватает той, что занимает весь этаж? Я подхожу ближе и молниеносно понимаю, зачем здесь, как я думала, очередное отполированное дерево.

Над шкафом блестит алюминиевая вывеска с надписью «Драгоценное». На полках покрываются пылью книги с изумрудными, бардовыми и чёрными бархатными обложками, на самой верхней стоит одна лишь полуоткрытая книга с золотым срезом. По всему помещению группами и одиночно покоятся всякие фарфоровые, бронзовые и дубовые статуэтки. За них можно было бы получить целое состояние, ссылаясь только на количество.

— Мы не знакомы, но я тебя знаю, — сообщает женщина.

— Очевидно, вы слышали обо мне. Грэм ворчит, что у меня теперь... хорошая репутация.

Мадам Бланчфлоер приносит бутылку красного вина и два бокала. Со стеклянным звуком их доньшки приземляются на ониксовый стол: на нём только пара-тройка бумаг и перьевая ручка.

— Слышала. Но я рассчитываю обсудить не твою славу, — она приостанавливает свои действия. — А твою мать, которой удалось переплюнуть сатану.

— Присаживайся.

Мадам Бланчфлоер предлагает мне сесть на мягкое кресло.

— Я не понимаю. Что вы говорите о моей матери?

Библиотекарь наполняет жидкостью два бокала — один из них протягивает мне.

Женщина садится, а затем, расслабив плечи, закидывает изящные ноги на стол.

— Я была рада, когда узнала, что её дочь начала обучение. Джюель попала сюда прежде, чем воспитала тебя. Ты совсем её не знаешь?

— Имя, фото и ваши оскорбительные слова.

— Ты похожа на неё. Волосы, глаза... и немного характером.

— Буду считать это комплиментом, — выговариваю я и делаю глоток вина.

— Джюель — Владычица сферы Голубой Бирюзы. Таких бесчувственных правителей я никогда не заставляла, хотя живу достаточно. Она ничто. Пустота. Её не волнует чья-то жизнь или чувства. Но я рассчитываю на тебя, Милдред.

И как только угораздило властвовать и приказывать той любящей, жизнерадостной девушке на фотографии?

— Я? Полагаете, она будет мне верить, потому что я её родная дочь?

— Уверена, все на тебя рассчитывают. Ты — надежда многих. И моя надежда.

— Почему я должна вам доверять?

Мадам Бланчфлоер нервно вздыхает и убирает ноги.

— Мой муж уже пять лет узник: покровитель сферы Чёрного Оникса заключён в темнице сферы Голубой Бирюзы. Джюель пошевелила пальчиками и по её приказу они обустроили всё так, чтобы он оказался предателем. Владычица подумывала, я стану её марионеткой, но я защищаю свой дом во что бы то ни стало. Его мучают пытками. Каждый день.

«Она ничто. Пустота. Её не волнует чья-то жизнь или чувства».

Чья-то жизнь. Она кого-то убила или вынудила пойти на смерть.

«Мне не нужно, чтоб ты целовала меня в лоб. Я и так усну», — проговорила в моей голове маленькая я, жаждущая родительской любви.

— Это ужасно, — тихо выдавливаю я.

— У неё есть план, как низвергнуть Владыку, семью Бодо и не дать кому-то сильному заполучить власть. Лёгкий путь её замысла — это я.

— Почему ваши сферы разладе?

— Давняя вражда. Мы никогда не ладили между собой: боролись за превосходство. Пока к правлению не пришла Бертран, оникс процветал, но сейчас всё наоборот. Твоя мать мечтает быть лучшей из лучших и не остановится, пока за спиной разгильдяя Флавиана Эбурна стоит сильнейшая семья Бодо.

— Как вы можете помочь ей?

— Раньше я и Флавиан плели интрижку. Я знаю, его историю детства, его душу, как он мыслит и множество его принятых решений. Джюель хочет, чтобы я оклеветала его, настроила мой народ против него, и они проголосовали за его свержение. Останется получить согласие от каждого действующего Владыки: Бирюза без раздумий отдаст голос, Аметистовая сфера тоже не прочь назначить кого-то благоразумного. В суматохе новых

выборов Бертран собирается стереть семью Бодо, как снежный след. Дальнейшие цели она держала в секрете от меня.

— Вы не предали сферу даже ради мужа.

— Он достаточно натерпелся. Я хочу вырвать его из лап Джюель.

— Я обязательно обсужу это с вами, если стану покровителем. Помогу вам, мадам Бланчфлоер, только если вы сказали одну правду. О моей матери тоже.

— Благодарю. Я найду чем отплатить.

— Славно. Мне пора учить историю.

— Будет свободное время — приходи выпить. Что тебе нравится?

— Крепкий виски.

— Смелый выбор. Отныне оно всегда у меня на полке.

Я награждаю женщину улыбкой и направляюсь в читальный зал. Привыкать здесь читать было ошибкой — сегодня зал почти заполнен. За любимым столиком сидят два человека или покровителя. Тишину прерывает звук моих шагов, несколько читателей мимолётно поднимают голову, а затем опять погружаются в чтение.

Я беру нужный мне том и как можно скорее ухожу из этого места. Заглядываю к мадам Бланчфлоер, расписываюсь за взятую вещь. Было бы это простым чтивом, я бы расположилась в ротонде или где-нибудь во дворе, но единственное место, в котором я могу смотреть видения — моя комната.

Касьян медленно и задумчиво похаживает от одной рощи деревьев, стволы которых поросли мхом, к другой, ступая по мягкой почве, заросшей мелкой травой. Неподалёку порхают бабочки с крылышками молочного цвета. Изумрудный лес извещает о новых птицах, донося их мелодичное пение.

Между двумя рощами разбита горчичная потёртая палатка. Сидя на лоскутном покрывале, Гайюс перекладывает пергаментные бумаги одну за другой и каждые пять секунд поправляет очки, чтобы они не сползли на нос. Справа от него лежат две стопки толстых книг, а слева — груда бумаг с записями на итальянском языке.

— На востоке завтра землетрясение. Нам туда не добраться, — говорит он.

— Двадцать восемь лет. Я не бездействовал. При помощи твоих секретных книг о магии мои мечты воплотились в явь. Оникс — мощный противник для негативной энергии. Оникс любит, тянется к кровожадности. Его мы и задействуем, потому что нам требуется именно такая армия. Вот только я не уверен в голубой бирюзе.

— И почему же?

— Ты доказываешь, что будущая армия обречена на вечное уничтожение фаугов, что им нужна... любовь?

— Это больше не обсуждается, — отшучивается меценат. — Я обожаю страстных людей, способных хоть иногда отвлечься от мирских проблем.

— В дальнейшем это станет помехой. Попомни мои слова. Грязные мысли будут затмевать их долг.

— Не будь таким занудным, Касьян! Я тоже думаю о благополучии нашей ненаглядной планеты. Но видишь ли ты, каков народ? Все не без греха. Ты не создашь бесчувственные механизмы, даже если очень сильно постараться. Все они люди, которым внедряют магию в кровь.

— Пусть будет так. Голубая бирюза идеально нам подходит, — сквозь зубы

проговаривает Касьян.

— Продолжим. Все камни должны очищать от негативной энергии. Наш камень безмятежен там, где место обитания принимает его, то есть соответствует его цвету. Пятилетние расчёты принесли много пользы. Голубая бирюза — воздух, аметист — космос.

— Великое существование армии должно быть оплачено. Таким созданиям недопустимо жить вместе с обыкновенными людьми: нельзя, чтобы они знавали хоть крупицу магии.

— Я спрошу снова: Руф справится?

— Конечно! Безоговорочно! Мой сын ступает по каждому моему следу, — радостно говорит Касьян.

Картина сменяется ночью. Согласно календарю миновал один год. Борода Касьяна завилась в пушистый паучий кокон, она потеряла свой шоколадный оттенок, а стриженные редкие волосы на голове открыли светло-коричневую от старости кожу. Гайюс тоже приобрёл морщины на лице, но его длины всё такие же лилейные; глаза, как и шесть лет назад полны сил, осанка неимоверно прямая.

Внутри комнаты входят три человека в чёрных плащах и широкополых шляпах. Меценат приказывает поставить коробки в пустой угол и оставить открытыми. Вместимости наполнены камнями: одна — аметистом, другая — чёрным ониксом, а третья — голубой бирюзой.

— Моя магическая энергия всегда будет снабжать стены замков, укрепляя и расширяя их, будет давать постоянный источник дляковки новых мечей, — толкует Гайюс, восседая на кресле.

— Что до мечей... Руф поначалу займётся этим, а затем найдёт хранителей и кузнецов, смело выполняющих свою работу.

— Это я и планировал. Согласно великому обязательству, кланы посвятят жизни нашему делу. Они будут аналогично мне, нащупывать явление природы. Только так возможно остановить бессмертных фаугов.

— Мой сын сможет, — обнаружив сомнения друга, уверяет Касьян.

— Я со своим бывшим товарищем по клану создам эликсир. Главное посадить зёрнышко, чтобы потом пожинать плоды.

— Поверить не могу, что мы вершим историю. Я не верю, что так мало людей в этом участвует и формируют громоздкий труд. Я... я с гордостью скажу, что прожил жизнь не наутёк. Если бы не ты, Гайюс, я бы никогда не нашёл решения и ещё несколько лет искал бы чудо, которое использовал Алойз. А я-то считал его глупцом. Видимо, он так же долго разыскивал хранителя, как и я.

— За эту ошибку мы будем расплачиваться вечно: прислуживать армии человекоподобных творений.

— «Если бежать, то только вперёд. Ренегат умирает вторым».

— Больно-то как, — шепчет Гайюс. Он встряхивает головой, отгоняя нежелательные, но такие необходимые в эту секунду слёзы. — Попрощайся с Руфом.

— Сделаю. А ты? Ты простишься с Амплием? Вы так много грызётесь — столько фаугов в месяц не плодится.

— Я люблю его. И... никакие стычки не станут нашим препятствием. Ведь... — глаза Гайюса извергают слёзы. — Ведь все эти годы он всё равно оставался рядом. Он будет любить меня до гроба, никого к себе не подпустит. Верю ему, как никогда самому себе не

доверял.

Касьян прижимает его к своей старческой груди, как родного сына. Они давно потеряны, давно парят над землёй, готовые окончательно оторваться и взлететь, как два больших чёрных орла, и отныне не приземлится.

Перед моими глазами мелькает день: пушистые облака сменяются синевой, усыпанной звёздами, а благородный полумесяц, тонкий как ниточка, образует вокруг себя небольшого диаметра мерклое гало. Здесь пахнет сырой прохладной ночью в тёплое июньское лето, и ещё — решительностью и смертью.

Касьян плетётся к товарищу, он сжимает в руке деревянный оберег, больше похожий на семейную реликвию. Подарок от Руфа, драгоценного сына, его последователя, создателя истинных покровителей.

— Хранители ждут, когда мы создадим сферы. Они покидают Землю, — выдавливает Гайюс с болезненным осознанием. — Я попросил Амплия выполнить мою последнюю просьбу.

— Близкие завершат наш труд.

Гайюс достаёт из кармана штанов смятый листик и читает:

— Порошок аметиста, оникса и бирюзы, свежая дождевая вода, застывшая лава и пять граммов почвы с места падения метеорита.

— Ты пятый раз проверяешь, Гайюс.

— Знаю, — печальная улыбка с долей оптимизма. — Просто хочу отложить кончину на пару минут.

— Ха-ха... Ты не перестаёшь меня поражать.

Посреди пустого поля, окружённого небольшими рощами мшистых деревьев, стоит Гайюс со своим лучшим другом. Подле них размещён столик с жёлтым плотным куском пергамента и двумя флягами — они содержат в себе мерцающий эликсир.

Гайюс всматривается в исчерна-синее небо, луна озаряет каждую погрешность на его лохматом лице и череду мокрых дорожек.

— Я иду к тебе, Алойз, — шепчет Касьян.

Два друга крепко-накрепко сцепляют свои ладони. Оба хватают флягу и выпивают до оставшейся капли. Касьян брезгливо кривится и громко выдыхает, как после высокоградусного спиртного напитка.

— Любимый Амплий, разлучаюсь с тобой.

Гайюс, кажется, не нервничает, но дрожащий лист в его руке выдаёт упрямое волнение. Мужчина медленно произносит первые строки, к нему присоединяется Касьян. Их голоса сливаются в один низкий и громоподобный: хранитель делится силой с обыкновенным человеком, видимо, с помощью бурой смеси. Слившиеся голоса сотрясают Землю, они раздаются повсюду, будто окутанные шумом беспокойных волн.

Вдруг мой взор ослепляет вспышка, она окутывает всё поле, возвышается до небес, разгоняя ночные облака цвета свинца. На землю сыплются белые искры, звучит продолжительное шипение, и уши неистово закладывает, высверливая проход к мозгу. Нос улавливает запах горелой плоти.

Хранителя и Касьяна разорвало на мириады крупиц, отправившихся наверх. Некоторые крохотные искорки шипят на поверхности почвы, они ещё не совсем погасли, но продолжают броско отсвечивать. Затем я слышу еле слышное угасание. Тишина приятно щекочет барабанные перепонки.

Июньский день, вечер и звёзды.

С этой самой секунды роскошные замки, к которым Гайнос определённо приложил руку, населяют покровители, там живу и я.

— Милдред! — меня приводит в чувство голос Грэма. Он трясёт меня за плечи, моя голова болтается, как листик на ветру: лениво и непослушно.

Я подрываюсь с постели и отползаю на подушку. Вытираю ладонью пот, градом стекающий по моему лбу. Мне кажется, что сейчас от тела исходит пар, а дышу я огнём.

— Что произошло? — спрашивает Коши.

— Что-то произошло?!

Он отходит от кровати, вид его твёрдый как сталь. Я озираюсь по сторонам, поджимаю колени и обхватываю их руками.

— Да, — протягиваю я, — я видела смерть. Снова. Хочу, чтобы это закончилось.

Тревога и горечь начинает нарастать, в горле появляется ком и мне хочется выплакать все слёзы, крикнуть.

Грэм садится в изножье кровати. Он поправляет завернувшийся дол кафтана, отпускает рукоять и сплетает пальцы в замок. Безмолвствуя, покровитель смотрит на меня исподлобья. Редевшая передняя прядь тёмных волос, касается его острого подбородка, и я моментально подавляю горячее желание избавиться от неё.

— Учитель...

Я не успеваю назвать его фамилию, как он обрывает:

— Таким, как ты приходится преодолевать ужасные трудности. Милдред, — он ловит мой взгляд, концентрируясь только на нём, словно ничего вокруг, кроме нашего зрительного контакта, не существует, — тебе будет сложнее, чем остальным... Потому что ты отличаешься от них.

— Отличаюсь? Чем, Грэм, почему вы не говорите?

Мой взглас выводит его из эмоционального состояния, и он становится таким же, как и всегда: стылым.

— На тумбе мешок льда. Ты вся горела.

Учитель выходит из комнаты, оставляя меня наедине с тысячей вопросов. Конечно, он это сделал и сделает снова.

Я засыпаю с компрессом на шее, пробуждаюсь, умываюсь и иду в трапезную без толики аппетита. Желудок всё чаще издаёт раздражающие урчащие звуки.

С каждой пройденной ступенькой мне хочется кричать: «Я это сделала!», но впереди ещё одна такая же длинная лестница с высокими ступеньками, преодолеть которые можно лишь с помощью шпагата.

— Разрешишь тебе помочь?

Я оборачиваюсь и обнаруживаю Яфу, с интересом наблюдающую за моими страдальческими попытками «доползти» до еды.

— Ты случайно не потешаться пришла? — спрашиваю я, и хватаю ртом воздух.

— Разве я выгляжу такой плохой? — Девушка заправляет волосы за ухо, протягивает мне ладонь и приподнимает брови. — Ты выглядела властно, даже когда самая известная гадюка поставила тебя на колени. Все, кто её враг — мой друг, а друзья помогают друг другу. Я тоже в трапезную. Тяжёлый день должен заканчиваться вкусными кремовыми пирожными, — она задорно скалит зубы.

— Ладно. Один раз! Один раз я готова переступить через свою гордость.

Я принимаю тёплую руку покровителя. Мы переносимся в одно короткое мгновение.

— Весело, — иронично говорю я. Мы с Яфой заказываем пирожные с кремом и кофе с корицей.

— Тебе от меня что-то нужно? — спрашиваю я, смакуя десерт.

— Не-ет. Ты настолько недоверчивая?

— Это лучше, чем верить всем подряд и уповать на то, что все они окажутся хорошенькими. Я тебя даже не знаю.

— Ты права.

— От меня что-то утаивают, — совсем тихо сообщаю я.

— Я была такой же, как ты: потерянной, злой и немного пугливой. Когда мне исполнилось восемнадцать, меня забрали с похорон моей подруги. Я ненавидела это место за то, что даже не дали попрощаться. Позднее я смирилась со своей нелёгкой судьбой. Конечно, моё упрямство украло у меня целых два года, а сколько фаугов я бы сокрушила! Меня держали в темнице по несколько месяцев. Однажды я даже напала на Грэма, потому что он помог посыльным предотвратить побег. Ох, а как я потом отхватила! Но... сфера Чёрного Оникса стала моим домом, все здесь стали моей семьёй.

Я отвожу взгляд, смущённая откровением Яфы.

— Да уж, — выговариваю я. — Я могу поинтересоваться?.. Насколько Грэм силен? Вермандо рассказал мне, что он один из лучших покровителей.

Девушка хмыкает и делает глоток кофе.

— Не будь у нас бессмертия, Грэм перебил бы всю мою сферу за пять-десять дней.

— О... Это весьма удивляет.

— Он тренируется с тобой на равных. В сражении ты его не видела, а это, поверь мне, настоящая мясорубка.

— Признаюсь, я напугана.

— А может, ты станешь сильнее него, — предполагает Яфа. Некоторое время её слова вводят меня в ступор. Пророчество, видения, силы. Знает ли она?

— Не исключено.

По окончании трапезы Яфа перемещает меня во двор.

Я не знаю, что собираюсь здесь делать, но стены всё больше и больше стискивают меня. Неизведанность повергает меня в ужас. Мне *необходимо* чувствовать себя в безопасности, как на Земле, в своей родной постели, как рядом с Айком.

Огненную высь закрывают огромные гущи белого дыма. Сегодня они заполнили весь обзор на алые завихрения, ветра совсем нет — я чрезмерно вспотела. Кажется, мне придётся собрать багаж и таскать в нём веер, мокрую тряпку и флягу с водой: на все случаи жизни и для таких безмолвных дней. Невыносимое пекло изматывает больше, чем ходьба по лестнице, а она стоит всей моей энергии. Воспоминания о прохладной морской воде и дующем до головокружения бризе вынуждают меня заулыбаться и впасть в отчаяние. Чем больше подобных мучительных мыслей, тем раздражительнее я становлюсь.

— И как тебе здесь? — позади меня раздаётся игривый голос Найджела. Его компании мне до безумия не хватало!

Я сердито дёргаю головой и поворачиваюсь к покровителю.

— А я уповала на то, что больше не увижу твою лучезарную рожицу.

— В моей сфере тебе ещё Испытание проходить. Буду мельтешить перед тобой, как

бельмо на глазу.

— Зачем ты здесь? Не думаю, что членам двух враждующих сфер можно заходить друг к другу.

— Ой, мне до лампы. Я удивлён, что ты осталась в живых: здесь все такие противные и жестокие.

— Несколько раз чуть не убили. Я не намерена подставлять руки бешеным псам, которые градом осыпают меня оскорблениями.

— Смело-смело. Мне следует хорошенько пораскинуть умом, и выяснить, чем же ты отличаешься от Джюель.

— А как же твоя ненависть? Собираешься тратить свой отдых на размышления о заклятых врагах?

Найджел стискивает челюсти и нервно посапывает носом, затем еле слышно стучит кончиком меча по засохшей и потрескавшейся от жары земле.

— Это она тебя послала? — спрашиваю я.

— Ты про Владычицу? — Найджел не скрывает смеха. — Ей плевать.

«Ей плевать. Ей плевать», — эхом проносится в ушах. Это ожидаемо, и как же больно это слышать.

— Я сам пришёл. Нужно знать, как живёт доченька моего самого злейшего неприятеля.

Я приближаюсь к Найджелу. Даже будучи ниже, я смотрю на него свысока. Найджел не дёргается с места, наоборот, в нём появляется всё больше уверенности.

— Настраиваешь меня против матери? — тихо проговариваю я. — Враг моего врага — мой друг?

Я вешаю собственную абсурдную лапшу на уши. Она ничто. Пустота. Но вдруг моя душа такая же каменная пустошь?

Мужчина усмехается, отходит от меня на пару метров и смотрит в небо.

— Ты с ней — одной крови. Сейчас ты слишком жалкая, но поверь, я уничтожу тебя, когда ты станешь покровителем. Негоже мне убивать букашку! Ты будешь молить меня о пощаде так же, как и чертовка Джюель, тогда как я распорядюсь бросить вас на растерзание фаугам. Конечно, это завершение желанной расправы, а вот процесс наиболее занимательный: я заставлю вас страдать всеми способами, а начну с того, что вам та-ак дорого.

Последнее слово уплывает вместе с покровителем. От злости я швыряю ногой тяжёлый камень — носок простреливает боль.

Он тронет Айка. Найджел выглядел убедительно безжалостным, а такие существа ни перед чем не останавливаются. Дети расплачиваются за ошибки своих родителей — неоспоримый факт. *Ненавижу!*

Я должна быть сильнее ради себя и своего друга. Я буду защищать его, чего бы мне это ни стоило. Он всегда делал это для меня — настало моё время отплатить ему. Я стану тем, кем хочу и поставлю на место всех обитающих здесь тварей. Я стану сокрушающим покровителем.

Я слышу шарканье обуви, оборачиваюсь, но не успеваю увидеть, что происходит... Перед глазами появляется чёрная ткань, сквозь которую замечательно видно облака сферы Чёрного Оникса. Шею сдавливают сильные руки, перемотанные тряпками или бинтами. Натиск увеличивается и тут же смягчается, будто кто-то не хочет оставить следов.

Воздуха становится всё меньше. Я тщетно вырываюсь, бью пятками по ногам

похитителя, набросившего на меня пропахший гнильём мешок. Моя сила не под стать покровительской, поэтому подонок единожды шипит и не отпускает больше ни звука.

Бессилие напористо одолевает меня, ноги безвольно подкашиваются, жёсткие руки подхватывают моё обмякшее тело. В ушах проносится шквальный шум. Утешительный холод захлёстывает меня, как морская волна. Темница.

Моя щека прилегает к холодному бетону, отчётливо разящему глиной и пылью. Одежда прилипает к коже от пота, руки связаны за спиной, ноги, к счастью, свободны. Шею ломит, будто я несколько недель ею не двигала. На волосах сохранился отвратительный запах гнилого мешка. Не представляю, насколько плохо я сейчас выгляжу — губы опухшие, глаза поникшие, шея вытянулась, как у гуся, под ногтями собралась тонна грязи, а то и больше.

Меньше всего мне хотелось оказаться запертой. Я с тяжестью поднимаюсь с пола, кисти рук туго перевязывает верёвка, из-за чего вставать в разы труднее. Я разглядываю во мраке свисающие с потолка громоздкие цепи, ошейники и острые кандалы. Они будто зверей здесь держат, а не бывших людей.

Вот только что здесь делаю я?

Металлическая дверь со скрипом отворачивается, внутрь проникают искусственные лучи. Широким и громовым шагом входит высокий мужчина, торопливо лязгает засовами.

— Эй! Что ты творишь? — мой голос неестественно дрожит. Неизвестный отвечает молчанием. Я не смогу сбежать в любом случае, так зачем это всё? Неужели чтобы посторонние не вошли? Но покровители без усилий могут перенестись в адом пропахшее место.

Похититель зажигает факел. Некоторое время он оглядывает его, играет незабинтованными, как у похитителя пальцами, над хвостом пламени, потом показывает лицо с чёрной пластиковой маской и медленно шагает к камере.

— Что тебе от меня нужно? — Я отступаю.

— Я думал, первый вопрос будет: «Кто ты?».

— Да хоть Владыка, мне плевать. Кто тебя послал запереть меня здесь?

— Это может быть кто угодно.

— Сфера Чёрного Оникса? — с утверждением спрашиваю я.

— Смышлёная. Я здесь, чтобы немного, совсем чуть-чуть пытать тебя, — оптимистично уведомляет меня незнакомец. — Обещаю, больно не будет, заживёт быстро. Грэм ведь дал тебе мазь. А он заботится о тебе не просто так. Ему нужно, чтобы ты осталась живой и здоровой, пока не станешь прочной. Скоро ты болезненно осознаешь: он использует тебя в личных целях.

— Чего?! Я не верю тебе. Лицо открой, поговорим как люди. Ты для меня не более чем призрак в клоунском пластике.

— Я же не мальчик с Земли. Считаешь, поведусь на бесполезную уловку? Грэм Коши поистине значительная личность, его планы славятся изворотливостью, он непобедим, как мошка в воздухе. Ты дочь Владычицы Джюэль Бертран, каждый хочет завладеть тобой. Неужто просьбы не поступали? — мрачно толкует похититель.

Мадам Бланчфлюер. Кто ты, распрекрасная женщина? Что о тебе лепечет Призрак?

— Ненавидишь его, потому что завидуешь его силе? — парирую я.

— Завидовать? Грэму Коши?! Я хранитель. Нас хоть и считают равными по силе, но я чувствую, что сильнее сокрушителей.

— Где-то я слышала, что хранители смертные, — упоминаю я. — Даже я, — подхожу ближе к решётке, — могу убить тебя. Какая жа-алость.

Невидимый поток прижимает меня к стене, туго давя на живот. Невидимые нити

обвивают шею, стискивают её с каждой секундой, я не в состоянии двигать конечностями. Подвижной остаётся только голова, толк её мизерный: ни один звук из меня не лезет, как бы я ни желала.

— Почувствуй и ты слабость, — как змея шипит хранитель. — Ты не заслуживаешь лёгких пыток! Я устрою тебе что-то похуже, и пускай меня прикончат. Я отпущу тебя, и только пискни — останешься без языка.

Нити ослабевают, кровь возвращается, приводит в движение тело. Я камнем падаю на пол, немного проехавшись вперёд, ударяюсь бедром и коленом. Хранитель тяжело выдыхает, будто после трудной тренировки.

— Осмелишься отрезать мне язык? Давай же! — кровоточат слова в порыве гнева.

Хранитель громко и оглушительно хохочет как безумный. Я дёргаюсь и отползаю к стене.

— Ты же без своего ядовитого языка ничего не умеешь, — он становится серьёзным в голосе, но тон издёвки до сих пор чувствуется.

Когда хранитель поднимает руку, мне невольно хочется умолять его этого не делать. Его ладонь напрягается, пальцы сжимаются, он махает сухой рукой — я отлетаю вправо и бьюсь об прутья. Мерзкий старик.

— Моли о пощаде, — заявляет он.

Никогда не буду перед ним унижаться.

— Чего умолкла? Когда не нужно, ты распахиваешь своё свиное рыло.

Хочется ухватиться за больное плечо, но руки сдерживает тугая верёвка. Я встаю через все оставшиеся силы.

— Если это мои последние минуты, то... Сдохни наконец-то в агонии.

Снаружи слышится мощный топот, хранитель испуганно оборачивается, позабыв о моём проклятии. Он ничтожными шажками, почти бесшумно, подходит к двери и прижимается к ней ухом.

— Это я, открывай.

Хранитель-призрак облегчённо вздыхает и взмахом ладони отворяет засовы.

— Она велела не мучить её, только припугнуть, — произносит пришедший, не показывая лица.

— Жаль.

Это продуманный ход, чтобы отомстить мне: запугать до смерти, обязательно покалечить, но не убить, и заставить меня сомневаться в учителе.

— Алисия вам это приказала? — громогласно спрашиваю я.

— Заткнись, — огрызается хранитель. — Эй ты, — он обращается к пришедшему, — скажи, что я немного поиграю и выпущу её. Кто увидит какие-то ранки на ней?

— В том-то и дело, что заметит — Грэм Коши не глупый.

— Коши ничего не сделает. И ты это понимаешь. Он может прийти, побеситься, высказаться и уйти, раздумывая планы мести.

Хранитель кивает и запирает дверь.

— Лучше убей меня, — говорю я.

— Так бы и сделал. Ах, как жаль, что мне запрещено! — он с ликованием расправляет руки, точно пуская в объятия возможность поиздеваться надо мной.

— Чем я вам не угодила и почему я этого заслуживаю? Дело в Джюель Бертран? Не можете навредить ей, поэтому взяли боксёрскую грушу поменьше?

— Не повышай голос! — рыкает хранитель. Он взмахивает рукой, словно отгоняя вокруг себя нежелательных насекомых, и моё тело непослушно поднимается и приземляется спиной на бетон. Я издаю сдержанный вопль. Из легких, будто весь воздух выбили.

— Ещё? — с утверждением спрашивает хранитель. Я не в состоянии даже язвить безжалостному защитнику сферы.

— Я хочу, чтобы ты подтаяла, а не превратилась в воду. Вставай, не придуривайся!

— Я чело... — начинаю я, но боль даёт о себе знать.

— Как жалко, Милдред. Как жалко.

Голова невероятно трещит. Он ударил меня. Я ухожу в темноту.

— Проснись и пой, — будит голос похитителя. — Я решил дать тебе поспать, чтобы боль поутихла.

Он стоит совсем рядом в звериной клетке, от него смердит одеколоном и жареным тестом.

— Что на этот раз? — выдавливаю я.

Хранитель без разговоров пинает меня в живот.

— Ты свободна. Если ещё хоть раз навредишь Алисии, ты будешь мертва.

По их меркам мои пытки были ничем, но он неплохо продемонстрировал силу хранителей природы, жизни и Земли. Ренегат умирает вторым. Но кто первым переступает порог загробного мира, если таковой существует?

Я ползу к выходу и еле-еле поднимаюсь, удерживая свой вес на прочной ручке засова. Камеры для пыток: их здесь сотни, простирающиеся по обеим сторонам тёмного коридора.

Я подмечаю выход из этого ада и, похрамывая, бегу к нему, только чтобы сзади никто не схватил меня за волосы или за ворот рубашки и не потащил обратно. Мои вздохи и шаги громко раздаются по лестнице и это единственное, что нарушает гробовую тишину этого места. Тихим оказывается весь замок: покровители отправились сокрушать.

Я плюхаюсь на свою мягкую кровать. Впервые я так рада видеть свою комнату с момента прибытия.

Как только я планирую уснуть или отдохнуть, ко мне входит Грэм.

— Отдыхала? — он слегка запыхавшийся, засовывает свой меч в ножны и откладывает на ониковый столик возле входа.

— Только собиралась, — тихо говорю я. Стыдно, насколько плохо получилось скрыть свою слабость. Как такую невероятную боль вообще можно утаивать? К тому же я надорвала все трещины на теле, заставила каждую ссадину неумолимо пульсировать, пока доскакала до спальни.

— Кто это был? — Грэм садится на кровать.

— Я не знаю... Я... Хранитель сферы Чёрного Оникса.

— Когда наши хранители такими стали?

— Алисия.

— Это не Алисия. А её мать.

— О, ещё лучше, — я шиплю, пока отползаю на подушку.

— Мы ничего против них не сделаем, — говорит учитель.

— Это так...

— Я позову Яфу, она поможет тебе переодеться и нанести мазь на раны.

— Спасибо.

— Выздоравливай, — кивает покровитель и мгновенно исчезает.

Через пять минут ко мне входит Яфа с улыбочкой на лице. Девушка тут же хмурит брови, когда осматривает меня, а после — заплетает волосы в хвост на затылке.

— Нехило тебя потрепали. За что?

— Просто так, — саркастично говорю я. — Меня ненавидят.

— А с Грэмом вы разве не сдружились? Он защищал тебя от нашей страшной власти.

— Это ничего не значит. Своё ружьецо нужно держать в кармане, где его достанет только смелый.

Яфа вопросительно смотрит на меня, но потом сосредоточенно принимается стягивать с меня кофту. Она наносит мазь на всю спину и велит лежать так несколько минут, чтобы та впиталась. Я указываю ей на больное колено, царапины на ладонях и правом предплечье, и она шустро выполняет каждое действие.

— Завтра утром я помогу тебе принять душ. Выспись, — говорит девушка.

— Ты помогаешь мне, потому что тебя об этом просил Грэм. О каком сотрудничестве шла речь? У вас есть какая-то история?

— Есть. Но не любовная, — она весело фыркает и покидает меня.

Пока я была в лежачем состоянии, меня навестил Вермандо, принёс еды и пожелал поправиться.

Спустя три дня я, наконец, в расцвете физических сил. Чтобы поскорее покончить с этой сферой, я должна больше практиковаться и дочитать историю. Это я и собираюсь сделать.

Достаю из-под кровати тяжёлую книгу, кидаю на подушку и в пугающем предвкушении открываю нужную страницу.

Я возвращаюсь в то же место — просторное поле. В самой дальней роще тихо щебечут птицы. Солнце тускло освещает эпицентр вспышки, точно грустит об утерянных жизнях жертв. Кажется, что запах горелой плоти будет витать здесь ещё многие столетия, а эту территорию никто так и не заселит.

Во мне загорается желание прикоснуться к траве, почувствовать запах прошлого. Но кому везёт её коснуться — это мужчине крепкого телосложения, с отросшей щетиной и чёрными, как две оливки, глазами. Руф сжимает в кулаке траву, медленно подносит её к лицу, раскрывает ладонь и с печалью смотрит на изувеченную зелень. Он резко встаёт и зло встряхивает рукой: трава рассыпается за его спиной, кружась по ветру.

Мужчина поднимает взгляд в небо и что есть силы вопит. Моё сердце с ужасом замирает: столько боли в его крике.

— Старания моего отца не должны быть напрасными. Эти чудища сгинут, все до единого, — он скалит зубы и, вращаясь вокруг себя, смотрит в небо. — Все!

Его разъярённый дьявольский крик слышен, наверное, во всей стране, в каждом укромном местечке и закоулке; он разгоняет близ сидящих в рощах птиц. Разговаривает с небом в точности как Касьян.

Руф делает несколько глотков из стеклянной пузатой бутылки. Судя по его физиономии, он пьёт что-то очень крепкое.

Видение сменяется, Руф расплывается и становится коричневым пятном.

Появляется необычная итальянская роскошь тех времён.

В просторной гостиной дворца буквой «П» протягивается стол, покрытый белой скатертью. Некоторые итальянцы сидят за столом, поедая аппетитные яства, есть и те, кто

стоит, потягивая вино или беседуя о насущных темах, актуальных в эпоху Возрождения. Девушки оживлённо смеются, изящно прикрывая улыбку ладонью. Они облачены в пышные платья оранжевых, зелёных, красных оттенков.

— Знаешь, у кого я купил тот засахаренный миндаль? — рыжеволосый мужчина ухмыляется своему собеседнику и направляет на него серебряный бокал.

— А ты скажешь! Только лепетать языком умеешь.

— Если выпьешь со мной, — рыжий оглядывается по сторонам и понижает голос, — я расскажу, друг.

На столе имеются сотни аппетитных блюд, некоторые из них в наше время уже давно не готовят. И тех, что я знаю — фазан с хрустящей корочкой. Однажды мы с Айком отмечали рождество с его бабушкой, и она стряпала это прелестное блюдо.

Помимо фазанов, здесь есть мясо куропатки, курицы, ветчина, жаркое и много-много сладостей и фруктов в сахаре.

Напротив пира на главной стене — золотой иконостас высотой в три метра. Под самими иконами стоят книги. Вдоль стены с небольшим окном девушка случайно задевает дубовые бочонки с вином подолом своего убранства. Её спутник берёт её под руку и уводит подальше, чтобы не вывернуть ёмкости и не разлить напиток на пол.

Мои глаза тянет к входу во дворец. Одетый, как настоящий принц, Руф с улыбкой на лице приветствует гостей. Мужчина заговаривает с хозяином.

— Я внёс для этого праздника сто лир. Мне позволено здесь быть, — противоречит он.

— Наворовал? Я слышал, что ты беден как чёрт.

— Разве так важно, откуда я взял деньги? Они уже ваши в любом случае. Я многим жертвовал, чтобы попасть на этот вечер. Прошу, не отбирайте такую возможность.

От Руфа веет скромностью, уверенностью.

— Да иди уже, иди, — язвительно отмахивается хозяин.

— Прошу меня простить, но могу ли я лично поблагодарить вашего сына за такое восхитительное пиршество?

— Чертёнок, — шепчет хозяин, — оставь благодарности на бумаге, он не общается с таким болтунами.

Наконец беседа прекращается и Руф продвигается в зал, ближе к столу. Его взгляд немного рассеянный: он никого здесь не знает.

Обеднелый парень в кругу богатых прожорливых особ и совершенно один. Он здесь, чтобы найти ответы. Люди даже не предполагают, что рядом с ними находится тот, кто спасёт их жизни.

— Я никогда вас не видывал. Вы приезжий? — к Руфу подходят трое мужчин и одна девушка.

— Ах... Да, только вчера прибыл. Узнал о празднике, подумал: отдых не помешает.

— Да, это дело такое, — говорит старый из мужчин с седой макушкой.

— Не хотите к нам присоединиться? — лилейным голосом спрашивает девушка. Она заигрывает глазками, оголяет жемчужные зубы. Изящной барышне пригляделся простак! Руф в дорогом костюме выглядит как избалованный дворянин, смело пользующийся своей популярностью и невероятной привлекательностью. Природа наделила его острыми скулами, которые он тщательнейшим образом выбрил, небольшим носом, яркими пухлыми губами и прелестной улыбкой.

— Я был бы очень рад, благодарю.

Они заводят беседу о флорентийской красоте, новых творениях Леонардо да Винчи и, конечно же, деньгах. Невзирая на своё малое состояние, Руф уверенно держится и свободно говорит о своих «тысячах тысяч лир», бесподобном особняке и верных слугах. Отец определённо передал сыну все свои самые лучшие качества.

— Наш любимый меценат Лев умер и оставил своё наследство дряхлому купчику. Разве это справедливо? — слышится из-за стола разговор лицемерных толстяков.

— Благо он отрёкся от всего этого богатства. Такая жизнь не для него. Страна нуждалась в деньгах Льва. Из его дворца сделают музей или кому-то продадут такое состоятельное жильё. А что до Греции? Там его библиотека. Тоже стране достанется? Ещё и незнакомой. Гадостей он натворил этот торговец.

Лучше бы отдал своё богатство Руфу, которое сейчас ему бы пригодилось. Вдруг кому-то вздумается навести о нём справки. Возможно, он сам решил не брать на себя такую ответственность и продолжить целых два дела Касьяна — торговля и обеспечение защиты человечества.

— Слыхал, подготовкой пиршества руководил Флавио, — произносит Руф.

— Да, он преподнёс нам такое торжество. — Девушка закручивает прядь своих золотистых волос тонкими пальцами с сияющим рубиновым кольцом на безымянном.

— Он живёт во дворце? — задаёт вопрос Руф. Ничего не подозревая, собеседники выкладывают ему, какой этаж занимают его апартаменты.

Под конец веселья я вместе с Руфом оказываюсь на пятом этаже. Дверь охраняют двое стражей в миланских доспехах.

— Добрый вечер. Не пропустите?

Конечно, они не собираются выполнять его просьбу: их копья скрещиваются, преграждая вход.

— Посторонним запрещено.

— У меня есть то, что нужно Флавио. Вы можете меня не впускать, но передайте моё сообщение.

Стражи не сдвигаются с места, как массивный булыжник.

— Я вполне могу устроить переполох во дворце, — начинает Руф. — Если сейчас же ваш господин не явится, здание взлетит, погибнет много людей. Свою жизнь мне не жаль, я сочувствую вашим.

Стражи подозрительно переглядываются, кивают друг другу и один из них входит в палату Флавио. Через некоторое время слышится грохот металлических сапог. Первым проталкивается страж, а за ним Флавио. Он одет в длинную пижамную рубаху, на голове — утеплённый колпак.

— Что интересуется? — язвительно спрашивает Флавио.

— Здоровье. Магия. Эти слова вам о чём-то говорят?

Несмотря на взъевшихся стражей, Флавио хватается Руфа за рукав и затаскивает в свою комнату.

— Откуда ты знаешь? — Флавио понижает голос.

— Ты хочешь жить, но твоя болезнь с каждым днём прогрессирует. Я помогу тебе, — уверяет Руф. — У меня есть магия, я вылечу тебя.

— Ты очередной мошенник, которому нужны деньги?

— Мне не нужны деньги. Слыхал у тебя девять детей?

— Это тут при чём, а?

— Ты умелый мужчина и сильный. Видно, у тебя много энергии и... желания. Ради своих детей ты хочешь жить?

— Я не поверю тебе, пока не докажешь, что у тебя правда есть способности.

— Увы, Флавио, я не могу показать тебе то, что ты хочешь.

— Тогда выметайся прочь, голодранец, — взрывается он.

— Твоё недоверие важнее, чем жизнь? Важнее, чем дети, лишённые отца и бедная вдова?

Флавио бросает на Руфа сомнительный грустный взгляд.

— Что ты желаешь взамен?

— О, моё воздаяние покажется тебе весьма странным. Это не деньги, роскошь или богатство. Мне нужны твои дети. Новые дети.

— Ты сумасшедший?! — кричит Флавио.

— Вовсе нет, — непринужденно бубнит Руф. — Плата за твою долгую жизнь должна быть великой, она несравнима с богатством. Мне нужно, чтобы ты наплодил много-много людей. Я обещаю взять их под своё крыло и воспитать.

— У меня есть жена, и есть свои дети. Я ни за что не буду заниматься... таким ради своей жизни!

— Мало того, что помрёшь рано, оставив свою семью, так о тебе ещё никто и не узнает. Тебе нарекут «художником трёх несчастных картин». Унизительно.

Между двумя мужчина хрупкая пружина, сила которой натуживается с каждой секундой.

— Я согласен.

Пружина принимает привычное положение. Руф широко улыбается.

— Как выглядит... твоя магия? — смущённо задаёт вопрос Флавио.

— Это эликсир. Тебе нужно выпить его.

— Умный ход для моего убийства.

— Зачем мне убивать тебя, если ты и так на смертном одре? — усмехается Руф. Он достаёт из кармана штанов небольшой керамический пузырёк и протягивает его Флавио. — Ты проживёшь даже больше, чем может человек. Пей.

Флавио неуверенно тянется к сосуду, и Руф помогает ему решиться: сам кладёт ему на ладонь эликсир.

— Завтра в полночь я приду к тебе с одной из девушек, — сообщает сын Касьяна.

— Нет, здесь не нужно. Дома моя семья. Я куплю палату и выполню свою часть сделки.

— Учти, мне нужен целый народ, тебе придётся делать это на протяжении всей твоей жизни. Наши нити связаны, Флавио. И поверь, ты такой не один. Будут и другие.

— Если ты обманешь меня, моя стража найдёт тебя прежде, чем ты успеешь сделать шаг из моей комнаты.

— Верю, Флавио, пей.

Он нерешительно открывает пробку, нюхает содержимое и кривится с неким отвращением. Смотря на Руфа озлобленным взглядом, он опустошает флакон. Как будто употребив крепкий алкоголь, он громко выдыхает.

— Я жажду хорошего результата, — ехидно улыбается Руф.

— Сосредоточься, — недовольно говорит Грэм. — Сегодня ты труп. Пропустила мой удар ногой, не успела увернуться от моего кулака. Я три раза ткнул в тебя мечом.

— Я не очень-то хорошо себя чувствую. Видения выматывают больше, чем тренировки.

— Завтра утром будет тренировка не на технику и внимательность, а физическая. Готовься к человеческой боли в ногах и ломоте в спине. Отложи историю.

Я возмущённо завываю и плетусь к выходу.

— Зайдешь ко мне, — кидает Коши. Я киваю и сбегая подальше. Его тренировки и сосредоточенное в это время лицо будут являться в моих кошмарах.

Я быстро принимаю душ, наношу мазь на еле видимые шрамы и отправляюсь к Грэму. Прежде чем зайти, я стучусь.

— Запри за собой двери, — просит он сразу после того, как разрешает войти. Учитель ставит мне кресло, и я падаю в него как валун.

— Я могу озвучить свою просьбу, Милдред?

Он опускается на присядки.

— Просьбу?.. — я в скрытом изумлении приподнимаюсь.

— Это важно. Мне не хочется утруждать тебя утомившуюся.

Коши опускает голову, будто смущённый своими словами.

— Что угодно... Я помогу.

— Мне нужно узнать, какие воспоминания и события содержатся в камне, где ты видела женщину.

— Она была вашей любовью?

Грэм расслабляется и с печалью качает головой.

— Она была моей матерью, — тепло признаётся он.

Я сажусь рядом с учителем, неуклюже завернув под себя ноги, и неожиданно даже для себя, нежно едва касаюсь его руки. Он совсем не возражает, смотрит в глаза, я запускаю пальцы в его полузакрытую ладонь. Коши бросает взгляд на наши сцепленные руки.

— Как бы вы ни хотели, Грэм, нам придётся стать ближе. Расскажите мне о своей матери. Так мне будет лучше смотреть видение. Поделитесь со мной, что произошло в тот ужасный зимний день.

Покровитель легко убирает свою руку и отходит от меня на метр, показывая широкую спину. Я возвращаюсь в обитое чёрно-коричневым бархатом сиденье.

— Считаюсь со слухами, она этого заслуживала. Они с моим отцом хотели направить фаугов к сферам, дать им уничтожить замки. Понимаю, звучит странно, но таковым было их признание. Мне об этом немного известно. Мои родители предали сферу Чёрного Оникса и с тех пор этот случай пытаются замять каждый раз, как он всплывает. Грязное пятно, позор, от которого Владыка по сей день не позволяет мне отмыться. Казалось бы, двум покровителям такой манёвр проверить сложно... Фауги, сферы, разрушения... Но их всё равно жестоко наказали. Мои родители стремились к... пустоте, неизвестному.

— Зачем они это сделали?!

— Вермандо полагает, это из-за меня. В шесть лет наставник нашёл меня на Земле. Возможно, они хотели, чтобы я жил человеком, не знал сражений и крови. Сферы бы рухнули. Но что тогда с фаугами? На кого бы они их оставили? Нелогично.

— Я всецело отдаю себя для вашего расследования. Должно быть, вы давно ждёте, когда правда предстанет перед вами.

— Завтра после тренировки я дам тебе украшение, — объявляет Грэм. — Справишься?

— Да.

До последнего я надеюсь, что Грэм освободит меня от тренировки, но он советует выспаться и подготовиться к завтрашнему тяжёлому дню.

Решив пройтись, я минуя вереницу жилых комнат, обходя толстенные колонны, преграждающие путь в центре коридора. За одной из колонн я замечаю чёрный капюшон, исчезнувший в одно мгновение. Громкие шаги преследователя глухо раздаются по коридору. Я иду вслед за ним, почти преуспевая, как он, затянув резинки на капюшоне и делая кувырок в воздухе, перепрыгивает через перила. Мужчина приземляется и скрывается из виду.

— Ты чего такая нервная? — раздаётся позади голос Яфы.

— За мной кто-то следил, он спрыгнул и смог сбежать.

— Ты бы никогда его не поймала, — усмехается девушка. — В худшем случае он поймал бы тебя.

— А ты... не сможешь?

— Мне дали координаты, нужно идти.

— Да, я понимаю.

Девушка хлопает меня по спине, а затем скрывается.

Установить за мной слежку было хорошим решением со стороны семьи Бодо. За врагом нужен глаз да глаз, чтобы видеть все его недостатки, тайны и планы. Я кажусь для них угрозой...

Ночью у меня был сон о моём воссоединении с семьёй. Выглядели они так же молодо, как и на фотографии девятнадцать лет назад. Снимок стоял на тумбе в моей спальне и иногда перед сном я засматривались на их лица, выискивая черты, которые переняла у родителей. Внешностью я больше похожа на маму, от папы я взяла только острый нос.

Я чувствую себя тускло и безжизненно, словно для меня ничего не имеет цены и значения. Мне всё равно. Мои мысли опустошены. В зеркале я вижу заспанное лицо с фиолетовыми пятнами под глазами и обвисшими щеками, волосы растрёпаны, завёрнуты на концах. Я достаю из огромного чемодана одежду, которую мне купили посылные на Земле. Надеваю облегающий комбинезон с длинными рукавами и высокие ботинки. Меч оставляю в шкафу.

— У тебя ещё час на сон, — говорит Грэм, когда я вхожу к нему. Минуту назад он переодевался, поэтому стоит возле зеркала, осматривая свой внешний вид.

— Я отлично себя чувствую.

Он оглядывается в мою сторону, а затем уходит застелить кровать. Видно, спал.

— У тебя завернулся сапог, — подмечает Грэм, встряхивая большую атласную подушку.

— Какой внимательный, — тихо язвлю я, и шустро расправляю ботинок.

— Я в хорошем настроении. Постарайся не плошать на тренировке.

Моё тело немного спортивное: раньше я каждый вечер занималась йогой, а по средам и пятницам ходила на женскую борьбу. Я всегда чувствовала, что должна уметь за себя постоять, быть сильной и уверенной. «Я у себя одна. И никто мне не поможет», — отвечала я себе на каждую препятствующую трудность. Сквозь слёзы я их преодолевала, чего бы мне это ни стоило. Унижения, оскорбления я терпела до последнего, но это то, что я больше

всего ненавижу.

— Этого не будет.

Грэм приподнимает брови, обходит меня и следует к выходу. Бросает вызов.

Тренировочная комната с атрибутами. На одной стене несколько лестниц, возвышающихся метров на шесть, канаты, гантели, железные блины и ещё больше другой атрибутики.

— Почему вы не перейдёте на что-то более современное? Беговые дорожки, тренажёры?

— Мы покровители. У нас нет времени на такие вещи. Занимайся мы этим, планету давно поглотили бы фауги. Мы непрерывно сокрушаем, а посыльные трудятся не только для обеспечения столицы, но и города. Кроме того, разве не приятно ощущать себя в прошлом? В детстве я представлял себя принцем, исследующим огромные коридоры замка, — рассказывает Грэм. Я подхожу ближе, чтобы не пропустить его слов и не потерять редкий момент откровения. — Я хотел пройти Испытания, рассмотреть сферу Голубой Бирюзы и Аметистовую, увидеть их необычное величие. Мы защищаем природу, однако, несмотря ни на что, люди уничтожают свою обитель. Не понадобятся фауги, чтобы дать Земле исчезнуть.

— В этом вы целиком правы. Мне потребуется время, чтобы свыкнуться с такими стандартами. Их придерживаются все покровители? — любопытствую я.

— Никто не желает подражать людям. Яфа здесь недавно, но она была рада надеть кожаные нарукавники и воспользоваться мечом.

— Рада была после того, как осознала своё значение, — добавляю я.

— Она была буйной. С тобой я надеялся на худшее.

— Из-за Джюель? — обрываю я.

Коши замолкает и отводит взгляд в сторону.

— Пора начать тренировку. Два круга лёгким бегом и вверх по лестнице.

Я срываюсь с места и медленным бегом огибаю зал. Поначалу легко, но чем дальше я несусь, тем больше в голове я отказываюсь это делать. Ноги совсем не чувствуются, а у меня впереди ещё лестница.

Я слышу неожиданный свист неподалёку и моментально приседаю, продолжая бежать в полуприседе. Я оглядываюсь на Грэма. Он довольно похаживает в центре зала, тщательно следя за моими попытками.

Наконец я мчусь к лестнице. Хватаясь за прутья, я повисаю на них, передавая боль рукам. Я дышу всё резче и резче, хватаю воздух, ноги не поднимаются, а ладони соскальзывают с прутьев, полностью обессилев. Удар придёт безболезненным — я залезла недалеко. Я закрываю глаза в полёте, руки, как крылья, бесконтрольно теряются в невесомости.

Чья-то рука твёрдо сжимает мою талию. Грэм мгновенно отпускает меня. Но я не в силах стоять, хватаю его за рукав и повисаю на его плече.

— Я не могу, — тихо бубню я. — Дерьмовая лестница!

Учитель перекидывает мою руку через своё плечо.

— Ты работала всюю. Ослабла, когда рухнула, а не когда ощутила позыв первой усталости.

Он сопровождает меня до комнаты.

— Спасибо за урок, — говорю я. — Зайдёте?.. Мне есть что сказать.

Грэм кивает, отпирает дверь носком сапога и кладёт меня на кровать.

— Знай, я не хочу делать тебе хуже жёсткими тренировками.

— Конечно, я это понимаю, — я откидываюсь на подушку и громко вздыхаю, когда свобода и отдых приветливо машут мне.

— Ты хотела мне что-то сообщить.

— Как не хочется... Когда хранитель похитил меня, он многое сказал, — я зря надеюсь, что получу честный ответ. Грэм напрягается, отлипая от спинки кресла. — У вас хорошая репутация. Однако хранитель уверил, что вы меня используете.

— И что же ещё он сказал?

— Это выглядит как правда.

Хранитель Аметистовой сферы произнёс моё имя, взмолился Касьяну на мою силу, он любопытствовал, как у человека могут проявиться необычные способности.

Я перемещаюсь в прошлое, вижу наших создателей во плоти, знаю, что они едят и пьют, вижу как им больно. Грэм Коши скрыл мои новообретённые умения, и на это должны быть причины. Что это, если не возможность прибрать меня к рукам, перебить своим оружием врагов и самому вершить судьбы на роскошном и ядовитом троне?

«Кто ты такой, Грэм Коши, насколько сильно простирается твоё влияние и каковы твои планы на меня и сферу? Что ты за существо, лишённое мягкости, сожалений и любви?».

— Ты будешь верить каждому, кого встретишь? — в его голосе чувствуется угроза. Я крепко сжимаю атласную ткань простыни, до боли в висках, стискиваю челюсти.

— Зачем меня использовать, если можно просто попросить о помощи? Тогда я буду вашим союзником, а не пешкой.

— Прекращай, Милдред, — проговаривает покровитель и надменно смотрит на меня.

«Я совсем не знаю, кто ты, не вижу добродушия в твоих глазах». То, что я замечала, теперь кажется мне сплошным притворством. Но кто я такая и какими нравственными нормами обладаю, чтобы судить его? Я могу и имею право бояться его стужи, но никак не осуждать.

— Я этого не сделаю. Не пора ли раскрыть все карты? — Я накрываю ноги одеялом, несмотря на духоту в помещении. — Если вы переживаете, что я кому-то расскажу, то я предложу компромисс. Ответьте на мои вопросы. Только тогда я помогу узнать судьбу ваших родителей. Выгодное условие, от которого вы не в силах отказаться.

В чёрных глазах учителя вспыхивает огонь: как настоящий вызов. Его взгляд улыбается в отличие от тонкой линии губ.

— Ты получишь ответы, Милдред, — Грэм делает акцент на моём имени.

Я Милдред Хейз, обыкновенная девушка восемнадцати лет, потеряла родителей, когда была новорождённой, бабушку — в шестнадцать. Я училась на геолога, как когда-то мой друг Айк Белл, веселилась с его интеллектуальными друзьями, выпивая текилу и поедая сладости; мы смотрели фильмы и подолгу обсуждали судьбу каждого персонажа. Но чаще всего я сидела дома, любила облачаться в просторные летние платья, которые после учёбы покупала в бутике напротив любимого кафе, но ни разу не надевала их на выход. Каждый месяц я баловала себя любимейшими креветками на небольшую стипендию и нисколько об этом не жалела. По традиции, раз в две недели я цапалась с соседями, знакомыми или обычными прохожими, потому что не умела молчать.

Все воспоминания начали уплывать, растворяться и казаться абсурдом. Я другая, не такая как все покровители: я сильнее всех созданий в мире, сильнее хранителей природы,

жизни и Земли.

— Это похоже на какую-то шутку, — говорю я Грэму, уставившись на него.

— Позднее мои слова обретут смысл.

— Как правило, такие вещи не есть благословение и власть, они ведут к крушению и смерти.

— Ты связана с Пророчеством. Хранители открыли его два десятка лет назад, — говорил Грэм. — Деталь пророчества — видения. Больше нам ничего не известно, хранители держат содержание в строжайшем секрете, поэтому я не знаю, как они стали тебя подозревать. Нам говорят, что ты ключ, который сможет освободить покровителей от их тягот. А это значит, что твоя сила больше покровительской и сил великих хранителей.

— На Земле, двадцать девять дней мне снился один и тот же кошмар, — далее следует подробный рассказ, Коши меня выслушивает и отвечает:

— Возможно, это было предупреждение или подготовка. Если в твоём доме были камни, они подавали тебе знаки. Их сила могущественная.

Тогда он не ответил на мой основной вопрос. Обещание есть обещание. Только бесчестные люди не выполняют их.

— Вы хотели использовать меня против Владыки и семьи Бодо? — спрашиваю я совсем тихо. Я не хочу слышать правду.

— Да, — отвечает Грэм, прежде чем некоторое время медлит.

— Как хорошо, что я доверилась вам совсем немного, — шепчу я. — Иметь сторонников, говорите? Доверять вам целиком и полностью? Я без вас не справлюсь? Как смешно, — я издаю нервный смешок. — Своими запугиваниями вы хотели контролировать меня! — взрываюсь я, хотя знала правду в глубине души. Грэм поднимается с кресла с противным скрипом. — Я лучше умру, чем снова кому-то поверю. Я заканчиваю обучение в сфере Чёрного Оникса. Больше не желаю видеть своего лицемерного учителя и его дружков.

К глазам подступают слёзы, и я закусываю губу до крови, чтобы остановить неудержимый поток. Но плакать хочется ещё больше, потому что знаю — вот-вот я зарыдаю. К чему это всё? Мне не привыкать к предательству. Благо, я не водилась с Коши два года, как это произошло с Мэлвином. Я больше не могу видеть Грэма, я его ненавижу.

— Милдред, — произносит Грэм. Я отказываюсь верить, что его голос отражает взволнованность: очередное представление, чтобы успокоить наивную девчущку. Я не такая, как он полагает, я хуже и стану для него злейшим кошмаром.

— Нет! — я поднимаюсь с кровати, невзирая на дрожащие ноги и слабость, подхожу к учителю вплотную, плюя ему в лицо следующее: — Я человек, а не игрушка. Вы притворяетесь хорошим, сильным и могущественным, но не можете противостоять Владыке и используете смертную. Унизительно.

— Чего ты ждала? — спрашивает Грэм, словно оглашает погоду на завтра. — Я должен был изложить свои планы при первой встрече? Ты параноик и немедля бы сбежала, стоило мне сказать: «Ты мне понадобишься». Ты хоть знаешь, в какой опасности находится сфера под управлением Флавиана Эбурна и семьи Бодо? Алисия — зло, которое нужно обязательно искоренить, она управляет покровителями, хранителями. Тобой. Ты должна нам помочь. В ином случае сфера лишится порядка, законов и традиций.

Хотя его речь и должна быть импульсивной, он говорил спокойно, без запинки, движений и жестикологии.

— Будь вы человеком или я покровителем, то сломала бы вам нос. Я никому ничего не

обязана. Выметайтесь... из моей комнаты, — злым шёпотом произношу я.

— Как тебе будет угодно, — буднично говорит Коши.

Я сплю пару часов, принимаю горячий душ. Боль в ногах немного проходит, но меня гложет неприятный осадок после ссоры с Грэмом. Изменилось что-то привычное, а мне так надоели перемены.

Ко мне кто-то стучится, и я не сразу позволяю гостю войти. Яфа мнётся у входа, но когда видит, что я никак не реагирую, движется дальше и садится с краю кровати.

— Устала на тренировке?

Я прищуриваю глаза, глядя на девушку и начинаю смеяться.

— Хочешь позаботиться обо мне? — моя улыбка спадает резко. — Влиться в доверие?

— Ты заболела? — вопрошает Яфа и тянет к моему лбу ладонь. Я отстраняюсь.

— Ты сотрудничаешь с Грэмом. Конечно, имеешь сведения о его планах. А один из них — я. Будь хоть ты честна, пока не поздно.

— Хорошо, что ты знаешь о Пророчестве, — Яфа становится серьёзнее и складывает руки в замок на своих коленях. — Ты должна понимать всю сложность ситуации. Ты видела, как по-свински Алисия вела себя в тренировочном зале, поняла мотивы нашей верхушки. Я выбрала Грэма, потому что однажды он помог мне, несмотря на строгий запрет и последующее двухлетнее заключение. Он сделал это ради той буйной незнакомки, и этот поступок показал его с другой стороны. Грэм Коши будет отличным правителем. И если нужно, я привлеку на его сторону не только покровителей моей сферы, но и даже покровителей сферы Голубой Бирюзы. Я на всё пойду, Милдред. С тобой действительно сложно договориться, поэтому нашим решением было умолчать.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Извинилась перед ним?

— Чтобы мы извинились друг перед другом, нашли компромисс и действовали вместе. Ты не пожалеешь.

— А вдруг это не моя сфера?

— Не твоя? — хмыкает девушка. — Ты богиня любви, в интересах которой исключительно секс, отношения и страсть? Будь это так, ты бы лежала в постели у Грэма. Вряд ли он, конечно, согласился бы. Или ты идеальная праведная девочка, на уме у которой лишь правильные слова и добрые намерения? М? наших видно издалека.

— Это не то решение, которое я приму в одно мгновение.

— Будь решительнее. Я помогу тебе в этом. Когда тебе нужно будет решиться на доверие, я буду держать тебя за руку.

Яфа улыбается, накрывает своей рукой мою ладонь, а затем крепко сжимает.

— Я верю, ты примешь верное решение. Никто не желает тебе зла, и никто не собирался предавать тебя. Грэм... своеобразная личность. Я просила его позволить мне поговорить с тобой, убедить тебя — в ответ он отрезал холодный запрет. Он не способен сказать «давай дружить», но способна я. Именно я предлагаю тебе присоединиться к нам, не твой учитель.

Оставшийся наверху часовой песок остаётся на дне, образуя золотистый холмик.

— Милдред, — подзывает Яфа. Я одёргиваю свою руку, а потом, придерживаясь за полку шкафа, встаю с кровати. Яфа прослеживает за моими действиями. Я предстаю перед зеркалом, осматривая себя с ног до головы, останавливаюсь на своих тёмно-жёлтых глазах. Яфа подходит ко мне, становится за моей спиной.

— У тебя крепкое тело, — говорит она. — Ты будешь идеальным покровителем.

— Я заключаю союз, но помогу в битве или нет, будет известно во время самой битвы.

Учти, я не заложница и не рабыня и могу делать, что пожелаю.

— Отлично. Сегодня ты подняла мне настроение. Не хочешь выпить с нами?

— С вами?..

— С нашим основным составом. Обещаю, тебе там понравится. Наверное, — Яфа хихикает как дьяволица. — Они все знают, кто ты и какой силой обладаешь. Утри нос тем, кто щебетал, что ты не сможешь совладать со своими способностями, потому что не можешь справиться с характером.

— Видимо, я ваша вечная тема для обсуждения.

— Я этого не признаю, — отмахивается Яфа. — Буду через десять минут. Столько достаточно?

— Я устала. Человеком являюсь, не забыла?

— Через час?

Я соглашаюсь на час подготовки. Вытягиваю под кроватью сундук. Нагрузка отзывается болью в бёдрах, стопах и бицепсах. Где-то на самом дне запечатан костюм, откровенность которого повергает меня в ужас. Это единственная чистая и не пропахшая потом одежда, которая у меня есть. На поиски нового я потрачу остальную половину дня.

Шифоновая многослойная рубашка кровавого цвета почти до конца открывает бёдра, вырез полностью оголяет острое плечо. Я поднимаю ткань вверх — она тут же скользит вниз. На запястьях — красно-чёрные кружевные манжеты небольшой длины. В завершение своего наряда ноги обтягивают чёрные сапоги чулки. На быструю руку я заплетаю хвост у затылка и достаю тонкие передние пряди, как это делает Грэм. Под конец я задумываюсь о макияже. Внезапно обнаруживаю сходство с мадам Бланчфлор: такие же пышные ресницы, красные, как вино губы и пронзительный взгляд.

Я ухмыляюсь себе в зеркале. Неоспоримое желание разбить его борется со мной, как нещадный воин на побоище. Разнести бы это ужасное и сучье отражение. Та, кем я становлюсь и кем стану, объединившись с Грэмом, вселяет тревогу и опасение, будто я изменяю своим же принципам, которые годами строила, разрушаю стену, которую возводила, чтобы защищаться от людей «доверься мне, а я исполосую твою спину».

— Ты сногшибательная, — произносит Яфа. Я подпрыгиваю с места и мгновенно хватаюсь за сердце.

— Напугала!

— Не думала, что ты умеешь так выглядеть. Обычно ты в закрытой чёрной одежде. Штаны, штаны... штаны. Думаешь, кто-то сможет перед тобой устоять? Даже Грэм засмотрится.

— Даже?!

— Когда я говорю о чём-то... неприличном, он выглядит так, словно сейчас блеванёт на меня.

— Весьма полезная информация, — иронизирую я. — Мне не терпится хлебнуть чего-нибудь крепкого.

— Я не перенесу нас. Будет лучше, если мы поплывём на лодке.

Я не успеваю задать вопросы, как Яфа хватает меня, и мы оказываемся за двором замка.

— Территория сферы больше, чем кажется, — рассказывает она, ведя меня по извилистой дороге. — Здесь проходят целые озёра и реки лавы. Множество небольших разрушенных строений, да и больших тоже, сухие поля, горы и скалы, дымящиеся вулканы и ещё много всего, что ты должна изведать.

Я увлекаюсь, смотрю на ноги, вглядываюсь в небо цвета волос Яфы или вовсе не обращаю внимания ни на что, кроме своих мыслей.

— Остановись, — отрезвляет меня покровитель. — Садись.

Перед нами у побережья озера пришвартованы несколько высоких лодок из оникса. Яф ловко запрыгивает в одну из них и помогает мне, подняв моё тело, словно лёгкую пушинку.

— Будет жарко, потому я взяла лёд. Контейнер за досками.

Яфа двигает двумя вёслами быстро и умело так, что лодка почти достигает другого берега.

Я кладу один кубик льда на язык, а другие кидаю в замороженный мешочек, подвязываю его проволокой и аккуратно касаюсь дном мешочка шеи, ключиц и горячего лба. Я бы могла надеть грязное бельё, вместо откровенного тряпья, которое сложно и одеждой назвать: всё равно взмокла.

Долгожданное побережье. Я ступаю по ониксовой брусчатке с громким стуком невысокого каблука.

— И где же засиживаются пьяницы? — спрашиваю я.

Яфа кивает головой в сторону заброшенного трёхэтажного здания, увенчанного засохшей сиренью, и направляется напрямик к нему. Я приняла решение, и когда я войду, его невозможно будет изменить. Это значит участие в мятеже, предательство власти.

Яфа отводит меня на верхний этаж.

— Ты не передумала? — спрашивает она, повернувшись через плечо.

— Нет, — твёрдо отвечаю я.

Я уже сотню раз успела передумать. С каждым шагом меня подстёгивает желание понестись прочь и бултыхнуться в реку. На меня словно чужую шкуру нацепили: другая одежда... Нет, меня подменили. Другие чувства, торопливые решения, гадкие и не свойственные Милдред Хейз намерения.

Яфа толкает передо мной широкие двери. Они отъезжают медленно, с пронзительным металлическим визгом.

Я прежде обращаю внимание не на покровителей, а на их обитель. Акцентную стену украшает роскошный бронзовый горельеф. Изображение представляет двух людей, отчаянно тянущие друг к другу руки. Девушка стоит на коленях, крепко сжимая на груди ткань платья, мужчина тянет сразу две руки к своей возлюбленной, будто без её прикосновений он расплавится и обернётся раскалённой жидкостью. Их разделяет ненавистное обоим препятствие — заросшее сухими ветками приоткрытое окно. И только если рухнет здание и их фигуры не расколуются, они встретятся и наконец, обнимутся.

Свет, льющийся из окна, озаряет небольшой коричневый стол. Посреди стола стоит высокий подсвечник с зажжёнными парафиновыми свечами исключительно красного цвета. Некоторые закоулки зала и вовсе черны как ночь.

На одном тёмно-зелёном кожаном диванчике сидят четыре покровителя: Грэм, Вермандо, девушка с длинными волнистыми волосами цвета каштана и молодой парень с уложенной причёской. Он задумчиво скребёт подбородок, искря чёрными и ядовитыми глазами.

Мы с Яфой выходим из темноты, и яркие оранжевые лучи вонзаются мне в глаза как колючки. Я прикрываю лицо ладонью и между пальцами высматриваю остальных союзников.

На другом диване напротив восседает мужчина с блестящей лысиной. Я уже видела его — тогда в тренировочном зале он принёс тело погибшей девушки Зейна.

— Прощу, — приветственно говорит Вермандо и указывает на свободное место рядом с лысым.

— Спасибо, — отвечаю я. Яфа садится рядом, но первым делом хлопает нашего соседа по спине, как родного брата.

Я снова оглядываю всех и замечаю на себе оценивающий взгляд Грэма.

— Я гарантирую победу, — возглашает Яфа, а потом берёт хрустальный бокал с вином. — Союзник однажды — союзник навсегда. Запомни, Милдред и не вздумай предать нас.

Девушка салютует бокалом и все разом поднимают свои. Вермандо уже заранее приготовил мне выпивку. Я протягиваю бокал в центр, и по залу громко раздаётся звяканье посуды.

— Не постесняюсь спросить, — начинаю я. — Это вся ваша сила?

— Перед тобой только *самые* надёжные и способные, — говорит незнакомец с чёрными глазами. — Пешки не рассматривают вопросы за этим столом.

— Только не разжигай ссоры, Хардин, — произносит Яфа. — Мне ты как раз устроил гладиаторские бои, когда я только начинала помогать Грэму.

— Ты чего? — негромко говорит он и переводит взгляд на девушку. — Я буду добр к ней.

— Я на тебя рассчитываю, — раздаётся голос Грэма.

— Что ж, — встречается Вермандо, — пейте.

Я делаю глоток сладкого вина и тихо выдыхаю свежий алкогольный аромат.

— Я Дона, — мужским хрипучим голосом представляется девушка с длинными волнистыми волосами. Она ставит выпивку на столик, и я подмечаю её крепкую мускулатуру рук. Дона одета в топ с многочисленными карманами, открывающий упругий пресс. Низ представляет собой свободные брюки с кучей тканевых поясков, кожаные вычищенные до блеска сапоги с высокой шнуровкой.

— Надеюсь, мы поладим, — говорю я, намекая на её дерзкую натуру.

— Надеюсь на то же.

Дона явно обо мне наслышана — её насмешливый тон подзадоривает мои нервишки. Я зараз допиваю своё вино, чтобы случайно не плеснуть его в надменное лицо девушки.

— Грэм, когда у нас будет следующая тренировка? — осведомляюсь я. Грэм едва заметно сощуривается. Это единственный признак, указывающий на его удивление.

— Когда это в сферах ученики говорили неформально с учителями? — ядовито плюёт Хардин.

— Ты обещал не разжигать огонь, — усмиряет лысый, чьё имя мне до сих пор неизвестно.

— Завтра, — наконец отвечает мне Грэм, невзирая на открытое выражение Хардина и наш недавний спор.

— Хардин всегда такой, — улыбается Яфа. — Не придавай его словам значения, Милдред. Нашему любезному задире давненько хотелось пообщаться с тобой.

— Плакать не буду. Может, попытаюсь нос разбить или нарисовать превосходный синяк под глазом.

Я улыбаюсь. Хардин просверливает меня свирепым взглядом.

— Я пойду выпущу пар, убью несколько фаугов, — сообщает он и шустро уходит.

— Как-то легче стало без него. Какой же он нервирующий, — выдыхает Яфа и откидывается на спинку дивана.

— Что это за место? — задаю вопрос я, глядя на гигантские подвесные канделябры.

— Раньше сфера Чёрного Оникса была символом процветания. У нас проводились Владыческие заседания. Все в то время правящие Владыки собирались в одной сфере и решали важные вопросы по управлению. Это здание было центром. Но когда к власти пришёл Флавиан, нас смогла перепрыгнуть Джюель Бертран, — излагает Вермандо со сказочной интонацией. — Поэтому мы здесь сегодня собрались.

— Сейчас заседания проводятся в сфере Голубой Бирюзы? — интересуюсь я.

— Слишком дорогое для них удовольствие, — говорит Дона. — Аметистовая сфера — центр. Пока что Джюель не возражает, но уверена, что у неё на центр есть целая система планов.

— Я — не моя мать, — невзначай напоминаю я. — Я многое слышала о ней. Может быть, наши характеры похожи, но не намерения.

— Хардин много возмущался, когда узнал, что ты её дочь, — говорит Вермандо.

— Я знаю, что через меня будет проходить только малость всей информации. Пока что мне не нужно большего. Всё будет справедливо.

— Тебе, как и всем нам нужно знать всё. «Малость» — это наши посыльные и шпионы. Ты обладаешь чем-то большим, чем покровительской силой, поэтому она должна использоваться во благо. Пророчество гласит, что ты сделаешь народ свободным, Милдред Хейз.

— Верьте мне на ваше усмотрение.

— Грэм, она твоя первая ученица? — вдруг спрашивает лысый мужчина.

— Да.

— Наверное, она устала, — продолжает он. — Грэм усердно тренируется и хочет того же от тебя.

— Я вовсе не устала.

— Не будет же он издеваться над бедной девочкой, Кой, — фыркает Дона. Девушка наливает в свой бокал ещё вина и виртуозно бултыхает содержимое.

— Бедная? — возглашаю я. — Лучше бы я плеснула тебе в рожу вино и не сдерживалась.

— Прекрати, Милдред, — отрезает Грэм. — Нам пора изучить следующую тренировку. Идём.

Он поднимается с дивана и протягивает мне руку.

— Выпивка было вкусной, — вежливо говорю я. Меня унимает рука Грэма, крепко сжимающая мою ладонь. Я прикусываю язык, чтобы наверняка ничего не вымолвить.

— Я пойду с вами, — вклинивается Яфа.

— Нет, — грубо отрезает Коши. — Остайся здесь и выпей. В шкафу бутылка виски.

Грэм тащит меня за собой, и только когда мы выходим из заброшенного строения, он освобождает меня. Покровитель останавливается и поворачивается ко мне. Его лицо даёт понять: он подавляет гнев.

— Милдред.

— Нам стоит вернуться, — перебиваю я.

— Что тебя тревожит? — вопрос застаёт меня врасплох.

— Ничего.

— Пока не скажешь, я не позволю тебе вернуться. Отвечай. Сейчас же, — с раздражением и твёрдостью в голосе требует Грэм. Он подходит ко мне на один шаг и скрещивает руки за спиной. — Они были не вправе разговаривать так с тобой, но у меня есть все полномочия, чтобы отдать тебе приказ.

— Что меня тревожит?! — переспрашиваю я. Грэм, без движений и в полной тишине выжидает моего ответа.

— Это очевидно. Когда ваши покровители обходятся со мной как с мусором, я непроизвольно начинаю чувствовать себя им. Молчать я не собираюсь!

Как и прежде я жажду сломать учителю нос. Он никогда не извинится передо мной за то, что утаивал свои планы. И мне нужно смириться с тем, что он мой учитель и что он должен провести экзамен.

— Советую переждать этот период.

— Не такой я представляла свою жизнь. — Я чувствую, как надвигаются слёзы и отвожу взгляд, чтобы Грэм не заметил моих искрящихся глаз. — Я хочу обыденности.

— Надеюсь, сфера станет для тебя новой родиной.

Я отрицательно киваю, и чувство беспомощности накрывает меня лавиной — я стремительно направляюсь к лодке. Прямо перед берегом Грэм хватает моё запястье.

— Льда нет.

Он требует закрыть глаза, а когда я их разлепляю, смотрю на свою помятую постель, комод, кресло.

— Хороший наряд, — бросает Грэм и бесследно исчезает. Я невольно провожу пальцами по бедру, касанием воссоздавая длину красной рубашки. Он отвратительный.

Я плюхаюсь на кровать, растопырявая конечности, как морская звезда. Когда вспоминаю о том, что на мне высокая обувь, от которой чешутся ноги, я лениво приподнимаюсь, стягиваю сапоги и шумно выдыхаю.

Я хочу увидеть звёзды, пришла мне в голову безумная мысль. Будь я дома, открыла бы окно и посмотрела на небо. То самое родное небо, которое я видела на протяжении восемнадцати лет. Я хочу вернуться домой к Айку, хочу есть одну пасту и горячие тосты, ходить на скучные лекции и размышлять о своём путешествии и первом добытом камне.

Меня начинает знобить, руки дрожат. Я даю волю своим эмоциям, падаю лицом в подушку и принимаюсь истошно рыдать, в точности как крохотный младенец.

— Ненавижу себя! Ненавижу всех! Ненавижу жить! Я желаю умереть! Умере-е-е-еть, — раздаётся приглушённый страдальческий крик. Это препятствие слишком крутое и я боюсь упасть, если неправильно ступлю.

Я переворачиваюсь на спину, восстанавливаю дыхание, прекращаю хныкать. Ничего не изменится, если я продолжу кричать о ненависти, более того лить слёзы.

Я поднимаюсь с кровати, боль в ногах после тренировки даёт о себе знать. В ванной смываю с лица омерзительный яркий макияж. Перед зеркалом провожу мокрыми руками по волосам, и лишние крошечные волосинки перестают щекотать мой лоб и щёки. Я обуваю удобные ботинки с мягкими стельками и набрасываю поверх плеч дурно пахнущий чёрный плащ.

Я следую в соседнюю комнату, громко стучусь и после решительного «да» вхожу.

— Выслушайте меня, пожалуйста, — настаиваю я.

Грэм уводит меня за собой вниз по лестнице.

— Остановитесь, — говорю я Грэму, и он на удивление останавливается, не оборачиваясь ко мне. — Я хочу увидеть небо, Грэм. Пожалуйста, перенесите меня на Землю, — мой голос умоляющий, такой, каким он никогда не был. — Я понимаю, что мне запрещено возвращаться без надобности, но... Я схожу с ума. Вы должны понять меня.

Он поворачивается ко мне, уверенно смотрит.

— Закрой глаза. Куда ты хочешь? — шёпотом спрашивает Коши. Тут же я чувствую детское желание и мечтательность, словно все мои требования будут вмиг исполнены.

— Море, — очарованно произношу я.

Ревущий шум волн, бьющихся о берег... Приятный долгожданный живой холодок ласкает кожу, как первую любовь. Внезапный порыв ветра поднимает мои волосы, я открываю глаза и созерцаю синее небо, хаотично украшенное бледными мерцающими точками. В грудь больно врезается стрела: я не желаю быть лишённой спокойствия и уединения.

Грэм ослабевает хватку и садится на песок, а я всё ещё не могу оторваться от вида мрачного небосвода. Меня взбадривает запах морской соли — я осторожно присаживаюсь и

кончиками пальцев касаюсь морской пены. Она нежно лопаётся у меня на коже, и я негромко смеюсь. Волны одна за другой омывают подол моего плаща и это далеко не то что меня волнует.

Морскую бескрайнюю гладь рассекает поблёскивающая лунная дорожка, так и норовящая проплыть по её пути. За спиной я замечаю гигантские скалы, окружающие почти всю сушу в поле зрения.

— Я скучала! — громко произношу я, обращаясь к небу, морю и прохладному ветру. Шум волн заглушает мой голос. Наверное, Грэм не слышал моих слов. Я подбегаю к учителю и падаю рядом на песок.

— Разве не красиво? — спрашиваю я, и учитель кивает. — Хочу видеть это каждый день.

— Тебе не холодно? — Коши ссылается на мои незначительно тёплые одежды.

— После сферы Чёрного Оникса я бы отправилась на север к медведям и уснула бы с ними в обнимку.

— Амбициозные мечты.

— Скупаться не желаете?

— Нет.

— Я хочу, чтобы покровители были свободны. Они не заслужили такой жизни, просто потому что Алойз много веков назад решил произвести впечатление на королевскую власть.

— Так и есть, — без эмоций отвечает Грэм. Из-за ветра с его волос слетает слабо завязанная резинка. Не расчёсанные волнистые пряди трогают плечи, острые скулы, щекочут слегка ошестинившиеся щёки.

Я подаю резинку Грэму, он не спеша подвязывает пучок и оставляет только две тонкие пряди свисать на лицо и сплетаться под порывами ветра.

— Что это за море?

— Японское.

— Спасибо за такую возможность, — благодарю я. — Хотя... Вы, надо быть, делаете это, потому что я ваше тайное оружие, нуждающееся в защите. А мои желания, это тоже своего рода защита. Вы бы ни за что не выполнили мою просьбу, если бы я была обыкновенным покровителем.

Грэм не находит время ни для слов, ни для взгляда.

— Я понимаю.

— Если у тебя есть силы бегать у берега, почему нет сил на тренировки? — уводит тему Коши.

— Если вы были учеником, должны представлять это чувство.

— Мой учитель всегда был снисходителен ко мне: он давал мне длительные выходные. В эти выходные я тайно тренировался. Так же, как и ты.

— Может, у покровителей и вечная жизнь и их предназначение — уничтожать фаугов, вы в этом не виноваты. Вы родились такими, поэтому иногда нужно позволять себе расслабиться, выпить, пройтись у берега с мыслями о бесконечной жизни.

Грэм неотрывно смотрит в мои глаза.

— Я выбрал себе жизнь, посвящённую покровительству, — монотонно произносит он, ещё некоторое время рассматривает на горизонт, а потом встаёт с песка. — Тебе ещё нужно время?

— Времени мне никогда не хватит, я готова поселиться у берега. Если нам пора идти...

хорошо.

Грэм переносит меня в спальню.

— Вы ничего не просили взамен, но я обещала узнать причину гибели вашей семьи.

Возможно, так у меня получится пробиться сквозь высокую дамбу, найти то, что желаю увидеть: эмоции.

— Не сейчас. Ляг спать.

Я принимаю душ, очищаю с себя запах моря, надеваю длинную ночную рубашу и валюсь в постель с книгой в руках.

Руф укачивает младенца, вытирает с его пухлых щёчек капельки слёз. На кровати под ситцевым нежно-розовым балдахинном, лежит молоденькая девушка двадцати лет. Руф отдаёт дитя счастливой девушке и неожиданно становится на колени.

— Спасибо вам за то, что прошли через адские боли.

— Что вы, я в порядке! Я рожала три раза, но ни один ребёнок не выжил, — тоска одолевает девушку на короткое мгновение, — затем она оголяет зубы. — Благодаря Флавио моя жизнь изменится, родители примут меня.

На глазах её выступают слёзы, и в эту же секунду вместе с ней начинает плакать её плод.

В палату входит Флавио. Он отстранённо смотрит на девушку с ребёнком, но так и не решается подойти ближе.

— Хотите подержать? — вежливо спрашивает молодая мать у отца её ребёнка.

— Этот мальчуган проклят! — выкрикивает Флавио, грозно тыча пальцем. — Я ни за что не коснусь этого безобразия.

— Успокойся, — деликатно просит Руф и выводит Флавио из комнаты. — У тебя тоже в крови мощь трёх камней, ты передал их своему мальчику. Вы похожи, однако у него преобладать будет только одна сила.

— Ты сумасшедший чудак! Собирать армию... Зачем? — глухо вопрошает Флавио.

— Эти усилия ничто по сравнению со спасением человечества. Я дал тебе жизнь: ты можешь каждый день видеть своих близких людей, так будь добр, выполняй свою часть сделки без жалоб.

— Я был глуп, не узнал детали сделки. Ты обманул меня!

— Забудь об этом и делай, что я велю.

Белая яркая вспышка ослепляет меня.

В пустой небольшой комнатушке в углу сидит мужчина. Его едва освещает крошечное окно.

Он поднимает глаза: за дверью раздаются шаги.

Лицо мужчины покрыто пышными серебристыми зарослями. Он поднимается, прислонившись к стене. Его тоненькая, точно детская, рука дрожит от натиска и веса собственного тела, костяшки белеют от острых выпирающих костей. Правый глаз судорожно дёргается, из уст исходит хриплое дыхание подобное кряхтению поломанного механизма.

Двери открываются, и в комнату входит статный старик: плечи расправлены, грудь уверенно выпячена, как у орла. Сквозь коротко стриженую каштановую бородку я замечаю смутно знакомые черты. С годами только хорошел.

— Как они? — спрашивает хилый.

— Живы и здоровы. Лишние силы исчезли, в каждом преобладает одна, как и

планировалось. Я научил их пользоваться мечом, убивать чудовищ. Твои дети будут долго существовать, Флавио. Дольше, чем ты.

Один шаг, одно жалкое движение иссушает Флавио, крадёт все его силы и подталкивает к неизбежному — гибели. Не сомневаюсь, что он на протяжении своей недолгой магической жизни чувствовал себя в жаркой агонии: его вынудили заниматься нежеланным делом, а именно, плодить детей, чтобы собрать мощнейших созданий в истории. Он точно пожалел о том, что не умер от простой болезни: его измученный опущенный взгляд кричит об этом. Касьян был оптимистом, а потому в такой ситуации его «это ради человечества и нашей планеты» было бы кстати. Но я считаю, что людям стоило бы погибнуть и оставить в покое жильё, в которое они ступили в грязных сапогах. Однако тогда фауги уничтожили бы Землю, лишили бы её привычных вещей, — таких как у нас — чихнуть, поплакать или вкусно позавтракать. Земля даёт нам жить, поэтому люди спасли её. Всего лишь взаимная выгода.

— Ты всё знал, Р-руф, — бубнит Флавио. Он сипло хватает ртом воздух, и падает на Руфа. Тот подхватывает его под руки и помогает сесть, облокотившись на стену.

Флавио задирает рукав, показывая запястья, искрящиеся тонкими красными волнами.

— Все три силы камня убивают меня, — говорит он.

— Я не хотел этого.

— Ты обещал, что я... я смогу очиститься от магии, если будет как можно больше детей. Снова л-ложь.

— Мой отец и Гайюс тщательно всё продумали. Чтобы заклинание было сильным, им нужно было использовать камни с сильной энергетикой, совместить запретные заклинания в одно. Никто не может удержать в себе столько мощи. Единственный исход — смерть. Если бы они каким-то образом выжили, их бы ожидал такой же конец, как и тебя.

— Для людей... Они не заслужили жить, когда другие стольким пожертвовали, — выдыхает Флавио, безнадежно глядя на Руфа и этот взгляд блестит, на прощание безмятежно дрогнув.

— Нет... — Руф трясёт Флавио за плечи. — Это был единственный выход, ты должен понимать.

Мужчина становится на колени перед умершим, складывает руки и начинает шёпотом молиться. Закончив молитву, он закрывает веки Многоплодного. Сколькими ещё пренебрёг сын Касьяна, чтобы создать армию, кого обманул и повлёк на верную смерть, и сколько ещё в запасе у Руфа эликсиров?

Руф выдвигается из темницы. Возле заброшенного здания его ожидают двое мужчин и две девушки.

— Он скончался, — скорбно объявляет Руф.

— Я не буду сожалеть, — говорит девушка с милостивой внешностью, одетая в штаны и рубашку, — это совсем не соответствовало нормам тех времён. — Он ничего для нас не сделал, всегда отвергал и противился смотреть в нашу сторону, хотя сам был таким же.

— У нас есть цель, Алесса, — говорит ей молодой парень справа от неё. — Мы все родня и нам следует быть сплочёнными. Мы должны продолжить свой род, а потом вернуться в сферу Чёрного Оникса.

— Не все тут к вашей чертовщине относятся, — ядовито выбрасывает длинноволосая девушка. — Уверена, в сферу Голубой Бирюзы скоро придут свеженькие покровители и их будет больше, чем у вас.

— Давайте будем разумно мыслить, — произносит шикарно раздетый мужчина,

походящий на покровителя Аметистовой сферы.

— Мы создаём новую расу, новых людей, юные покровители, — с теплом говорит Руф. — Когда вас будет достаточно, вы увидите свой настоящий дом. Хранители сообщают о метеоритном дожде. Проследите, чтобы всё прошло хорошо.

Покровители разом кивают создателю.

Сфера Чёрного Оникса. Замок, каким был раньше, таким сейчас и остался. Из моей нынешней комнаты выходит Алесса. Волосы, одежда, походка девушки стали другими, сохранилось только молодое красивое лицо.

— Сегодня Руф выбирает первых Владык, — к Алессе подходит какой-то парень. Она грубо отталкивает его, а затем с помощью силы покровителей перемещается на вышку замка. Алесса стоит на балконе башни.

— Точных координат нет, — появляется молодой человек в серой тунике, подвязанной поясом. — На северо-востоке обвалы. Ты почувствуешь, когда фауги будут наступать.

— Не переживай.

Алесса подходит к хранителю, гладит его по щеке и бережно целует в губы.

— Это опасно, — предупреждает он. — Выживи сегодня. Обещай, что сможешь защититься. Лишь тогда ты будешь свободна от бремени сокрушения.

— Покровители уже знают, что я справлюсь и стану Владычицей.

— Им всем тебя не победить, любимая. Иди.

Девушка переносится в назначенное место. Кругом возвышаются острые шпили скал. Они начинают осыпаться, и каждый обломок, отколовшийся от основы, разбивает тот, что летит в воздухе. Камни падают на землю с оглушительным шумом, поднимая вихри серой пыли. Фауги ещё не показались в поле моего зрения, но я сама чувствую их приближение. Приближение смерти, их неутолимый голод и жажду мести. Алесса должна справиться со всеми без вмешательства, чтобы стать Владычицей. Девушка, как птица, взлетает и переносится на противоположную скалу. Почуввав угрозу, к Алессе стремительно подлетает огромное облако. Она с лёгкостью рассекает его.

— Ха-ха!

Пока покровитель сокрушала наступающих фаугов, земля стала трястись. Новые фауги ринулись на путь к своей второй пище. В глазах девушки вспыхивает безысходность. Её стойка и выдавленная улыбка обличают железный нрав будущей и самой первой Владычицы. Она не намерена сдаваться. Снося все препятствия на пути, к ней мчатся три небольших фауга-детёныша, а позади по воздуху плавно передвигается ещё одно прозрачное существо невероятных размеров.

Девушка пронзает тварей одним взмахом блистающего на солнце меча, яростно рычит и выкрикивает ругательство. Росинки пота покрывают нежную кожу лица, размазывают розовую помаду. С нижних век тоже стекает пот. Или слёзы. Её одолевает бессилие, ноги подгибаются и на коленях из оставшихся сил она убивает ещё одного фауга. Пока угроза слаба и ей не пришли на выручку, к ней летит стая из двадцати-тридцати фаугов. Гигантское сероватое облако проходит сквозь худенькое тело, снося Алессу со скалы. Со рта брызжет кровь. Покровитель бесследно исчезает в густых сумерках смертельно опасных одиноких скал.

— Скоро экзамен, — невзначай говорит Грэм. Я резко поднимаю на него взгляд и прекращаю жевать.

— Прошло всего лишь два месяца. Вы мне говорили, что для этого порой годы требуются.

— Тебе больше нечему учиться в сфере Чёрного Оникса. Я дам тебе время, закончишь чтение истории, а затем приступим к подготовке.

— Я не чувствую, что готова.

— Я чувствую. Ты так говоришь, потому что тебе страшно.

— Мне не страшно, я только немного волнуюсь.

Грэм многозначительно смотрит на меня, делая глоток крепкого чая без сахара. Я заканчиваю завтракать, и мы идём в тренировочный зал. Я оглядываюсь и в покровительской суматохе вижу Дону, самостоятельно практикующую атаку с прыжком. С того конфликтного случая мы ни разу не общались, а в последний раз меня звали на их «посиделки» две недели назад.

«Никакой урок не принесёт столько пользы, как практический», — однажды сказал мне Грэм. Он вселяет бодрость правдой, отвечает прямолинейно, несмотря на то, что может существенно задеть чувства. Тренер по борьбе всегда болтал мне утешающие слова перед боем, утверждал, что я лучший боец и смогу одним ударом положить любого противника, хотя победа не всегда была на моей стороне. Сомневаюсь в том, что оба варианта придают уверенности.

Когда Дона замечает нас, ныряет в негустую толпу и возникает перед нами.

— Хотела бы я посмотреть, на что ты способна, — говорит она. — Приветствую, Грэм.

— Приветствую, Дона. Бой будет нечестным.

— Как так? — Она понижает голос и приближается к нам. — Пророчество говорит об обратном.

— Ты не можешь судить силы Милдред, пока она не пройдёт четвёртое Испытание.

— Но если я буду соответствовать людской силе?

Грэм замолкает, пребывая в сомнениях.

— Играй по правилам.

Я достаю меч из ножен, прокручиваю его в руке и становлюсь в привычную позу. Грэм бросает на меня предупреждающий взгляд.

— Смелая девчонка, — громко подмечает Дона. Внимание присутствующих мгновенно устремляется на нас. Дона искусно скользит пальцем по долу своего оружия, а когда останавливается на острие, надавливает, прокалывая указательный палец.

— Дона, не мучай эту коротышку. Она же ещё человек! — раздаётся из толпы.

— Это низко, — возглашает женский писклявый голос. Подстрекательские выкрики только забавляют женщину-убийцу. Она размером с медведя, готового наброситься на меня и обглодать, как трофей, на глазах у покровителей.

— Выскочка Милдред! — весело выкрикивает парень с рыжей копной волос.

— Слышала? — шёпотом говорит Дона, с вызовом вскидывая брови.

— Это было твоё предложение, — я склоняю голову набок. «О, я не брошусь тебе под ноги, не дам себя съесть».

— Лучше было отказаться от него и быть униженной только передо мной, а не перед гурьбой покровителей.

Её высказывание кажется мне верным. По крайней мере, если бы я не была Милдред Хейз, то определённо бы поджала хвост и поплясала к выходу подобно балерине, однако я — Милдред Хейз, гордый и чёрствый кусок хлеба. Чем дольше я смотрю на противницу, тем стремительнее внутри меня нарастает гнев.

Без предупреждения и какого-либо намёка Дона виртуозно наносит слабый удар. Рассудительные бойцы стартуют с лёгкого, чтобы слабый противник ощутил себя достойным, а затем жестоко поражают его зазнайство. Этому приёму меня научил мой тренер по борьбе. «Ты победишь его не только физически, но и психологически». Но я не слабый противник, иначе бы никогда не разгадала намерений Дона.

Удар девушки-убийцы я быстро отражаю. Если она начинает с простоты, я использую тяжёлую артиллерию. Я шустро лавирую под её поднятой рукой, ставлю ей подножку, но девушка успевает это заметить и прыгает с ноги на ногу. Она дерзко ухмыляется.

— Я ожидала большего от дочери Джюель. Ты выглядишь беспомощной и несчастной по сравнению с ней.

Я прямо-таки представляю, как вцепляюсь ей в глотку, ещё лучше — вырываю зачерствелое сердце. Она хотела поладить, но сама всё испортила. Дона знает, что однажды я стану лучше неё и решила оторваться, пока это возможно.

«Как заносчиво, Милдред».

— Самоутвердиться за мой счёт — вот это несчастно, — говорю я, тыча в неё мечом. Я обращаюсь к толпе наблюдателей. — Называете меня выскочкой? Я не предаю свою честь, даже если на меня будет направлено десять винтовок. Я предпочту умереть, но никогда не предстану перед тем, кто предвзято ко мне относится.

В толпе проносится активный шёпот. Тот, кто кричал «выскочка», окидывает меня полным презрения взглядом.

— Милдред! — начинает Дона, но её голос выводит меня из строя. Она влила максимальное количество яда в одно лишь слово. Руки решительно поднимаются, мой меч вздымается вверх, и я рассекаю девушке крепкий пресс.

— Нельзя было этого делать, — рычит Грэм. Я смотрю то на Коши, то на Дону, пока тревога не накрывает меня с головой. Девушка держится за живот, а затем смотрит на кровь, окрашивающую её ладони. Она затыкает каким-то полотном рану, её щёки багровеют от злости. Великанша не умрёт от ран, помучается денёк, а если использует ониковую мазь, вылечится за несколько часов. Мне удалось вскипятить покровителя как чайник.

Я успокаиваю себя этими словами, но торопливо бьющееся сердце эхом раздаётся в ушах. Грэм уводит меня из зала, оставляя окровавленный меч валяться на полу, как орудие убийства глупого преступника. Да почему я вообще о нём думаю?

Мы останавливаемся в веренице толстых песчаных колонн с искусной резьбой капители. Коши ведёт меня через узкие проходы между столбами напрямик к ярко-оранжевому свету. Я сажусь на тёплый кафель и поднимаю взгляд в пламенное небо: сегодня оно как никогда насыщенное и припекает сильнее прежнего. Отсюда видно двор, как на ладони, а вдали, сквозь ряд металлических прутьев, — скалистую пустыню, затянутую толстой пеленой дыма.

— Владыка и семья Бодо поймали тебя на удочку, — процеживает Грэм, опёршись руками в поручень перил.

— Это... конец?

— Дона ничего не расскажет, но мы не можем рассчитывать, что другие умолчат.

— Почему вообще такие мелочные вещи должны что-то значить? Дона будет жить.

— Когда отправишься в другие сферы, тщательно изучай общий свод законов. «Указ № 6. Если между покровителями или хранителями происходят серьёзные бои, видимые обществу, с намерением навредить или убить, то каждый, кто участвовал в битве, будет сокрушать ровно семь дней без перерыва. Требуется обязательное предоставление доказательства: присутствующие обязаны подтвердить цели каждого участника сражения».

— Отлично, теперь мне ясно, что ждёт Дону, но я...

— Правительство готово зацепиться за любую твою ошибку. Они узнают, что ты совершила, и появится предлог для наказания. Нигде не пишут о расплате обычных людей, потому здесь подразумевается «на своё усмотрение». За тобой идет постоянная слежка. Выглядит так, словно они... знают, — сквозь зубы проговаривает Грэм. — Знают, что в тебе есть огромная сила.

— Они могут знать?

— Пророчество открыли два десятка лет назад. Каждый местный знает о твоём приходе, но они не предполагают, что ты здесь уже два месяца и что это ты.

— Тот мужчина из Аметистовой сферы был хранителем? Тогда я подслушала ваш разговор.

— Это посыльный хранителя Адио. Фактически одно и то же. Он указал на тебя, однако я не буду рассказывать другой сфере о своих наблюдениях. Владычица Аметистовой сферы убеждена, что ты ключ Пророчества. Таким сведениям небезопасно разгуливать в пределах не доверенного круга лиц.

— А что по поводу других Владык?

— Если бы Флавиан и семья Бодо знали, я бы их давно уличил, а вот Джюель... От неё можно чего угодно ожидать.

— От болезни нужно избавиться прежде, чем она начнёт прогрессировать. Если кто-то разнюхивает о моей связи с Пророчеством, я не доживу до выпуска.

— Я буду наблюдать за каждым. Впредь сдерживай свой гнев. Столько сложностей из-за твоих вспышек.

— Вспышка? — возмущаюсь я. — По-вашему, мне стоило позволить ей изувечить меня? Да ещё и при всех.

— Стоило послушаться Дону и не лезть на рожон. Я всюду слышу, что ты тронулась умом.

— Пусть лучше так говорят. Я не жалкая.

— Да? Сейчас ты ничего не можешь сделать, кроме как показать свой неустойчивый характер.

— Хватит ни во что меня не ставить! Я живая, я человек и у меня есть грёбаные чувства. В отличие от вас.

Коши отводит глаза в сторону.

— Во многом я не права, но когда меня принижают... Я не намерена выносить подобную гадость. Это адски неприятно.

— Хочешь похвалы? — холодно с утверждением спрашивает Грэм.

— Я разве... просила нахваливать меня? Я просила не принижать меня лишь потому, что я человек. Вы не первый раз это делаете, будто люди — это пустота, ничто. «Чувства —

это единственное, что связывает нас с земными. Мы другие, Милдред, запомни». Покровители возомнили себя защитниками из-за могущества. Люди и покровители одинаковые и не смейте отрицать это.

Я ожидаю, когда Грэм вымолвит что-то вроде сожалений или хотя бы вспыльчиво закричит, но ничего из этого не происходит. Он ненадолго сохраняет зрительный контакт без каких-либо эмоций, а затем спокойно выходит с балкона, будто его не задел ни один из моих слов. Я останавливаю его, схватив за руку.

— Так вы реагируете на правду? — спрашиваю я. — Убегаете как трус.

— Милдред.

— Милдред?!

Коши оглядывает наши соединённые руки с презрением. Потом он встречает мой взгляд. Целых два месяца терпеть унижения и выслушивать, что я *всего лишь* человек мне осточертело.

Я толкаю Коши в плечи. Он не сдвигается с места. Ударяю ещё сильнее.

— Скажете ещё что-то, кроме моего имени?

Я поднимаю руку, чтобы снова выпустить свою ярость из клетки, как проголодавшегося волка, как в этот момент Грэм перехватывает мою кисть и выворачивает её. Я издаю сдержанный вопль, колени подгибаются, а затем я и вовсе приземляюсь на пол. Только тогда Грэм отпускает меня. Учитель садится на присядки.

— Я понимаю твой гнев, но и свой сдерживать я вечно не могу. Не делай так больше.

Он подаёт мне руку — я демонстративно смотрю на него и встаю самостоятельно, отряхнувшись от пыли.

— Мы оба неправы, — говорит учитель. — Отчасти.

— А я считаю, что полностью права. Моя речь была резкой, но это не значит, что я наплела чушь.

— Ждёшь извинений?

Я недовольно хмыкаю.

— Прошу прощения, что не следовал твоим принципам.

«Это, чёрт побери, не мои принципы, а факты», — гневно думаю я.

— Хорошо, — я выдыхаю горячий пар со рта и натираю область запястья. Он произнёс «прошу прощения», только это приносит мне спокойствие.

— У нас есть более важные темы для обсуждения, чем ссоры. Только я могу тебя защитить. Будь рядом, не отходи. Опасность повсюду.

— Конечно, — строго соглашаюсь.

На балкон, лавируя между колоннами, бежит посыльный Грэма.

— Как и предполагалось! — возглашает он. — Владыка... Он хочет найти Милдред и наказать её.

Мы с Грэмом переглядываемся. Казнь или наказание? Пытка или допрос?

— Предстань перед Флавианом и семьёй Бодо. Я сделаю, что смогу.

— Вашей «команде» я бы тоже не доверяла. Они могли сообщить.

— Нет. Это кто-то из толпы доложил. Покровителей было достаточно.

Мы с Грэмом стоим перед входом в зал Владыки. Двое посыльных у дверей терпеливо выжидают, чтобы открыть нам.

Паника нарастает с каждой секундой, а напряжение в коридоре ещё стремительнее. Я

выкарабкаюсь из самостоятельно вырытой ямы, в которую затащила Грэма. Я всегда это делала, сделаю снова.

В школе, в десятом классе я разбила девочке бровь. Она это заслужила: лепетала грязные высказывания обо мне и моей родословной. Когда меня вызвали к директору, я так же застопорилась перед её кабинетом, не решаясь войти, а в мыслях умоляла себя двинуться с места. Тогда я внезапно ощутила груз на своём плече: «Я буду здесь. Твоя упорность никогда тебя не подводила. Удачи, Милдред». Аик пришёл в школу сразу же, как узнал об инциденте. Может быть, я не победила всемогущего директора, но я держалась, не упав лицом в грязь. Защищала свою честь.

— Открывайте, — наконец приказывает Коши.

Меня озаряет сияние зажжённых канделябров и подсвечников. Кому-то захотелось побольше света — как иронично для такой грязной власти. Грэм не моргает, не дёргается: какое-то свечение для него, как глоток воды сделать.

Мы с учителем уверенно двигаемся к главной части зала: платформе с тронном для Владыки и двумя тронами поменьше — для его правой руки. Странно, что ранее этих жалких седалищ здесь не стояло. Алисия изящно опирается ладонями на трон матери. Они выглядят одинаково: та же ухмылка, дерзкий взор, длинные волосы цвета крепкого кофе и аристократичность.

Желание задеть младшую Бодо загорается во мне красной лампочкой.

— Приветствую, — в тон произносим мы с Коши, склоняя головы в знак поддельного почтения. Чтобы больше не преклоняться перед этими чудовищами, мне хочется избавиться от головы.

Генри, отец Алисии, противно дёргает щекой.

— На этот раз мы думать не будем, — говорит Мэри. Мать Алисии сдерживает довольную улыбку. — Ты получишь наказание, Милдред.

— Я сам решаю! — вздрагивает Флавиан, стараясь казаться повелительным. Он машет лапищами, как глупый старик, а иногда скручивает губы в трубочку. — Завтра я назначаю тебе экзамен. Будешь заканчивать первое Испытание перед Бодо и передо мной.

— Она ещё не завершила обучение, ваше владычество, — медленно проговаривает учитель, не поднимая глаз.

— Архх! Не лезь, бельчонок, — грубит Владыка, привычно брызгая слюной. Если хотя бы капля приземлится на мою кожу, боюсь, смерть неминуема. Пеннистая жидкость с кусочками еды и частицей жёлтого налёта в мгновение разъедят меня до костей, подобно кислоте. — Я принял решение. Такие проступки караются. Ты ранила покровителя перед обществом, что законом запретительно.

— Ваше владычество, как я получу наказание, если те, кто причинил мне боль — не наказан? До меня домогался Зейн, меня била Алисия. Посидеть в шикарной темнице не было для неё достойной расплатой. Хранитель, посланный вами, изувечил меня, я не могла двигаться... — на пару секунд замолкаю, позволяя ужасным воспоминаниям вернуться. — Он жив, на свободе. Дона вызвала меня на бой, я согласилась. Бой — это сражение, а в сражении получают ранения. Я не единичный случай. Вы цепляетесь за мою незначительную ошибку.

— Изучи закон. Он существует, чтобы избежать разладов в народе, наводить мир и порядок. К тому же мы не обязаны изъяснять своё распоряжение перед человеком, — Генри желчно кривится. — Впредь забудь о том, чтобы открывать рот в сторону правительства,

пока тебе не позволяют.

Я хмыкаю от раздражения и заставляю Грэма посмотреть на меня. Он одобритительно кивает. Неужели всё идёт по его плану?

— Конечно, — отвечаю. — Я буду усердно готовиться к экзамену, а теперь разрешите нам с учителем удалиться.

Я вылетаю из пропахшего плавленым воском дикого места, пока жар не заставил меня упасть в обморок на глазах у ненавистников. Грэм предлагает руку, но я вежливо отказываюсь. Совсем скоро мне станет лучше, и я пойду сама.

— Ненавижу их, — рычу, сжимая толстенный ониксовый пилон. — Разве не прекрасно сдать экзамен и уйти в другую сферу?

— Во всём есть свои минусы.

— По крайней мере, я надеюсь на лучшее. У вас есть план?

Коши переносит нас. Мы стоим посреди ротонды. Сосредоточенное лицо Грэма освещается красными огнями.

— Они сделали, что нужно. Экзамен. Ты перейдёшь в сферу Голубой Бирюзы. Там будешь в безопасности.

— Они тоже могут не принять меня, — продолжаю за учителя.

— Полагают, сфера Чёрного Оникса вызывает ужас от жестокости покровителей. Есть те, кто более жесток — покровители сферы Голубой Бирюзы. Мы верные, целеустремлённые, кровожадные, что не скажешь о наших врагах, невинных неженках, страшущихся замарать рукава в крови. Они всегда работают через своих шестёрок. Поэтому тебя могут не принять.

— Ваши слова не внушают мне уверенности, — вполголоса говорю я.

— Ты должна справиться. Аметистовая сфера гарантирует большую защищённость. Владычица хорошая женщина.

— Я не буду смотреть в будущее, — мрачно усмехаюсь с толикой уныния. Я могу не дожить до этого момента, потеряв возможность стать покровителем. Поначалу мне хотелось умереть, чтобы никем не становится, а сейчас я намерена пойти на всё, чтобы выжить. Я хочу всем доказать, что люди не жалкие и что именно из людей мы выходим могущественными творениями. «Люди создали вас». Я хватаюсь за это высказывание: обязательно использую его.

— Около пятнадцати часов до начала экзамена. Наблюдение и практика. Первое — простое.

Я хочу спросить: «Вы мне не лжёте?». Грэм бы не стал говорить иначе, чтобы меня утешить. Он не лжёт — начальная часть будет самой безобидной.

— Признаюсь, я переживаю. Я боюсь практики не потому, что не справлюсь, а потому что экзамен будет под контролем Владыки.

— Я подстрахуюсь, — твёрдо заявляет он. Даже сладкая ложь из его уст звучала бы правдиво.

Коши всячески пытается спасти мне жизнь. Я не могу отплатить ему самым желанным, но вспоминаю, что обещала выяснить причину смерти его семьи.

— Могу я как-то рассчитаться с вами?

— Нет.

— Ваши родители...

— Тебе нужно беречь силы. В другой раз разберусь.

— Если посмотрю одно видение, моя жизнь не оборвётся в тот же миг, — наталкиваю Грэма принять мою помощь. — Никаких на «всякий случай» или «а что, если».

Коши переносит нас в его комнату. Хвойный запах покровителя, витающий в спальне, заставляет меня сделать глубокий вдох. На кровати Грэма, между двумя подушками лежит его кот. Пока покровитель ищет камень, я планирую заняться питомцем. Осторожно протягиваю к нему руку, чтобы не спугнуть. Он еле отличим от подушек и по цвету, и по размеру. Учувв незнакомку, он резко отпрыгивает к боковой спинке, янтарные шары вспыхивают.

— В холодильнике варёное мясо. Покорми его. Миска возле тумбы, — бросает Грэм, увлечённый поиском.

Я накладываю ему нарезанную кубиками свинину и курицу. Питомец крадётся рядом. Когда я отхожу на дальнейе расстояние, он шустро бежит к своему ужину.

— Как у вас хватает времени следить за котом?

— Иногда за ним приглядывал Зейн... Теперь Яфа.

Учитель находит ожерелье своей матери и подаёт его мне. Я плюхаюсь в кресло, остерегаясь дотрагиваться до сердца подвески. Я узнаю то, чего не знает Грэм, увижу его историю собственными глазами.

— Мы можем попробовать сделать это вместе? — Учитель вопросительно смотрит на меня. — Возьмёте меня за руку?

Тёплая ладонь учителя соединятся с моей. Я кидаю украшение в образованную нами пригоршню.

Дышать становится трудно, словно кто-то стиснул мои лёгкие как охапку цветов. Чёрная пелена исчезает только через пару минут, демонстрируя хорошо сложенного мужчину.

— Страдают невинные люди, — восклицает он, и его голос выдаёт волнение. Мать Грэма, со злостью вонзает меч в снег.

— Когда дело касается моего сына, мне без разницы, кто страдает.

— Теа, он может сокрушать в сфере! И Грэм не пострадает, и остальные покровители.

— Вчера ты говорил иначе, Уолтер. Уже передумал? Я не хочу для него такой жизни, как у нас. Он будет жить на Земле как человек. Для него так лучше.

— Не дай им сокрушить фаугов, — Уолтер опускает плечи. Решимость. Уверенность. Сожаление.

Воинственные родители переносятся на несколько километров от начального места, где обитают другие покровители.

— Сегодня обещали подвижки ледников, — напоминает покровитель, одетый в майку. Белые хлопья сыплются ему на голые руки. — Как-то мы долго ждём.

Теа и Уолтер, как две птицы, но только без крыльев, подлетают к десятку покровителей и без лишних слов пронзают им животы, некоторым перерезают шею или рассекают грудь. Кровь окрашивает снег в светло-алый оттенок. В лицах сокрушительных я вижу лишь ненависть. Кто-то пробует подняться с колен, взяться за меч. Все до единого бессильны.

Фауги спешат съесть свою добычу. Ледники начинают дёргаться, стая фаугов, быстро кружа в воздухе, моментом прекращает это действие.

— Борись, Уолтер, — выкрикивает мать Грэма. — Во имя нашего сына не будь слабым. Он прокалывает покровителя, который пытается встать.

Видение резко прерывается. Я встаю с кресла, чтобы не погрузиться в небытие и совсем

забываю о Грэме, который сидит на полу.

Он пристально смотрит в одну точку, обрабатывая увиденное.

— Это было ради меня, — проговаривает он. — Они обрекли себя на гибель, их план не сработал. Они поступили опрометчиво, бросили меня в *логово зверя*.

— Что стало с теми жестокими людьми?

— Вермандо не позволил узнать их имена и местонахождение, но... он заверил, что каждый ни на минуту не перестаёт жалеть о том, что родился. Судьба определила их место и наказание.

— Значит, вас забрал Вермандо.

— Да.

— Ваши настоящие родители были хорошими, но глупыми. Я не понимаю их мотива. Они могли таким способом обратить на себя всё внимание, чтобы о вас забыли. Но для чего? Хранители бы по исполнении восемнадцати почувствовали бы вас. Скрытый смысл.

— Много вопросов. Камень ничего не скажет, — вздыхает Коши и поднимается. — Мы больше не будем к этому возвращаться. Тебе нужен сон.

— Да...

Когда я выхожу, кот Грэма тихо мурлыкает у моих ног, но тереться опасается. Я невольно улыбаюсь звукам, которые он издаёт.

Когда я остаюсь в одиночестве, меня накрывает волна тревожных мыслей. Пока я не стану покровителем, образы моей неестественной смерти будут бесконечно тиранить меня. Завтра я должна надеяться только на себя.

Полупустая трапезная. Я прожёвываю жареную свинину с горячим соком и ядрёным соусом. Вкусно, но я не получаю наслаждения от принятия пищи: мой разум окутала пелена мыслей о смерти, выживании, первом и пугающем Испытании, о сокрушённом мною фауге. Я замечаю за собой прерывистое дёргание ногой, постукивание ногтями по столу или увлечённый в одну точку взгляд. Сейчас где-то конец мая или начало жаркого июня. Неплохо погибнуть на рубеже прекрасных времён года, которые я безумно любила из-за огромного количества лёгких платьев в магазинах. Стоит ли мне найти хранителя, который прервал мою земную жизнь, стёр память знакомым, друзьям и злопамятным встречным, чтобы потребовать обратно мои миллионы, потраченные на шкаф с ветхими и ни разу не надетыми нарядами?

— Так рано проснулась? — сзади раздаётся голос Грэма. Я стучаю вилкой по тарелке, застигнутая врасплох его резким и абсолютно бесшумным появлением. Покровитель садится рядом.

— Да.

Я просыпалась несколько раз за ночь. Меня преследовали страхи, что кто-то надо мной нависает. В полумраке блеснёт заточенный кинжал убийцы, вонзится мне в горло с такой же лёгкостью, как иголка проходит сквозь тонкую ткань.

Я громко откладываю нож и вилку. Свинина так и осталась раскуроченной.

— Всё пойдет по плану, — успокаивает Грэм.

— Сегодня... всё закончится. Меня будет ждать другая сфера, пропитанные похотью покровители, — выплёвываю я как оскорбление. — Не догадываясь о моей силе и связи с Пророчеством, меня ожидает новый учитель. Я выбрала вас, Грэм Коши, я выбрала Яфу. Я отступлю. Возможно ли вернуться?

— Не знаю.

Его короткие и бессодержательные ответы иногда поднимают стрелку шкалы до яркого красного оттенка.

— Вы ничего важного от меня не утаиваете?

— Нет.

— Тогда почему мне нельзя узнать детали вашего плана?

— Я предпочитаю оставлять информацию об одиночных планах только для одной пары ушей — моих.

В душу, как пакостный невидимый паразит, закрадывается тоска по родному дому, Айку и учёбе. В то время я жила беззаботно и считала, что усердно тружусь ровно до того момента пока судьба не подпустила меня к сверхвысоким ониксовым стенам, не вынудила преодолевать непроходимые трудности, подвластные лишь сильнейшему покровителю.

— Вам виднее, как поступать.

— Нам лучше поспешить. Разберёшься по ходу.

Грэм переносит нас на тысячи этажей вверх. Я будто выглядываю из иллюминатора: толстый дымчатый ковёр застилает вид на двор и отделы замка, его кудри движутся медленно, а ярко-красные хаотичные вихри плавными движениями угрожают зажевать меня. Как бы высоко мы не возвышались, небосвод отдаляется. Я борюсь с желанием прыгнуть с балкона на мягкий облачный матрац... А затем позволить ему отпустить меня.

Где-то вдалеке слышится лязг стали при скрешивании мечей и отрывистый смех. Здесь, на огромной высоте, в безлюдном месте, куда доносятся глухие звуки, я чувствую себя правителем всего сущего, который наблюдает за собственными подданными.

По тёмному мрамору раздаётся шарканье.

— Приветствую. — Появляется мужчина с серебристой густой бородой.

— Приветствую, Янко, — говорит Грэм. Я киваю хранителю.

— Переходи к делу, Коши. Просто так ты к нам не приходишь, — Янко по-старчески отправляет руки за спину.

— Выплата. Помните?

Я послушно стою, не решаясь сделать лишнее движение. Хотя моё доверие к хранителям пошатнулось, от Янко веет сдержанностью, он кажется разумным и добрым, поэтому надежда ещё не утрачена.

— Чего же хочет юный воитель?

— Прошу вас провести Испытание.

— Безусловно, — живо отзывается Янко. — Это всё, чего ты хотел?

— Нужно провести его втайне от Владыки и переправить Милдред в следующую сферу.

Хранитель опирается на перила и устремляет задумчивый взор в небо.

— Как я могу идти против власти и закона? Я смертный, меня казнят. Если Владыка желает видеть процесс, я тому не помеха.

— Вы его приближенный и старший хранитель. У нас дефицит покровителей, а хранителей ещё меньше. Он не убьёт вас потому, что вы его послушались. Напомню, за вами долг, вы мне обязаны.

Янко сомневается, скрипя такими же белоснежными, как макушка зубами. Грэму удаётся пробить его непроницаемую оболочку благородности и послушания.

— Сейчас, — объявляет Коши.

— Она справится? — Янко внимательно осматривает меня, впервые достаивая вниманием.

— Да, — твёрдо отвечает учитель.

Старик кивком соглашается, сообщает координаты и покровитель, не раздумывая и даже не взглянув на карту, переносит нас. Из книги об обязанностях сокрушительных я вычитала, что помимо оружия у них при себе должна иметься карта мира, чтобы мгновенно определить, куда отправиться сокрушать фаугов, мысленно представить это место. Как мне рассказывал Грэм, он знает большинство координат наизусть, а некоторые он выучил, предполагая, что эта точка может быть подвержена природному ущербу. Туда, куда мы перенеслись, природа наносит постоянное разрушение.

Жар, кожу подпекает, дышать нелегко. Вулкан вспыхивает ярким светом, внутри него бурлит магма, земля под ногами свирепо вздрагивает. Я вот-вот потеряю равновесие и не смогу встать, пока толчки не прекратятся.

Учитель достаёт меч из ножен, умело прокручивает. Азартный взгляд Коши: такой непривычный и новый. Он посвятил жизнь покровительству, уничтожению фаугов, его символ — щит, броня; цель — защита. Грэм уверен, что свергнет Владыку и семью Бодо, унизит высокомерную Алисию, его бывшую возлюбленную, и взойдёт на громоздкий трон, будет властвовать замком, городом, своими сокрушительными, посыльными, назначит главного хранителя, у него будет правая рука. Ею станет Яфа или Кой. Неплохо на этот пост подошла бы жёсткая Дона. Хардин определённо исключается — я учла, что учителю не по

душе вспылчивые особы. Теперь я состою в команде Грэма Коши, я являюсь его союзником. Милдред Хейз — надежда. Я убеждена, он добрался бы до власти без моей помощи, но пока я здесь — это произойдёт быстрее, эффективнее. Или я стану запасным планом, если с основным не удастся. Добьюсь ли я должности правой руки, когда кошмарам сферы Чёрного Оникса придёт конец?

«Замолкни, глупая. Не думай. Не мечтай», — упрекаю себя.

Я почувствую силу одного из самых сильных и уважаемых покровителей, моего учителя.

Хранитель встряхивает чёрный плащ и отходит на четверть мили, чтобы брызги и обломки, если повезёт, не настигли его. Грэм перемещает нас ближе к земной бурлящей выпуклости. Лицо мгновенно обдаёт жаром, кожа покрывается настырными росинками пота, я незамедлительно их обтираю.

— Извержение может длиться годами, — кричу я.

— Нас сменяют, — покровитель пытается перекричать звуки взрывов.

Он одобрительно кивает, надолго задерживая наш зрительный контакт. «Ты справишься», — я заставляю себя поверить, что эмоции учителя твердили именно утешение.

Бум.

Из жерла вытекает полоска лавы. Я поднимаю ладонь, чтобы схватиться за Грэма. Опускаю. Почему я превращаюсь в загнанного в углу крохотного котёнка? Моя жизнь здесь никак не застрахована. Взрыв — и меня нет. Мне не приходилось убивать странных созданий, стоять вблизи действующего вулкана в присутствии опытного покровителя и мудрого хранителя.

«Страх обоснован. Ты не жалкая».

Учитель сосредоточенно смотрит на клубящиеся из кратера клубы дыма. Фауги уже должны быть здесь. Шустрые творения мчатся с невероятной скоростью, белые как облако, пышные, различных размеров и опасные.

Грэм бежит по воздуху, точно перед ним крутая лестница, его силуэт скрывается за вихрями дыма.

Я замечаю резкое движение в дымовой гуще: его словно поддувает сильным ветром. Внутри «тумана» Коши яростно сражается с фаугами. Он в большой опасности, фауги для него — погибель, конец. Они могут запросто пройти сквозь него и лишит всего, что желала сфера. У меня просыпается желание помочь, беспомощность больно колет. Я не способна даже себя спасти.

Грэм выныривает из плотной пелены, делает в воздухе кувырок через себя и на одно колено приземляется на твёрдую поверхность, едва не угодив в раскалённый поток.

— Грэм! — вырывается из уст. Он не слышит меня, либо игнорирует.

Скоро и я буду на его месте. И это «скоро» случится через несколько минут. Я буду держать в руках меч для Испытаний, сокрушать фаугов без малейших покровительских сил.

Где-то позади, в чаще леса стоит хранитель Янко и наблюдает за тем, как сокрушает Грэм, ждёт, когда я решусь.

Толкнуть своё тело, заставить ноги передвигаться, кинуть вызов опасению. Поверить в себя, вспомнить тренировки, во время которых учитель намекал на мои подвижки в обучении. На протяжении двух месяцев меня обуревала ненависть при виде опухшего лица Флавиана, нахальной улыбки Мэри, жестокого взора Генри, каждого броского выражения Алисии. Благо я забыла, как выглядит Зейн: он трусит показываться передо мной, даже приветствовать Коши. Я нещадно хочу покончить с ними, стереть существование

распроклятых покровителей.

— Послушай, Милдред Хейз, — доносится голос Янко. Я оглядываюсь, чтобы найти его поблизости, но меня окружает лишь лес, брызги вулкана, фауги и Грэм. Хранитель говорит в моей собственной голове. — Когда решишься, меч почувствует это.

Я ступаю в сторону вулкана: справа от меня брызжет лава, земля под ногами содрогаётся. Готовность — вот что мне необходимо. Экзамен поделён на два разных дня, но мне приходится совмещать его в один, чтобы выжить. Определённо это не является сложностью. Я почти не смотрю на Грэма из-за паники, но стараюсь изо всех сил увидеть его мощь.

В данный момент я желаю помощи, чего за всю свою жизнь не делала. Одиночество породило во мне рикошет, с лёгкостью отбивающий жалкие предложения и поддержку. К честной вершине добираться нужно в одиночку.

Мои руки разжимаются, и на пальцах я чувствую холодную сталь. Я победно улыбаюсь, не контролируя усмешку. Но как только вспоминаю, что меч не решает проблему, приобретаю хладнокровие.

Фауги ощутят угрозу и стаей ринутся на меня. Пока некоторые заняты Коши. Я терпеливо жду, внимательно осматривая лазурное небо. Становлюсь в стойку, готовая сразить нечисть.

Боковым зрением замечаю движение сзади меня. Я резко разворачиваюсь, применяю оружие. Пульс учащается, в ушах звенит, к щекам подступает кровь, и я всем телом ощущаю дразнящий жар. Теперь великую опасность представляют не фауги. Владыка, семья Бодо, устремили на меня неоднозначные взгляды. Алисия смеётся с меня, шепча что-то грозной матери, которая совсем не слушает дочь. Девушка махает, будто я ей близкая подруга. Но в её жесте нет ни толики добрых намерений. Генри гордо расправляет грудь, когда я оглядываю его.

Что-то поддувает мои волосы. Я не сразу соображаю, увлечённая властью. Внутри меня всё колышется то ли от злости, то ли от нервов.

— Милдред! — рычит издалека Грэм, рассекая трёх фаугов пополам одним лёгким взмахом лезвия. Его крик раздаётся эхом, бьётся о невысокие скалы и горки, обходит всё пространство, прежде чем я слышу его и понимаю, что он спасает мою жизнь.

Оборачиваюсь и накрест разрезаю воздух. В небе появляется мутная дымка, исчезнувшая через секунду.

Я сокрушила фауга. Я прошла Испытание.

Второй плывёт медленно, будто предугадал мою неопытность.

Меня подстёгивает желание бежать. Но позади стоит правительство, которое всем нутром ненавидит меня. Не унижаться. Пуститься в бега — стать недостойным звания покровителя.

Подрываюсь с места и мчусь на фауга. Он также ускоряется. Моего человеческого прыжка хватает, чтобы рассечь облако.

Моё плечо крепко сжимают и тащат за собой. Я вытираю пот на лице тыльной стороной ладони, продолжая смотреть на вулкан. Вокруг него, как муравьи взлетают покровители, один из них — Яфа. Грэм всё это время один держал это место. А сейчас его собирается удерживать около тридцати покровителей.

Смена Грэма закончилась. Меч в моих руках рассыпается мелкими крошками, похожими на раздробленный оникс.

Я закрываю глаза, Коши переносит нас на порог возвышающегося замка. Его стены раскрашены серебристыми узорами голубой бирюзы, а верхушки, купола и шпили окутаны белыми облаками. Между облаками проплешинами виднеется лазурное небо. Желая прикосновений, к нему тянутся ворота из прозрачного стекла.

Грэм упирается спиной в синий пилон и медленно съезжает.

Я падаю рядом с ним. Нас разделяют считанные сантиметры. Одно малейшее движение — я смогу коснуться его руки. Я знаю, что он устал, что ему плохо и мне хочется успокоить его. Я — виновница его проблем. Этого не произошло, не будь здесь меня.

— Ты прошла первое Испытание, — говорит учитель.

— Прошла, — медлю. — Они там были. Видели меня, вас.

Коши сжимает кулаки и вертит головой, словно бы чувствуя вину.

— Пусть так. Владыка окончательно потерял разум. Его немедленно нужно сбросить с трона. Семья Бодо вполне разумная, но позволила...

— Что они сделали, Грэм?! — требую сдавленным шёпотом.

— Они убили Янко.

— Но... Как же нехватка, неприкосновенность? Вы говорили, что хранителей меньшинство, их не убьют!

— Говорят, случайность: Янко был стар, не смог отразить раскалённый обломок. Я знаю... знаю, насколько он был силён. Возраст ни при чём.

Я не была знакома с Янко, но меня накрывает дикая боль не только из-за его кончины, а из-за того, как власть поступила с ним по вине меня и Грэма.

— Скоро за тобой придут, — бросает Коши и поднимается.

— Подождите, — останавливаю. — Как я найду вас?

— Не появляйся в сфере Чёрного Оникса, пока не станешь покровителем. Это всё, что я могу тебе сказать.

Но как же Яфа и ваша команда? Как же наш союз и взаимопомощь? Я не успеваю задать эти вопросы своему бывшему учителю — он исчезает.

Я не хочу видеть это место, не хочу оборачиваться, приветствовать новых покровителей, новое правительство, нового учителя. Свою мать. Никогда не ощущала себя такой потерянной.

— Милдред Хейз! — восторженный голос Найджела будоражит меня.

— Открывай чёртовы ворота.

Он недовольно хмыкает, затем оказывается рядом со мной и переносит во внутренний двор.

— Вся сфера тебя ждала, — саркастично проговаривает покровитель. Его издёвки — последнее, что я сейчас ненавижу. Мне всё равно, что он говорит, какую неприязнь точит на меня и мою мать, я думаю исключительно о Грэме, Янко и Испытании.

— Молчаливая такая, — язвит он, дёргая носом. — Тебе предстоит встретиться с твоей любимой мамочкой. Не рада?

— Идём внутрь, — совсем тихо отмахиваюсь я.

— А, конечно, ты после Испытания. Видно, что заморилась — вид и запах мерзостный. Ты справилась. По-ра-зи-тель-но!

— От дочери Джюель худшего ожидать не стоило, — я использую против него его же слова.

— Ладно, — он становится серьёзнее. — Пойдём.

Перед нами предстаёт кругообразный коридор, обставленный канделябрами с пузатыми ножками из голубой вкрапленной бирюзы. Вход в центральный коридор венчает статуя женщины с длинными косами. Своды и купола сплошь украшены зеленовато-голубым искусным барельефом: целые истории сложены над головой. Я насчитываю несколько стенных ниш с различными вазами, картинами и громоздкими статуями. Звучит нелепо, но смотрится достаточно гармонично.

Найджел уводит меня в центральный коридор. Оттуда виднеются этажи с аркадами. Все они между собой разные по форме и оформлению: оттенками синего мерцают гирлянды из камней, нанизанные на плотные нити по тону. По главной высокой лестнице шагают покровители.

Мой взгляд падает на девушку в белых облегающих штанах с сине-золотым узором и атласной блузке с вырезом на спине. На тонкую шею подвязан васильковый плащ, развивающийся в такт её быстрой походке.

Я не интересуюсь у Найджела, кто она, так как почти все выглядят здесь идентично и не выделяются особой роскошью.

— Понравилась? — спрашивает с насмешкой Найджел.

— Буду надеяться, что не попаду в сфере Голубой Бирюзы. У тебя уродливая душа, — говорю равнодушно.

— Ошибаешься. Я такой только с тобой и Бертран.

Мне удаётся сдержать вспыхнувший гнев из-за усталости, появившейся, пока мы поднимаемся по лестнице, но я бросаю на него недоброжелательный взгляд.

Моя комната среди сотни других, на втором этаже. Я открываю деревянную стрельчатую дверь. Единственное крохотное окно, через которое я смогу просунуть лишь голову, запускает внутрь свет. На туалетном столике стоит убогий настольный канделябр со свечами и зелёно-синяя шкатулка. У изножья кровати располагается мраморный столик с вазой того же материала. Пол забит тёмно-синим ковровым покрытием, в углу располагается стул с деревянными ножками, сиденье и спинка которого обиты голубой, почти белоснежной крупноузорчатой тканью.

«Это новое начало», — пытаюсь себя убедить. Рой мыслей надоедливо жужжат, оставляя после себя колючие укусы. Начало всегда приходится тяжело. Я могу закричать — ничего не изменится, ударить Найджела — тоже, сбежать — тем более. Я приду к одному концу: я должна войти в роль, показаться привыкшей, показаться *своей*.

— Сними грязные тряпки и смой с себя пот, — язвит покровитель, зачёсывая пригоршнями густые волосы и брезгливо морща нос. Я киваю в знак согласия: на большее у меня просто нет сил. — Джюель с тренировки, поэтому невероятно злая. Не испортить свою первую встречу с мамочкой, — добавляет он.

У меня внутри всё переворачивается. Найджел выходит, громко хлопнув дверью. Он явно не доволен тем, что не смог вывести меня из себя. После Найджела входит длинноволосый мужчина. На его лице не вздрагивает ни один мускул, когда он заговаривает:

— Пройдёмте со мной.

Одежда спереди казалась закрытой, но спина мужчины полностью оголена. Я не спеша иду за длинноволосым.

Он пропускает меня в душ. Стены здесь намного уже, чем в сфере Чёрного Оникса. Кабинки маленькие, поэтому их в два раза больше. Прерывающийся шум воды очень

раздражает. Здесь витает смешанный запах мыл и гелей. Я вдыхаю аромат карамели, алое и какой-то едкий... как бензин, будто кто-то пытается смыть этим запахом самого себя.

Я захожу в свободную кабинку, смываю с себя липкий пот. Вода навязчиво стекает по подбородку, а затем щекочет живот. В зеркале я вижу пыльный снежный сугроб в виде моих волос, щёки стали неестественно впалыми, небольшие ссадины — неразлучным украшением. Горячая вода заставляет мелкие, но болезненные царапины пульсировать, выпуская крохотные капельки крови. Я смотрю в глаза Милдред, замечаю суровость. Чем ты становишься, несчастная девчонка?

Вина обуревает меня, как холодный ветер. Смерть хранителя не выходит из головы.

«Убийство», — в уме шепчу я. Внутренний голос такой сухой и безжизненный, что мне немедленно хочется выпить душевой воды. Так бы я звучала, если бы поспорила с Найджелом?

Я занимаю мысли музыкой. В детстве, особенно в самый разгар перехода от девочки к девушке, я много капризничала, нервировала всю школу, весь город, драгоценную бабушку. И получала мучительную отдачу. Однажды к нам приехали люди, едва не задевающие макушками потолок, обсуждали с бабулей мои проблемы и многочисленные жалобы жителей. К счастью, у бабушки были знакомые в том страшном месте, она объяснила нелёгкую ситуацию: Милдред без родителей, ей нужно пропитание, одежда, учёба. Нас оставили. В этот день бабушка впервые накричала на меня и больно оскорбила. «Твои проблемы, ты их и решай», — пробубнила она, оставшись без сил после того, как грязно отчитала моё поведение. Я побежала в свою комнату, заплакала, закричала. Заложница собственных страданий. Летом я не выходила из дома, закрылась ото всех, плакала каждую ночь и каждое утро, мычала грустные мотивы, запечатлевшиеся в памяти после проигрывания пластинок с классикой. Страданиям пришёл конец, когда Айк появился на пороге спальни и вытащил меня из постели. Тогда он был семнадцатилетним юношей с проколами в ушах и уродливым металлом в носу, который я нещадно желала дёрнуть. Мы были братом и сестрой, советниками друг для друга, спасательными кругами в океане жестокого мира, и бабушка чествовала его: только этот человек мог держать меня в узде. Он заполнял образованную отсутствием мамы и папы сквозную дыру своей заботой и любовью, своим живым вниманием.

Я тихо напеваю любимую спокойную мелодию Эйнауди «Nuvole bianche». Пластинки с его музыкой мне подарил лучший друг: он знал — иногда это приносит мне умиротворение. Я мысленно зазубрила удары клавиш фортепьяно, редко, но с болезненным чувством вспоминала мотив музыки, плыла на белых облаках. Сейчас я перенесла себя на пушистые небесные подушки, ощутила, как отрываюсь от мира. Так не хочется возвращаться, снова видеть своё отражение.

В чехле, который мне дал Найджел, я достаю одежду. «Схватил то, что ближе было». Белая юбка, топ с висячими рукавами и сапоги до колен. Мои ноги смотрятся длиннее в этой обуви. Если я слегка склонюсь, в том, что я надела юбку не будет смысла.

Посыльный ожидает меня снаружи.

— Что-то ещё? — спрашиваю я. Встреча с Владычицей, встреча с мамой.

Нам приходится подниматься на девятый этаж, как сообщает длинноволосый. Он мгновенно переносит нас в тихий коридор, когда я округляю глаза. Ещё бы не перенести. Я бы даже до пятой лестницы не доползла.

Дверь из голубой бирюзы сравнима с воротами замка: такая же высокая. В углу «адского портала» прикреплены три больших камня: оникс, аметист и бирюза. В таких

мелочах проявляется пренебрежение к другим сферам, присвоение звания божества, кристаллическая циничность.

Словно учуявшие, четверо посыльных шустро открывают тяжёлые двери, и я не успеваю их остановить. Длинноволосый исчезает, будто его здесь и не было. Мне моментально хочется за что-то ухватиться, что-то сжать в руках, но я могу стиснуть только кулаки. Не позволю себя скованной походки и вид неуверенной девчонки.

Огромный зал превышает площадь тронного зала Владыки Флавиана. Справа протягивается аркада стрельчатых окон, они запускают максимум света в помещение и демонстрируют панораму затуманенного двора. С потолка свисают два ряда миниатюрных канделябров, напоминающие свинцово-чёрных атакующих пауков.

Издали я вижу нескольких покровителей. Один из них восседает на чёрном троне. Я шагаю к шипованному сиденью, эхо разносит стук небольших каблучков. Негромкие разговоры власти вдруг прекращаются. По бокам от Владычицы стоят двое посыльных, не смеющих поднять взгляд. На секунду мне даже кажется, что они не дышат. Я не решаюсь посмотреть на неё вблизи, рассмотреть.

Никакой слабости. «Не переживай», — лукаво проговаривает Айк. «Что за гены», — звучит бабушкин горестный баритон. «Смотри», — веляю я.

— Приветствую, Милдред, — слух режет женский голос. Слащаво-ядовитый, авторитетный. Голос мамы, того милосердного ангелочка на фотографии. Этот человек был постоянным гостем моих ночных грёз.

— Приветствую, — произношу холодным тоном. Я немного склоняю голову, заглядываю в её глаза. В собственные глаза. У неё те же белесые волосы, длина рассыпается по трону (он будто оброс сталактитами). Бледная кожа и пухлые красные губы являются нашим козырем: даже бабушка имела такую ясность лица в молодости, как и мы с матерью. Я увидела себя со стороны. Наша схожесть неземная. Но её эмоции мне совсем незнакомы: алчность, надменность, бесчувственность, морозная стужа овеяла веки Владычицы.

На её макушке возвышается золотая корона, инкрустированная богатыми камнями и серебряными изящными цепочками. Середину венца украшает камень голубой бирюзы.

Женщина сидит на троне, как опытный и уверенный в каждом своём решении монарх, правящий страной с прошлого столетия. Она барабанит пальцами по подлокотнику кресла тьмы, и оплетающее кисть утончённое панье с аметистом, вздрагивает. Убранство Владычицы представляет собой белое платье, наполовину покрывающее туфли, талию охватывает узкий драгоценный пояс. Прямые плечи обнимает кружевное оплечье с нефритовыми «капельками», ниспадающими как сверкающие бриллианты. Тонкие брови и скулы такие же острые, как и взор Джюель Бертран.

Подле Владычицы стоит мужчина, одетый роскошнее, чем она сама. Его одежды, где хочешь, покрыты золотом. Волосы того же цвета, что и у его повелительницы, они спадают на одну сторону, полностью прикрывая его серый глаз. Я не раздумывая, понимаю, что он правая рука.

— Поздравляю с прохождением первого Испытания, — улыбка едва касается губ матери. Нет, мне показалось. Это была не усмешка. Нет.

— Благодарю, — непроницаемо отвечаю я. Никаких эмоций, держаться твёрдо. Передо мной моя родная мать, которую я мечтала увидеть всю свою жизнь, надеялась на чудо, что она вот-вот появится и споёт песню на ночь. Сейчас Джюель похожа на ту, кто убаюкает меня песней смерти. Она другая, нежели на той единственной фотографии у моей тумбы.

Тогда она была счастлива, широко улыбалась, оголяя жемчужные зубы. Рядом стоял отец. Сколько бы я не рассматривала его, мне всегда казалось, что он несчастен с моей мамой. А вдруг всё было совсем по-другому? Не было никакой аварии, а мой отец погиб другой смертью или вовсе жив?.. Джюель сидит напротив меня: тогда почему я не могу верить, что боги оставили мне хоть кого-то, кто будет любить меня так же как Айк? Не сомневаюсь, бабушка тоже любила меня, но никогда не показывала этого. Но мне требовалось быть нужной, любимой. Постоянные мысли, что она исполняет долг, выращивает груз, от которого потом избавится, убивали меня.

— Твой учитель скоро найдёт тебя. Желая успешно пройти второе Испытание. Удались, я уставшая.

Бертран поднимется со своего громоздкого трона. Волосы осыпают её спину и грудь растрёпанными локонами. Её слуга берёт под локоть правительницу и уводит в спальню справа от возвышенного сиденья.

Я знала, что разочаруюсь. Знала. И не должна была воспринимать это близко к сердцу. Я представляю, как падаю на пол, бьюсь коленями. Определённо не здесь, не сейчас и не в этой «одежде».

— Одну минутку, ваше владычество, прошу, — голос Найджела раздаётся издалека. Он переносится ближе к тронной части зала. Владычица негромко вздыхает и взмахивает рукой на личного раба в богатых одеяниях. Тот двигается в её покои, обзлётый.

— Мой ненаглядный Найджел Гальтон, — уголок губ Владычицы приподнимается.

— Позвольте мне быть учителем вашей прекрасной дочери, — он опускает голову, изображая смущение.

— Снова продумываешь планы мести, мальчишка? Ты знаешь меня.

— Наступает день, когда глупые домыслы стоит оставить позади. Я виноват, что обвинял вас, лгал всем вокруг. Каково ваше решение, Владычица?

Она ухмыляется: не поверила. Даже я не верю Найджелу. Свою месть он не готов отбросить, как мешающий проходу камень.

— Выкинешь ещё что-то, — она приближается к покровителю, чтобы прошептать, но эхо доносит: — познакомишься с моей темницей.

— Спасибо, — сурово произносит Найджел и тут же подходит ко мне.

— Сволочь! — шиплю я, переступая порог. — Если будешь издеваться надо мной, Джюель от этого ни горячо, ни холодно.

— Есть в вашей связи что-то неизвестное мне. Джюель хранит секреты. Она так яркой тобой интересуется, это уж точно не любовь. И если думаешь, что мой замысел заключается в издевательствах, ты глубоко ошибаешься.

— Замолчи, — отрезаю.

— С сегодняшнего дня я твой учитель. Относись уважительно.

— Никогда в жизни, — я громко прыскаю, скрещиваю руки и стремительно ухожу от Найджела, переступая бугристый пол.

Покровитель настигает меня, прижимает к прохладной стене и сцепляет пальцы на моём горле. Мои ноги виснут, я колыхаю ими, бью Найджела по рукам.

— Тоненькая, податливая, как у гуся. Хрусть и всё.

— Отпусти... меня.

Найджел напоследок усиливает хватку, запустив в кожу ногти, и отпускает мою шею. Я приседаю, поднимаюсь, запуская воздух в лёгкие. Я стану носить шипованный ошейник с ядом на остриях, чтобы никто больше не смел касаться шеи, тем более — душить. Пусть собственная кровь стекает по их локтям, а я буду злорадствовать.

— Запомни, ты внизу, — новоиспечённый учитель нервно усмехается. — А я смотрю на тебя свысока. Всегда буду. Ты — ничтожество, твоя мать — жалкая. Вы просто мусор, который нужно поскорее вынести.

— Сейчас только ты поступаешь как мусор. С тобой непросто будет, но ты увидишь, как я справлюсь.

— В сфере Чёрного Оникса ты выжила благодаря Коши, а здесь некому броситься тебе на помощь за красивые глазки. А ведь знаешь, если тебя выберет оникс... ты станешь молить о пощаде под гнётом Алисии. Она уничтожит тебя, когда узнает, что ты сделала с Грэмом, а мне на тебя не придётся тратить своё ценнейшее время. И так дел по самое горло: твоя мамочка ждёт, когда я начну бросаться в неё самыми сочными помидорами.

— Что это ещё значит? Что с Грэмом?..

Осознание впивается в грудь как колючка.

— Он знал, на что шёл, когда ринулся защищать тебя от правительства. Это день поистине легендарен. Все сферы то и дело бросаются сплетнями о бедняжке Грэме Коши.

Флавиан уважает и чтит Вермандо, сказать, побаивается. Но даже наставник никак не повлиял на Владыку.

— К чему ты клонишь? — мне хочется так же вцепиться в шею Найджела и ногтями проколоть кожу, оставив сквозные дыры от нажима пальцев.

«Ты знаешь».

— Твой учитель в темнице. Пойдут годы... годы. Годы! Излюбленное предателями и нарушителями закона место гарантирует непрерывные пытки.

Ради свержения Флавиана. Ради будущего сферы, в которой он вырос. Ради своих хранителей и покровителей. Ради моей силы.

Внутри всё сжимается до микроскопических размеров.

— Это... невозможно.

— Не будь наивной.

— Для тебя это забавно, но я чувствую себя виноватой! — выпаливаю я.

— О, да? Это он повинен в том, что решил защитить твою несчастную жизнь. Сферы бы ничего не потеряли, если бы ты погибла.

— Ненавижу тебя, — я качаю головой. В памяти хорошо отпечатался путь в мою комнату.

Я сажусь на кровать, обнимаю колени и кладу на них голову. Я не удосуживаюсь даже обувь стянуть. Борюсь с желанием уничтожить спальню: разбить вазы и статуэтки, разрубить кровать, как это сделал Найджел в нашу первую встречу, мне хочется разрушить стены, что меня окружают. Хочется броситься с вышки замка, приземлится на бирюзовую брусчатку и разложится на ней звёздочкой, ожидая, когда прервётся дыхание.

Я смотрю на дверь с выжженным символом сферы Голубой Бирюзы: людское сердце, пронзённое изогнутым кинжалом. Дверь моей комнаты мог бы открыть Грэм и позвать на очередную тренировку, но он стал узником, его мучают и пытаются. Ему больно. Он страдает.

Я углубляюсь в сон незаметно. Когда просыпаюсь, обнаруживаю себя уснувшей сидя.

Я умываюсь холодной водой, провожу мокрыми ладонями по волосам, зачёсывая их к затылку.

Бессильная девушка с убийственным взглядом и буйным характером. Зеркало отражает ту девушку, какой её видят остальные. Но никто не знает, насколько я зла на этот мир; он втаптывает меня в землю толстым каблуком. Я карабкаюсь, рыхлю руками и ногами эту землю, дабы выбраться из-под каблука и сломать его пополам. Я знаю, что моя борьба будет длиться вечно, пока не одержу победу. Другого выхода и быть не может.

«Не вздумай умирать, Хейз».

Стук железных сапог. Я выдвигаюсь из ванной комнаты. Найджел одет в белую рубашку, штаны на тон темнее, руки облегают серебряные нарукавники, а на плечах покоятся наплечники.

— Доброе утро, солнце, — он прожирает меня глазами, как червь спелую черешню. Он сам определил, с кем и как проведёт последующие месяцы. Один мой вид, каждый мой вдох ненавистен покровителю.

— Доброе утро, Найджел, — желаю весьма спокойным тоном. Сохранять самообладание — для меня пытка.

— Как спалось? Выглядишь уж больно неважно, — покровитель дёргает губой. — Всю ночь думала о Грэме или о том, что по вашей вине скончался хранитель?

Хочет вывести меня из себя. Я прикусываю язык.

— Идём, бедолага.

Найджел приводит меня в тренировочный зал сферы Голубой Бирюзы. Я всё ещё не привыкла к яркому голубому свету и, чтобы свободно открыть глаза и рассмотреть место, где я буду тренироваться, мне требуется время.

Во всех сферах тренировочных залов бесчисленное множество. В сфере Голубой Бирюзы они выше и шире — вместительность хорошая. Помимо нас с Найджелом здесь присутствуют другие покровители.

— Я не собираюсь проходить ваши Испытания! Мне нужно к брату, он ещё совсем маленький! Вы клялись, что я смогу вернуться, если пройду первое Испытание, — девушка, вероятно, человек, пытается вырваться из хватки своего наставника.

— Успокойся, — протягивает он. — Мы говорили с тобой об этом. Вспомни и своё обещание.

Задача учителя заключается не только в том, чтобы чему-то обучить, но и подтолкнуть к учёбе, правильно вести это обучение, чтобы ученик не рухнул на колени, обессилив.

— Приступим, Милдред. Я посмотрю, как тебя выдрессировал Коши.

Найджел вынимает меч из ножен, пальцем проводя по лезвию. Осматривает его с таким обожанием, как великий артефакт.

Я тоже достаю меч, который покровитель бросил у входа в период моего сна, но только с осторожностью. Опускаю его вдоль тела, чтобы вышло осуществить сухую задумку. Я применяю всю свою скорость и резкость и бью острым металлом, тем самым оставив ему неглубокую царапину.

Учитель сразу реагирует, выбивает у меня из рук оружие, а своё наставляет в область сердца.

— Крыса! — рычит он так, чтобы зал не слышал его грязи.

— Используй момент неожиданности, когда твой враг отвлечён, особенно, если ты слабее его. Вот, чему меня научил Грэм.

Мужчина нервно убирает меч.

— Как с тобой вообще можно ладить?

— Ты никогда этого не узнаешь.

— О, я разочарован. — Он снова направляет на меня остриё. — Стой, где стоишь.

Его голос понижается, он подходит на шаг ближе, и холодная сталь упирается мне в шею. Резкое движение. Боль в плече похожа на жжение. Я прижимаю рану руками, хотя оказывается она не такой уж глубокой. Найджел воспользовался моим страхом быть с перерезанной глоткой: ранил совсем в другом месте.

Я отступаю от бесчувственного снежного зверя, вытираю окровавленную ладонь о белоснежную рубашку, разгоняюсь, намереваясь исполосовать ему лицо и отрезать белую шевелюру, а бледную кожу украсить алыми полосками. Он хоть и кажется худым, его силы во сто крат мощнее. Манящая сладкая опасность.

Найджел подлетает, нависая надо мной, и останавливает мой прыжок. Я приземляюсь бедром на пол, а затем испускаю сдержанный вопль.

Учитель садится рядом, скрестив ноги, он облакачивается на ладонь.

— И как же ты прошла Испытание?

— Ты боролся не на равных! — я вскрикиваю на весь зал. Осознаю и притихаю. — Что тебе сделала моя мать?.. Ты даже не объяснил мне.

— Причина веская. — Он заметно напрягается.

— Скажи мне, почему я плачу за её ошибки? Поставь себя на моё место, если ты способен на такой нравственный жест и почувствуй всю ту гамму эмоций, которые мне ежедневно приходится испытывать: я тоже страдаю. Все ненавидят меня. Знаешь почему? — вполголоса говорю я. — Потому что они слишком... слабы, чтобы устроить такую же встряску Джюель Бертран.

Учитель отчуждённо глядит в сторону, роясь в голове. Впервые я прибегаю к лукавству: мягкий тон, волнительный взгляд, испуг. Найджел начинает закипать, его челюсть двигается, а глаза горят огнём, который он пытается сдерживать.

Я беру его за руку и вынуждаю взглянуть на меня. Пыл мужчины незаметно улетучивается.

— Ты заметил, как Владычица ко мне относится. Нас *ничего* не связывает. Расскажи, что между вами произошло. Я вынесу вердикт: кто виноват и кого стоит наказать.

Найджел становится потерянным мальчиком, жаждущим открыться незнакомцу за добрые глазки и рассказать о том, какие игрушки ему купили. Но «мальчишка» возник на долю секунду, больше он не являлся.

Учитель вырывает свою руку и уходит из зала. Оставил меня без ответа, подарил новые груды вопросов.

Я подберусь к правде любой ценой. Даже если придётся снова взять Найджела за руку и вежливо улыбнуться.

Я принимаю горячий душ. В коридоре меня настигает девушка, походящая своей робостью на посыльную.

— Приветствую, Милдред Хейз. Ваша... то есть Владычица велит вам прибыть к ней.

— Приветствую. Несколько минут, и я буду.

— Прямо сейчас. Владычица сказала, это дело неотложное.

Я киваю посыльной, она переносит нас на девятый этаж и отводит к владыческому залу. Я стараюсь запомнить путь, чтобы в следующий раз идти самостоятельно. Надеюсь, эта дорога не будет усеяна кровью и болью.

Мокрые волосы с каждым шагом приземляются на затылок, капельки воды стекают по спине и по телу бегут мурашки.

Снова это место. В прошлый раз я чуть не упала здесь в обморок, а сейчас мне безразлично. Отсутствуют страхи, переживания: здесь нет ничего, что мне ценно. Никого. Нет здесь людей, на которых я хотела произвести впечатление, вызвать к себе любовь и заботу.

Джюель привычно восседает на троне, злорадная ухмылка уродует чёткий абрис её лица. Правая рука шепчет госпоже на ухо вероятные гадости и наказания для Найджела Гальтона. Тот держится уверенно, гордо расправив плечи. Как только мы встречаемся взглядами, он салютует мне рукой и улыбается, точно всё это цирк, а власть — несчастные звери.

— Приветствую, Владычица, — говорю настороженно.

— Сокрушающий покровитель Эмма пришла ко мне с мольбой, — Бертран вытягивает руку, осматривает нежно-голубой маникюр. — Настаивала избавить её от длинных ручонков проказника Найджела. Она утверждает, что наш малыш ведёт себя чересчур по-взрослому. Жестоко. Как я могу игнорировать просьбы своего народа? Если это мешает им сокрушать, я немедленно должна вмешаться. Ты здесь Милдред, чтобы подтвердить алиби своего учителя.

Девчонка сообщает, это произошло в период вашей тренировки. Она состоялась?

— Да, Найджел был со мной.

— Неужели? И ты не покрываешь его?

— Мне это не выгодно.

— Мне нужно знать, с каким сбродом водится моя дочь. Если мальчишка будет трогать тебя, найдёшь меня здесь. А ту девушку я как следует отхлыщу за наглую ложь Великой Владычице. Оба вон.

— Конечно, — отчеканиваю я.

Дочь.

Дочь.

Дочь.

Это обращение греет, как горячий кофе, тёплый камин, махровая одежда. Я сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться. Из уст Джюель ничего, кроме лжи не слетает. Никогда.

«Улыбнёшься, когда она попытается тебя убить», — пролетает мысль.

— Я не просил меня защищать, — бросает Найджел сразу после того, как мы переступаем порог апартаментов верхушки. Но в его тоне я слышу мягкие нотки, простительные, стыдливые.

— Мне было несложно сказать пару слов.

— Хочешь благодарностей? — вполне серьёзно заявляет покровитель.

— Нет.

— Нет так нет. Ты хочешь услышать, что сделала Джюель? — покровитель резко тормозит.

— Не думала, что ты так быстро сдашься.

— Я не сдавался. Всего лишь отвечаю тем же, чем и ты. Так будет выглядеть моя благодарность.

— А ведь только что ты говорил, что благодарить не будешь.

— Замолчи, — саркастично шипит учитель.

— Что это за место? — спрашиваю я с заметным в голосе изумлением.

Мы стоим на большом куполе с острым шпилем. Облака закрывают весь вид замка и, кроме ещё нескольких куполов и вышек, ничего не видно. Я делаю шаг и едва не падаю: Найджел успевает оттолкнуть меня.

— Хотела на облаках полежать?

Я демонстративно закатываю глаза. Покровитель садится на поверхность купола, я сажусь рядом. Мой взгляд мельком падает на завораживающие полоски в виде паутинок, украшающие купол.

— Скажи сразу, я как-то причастна к твоей обиде?

Найджел выглядит так, словно сомневается не то чтобы говорить со мной, но и сидеть здесь.

— Тогда я был глупым двенадцатилетним ребёнком, как и все, обожал подслушивать разговоры, сплетни, скандалы и разносить их своим друзьям. На тот раз мишенью стали мои родители. Я затаился в нише, закрылся гигантской вазой, почти не дышал. И слёзы было трудно сдерживать, когда они начали кричать друг на друга. Мой папа крутил роман с Джюель, он уповал на её любовь, восхищался страстью. «Тебя я не люблю!», — крикнул он маме. А наша Владычица никого не чествует в своей постели дольше, чем на семь ночей. Маме всё-таки удалось вразумить его, похождения к Бертран прекратились. Они

беспокоились о том, что я узнаю об их разладе.

Найджел был ещё подростком, на нём отразилась детская травма, наступающая на пятки каждый день.

— Ровно через три дня ко мне приходит посыльный, сообщает, что моя семья погибла в стычке с фаугами. Владычица забрала меня в свои покои, налила вина и сказала, что я теперь достаточно взрослый, чтобы пробовать алкоголь. Она утешила меня, прекратила бесконечный поток слёз.

— Она их убила... — шёпотом заключаю я. Найджел многозначительно смотрит на меня и продолжает:

— Она разрушила мою жизнь, старалась зашить сквозную рану, высказывая мне, какими хорошими были мои отец с матерью и каким статным я вырасту. Вот только ей было по боку, а слова являлись очередным трёпом. Я не доверял ей и понял, что нужно действовать. Я полагал, что Владычица заперла их где-то поблизости. Мой друг когда-то был в её спальне и знал о существовании потайной комнаты. Я шустро нашёл её, пробрался внутрь. Увидел, на койке лежат мужчина и женщина.

Найджел кидает в гущу облаков камушек. Где только он его взял?

— Они были мертвы, у каждого в животе виднелась рана, ткань одежды пропиталась кровью. Джюель объявила, что сфера не может попроситься с моими родителями и, как она всех уверяла, с остальными покровителями, так как тела их до неузнаваемости изуродованы. Но я увидел обратное. Ревность навела твою мать на такой поступок.

— Не называй это чудовище моей матерью, — отрезаю я.

— Не думал, что ты поверишь мне, — медленно проговаривает Найджел.

— Ты хочешь отомстить ей. Каков твой план?

— У меня его пока нет, — уверенно произносит он.

— Догадываюсь почему, — я бросаю на него взгляд, чтобы поймать его реакцию, но он лениво выжидает моих следующих изречений. — У тебя нет союзников. Ты покровитель без ничего, поэтому посередине. Чтобы осуществить свои планы, тебе нужна высота, — я жестом указываю вверх.

— Ещё бы человек меня чему-то учил, — с грустью прыскает он.

— Ты не признаёшь моих слов, потому что тебе стыдно.

— Милдред, мне плевать, — последнее слово он едко бросает, снова закидывая камень куда-то вдаль.

— Упрямый, — шепчу я. — Твой гнев в мою сторону глуп, но оправдан. Я забуду его, если ты захочешь.

Наш разговор приостанавливают шелестящие звуки, доносящиеся откуда-то снизу.

— Это дождь, — спокойно отвечает Найджел, замечая мой озадаченный вид. — Я перенесу тебя, куда нужно.

Он встаёт, но я его прерываю.

— Ты мне не ответишь? Я не всегда бываю такой доброй, поверь.

— А я не всегда могу быть таким открытым. Поверь.

Найджел принудительно поднимает меня и переносит в коридор, полный покровителей, а затем становится точно невидимым среди толпы.

Мои ноздри услаждает приятный запах еды, он тянет меня к входу. Я продвигаюсь через тройку покровителей, они едят что-то лёгкое, что можно уничтожить на ходу.

Очередь длинная, всё помещение кишит покровителями. Либо эта трапезная одна на

всю сферу, либо здесь подают самые вкусные яства.

— Ризотто с шампиньонами, салат из апельсинов и кусок овощного пирога, — говорю девушке с синими волосами и выраженными зелёными глазами.

Сейчас я чувствую вину даже за то, что вспоминаю о Грэме. В этот момент он может кричать от боли и мысленно молить о скором заживлении увечий, а я буду расслабленно уплетать вкусности. Владыка прибрал его к лапам, и бог знает что он с ним сделает.

— Возьмите! — язвительно повторяет посылная-кухарка.

Я отвлекаюсь от своих мыслей и сажусь за свободный одиночный стол. Вкусы напоминают мне тот день... Даже то состояние потерянности аналогичное: меня окружают покровители, о которых я понятия не имею. И даже моя мать для меня чужая. Найджел очередной временный незнакомец. Они никто.

Я вздрагиваю, проснувшись от громкого стука в дверь, хватаю меч, с которым до этого спала в обнимку.

Спросонья я ещё не совсем успела раскрыть глаза, поэтому я размахиваю оружием, чтобы наверняка ранить преступника.

Из-за шума слышно, как кто-то умело уклоняется, а затем и вовсе выхватывает меч из моих рук.

— Тише ты! — я не сразу узнаю знакомый женский голос.

— Яфа?

Девушка тихо смеётся оттого, как я испугалась.

— Ты осторожная, — подмечает она. — Я кое-что принесла тебе.

Яфа протягивает мне том по истории создания мира сфер.

Я быстро оставляю книгу на кровати и подхожу к Яфе ближе, чем раньше, чтобы моего голоса не слышали даже стены.

— Это опасно. Как пробралась?

— О, это не составляет сложности. Главное, чтобы меня не заметили, иначе потом будут проблемы.

— Яфа, — я прерываю её. — Как Грэм?

Она опускает глаза, хмурится.

— Ты не захочешь это услышать.

— Яфа. Пожалуйста, — требую я, и, кажется, у меня вышло её убедить.

— Мы заранее знали, что его посадят в темницу. Он велел не вмешиваться. На случай, если правительство появится, мы должны были сменить его. Грэму нужно было время, чтобы отправить тебя в безопасное место.

Я вспоминаю, как воинственно Яфа налетела на одного фауга и при этом смотрела нам с Грэмом вслед.

— Он позволил калечить себя ради будущего сферы?!

— Он такой, Милдред, — отрезает Яфа. — Для него путь к возвышению не должен быть простым. Он не хочет стать высокомерным Владыкой, как Флавиан. Многие, когда приходят к власти сильно меняются. Грэм воспринимает болезненный путь к власти положительно, он принимает эту боль.

— Что они с ним делают? Не уводи разговор в другое русло, — требую я. Девушка садится со мной на кровать, поджимает под себя одну ногу и устало массирует виски.

— Я видела... видела пытки собственными глазами. Какой-то покровитель... Он подвешивал его шею на цепь, убирал тумбу и снова ставил. А в перерывах метал в него

кинжалы и гвозди. Спустя пять минут, когда Грэм достаточно истекал кровью, посыльный резал кожу, доходил до костей и стучал по ним рукояткой. Они не дают его ранам зажить, не дают сделать вдох, — глаза Яфы заметно блестят, а голос дрожит. — Он так... он так кричал! Ни одной слезы не проронил.

Я обнимаю покровителя, хотя мне и самой не помешала бы поддержка.

— Это его выбор, — я глажу девушку по спине, — мы не должны вмешиваться.

Разум твердит обратное: рвануть с кровати, понестись в сферу Чёрного Оникса, разубить Флавиана и семью Бодо пополам, помочь Грэму Коши.

Яфа отстраняется, смеясь, вытирает щёки.

— Он для меня как родной брат.

Я мягко сжимаю её плечо.

— Я тоже сочувствую ему, — произношу едва слышно. — Иди, пока тебя не хватились.

Как только Яфа уходит, я иду на поводу давно сдерживаемых эмоций, в груди появляется тяжесть и по моим щекам струятся слёзы. Такие солёные, щекочущие и отвлекающие. Я их ненавижу.

— Я не виновата, — выдавливаю из себя и качаю головой. — Это его... выбор.

Чем больше я это повторяю, тем меньше в это верю. Я немедленно смахиваю слёзы. Стены сдавливают меня с каждой секундой, от нехватки кислорода я выбегаю в прохладный коридор. Следующим желанием моим являются пределы замка. Где угодно, но не внутри. Найджел не показал мне почти ничего в сфере, даже город, в отличие от Грэма, потому я буду в наружном дворе, за воротами.

На землю опустился густой туман, закрывающий какой-либо путь. Я рискую, двигаясь в самую его густоту, и совсем ничего не вижу.

С трёх сторон раздаётся женский смех, полный оживления и нежности. Я всё равно кручусь, глядя в пелену. Хихиканье становится ближе, нарастает.

— Наконец я накрашу её губы спелой вишней и хорошенечко зацелую.

Хейли, Холли и Хэйзи. Развратное трио, мыслишки которых не выходят за рамки непристойного. Я слышу шаги, в моём поле зрения возникает Хейли и отбрасывает свои чёрные волосы за спину. Её шоколадные глаза вожделенно вспыхивают, лицо окрашивает ослепительная улыбка, на которую способна только она.

— Развлечёмся?

Холли распыляет баллончиком белый порошок перед моим носом, я вовремя успеваю не вдохнуть, отступаю, но кто-то кладёт руку на мою талию, затем щекочет за ухом. Я поворачиваюсь к Хэйзи в ту же секунду, когда вдыхаю непонятное вещество. Девушка радостно хлопает в ладоши и подпрыгивает. В горле першит, а в носу неприятно жжёт. Ноги слабеют. Чёрная пелена. Меня кто-то держит.

Не в состоянии живо двигаться, я медленно вожу руками, морщу постель из мягкой шерсти и издаю тихие вопли. Глаза залиты свинцом, виски пульсируют, на конечностях будто подвешены гири весом двадцать килограммов.

— У неё красивые икры. — «Развлечёмся». Я запомнила голос Хейли, который, несмотря на всю свою сталь, звучит изящно.

— Это нехорошо, — невинно возглашает Холли и хихикает. — Мы украли её ради своих развлечений.

Представляется милой и целомудренной девочкой, хотя на деле её голова забита ужасами, распутством и похотью.

— Холли, затихни. Что нам от этого будет? Всем плевать, — убеждает Хэйзи приказным тоном. — Если ты так переживаешь, мы можем закончить здесь и сейчас.

— Нет! — противоречит она, как ребёнок, меняющий свои желания каждую секунду. — Я хочу. О-очень хочу её попробовать.

Я для них как будто товар новой марки: испытать, вкусить, проверить на прочность.

— Чудно, — протягивает Хейли.

От прикосновения влажных губ я дёргаюсь. На колене отпечатывается масляная губная помада. Такое же временное клеймо остаётся на бедре и животе.

Кто-то присоединяется к прелюдии, с нежностью трогая мои волосы и изгибы лица.

— Она такая сладкая, — желанно произносит Холли бархатным голоском.

Руки и ноги непослушно двигаются, но девушки силой покровителя удерживают их.

— Снимешь топ для меня? — фыркает Хэйзи, зная, что я не отвечу.

Беспомощность. Если с Зейном я могла крикнуть, у меня была попытка побега, то сейчас я не способна ни на что.

И вот я уже без верхней одежды. И без надежды на помощь.

— Она многое теряет, когда делает это без сознания, — говорит Хейли, а затем целует меня в губы, поднимаясь до кончика носа, переносицы, лба и окончательно путается в волосах.

— Самое интересное, мои львицы, — объявляет Хэйзи. Я снова слышу шипение баллончика. На мою шею выливается какое-то еле осязаемое пенистое вещество. Запах напоминает сливки. Чей-то язык слизывает с кожи пену. Отвратительно и банально. Ложбинку между грудью охлаждает какой-то небольшой шарик, возможно, виноград. Я судорожно вдыхаю: он катится вниз к пупку и тут же исчезает за чьими-то зубами.

Кричать. Я жажду разразиться диким криком, дать пощёчину каждой девушке и швырнуть им в лицо их страхи и слабости.

Громкий стук по двери будоражит моих похитительниц: они подрываются с кровати.

— Кто это? — подозрительно шепчет Хэйзи.

— Об этом месте знает только Найджел, — громче утверждает Хейли.

— Испортил нам всё веселье, — резко возмущается Холли. Если бы я сейчас раскрыла глаза, то увидела бы, как она обиженно надувает розовые щёки.

— Эй, малышка Холли, — голос Найджела, — с тобой я потом разберусь. Оденьте Милдред, чтобы я смог войти.

— Превосходно, — язвит Хейли. Она грубо одевает на меня топ, не удосужившись даже

вытереть остатки сливок. — Забирай.

— Он хочет сам ею воспользоваться? — лилейно спрашивает Холли. — Как жаль, что с такой куколкой находится этот кретин.

— Прошлой ночью ты не называла меня кретином, — встречает Гальтон.

— Мы договорились не приближаться к нему, — рычит Хэйзи.

Дверь открывается, и я сразу слышу шум, а затем стук.

— Толкнёшь меня ещё хоть раз, — говорит Хейли, — я уничтожу тебя.

— Ну-ну. Вы так говорите каждый раз, когда мы ссоримся. Но кто приходит к моей спальне с корзинкой? — смеётся Найджел. Он берёт меня на руки, и я заметно ощущаю контраст температуры. Влажная улица.

— Эти сумасшедшие вдрызг распоясались. Нужно их проучить, — задорно отчеканивает Найджел.

Я вдыхаю мокрый воздух, и через несколько таких вдохов из ноздрей вытекает образовавшийся конденсат. Найджел кладёт меня на деревянную лавочку, как я понимаю по прикосновению к размокшему дереву, и тихо садится у моих ног.

— Эти трое однажды сотворили со мной то же самое. Я был бессилён, — продолжает монолог Найджел. — Для меня к счастью, что они закончили задуманное, а для тебя — что я не дал им продолжить. Сфера Голубой Бирюзы тебе не подходит. Ты не такая, как мы. А вообще, кто знает, какой камень выберет тебя, — он тяжело вздыхает. — Мне рассказывали, как Джюель стала покровителем сферы Голубой Бирюзы. Тебе это было бы интересно. Так вот, её учителя, особенно Владыка сферы Голубой Бирюзы, были уверены, что она попадёт в сферу Чёрного Оникса. Флавиан хотел в свои ряды такую кровожадную девушку, но страсть в её чёрной душе вычеркнула все планы Эбурна.

Я дышу глубоко носом, так как рот открыть всё ещё не в силах, шевелю кончиками пальцев, чтобы заставить организм прийти в себя, точно как на границе сна и реальности. Но это никак не сон, а несомненная явь, где я не имею возможности справиться с ядовитой мешаниной, ослабившей мышцы.

— Не знаю, почему так взъелся на тебя. Может, потому что не мог выпустить злость на Джюель, — верно предполагает Найджел. Из-за его ранее сделанных выводов мне неймётся тут же подняться и врезать ему, хоть от моего жалкого удара он мало что почувствует.

«Для себя. Успокоить душу».

— К сожалению лекарства от субстанции не существует, — лениво говорит Найджел. — Хорошо, что девочки распылили немного порошка, иначе ты бы не двигалась целые сутки.

Из чего, чёрт возьми, изготовлено это вещество, хочу спросить я, но язык совсем не поднимается. Я бы засыпала троице его прямиком в горло и в нос, чтобы они навсегда лишились такой прелести как болтать, ходить и заниматься любовью. Худшей для них, наверное, была бы разлука. Отослала бы каждую за сотни километров, чтобы они больше не виделись и пожизненно были одиноки.

В другой раз я пытаюсь себя убедить, что они не совершили ничего плохого, не планировали убить меня и этот поступок не имеет ни малейшего значения в сфере Голубой Бирюзы; но я жила и воспитывалась на Земле, для меня такое поведение неприемлемо и даже незаконно. Я принимаю решение послушать Найджела: проучить их.

— В порошке есть крошки всех видов бирюзы, на Земле девочки покупают какие-то вещества и добавляют в «соблазнительный стакан». Они ублажают одного хранителя — он помогает магически. Вот тебе и весь рецепт — вдруг пригодится.

Название необычное. Я думаю об этом прежде, чем понимаю, что в моём организме наркотики.

Голова кружится, перед глазами появляется тёмно-зелёная пелена с жёлтыми проплешинами. Я разлепляю веки так желанно, словно новорождённый младенец, норовящий узреть чистый мир.

В пределах моего кругозора является потемневшее небо со звёздами. В той дали простирается праведная Аметистовая сфера? Я мимолётно задумываюсь об этом: теперь меня беспокоит лишь подташнивание и жжение в желудке.

Я резко вскакиваю, несмотря на ломоту во всём теле, и ладонями приземляюсь на каменную брусчатку. В эту же секунду к горлу подступает съеденная пища, и всё это в ужасном виде выливается мне на руки и растекается по швам брусчатки, заполненных мягким мхом. Что здесь делает мох? Я задираю голову и вижу клумбы с изумрудными кустами, яблоню с нежно-розовыми цветками и давно позеленевшую вишню.

— Твою ж... Забыл побочные эффекты, — брезгливо шипит Найджел. Я поднимаю на него взгляд, а он поднимает меня на лавочку. Я почти не могу держать голову и кладу её на своё плечо.

— Скверно это, Милдред, — язвительно жалуется Найджел, будто я виновата в том, что сделали девушки.

Я прикрываю глаза, надеясь на то, что смогу отдохнуть, но внезапный скачок и ещё один приступ тошноты напоминает о том, что Найджелу быстрее перенестись, а не расхаживаться. Со рта снова брызжет жидкость прямо на ботинки покровителя, он громко чертыхается, садится на присядки и сбрасывает меня со своей спины.

Я часто моргаю. Найджел хлюпает по воде, отмывая обувь. Вода. Я приподнимаюсь на локти. Подобно переливам отполированного нефрита покоится сине-зелёное небольшое озеро, оно огибаёт отшлифованные валуны, поросшие свежим мхом. Всюду куда ни глянь, произрастают деревья, охваченные самым разгаром летнего взросления. Листья крепко держатся на тонких постаревших ветках, даже ветер не способен колыхнуть эти беззащитные создания. Пахнет морской солью, дождём, вдобавок охватившим столицу, и моей смрадной рвотой. Только бы не стошнить вновь. Я кратко улыбаюсь красоте этого великолепного природного и такого родного места. Ещё не сошедшая пена, образованная от столкновения волн с камнями, далёкие звёзды и острый полумесяц распугивают спустившиеся тени ночи.

На другом берегу чахнет невысокий домик, походящий на убогую хибару, из крохотного окошка горит янтарный свет, крыша усыпана зелёным ковылём, закрывающим окно наполовину так же, как волосы Найджела прячут веки его ясных голубых глаз.

Он моется в воде, неуклюже бултыхает ногами. Его штаны задраны до колен, а ботинки валяются на берегу.

— Найджел, — я зову хрипло, хотя изо всех сил стремилась голосить.

Он оборачивается и окидывает меня жутким взглядом. Как тут не гневаться: дочь Джюель вырвало на его блестящие серебряные сапожки.

— Если не утонешь, вымой руки, — бубнит он.

Я встаю, немного пошатываясь, быстро ступаю в озеро в одежде и обуви и просто ныряю в глубину. Ноги щекочет гладкая галька.

— Хейз! — вскрикивает Найджел снаружи. Мне нужна была эта вода, мне нужно было проплыть пару метров. Тогда, на море, я не купалась, потому что Грэм отказался, но сейчас я спрашивать не буду, я просто искупаюсь.

Найджел хватает меня за подмышки, я отбиваюсь, как могу, а сил у меня не так много.

— На моей совести будет твоя смерть! Психованная.

«Думаешь, я умирать полезла?». Мне так хочется крикнуть ему в тон, но я умалчиваю: буду звучать не лучше, чем взъевшаяся мышь.

Я поддаюсь Найджелу, он достаёт меня и бросает на сушу.

Мой топ полностью промок, а под ним больше ничего нет. Поднимаюсь усилием воли, скрещиваю руки на груди, чтобы прикрыть выступающие от холода части.

— Зачем ты привёл меня сюда, если не дал залезть в воду? Отличный способ помучить соблазном.

— Там глубоко, а ты слабая. Я просил вымыть руки, Милдред. Идём в замок.

Покровитель протягивает ладонь, и я шустро принимаю её.

— Что это было за место? — интересуюсь, когда он переносит нас в душевую комнату.

— Мы были в городе. Я частенько посещаю этот лес. Теперь мне пора.

— Постой, — говорю я, пока он не исчез. — А что по поводу них?

— Я накажу их.

— Мне тоже нужно присутствовать.

— Я делаю это для себя.

— Ясно... Тогда я сама всё сделаю, когда придёт время.

— Твоё право. На этот раз мне точно пора.

Он испаряется. Капает вода. Из кабинок выходят покровители. Они выглядят, как обычные люди, как я.

Жёлтые песчаные стены сделаны неумело. Кухню с высоким потолком освещает одно единственное окно, точнее, просто прямоугольная дыра, и открытая деревянная дверь. С потолка на прицепе свисают железные котелки и деревянные бочки. Наверняка, они пустые. Вдоль стены протягивается продолговатый стол, над которым кухарничают повара. Пахнет жареным мясом и варёными яйцами. После стола, упираясь прямо в угол, в печи пропекается хлеб.

Посреди ничтожной кухни располагается небольшой столик с шатающимися скамейками. На одной из них сидит Амплий, возлюбленный мужчина Гайюса. Отказался от имущества мецената, чтобы вернуться к копейкам, торговле и язвительным покупателям. Кухня новая, выглядит хуже, чем прошлая, в которую он испуганно затащил Касьяна. Стал беднее? Количество работников говорит об обратном. К тому же кто-то должен стоять за прилавком и афишировать горячие вкусы, а сам Амплий давно не брался за старую работёнку.

— Что ты там всё время пишешь? Ишь ты какой! — отзывается криком повар, доставая из печи огромный полукруг хлеба.

— То, что мне поручили, — бросает Амплий, безумно, вырисовывая буквы. Он не обращает внимания даже на то, что работник обращается с ним грубо.

В руках негоцианта толстенная книга, её края вылезают за пределы столика. Длинная борода торговца чуть ли не застревает между страницами, и он нервно зажимает её подбородком.

Я мысленно подхожу к нему, становлюсь за спину и смотрю на его корявый почерк. Язык итальянский, но, как и в моём первом видении, я понимаю каждое слово.

«Если бежать, то только вперёд. Ренегат умирает вторым».

Начальная страница мемуаров по истории. Амплий закончил. Он перелистывает страницы, последняя оказывается катастрофически скудной: на ней мелко накарябано имя торговца без фамилии и малейшем упоминании его социального статуса. Он будто не желает брать на себя авторство и в любой момент готов испечь книгу, как тот самый хлеб.

Был ли момент в томе, где он писал, как корчится за столом собственной кухоньки и пишет то, что будет переписываться каждое столетие? Посланное мне видение находится за пределами этой книги, в прошлом, в невесомости. В голове проносится вся история от корки до корки: что было правдой, а что случайным посланием?

Я моргаю, чтобы исчезнуть из шестнадцатого века — видение не выпускает меня и переключает в другой день и место.

Амплий прячет том в кору старого дуба, оглядывая мрачные потёмки леса.

— Я осуществил задуманное, — злорадно хмыкает он. Он спрятал то, что обещал написать и отдать. Возможно ли то, что сейчас у меня в руках совсем другая история и весь мир сфер изучает неправдивые факты?

«Не делай поспешных выводов. Всё может быть не так, как ты предполагаешь».

Я узнаю детей Флавио: их лица осунулись от старости, но широко раскрытые каштановые орбиты напоминают мне о смерти их отца и его полном принятии взгляде в ту кошмарную секунду. В городе сферы Голубой Бирюзы, на зелёном холме с ними сидят отставные покровители, заметно отличающиеся от них внешностью. Только ушедшие с поста. Они всё ещё молоды, только пара седых прядок просвечивается через красивые волосы девушек и мужчин. Не сомневаюсь, старение покровителя протекает быстрее и на каком-то периоде приостанавливается, как и у сокрушающих покровителей начинается молодое столетнее существование.

Амплий и Руф давно мертвы: миновало около ста лет.

Грозный мужик с торчащими кудрями, облачённый в серебряные доспехи держит кусок дерева, в точности такой же, как столик Амплия в его кухне. На поверхности нацарапано:

«Я Амплий, знакомый мецената и хранителя Гайюса Креона. Он поручил мне написать последовательность создания мира сфер, происхождения Руфа, появление первых покровителей. Я выполнил его последнюю просьбу. Моё письмо попадёт в руки покровителя. Так вас назвал Руф? Пройдёт сто лет, и ты найдёшь лес, в котором я спрятал свою книгу. Только прошу, пусть минует век. Иначе никому нельзя читать историю. Никому, покровитель».

Покровитель одиноко блуждает в лесу по вытоптанной тропинке. Где-то вдалеке пищат птицы, украдкой шелестят кусты под порывами преддождевого ветра. Покровитель следует в арочный тоннель из пушистых зелёных деревьев. Он отодвигает торчащую ветку, чтобы пройти. Дуб отлично сохранился с тех пор, как Амплий поместил в него собственное издание.

Мужчина не сумел не заметить на дубе еле видные прорези. Он ударяет кулаком в центр обрезанной фигуры, подгнившие опилки попадают покровителю на лицо.

Руки мужчины тянутся внутрь, древесная пыль всё ещё не осела и снова попадает в глаза покровителю. Он тихо бранится, вытаскивает находку и отбегает на безопасное расстояние от дерева. Он смахивает осадок и осторожно открывает книгу, чтобы та не порвалась. Её края немного обмокли, на некоторых страницах растеклись чернила, однако текст понятен. Я заглядываю в содержание, первые слова, которые я вижу: «Гайюс был бестолков, и

Касьяну всегда приходилось делать всё самому. Он смеялся над своим другом, иногда даже издевался над ним».

Осознание. Амплий не любил Касьяна за то, что потянул в могилу его любимого. Но он осквернил Гайюса за то, что тот искалечил их любовь. Он засунул книгу в дерево, чтобы та немного подпортилась, исказились многочисленные факты, оставил покровителям подсказки, чтобы они нашли его записи через сто лет: когда исчезнут все, кто посмел бы опровергнуть его обманные сочинения.

Амплий очернил Гайюса, все восхваляли и запомнили только Касьяна. Касьян прекратил вечную связь простолюдина и богатого мецената и Амплий задумал растянуть свою месть в столетия, чтобы покровители запечатлели ранее «хорошего человека», как «жестокоего лентяя».

— Потрясающе! Покровители будут безумно рады. Я потратил на поиски прошлого всю жизнь. Ах!

Наследие, могущественные потомки передавали лживое повествование каждое поколение.

Кудрявый покровитель, малахитовая чаша становятся далёкими, они отходят всё дальше и дальше, пока перед глазами не образовывается тёмно-зелёная точка. Вспышка света.

Я пробуждаюсь. Голова болит, а тело всё ещё ломит от «соблазнительного стакана». Я принимаюсь: аромат мыла. Я в душевой. На меня капает тёплая вода, я валяюсь на полу, одна моя нога свисает за кабинку, я немедленно убираю её, чтобы никто не надумал лишнего.

Я драю кожу с невероятным усилием, отмываю все участки, которых касались сумасшедшие девушки. Царапины жгут. Я не прихватила с собой ониксовую мазь и даже не додумалась попросить об этом Яфу, на случай если она снова решит ко мне наведаться. Теперь мои раны будут на обозрении, выглядеть настолько уродливо, что я никогда не смогу взглянуть в зеркало.

У меня остались некоторые повреждения после приступа тошноты: ладони немного стёрлись при падении, и стали грубыми на ощупь. Когда Найджел доставал меня из реки, своей хваткой он поцарапал мне руки. Где-то на суше я наступила на колючку, и теперь у меня неприятно пульсирует пятка.

Когда я жила с Айком у него всегда, в каждом уголке дома лежали небольшие аптечки с важными лекарствами, бинтами и мазями. Иногда он покупал отвары и сухие травы на случай, если антибиотики не будут действовать. «Ничего лучше, чем этот отвар ты не найдёшь», — заикался он, как те самые пенсионеры. Он буквально заставлял меня пить их и непрерывно наблюдал, как я часами пыталась сделать хотя бы глоток. Я ненавидела это.

Не лучший час для размышлений о минувших днях, в которые мне не вернуться. Следует думать о настоящем, чтобы обеспечить себе будущее. Мне стоит выжить.

Найджел водил меня на разные тренировки в зале, за пределами замка и даже в городе. Я любовалась бетонными домиками цвета чайной розы, роскошными дворцами бывших Владык и почётных личностей. Неделю назад на нас обрушился сильный ливень посреди городского поля, и покровитель отказывался переносить нас, так как любит сидеть под дождём. Его здоровье предназначено для такой погоды, но не моё. Эгоист.

Уроки с ним ничему новому меня не научили, если только я не узнала некоторых тонкостей сферы Голубой Бирюзы, не увидела город со старыми покровителями.

Мы с Найджелом однажды застали торжество правой руки бывшего Владыки, на

котором ему уж очень хотелось выпить. Тогда я просто попросила его перенести меня в комнату: сон волновал меня больше, чем лакомая еда и праздничная музыка.

Жизнь в городе кипит, что не скажешь о столице. Напряжение здесь растёт, интриги плетутся бесконечными запутанными лианами. В замке преобладает враждебность, грязь и разврат, в то время как городским жителям теперь не за что сражаться: они смело пьянствуют после века служения сфере.

Видения давно не мучают меня. После того случая в душе, я проверила том и убедилась, что это был конец. Я прошлась глазами по страницам. Большинство сведений оказались неправдивыми, Гайюс несправедливо осквернён, некоторые заслуги Касьяна пропущены.

К величайшему удивлению, Найджел стал лучше относиться ко мне, но не упускает момент поиздеваться над моей человеческой слабостью. Иногда он кажется отстранённым, загадочным и испуганным.

— Я окажусь хорошим союзником, — заявила я, внезапно ворвавшись в его спальню. Он разлёживался на своей кровати, без верхней одежды и единственное, что он сделал после моего заявления — рассмеялся.

— У тебя ничего нет, — не единожды повторял он.

Мы с Найджелом искупались в озере, и теперь он не тащится за мной, чтобы спасти и снять с себя бремя моей смерти.

Он полураздетый, накидывает поверх мокрой кожи длинный пиджак из белой парчи и садится на грязный мох. «Ума у него никогда не прибавится».

— Моя идея покажется тебе безумной, — говорит он. — Ты знаешь родителей Джюель?

— Только её мать. Бабушка утаивала от меня любую информацию о Джюель, что можно говорить о её отце? Она ни разу не заикалась о нём, а я не спрашивала.

— Она человеком была?

— Да, умерла от инсульта. А отставные покровители могут прервать свою жизнь только при помощи меча, — бубню себе под нос, припоминая уроки Грэма.

— Это не исключает того факта, что она знала о покровителях.

— Что ты хочешь выяснить?

— Прошое — есть ахиллесова пята. Владычица непоколебима даже к тебе, она не разговаривала с тобой с нашей последней аудиенции. Мы отправимся в дом твоей бабушки. Я какой хочешь находке найду ценность.

— А ты утверждал, что я пустая. Местоположение-то у меня, — наконец противлюсь ему я.

Мы одеваемся после долгого купания в тёплой речке. В воинском убранстве Найджел становится другим, не таким простым, каким был в воде.

Когда мы проходим мимо комнаты мерзкой тройки, меня накрывает до боли головокружительное ощущение тошноты. Найджел не рассказывал о том, как наказал их, но, по крайней мере, они не приближаются ко мне, а машут с дальнего расстояния в трапезной, на тренировке, в городе. Когда они уходят сокрушать, я тайно благодарю Касьяна и Гайюса, а иногда даже Алойза, что не увижу девушек.

Я пребываю в сфере Голубой Бирюзы чуть больше месяца. Я успела привыкнуть к её местам, но некоторые покровители всё ещё меня настораживают. Меч стал ночной игрушкой для объятий. Моё фальшивое оружие мало чем вредно для покровителя и тем более хранителя, чувство хоть какой-то безопасности дарит утешение. Ныне нужно быть начеку.

— Не забыла, где находится дом? — спрашивает Найджел.

— Сейчас?! — удивляюсь, затормозив над синими замысловатыми сводами.

— Не люблю медлить. Называй меня нетерпеливым, но я хочу сейчас же начать расследование. Я ждал этого много лет!

— Не было прямых возражений, — я подаю ему руки.

— Я отправляюсь на поиски сокровищ, солнышко Джюель! — ехидно возглашает Гальтон, и сам закрывает глаза.

Клумбы, сплошь обросшие разноцветными розами, над которыми мы с бабушкой в свободное время корпели, исчезли. Я нередко колола пальцы острыми колючками, когда неумело держала лозу, чтобы её подрезать. Бабушка не проявляла к этому особой заинтересованности, только монотонным и глухим голосом предупреждала обрабатывать ранки. Рыхлая пахучая земля отныне залита белым бетоном. Теперь здесь громоздятся фигурки пятнистых антилоп с шерстью медного окраса и пронзительными чёрными глазами. Почти по-над дорогой, в клумбе, где рос куст пышных тёмно-алых роз, располагается почтовый ящик.

— Что мы будем делать? — спрашиваю у Найджела.

Бабушка подписала все бумаги, которые нужны были для продажи нашего хиленького домика. Мне нужно было обосноваться ближе к университету, в который я планировала поступать следом за Айком. Прошло больше недели, Аик позволил нам остаться у него, пока бабушка не разберётся с покупкой дома. Она едва ходила, пила таблетки, я помогала ей, как могла. Тогда мы с другом поняли, что долго это длиться не будет. Она умерла в четыре часа утра с кипой бумаг на коленях, в старомодном скрипучем кресле. Возможно, она знала, что её жизнь подходит к концу и нашла для меня удобное жильё. Его оставалось только купить, но она не успела. Она оставила меня без крыши, с большой суммой на руках. Мать Айка помогла устроить похороны, целиком распорядилась деньгами и стала заниматься моим опекуном, подняв все свои связи и связи моей бабушки. Безусловно, она недолюбливала меня, а напускная забота проявлялась только по просьбе её сына.

— Не выгнать же мне её посреди ночи! Мы войдём. Незаметно.

— Твой план не внушает доверия, — говорю я.

— Иначе нельзя.

Мы продвигаемся к дому. Конечно, первое, что мы делаем — дёргаем ручку, и дверь оказывается банально закрытой.

— В моей спальне окно можно открыть с улицы, — уже шёпотом вспоминаю я. — Раньше оно шаталось. Как сейчас — не знаю, но давай попробуем.

Найджел заглядывает в окно и мгновенно прячется за стеной, а я приседаю.

— Двинулась! — шипит он.

В сфере Голубой Бирюзы я бегло просмотрела общие законы мира сфер, после того как Найджел в очередной раз посмеялся, что нарушал почти каждый из них. Нам *запрещено* навещать к людям без надобности, тем более показывать и рассказывать о своей силе.

Сколько тогда ему лет и сколько он был узником под вниманием блистающих от гнева глаз Владычицы? Я спросила его об этом, когда мы шли по ночному городу сферы, по мягкому после ливня песку в отдалённой от селения глуши.

— О, я слишком стар для тебя, — живо отозвался он. — Я уже двенадцать лет сокрушаю фаугов. Блещи умом, вспомни уроки математики, возомни себя великим калькулятором...

— Тебе тридцать?

Тогда я вспомнила мадам Бланчфлюер, семью Бодо, Джюель — все они выглядят фантастически молодыми. Кто-то кажется старше из-за причёски или наряда, однако их лица подтянутые, отсутствует какой-либо намёк на морщинки, которые в этом возрасте давно должны были атаковать их прелестные обличья. Найджел тоже красив и молод. Его

худоба значительно снижает визуальный возраст. Зато в одежде, с прямой спиной и вздёрнутым подбородком, которые скрывают его «уязвимость», он смотрится опытным покровителем с двенадцатилетним стажем.

— Если хозяйка шевелилась, не значит, что она бодрствует, — возражаю я. — Она может во сне шевелиться, я тоже так делаю. На часах два, она точно спит.

— Ладно. — Найджел поддевает угол окна. Оно настежь открывается, запуская в тёплую спальню непривычный холодок.

— Сними доспехи и обувь, шелестеть будет. Ты же не на бой собрался.

— Нас вообще-то могут подстрелить. Я, по крайней мере, могу защитить тебя от пули своим металлическим сапогом.

Несмотря на возражения, он скидывает с себя всё необходимое.

Я лезу первой, не позволяя Найджелу подсадить меня.

— Ты хоть знаешь, от чего отказалась?

— Не привык получать отказы?

Я становлюсь на мягкий коврик, тепло моментально расходится по всему телу.

Девушка в кровати снова двигается и шерудит простынёй. Она переворачивается на другую сторону и крепко обнимает уголок одеяла.

— Остановись, — произносит она осипшим голосом. Найджел прекращает перелезть, зависши в дикой позе — одна его нога находит в воздухе, а другая на подоконнике. Мы переглядываемся. Он улыбается. Лучшее время для смеха!

Я рискую сделать шаг и заглянуть в лицо хозяйки. Выдыхаю, и заманиваю покровителя рукой — девушка разговаривает во сне.

Найджел ступает босыми стопами на линолеум и следует мимо меня. Он как можно тише открывает двери. Я выхожу за ним, напоследок взглянув на спящую владелицу моего бывшего дома.

Как гид, проводящий экскурсию для посетителей, я опережаю Гальтона, и без единого слова указываю, где искать.

Я отодвигаю некоторые шкафы, тайники, даже нишу в полу, где бабушка прятала соленья от жары, но там оказываются совсем незнакомое мне барахло или пустота.

— Милдред, — зовёт Гальтон. — Мы ничего здесь не отыщем. Есть кладовка, сарай, подвал?

— Кладовка! — вспоминаю я. Встреча с домом, где я выросла, выбил меня из колеи. Я борюсь с желанием ринуться в спальню бабушки и найти хоть какие-то пожитки. Мама Айка от них избавилась и не сообщила мне даже каким способом. Большинство моих вещей, которые мне больше не нужны были, эта противная женщина тоже утилизировала. Друг убеждал, что она сделает всё возможное, чтобы я не отправилась в дом для сирот, и просил потерпеть её ворчание и косые взгляды. Пиявка с такими же чёрно-коричневыми волосами, как у её собственного сына, забыла обо мне. Если бы она узнала, что это случится, то закурила бы очередную «сигарету после счастья».

Я отвожу Найджела наверх. Одна деревянная ступенька скрипит под тяжестью покровителя, а следующая ломается с громким треском.

Мы с ним без слов понимаем, что нужно делать. *Бежать.*

Мы несёмся в кладовую, которую бабушка строго-настрого запрещала посещать, не скрывая шума. Найджел зачёсывает руками свои волосы и падает на пол, доставая коробки.

Это вещи бабушки. Что-то здесь осталось нетронутым чёрной пиявкой. Я роюсь в

какой-то огромной бумажной коробке, но только позже понимаю, что здесь нет знакомых вещей. Шарф, которым она укутывалась в зимнюю прохладу, оказался обыкновенным обрезком старой простыни, рамки с чёрно-белыми фотографиями изображали совсем иных людей, а не ту длинноволосую распрекрасную девушку. Я решаю помочь Найдзелу, подлетаю к нему и вытаскиваю из ящика мешочки, тетради и справочники. Книга рецептов. Я заглядываюсь на почерк. Она расписывала каждый рецепт, несмотря на плотный рабочий график. Чтобы разнообразить рацион неблагодарной беловолосой дьяволицы. Ненавижу себя за это.

Почему? Почему я осознала свою вину, только когда единственный родственник исчез из моей жизни?

Дверь резко отворяется, ударяясь о стену с невероятным грохотом. Хозяйка направляет на нас два пистолета. Я инстинктивно поднимаю руки, чтобы она не стреляла. Только я здесь боюсь за свою жизнь. Найдзел даже при смерти будет ругать меня за то, что моя кончина свалилась на его плечи.

— Руки вверх, засранец! — рычит коп, устремляя взгляд на покровителя.

— Приветик, — весело произносит он, махая одной рукой, второй. Теперь мы застываем в одинаковой позе. — Закрой глаза, Милдред. Не будем утруждать криминалистов, когда они найдут нас в луже крови.

Я молниеносно выполняю его требования. Покровитель становится передо мной. В ушах шумит — мы больше не в моём душном и тесном домике.

Я опираюсь на дерево, попавшее в поле моего зрения.

— Всё было зря, — выговариваю я. — Только скажи, что о нашем нарушении закона никто не узнает. Особенно Владычица, готовая вцепиться в твою глотку за орфографическую ошибку.

— Пускай красавица с пистолетами будет долго обо мне вспоминать. Это ещё один из законов, на который многие плюют. Кто-то совокупляется с людьми — им ничего не говорят. Родятся новые покровители!

— Возможно, они не рассказывают о своих силах!

— Ох, как же ты ошибаешься, — в тон отвечает Найдзел.

Мы ещё некоторое время спорим и я припоминаю ему, что он оставил свою обувь и доспехи у окна. Сейчас он в одних штанах и рубашке с босыми ногами. Покровитель отмахивается, ссылаясь на то, что мои возмущения напрасные.

— Я спешу обрадовать тебя. Не знаю, что внутри, но выглядит как что-то ценное. И личное.

Найдзел достаёт из-за пазухи небольшую плоскую шкатулку. Я быстро оказываюсь подле него.

Заржавевшие петли протяжно скрипят. Сверху лежит спрессованная фотография в плохом качестве и чёрно-белой расцветке. Бабушка стоит под пышной берёзой, совсем молодая, а рядом мужчина. Он также молод и улыбается во все зубы, глядя на любимую. Это её муж, мой дедушка, родной отец Джюель.

Я достаю из шкатулки фото. Под ним оказываются не стопка таких же снимков, как я ожидала, а конверты. Письма посланы от одного адреса, имя и фамилия повторяются. Бабушка хранила каждое его письмо, но здесь напрочь отсутствуют её собственные. Знала ли она, что её возлюбленный таит в себе фантастическую мощь, защищает ей подобных от несчастий и конца света? Вдруг мой дедушка ушёл от неё, когда понял, что покровителю и

человеку не суждено быть вместе? А был ли он на её похоронах? Вероятно, нет. Он никогда не навещал её, к своей дочке Джюэль или ко мне. Ему безразлично.

— Адрес, — говорит Найджел. — Надеюсь, он жив.

Домик дедушки одинок. Вокруг него разрослась высокая трава, за которой еле видно единственное выходящее к нам окно. Вышедшая из ночных облаков луна оставляет блики на стекле: синяя штора движется. Видит нас. Он настоящий. Возможно, знает, как я выгляжу, моё имя. Знает, что я стану таким же существом, как он сам.

Изнутри слышится скрип деревянных половиц. Я подхожу к двери. Ноги немеют. Рядом появляется Найджел, он не даёт мне угаснуть.

Скрип. Кто-то снова ходит внутри. На стук никто не отвечает, а дверь не поддаётся.

— Чёрт бы побрал! Я не буду церемониться! — возмущается покровитель. — Мне хватило двух пистолетов.

Найджел, не разгоняясь, даже без особых усилий, выбивает шаткую дверь. Она отлетает на несколько метров, врезавшись в забытый огнём камин.

Я вхожу первой. Гальтон включает свет в гостиной. В помещении чище, чем снаружи. Я осматриваюсь: здесь вполне уютно. Я бы могла съехать сюда и жить после недель горя. Эта сумасшедшая мысль сразу улетучивается. Он покровитель и мог находиться в сфере на тот момент, когда мне нужно было жильё. Его вряд ли интересовала судьба единственной внучки.

— Здесь кто-то есть? — спрашиваю я у глубинных тёмных углов.

— Конечно, есть, — бодро восклицает покровитель. — Над нами издеваются. Эй, вылезай!

Я толкаю Найджела локтем, чтобы он вёл себя вежливее.

— Мы не причиним вреда, — громко объявляю я.

В одной из комнат раздаётся стук ногтей. Мы с Найджелом незамедлительно идём на шум. Кухня. Луна освещает чей-то силуэт. Его видно не отчётливо из-за выросших веток за окном. Небольшой ветер шатает их в разные стороны — они царапают стекло с протяжным звуком. Нечёткий силуэт выпускает табачный дым. Он продолжительное время витает в воздухе, пока окончательно не уходит во всевозможные щели. Запах исчезает и в эту секунду биение моего сердца ускоряется. Когда неизвестный снова выпускает дым, я по выдоху различаю, что это женщина. Это она сидит за столом, и она подглядывала за нами.

Найджел щёлкает выключателем. Мой досадный вздох выходит громче, чем я ожидала. От включенного света её глаза даже не дёргаются. В затхлом домике, который прямо сейчас не прочь рухнуть, Владычица смотрится слишком громоздкой и могущественной. Белый плащ расстилается по подлокотнику и спинке хилого стульчика.

Джюэль тушит сигару о тарелку.

— Неожиданно, — твёрдо процеживает она с ноткой издёвки.

— Приветствую, — я не склоняю голову. Найджел стискивает зубы, оставив Джюэль без любезностей.

Она бросает на меня пустой взгляд и заикливается на покровителе.

— Найджел... И что же ты забыл здесь?

— А вы, Владычица? — парирует он.

— Какой смелый. — Бертран победно улыбается и отворачивается. — Я обещала наказание. Обещания я всегда выполняю, мой мальчик.

— Всё не так, как кажется. Совсем, — говорю я. Важно спасти ситуацию, позволите

Найджелу выйти сухим из воды, а мне не попасть под раздачу. Джюель вспоминает о законах только тогда, когда ей это выгодно. За попытку свержения Владыки с трона или предательства гарантируется покровительское лишение свободы. Это значит, что Найджел до своих ста лет будет чахнуть в темнице, выполняя «долг». Потом он станет отставным и сразу же по приказу должен оборвать свою жизнь. Чем так ценны Владыки? Почему покровители не могут отделаться десятком лет заключения?

Другой мир, другое устройство. Они не люди. Во всяком случае, были ими и превратились в созданий, лишённых сострадания, любви: того, что я иногда, но привыкла наблюдать на Земле.

— Он суёт свой нос в моё прошлое, — гаркает Джюель, не устаивая меня взглядом. — И поплатится.

— Убьёте меня так же, как и моих родителей?

Я таращусь на покровителя. Он теряет контроль. Или всегда был таким с Владычицей.

Бертран в себя хохочет и вновь закуривает толстую сигару. Она принадлежит дедушке.

— Ты невероятно глуп, Найджел. Тягаться со мной — твоё худшее решение в жизни. Зачем пришёл в дом моего отца?

— Найджел помогал мне, — вклиниваюсь я. — Что плохого в том, что дочь хочет узнать свою мать ближе? Я не могу лично с вами поговорить и решила пойти на крайние меры.

— Хочешь сблизиться со мной? — пытливо безразличный голос. Едва она мне поверила.

— Да, — произношу я.

— У меня нет на это времени, — отмахивается она. — А ещё тот, кого вы искали, мёртв. Несколько минут, по моим предположениям.

— Это были вы? — резко спрашивает Найджел.

— Кто ты такой, чтобы устраивать мне допросы? Ты собираешься свергнуть меня с трона, убить. Знаешь, почему я сжалилась над тобой? Почему ты до сих пор не стал узником? — едко выплёвывает Джюель. — Найджел Гальтон — отчаявшийся мальчик, ослеплённый болью от потери семьи. Ты обвинил того, кто оказался наиболее подозрительным. Придумал себе невесть что. Те покровители, якобы лежавшие в тайной комнате — это исключительно твои детские выдумки. Ты заходишь слишком далеко. Я знала — твоей целью будет Милдред. Ты ошибочно предполагаешь, что с ней сможешь уничтожить меня. Эта девушка ничего тебе не даст. Ты невероятно глуп, Найджел.

«Но я смогла привести его в этот дом», — гневно думаю я.

— Я лишаю тебя покровительской свободы, — заключает она.

Я замираю.

— Владычица, — хрипло призываю. — Попрошу вас смягчить наказание. Я во всём виновата. Накажите меня, но учитель этого не заслуживает.

«Она, не дрогнув, прикончит тебя».

— Смело. И опрометчиво, — отвечает она.

Джюель тихо хмыкает и терзает нас продолжительным молчанием. Она закуривает какую-то пачку сигарет, а из стола достаёт бурбон. Проходит время, пока она находит стаканчик, вливает в него жидкость. Один глоток. Пауза. Второй глоток. Размышления.

— Встань на колени перед Милдред. Благодарю её за спасение, а меня за милосердие. Моли о пощаде, Найджел. Тогда ты станешь полностью освобождён. Даю *последний* шанс.

— Я никогда не сделаю этого. Особенно перед вашей семьёй, — обращается он к Владычице. Его слова звучат, как нож в спину.

Джюель мне не мать.

— Твоя гордость берёт верх, — безнадежно говорит она между тягами.

— Я упаду на колени только перед очередной красавицей, которой буду доставлять удовольствие. Никогда не сложу ноги перед Джюель Бертран.

— Найджел! — взрываюсь я.

Он поворачивается ко мне лицом. Мы пронзаем друг друга взглядами, как стрела свою цель.

— Я не сделаю этого, Милдред, — его ноздри в гневе раздуваются.

— Спасай свою жизнь, встань на чёртовы колени. Ты закончишь жизнь на сыром бетоне. Не успеешь увидеть солнечный свет, как тебе будет приказано проколоть себя!

Джюель наблюдает за нами, как зритель в цирке. Её забавляет эта ситуация. Она вполне способна посадить его за решётку. Но скучное правительское существование нужно разбавлять издевательствами над своим народом. Они оба знают, кто убил семью Гальтон, а Джюель нравится смотреть, как Найджел злиться при каждом «я ничего не делала». Она зверская и бесчувственная. А ещё мы одной крови и все кругом об этом знают. Только я отличаюсь от изверга, восседающего передо мной, как на троне. Я спасу мальчика, которого обуревают несправедливость.

— Чего ты хочешь? — я иду на крайние меры.

— Обещай выполнить мою просьбу, Хейз, — он говорит так, словно уверен, что я не смогу. Он лениво встаёт на оба колена, стучаясь ими о деревянный пол.

— Умоляй пощадить меня, — монотонно говорит Джюель. — Так, чтобы я поверила. Скажи спасибо своей ученице.

Я тяжело выдыхаю. Хочется исчезнуть, чтобы не утруждать Найджела его же позором.

Мужчина стискивает челюсти и садится так, словно собирается совершить намаз. Он упирается лбом в пол и на некоторое время застывает. Я начинаю думать, что он уснул. Терпению Владычицы можно позавидовать: она выпивает ещё один стаканчик виски и делает непринуждённую физиономию.

Я непрерывно смотрю на него и мгновенно реагирую на то, как крепко он сжимает кулаки. Готов. Он выглядит настолько жалко, что мне не терпится пнуть его и вынудить не унижаться, подняться и гордо выпятить грудь. Я бы так поступила. Но попросила другого, чтобы он исполнил то, на что я не способна. Месть за родителей вычёркивает какие-либо приличия в его понимании.

— Умоля-яю! — завывает Найджел. Он поднимает голову и на щеках его виднеется блеск слёз. — Пожалей меня, Великая Владычица.

Он дрыгается на коврике, а затем подползает к её ногам и принимается целовать начищенные белые сапожки. Найджел уныло воет, хрипит голосом. Я вздрагиваю, но заставляю себя, не мигая смотреть на отчаянную картину. «Ты убедила его молить о помиловании», — мысленно напоминаю себе я.

Джюель одёргивает свою ногу от рук покровителя, слегка ударив по ним.

— Недостаточно, — произносит она.

— Прекращай, Найджел. — Я помогаю ему встать.

— Ты так вступаешься за него, — говорит Владычица. — Дорожишь этим сбродом?

— Он не сброд, — резко отвечаю я. Только что Найджел оскорбил меня, но я сжалилась над ним. Я буквально пошла против своих принципов. Всё потому, что он стал таким из-за Джюель, он хочет мстить. — Какое это имеет значение? — я умалчиваю о судьбе того раненого мальчика. «Раненого тобой, Джюель».

— Последний шанс, — медленно проговаривает Владычица. — Убирайтесь.

Покровитель вытирает фальшивые слёзы и переносит нас в сферу, в его спальню.

Он падает на свою кровать, будто позабыл о том, что я здесь нахожусь.

— Я забуду то, что ты принял меня за её дочь, — говорю я.

— Забывай, никто тебе не мешает.

— Я помогла тебе только потому, что тебе причинили боль. Я не жду благодарностей...

— Спасибо, — тихо говорит он, не свойственные ему слова.

— Что будешь делать?

— Пойду в тот дом и возможно смогу найти хоть что-то.

Найджел даже не смотрит мне в глаза. Стыд сжирает его и мне становится не по себе видеть, как этот хищник уплетает ужин.

— Не попадись.

— Всё будет под контролем.

— Джюель точно ожидает, что ты заляжешь на дно после таких угроз, но она никак не ждёт, что ты продолжишь. Это умно, — поясняю я его намерения.

— Не хочешь в трапезную сходить, в душ, поспать? Я не хочу общаться.

Я терпеливо вылетаю из комнаты, не желая наблюдать за мучительным настроением покровителя.

Пища мне сейчас очень нужна. Когда я прохожу мимо покоев Хейли, Холли и Хэйзи, оттуда доносится голос Найджела.

Они довольны его присутствием, а он рад с ними поговорить.

В трапезной я заказываю горячий суп, съедаю две порции. С собой беру сушеные ягоды, сто грамм миндаля и термос с мятным чаем. Я оставляю небольшой завтрак на тумбе и ложусь спать, не снимая одежды, только стягиваю с себя неудобную обувь.

Наутро я предполагаю, что меня весь день никто не будет беспокоить, но мои наивные желания беспощадно разбиваются.

— Я думал, что умру! — без стука врывается Найджел.

Я благо, успела переодеться, пока его не было. На складе одежды я нашла синий корсет, чёрную юбку и лёгкую накидку, сапоги я обула те же, что и вчера — высокие и белые. Они совсем не сочетаются с моим новым образом, но меня это мало волнует. Возвращаться на склад заберёт все мои силы и пять часов сна пойдут насмарку.

— Но я кое-что нашёл! — снова возглашает Найджел.

Он бесцеремонно прыгает на мою постель, закидывая ноги на не заправленное одеяло.

— Проваливай отсюда! Я здесь сплю!

Он едва замечает мои возражения и шустро переносится на небольшой диван в конце другой части комнаты.

— Я был в доме твоего дедушки. Успел. Джюель сожгла его дотла, но я героически ворвался внутрь и выбрасывал уцелевшие вещи через окна. Уверен, там было столько стоящей информации про Джюель.

— И что же ты добыл?

Я впрямь не поверила ему, цокнула языком и бросила вымазанный пододеяльник на

пол. Дедушка не навещал нас. Откуда у него будет что-то на свою дочь?

— Фотографию твоей матери. На тот момент ей было семнадцать. Взгляни-ка. Кто этот мальчик?

Я заинтересовано подхожу ближе и сажусь рядом с ним. Выхватываю фотографию, чтобы рассмотреть поближе.

— Что это?! — почти шёпотом говорю я. Найджел приподнимает брови, заверяя взглянуть ещё раз. Но я отлично понимаю, кто здесь запечатлён.

— Я не поверил своим глазам, — восклицает покровитель, победно ухмыляясь. Всё же вчерашняя выходка того стоила.

— Этот мальчик... Он так юн. Ему около двух-трёх лет.

— Тоже думаешь, что это её сыночек? — предлагает Найджел.

Я тщательно разглядываю лицо ребёнка и Джюель. Они похожи. Джюель здесь счастливая и красивая. Здесь она подобна мне нынешней — короткие ухоженные волосы цвета ранних ландышей, улыбка до ушей, оживлённый взгляд.

— Не исключено. Вдруг он покровитель. Или... нет.

Я намекаю на то, что мой брат может быть мёртв.

— Знаешь, что ещё нельзя исключать? — интригует Найджел. — Он и посыльным может быть. Сфера ведёт отчёты обо всех сокрушающих, посыльных, хранителях и Владыках. Угадай в чём загвоздка. Правильно. Доступ к ним имеется только у Владык и определённых посыльных. Если бы у нас всё решалось деньгами, это бы упростило нам задачу. Их будет не так легко подкупить. Придётся втереться в доверие к какой-нибудь рыжеволосой малышке, а это займёт время.

У него однозначно великое пристрастие к рыжим.

— Поиски могут быть напрасны, если моё второе предположение — правда. Сначала нужно узнать, жив он или нет. Ты больше ничего не заметил? Какие-то записи её сына, его дневник или другие фото, где он старше.

— Нет. Сзади фотографии написан только год.

— Это ничего нам не даст. Мы ничего ценного не получили.

— Эй, угомонись! — возмущается Найджел. — Для тебя «ничего», когда ты узнаешь, что у Джюель есть сын, а у тебя брат?

Я прикусываю язык, потому что знаю, что он прав. Это лучше, чем быть с пустыми руками и бессмысленными планами.

Я задумываюсь о том, почему бабушка ни разу не обмолвилась о моих родителях. Джюель — это зло во плоти. Такое детям лучше не знать. Рассказывать толком было нечего.

Ядовитая змея должна остаться без козырей и быть уничтоженной. Её никто не остановит: ни я, ни её сын. Никто. Только когда власть будет отобрана, тогда она погрязнет в небывалом страхе.

— Что на сегодня? — я перевожу тему, напоминая ему о том, что он — мой учитель. Он ухмыляется и раскидывается на диване. Одна его рука лежит на спинке, где сижу я. На секунду мне даже кажется, что он обнимет меня за плечо и притянет к себе. Я наклоняюсь вперёд, ставлю локти на колени и опускаю голову на ладони.

— Чему мне тебя учить, если ты уже всё знаешь. Грэм хорошо постарался. Хотя бы здесь отдохни!

Я отвожу взгляд, чтобы Найджел не видел моего лица, дрожащего от наплыва боли. Не было ни дня, чтобы я не думала о Грэме. Обычно я вспоминаю его перед сном: наши

тренировки и мои мысленные жалобы на них, его холодное лицо, в котором я пыталась распознать эмоции. Иногда они проскакивали, и для меня это было чем-то удивительным.

Я для него оружие, ему не интересны мои переживания. Ради захвата трона он пожертвовал своей честью, осознанно отправил себя на пытки.

— Думаешь о нём? — неожиданно спрашивает Найджел. Я неотрывно смотрю в его голубые презрительные глаза.

— О чём ты? — усмехаюсь я.

— Неважно. Делай что хочешь. Я буду твоим учителем только на Испытании, мне нечем с тобой заниматься.

Он выметается из комнаты слишком быстро, будто готовый разорвать всё, что его окружает.

Я выхожу сразу же после него: в коридоре пусто. Докрикаться на весь замок я не собираюсь. Он живёт этажом выше, так я хотя бы ощущаю какую-то независимость.

Моей целью является исследовать места, которые Найджел с живостью расхваливал. Он говорил о нерабочем амфитеатре, где уже давно не совершались бои. Популярностью пользуются паровые бани. Найджел увлечённо хвастался, что покровители почти ежедневно посещают горячие бани с плотным паром, в котором невозможно что-то разглядеть. Человек точно бы не выжил в таких условиях. Жителям сферы подобные процедуры не вредят.

Найджел обещал показать мне парк. Он рассказывал, что часто читает там книги. Библиотеки постоянно заполненные, а в парке редко кто бывает. «Честное слово, он принадлежит только мне. Признаюсь, меня раздражает, когда кто-то приходит», — рассердился он.

— Колодцы у нас есть. Вода там невероятно вкусная и свеженькая, — превозносил он.

Я бы попросила Найджела перенести меня, чтобы не тратить силы, но некоторое время назад он был не в настроении.

Когда я прохожу над тройными сводами, меня привлекает чей-то шёпот. Я иду на звук. Внутри длинной арочной конструкции с толстенными бирюзовыми колоннами стоят двое староватых мужчин — хранители. Они выглядят напуганными, словно боятся быть услышанными. Они подозрительно оглядываются.

— Я был в ужасе! Как это возможно? — говорит один.

— Не знаю. Пророчество всё чаще и чаще проявляет себя. Слово за словом.

— Кто эта девочка-ключик на самом деле? Чёрная сиротка... Зарождается какое-то чудище. К добру это не приведёт. Я чувствую нутром, как кровь реками льётся.

— Вдруг она наше спасение. Ключ к свободе? — предполагает второй хранитель.

Чудище. Ключ. Свобода. Милдред Хейз.

Я.

Почему мы завтракаем вместе?

Я часто задаю себе подобного рода вопросы. Совсем недавно я хотела наказать его за ядовитые слова, а он угрожал потопить меня в кипящем масле. А сейчас мы завтракаем вместе.

Он медленно пережёвывает огромный кусок багета, осматривая покровителей в трапезной. Что в его голове? После того инцидента с Джюель он почти не говорит со мной, странно себя ведёт и старается не приближаться ко мне.

— Ты ни разу не макнул мясо в соус. Зачем взял его? — говорю я.

Он останавливается жевать и осуждающе смотрит на меня. Найджел накальвает на вилку кусочек сочного мяса и макает в соус так, что он выходит за бортики блюда.

Я, как и всегда, на зацкливаюсь на его перепадах настроения. Привыкла за последние две недели.

— Как обстоят дела с той фотографией?

— Я только начал. Тот парень, кажется, не любит мужчин, пытающихся расхваливать его усики. А что до женщин — вообще молчу. Этот молодчик один из немногих, кто владеет списками.

— И ни одной девушки?

— О, есть парочка. Они меня ненавидят, — с улыбкой проговаривает покровитель. — Эти в пролёте. Есть ещё кое-кто. Посыльная. У неё одной руки нет. Как мне с ней спать?!

— Найджел... Ты издеваешься? Сегодня ты идёшь целовать её ноги и оставляешь в покое того несчастного с усиками Фредди Меркьюри.

— Как прикажете, ваше владычество.

— Не смей подвести меня, а иначе загремишь в темницу, — подыгрываю я.

Он заканчивает есть, откладывает нож и вилку, а затем протирает рот салфеткой. Махает рукой обслуживающей девушке, и она смущённо улыбается. Я незаметно фыркаю.

Я поправляю свой длинный плащ, чтобы не споткнуться. Снаружи прохладно — часто идут дожди.

Иногда, этажом выше, я прихожу на балкон, там полностью пустующий коридор и никого не бывает, чтобы понаблюдать за чем-то человеческим для меня — дождём. Учитывая наплыв фаугов, в замке селится пугающая до мурашек тишина. Бывает, кто-то издаёт незначительные звуки или чьи-то голоса звучат далеко и глухо, точно из загробного мира.

На этой неделе в сфере Голубой Бирюзы погибло восемнадцать сокрушающих покровителей, на прошлой — девять. Количество ушедших увеличивается на девять покровителей, дальше их будет уже двадцать семь. Я боюсь представить, что будет через месяц, два месяца. Покровители, такие великие и сильные не справляются.

Мы с учителем отправляемся в город.

— В сфере Чёрного Оникса ты завела много друзей. Почему в моей сфере ты только со мной ошиваешься?

— Думаешь, мы друзья?

Найджел переступает небольшую лужицу, и я напоминаю себе, что тоже должна следить за тем, куда идут мои ноги. Я огибаю огромную лужу.

— У нас красивый город, — отлынивает от вопроса Найджел, с восхищением оглядывая домики из белого камня. Покровители здесь добрые, часто развлекаются и пьют, чем-нибудь торгуют, проводят игры и конкурсы. У них здесь свои правила, у каждого кипит остаток жизни.

— Звучит как реклама.

— Реклама существует с целью привлечения. Мои слова никак не повлияют на то, какой камень выберет тебя. Давай-ка расскажу тебе историю, как я решил зайти в гости к старому знакомому. Он был второй день в отставке и хотел отметить это. После восьмидесяти лет службы нашей сфере, для него отставка была мечтой.

— Тоже хочешь?

— Об этом позже. Продолжу. Мой приятель позвал некоторых своих друзей, а я ворвался без приглашения, но мне и так все были рады.

— Потому что все здесь лицемерны.

— В этом ты права, Милдред. Покровители моей сферы все такие в той или иной степени.

Я проглатываю его слова.

— И чем же закончилась твоя история?

— Подробности плачевны, так что закончу вкратце. Мы были сильно пьяны. Так вот... Я взял на себя природное явление, забыл о нём, и в итоге Владычице пришлось заменить меня. А после этого... Два года холодных решёток, сырого бетона и мерзкого взгляда сторожа.

Он натянуто улыбается.

— Считаешь, я должна была удивиться? Это так похоже на тебя.

— Как грубо.

— Почему ты вдруг так подобрел? Две недели бегал от меня, как от хвоста.

Найджел резко меняется в лице и задумчиво смотрит туда, где кончается небо.

— Не припоминаю, чтобы я так делал.

— Я и не надеялась на ответ.

— Вернуться не хочешь?

Я игнорирую его, так же глядя на горизонт и после чего слышу недовольное сопение.

— Почему Касьян и Гайюс создали сферу, где преобладает страсть, развлечение, веселье, двуличие и лицемерие. Разве нельзя было сотворить что-то получше? — говорю свои мысли вслух. Это была идея Гайюса. Он ждал, что это принесёт пользу, но она напрочь отсутствует. Любовь во всех её смыслах затуманивает разум покровителям: могу полагать по недавно услышанному рассказу.

— Получше? — он тихо смеётся. — Это и есть золотая середина. Такие, как мы славимся хитростью и проворностью. Это помогает выжить даже на поле боя с фаугами.

— Да уж.

— Мы что-то другое между добром и злом.

— Кровожадность сферы Чёрного Оникса, жажда отмщения и тому подобное не выглядит для меня чем-то поистине устрашающим. Там хотя бы открыто признают свою неприязнь. Я думаю, что зло главенствует в твоей сфере. Пристрастие к любви затуманивает голову, и вы становитесь сумасшедшими. И не отрицай, просто вспомни Джюель... Что она сделала с твоими родителями. Это вспыльчиво, глупо и... зверски. Судить нужно справедливо.

— Я не буду пытаться переубедить тебя. Но я считаю так, как считаю.

— Сильный аргумент.

На следующей параллельной улице, слышится громкое аханье, усердные аплодисменты, от которых, мне кажется, руки зрителей превратятся в отбивные, и продолжительный свист.

Я смотрю на Найджела: ему всё равно на то, что там происходит. Я иду на звук, заворачивая в узкий проулок меж двух высоких домиков. Здесь пахнет непривычной сыростью. К счастью, я быстро миную его и оказываюсь на площади, где только что издавали праздничные звуки.

Посреди оживлённой улицы стоит большой стол. Отставные покровители не просто радуются: некоторые восхищаются, некоторые не могут сдержать радостного выкрика, а другие просто идут мимо, сторонясь сумасшедших развлечений. Вождь этого «цирка» безумно осматривает толпу и пропускает покровителей поучаствовать.

Хилый мужчина с бледными кудрями подходит к вождю. Он недавно в отставке: его лицо ещё не обвисло и ни на йоту не изморщинилось, а в волосах отсутствует проседь.

— Дамы и господа присутствующие! — призывает всех главарь. — Кларк Надсон отдаёт одну часть своего тела и... барабанная дробь! Это безымянный палец правой руки.

Я удивлённо округляю глаза и дёргаю Найджела за рукав, в то время как волна шума снова проходит по площади.

— Что это за безумие?

— О, вполне привычное безумие. Они уже столько существуют. Нужно чем-то разнообразить своё жалкое существование. Впереди столько лет и веков!

«Но никто из них не осмеливался затягивать свою скучную жизнь». Я вспоминаю о грязных рынках сферы Чёрного Оникса и немедленно задаю Найджелу вопрос:

— У вас есть грязные рынки?

— Какое пренебрежение в твоём голосе. Конечно! Они запрещены только в Аметистовой сфере ещё испокон веков. Там довольно забавно.

Прожил тридцать лет, а ему уже наскучило сокрушение. «Старый пень».

Я в последний раз бросаю взгляд в сторону зрелища и попадаю как раз на тот момент, когда вождь ножом для разделки мяса отсекает палец Кларку. Кровь брызжет, а толпа торжественно взрывается. Палец отлетел прямо к носкам обуви женщины с растрепанными косами. Она приседает, берёт тёплый палец и махает им воздухе, как помахала бы своему приятелю.

Я сворачиваю в другой проулок, и мы выходим на ту же улицу, где шли и разговаривали. Здесь почти никого нет: все таращатся на кровавое представление. Найджел ещё сомневается, что сфера Голубой Бирюзы это ужас во плоти! В сфере Чёрного Оникса я такого не замечала, хотя мы с Грэмом часто посещали город. Там я нередко наблюдала обычные пиры, проводившиеся посреди зелёной глуши или в центре пустыни. На длинных узких улочках отставные устраивали древние игры, о которых мне удавалось слышать только из учебников по истории. Хотя один случай показался мне ужасающим. Однажды Грэм оставил меня в городе одну, и я решила пройтись по набережной. За мостом волновалась лавовая речка, поддувал свежий прохладный ветер, не позволяющий мне сгореть от жары и духоты. Покровители обливали ноги алой кровью, а затем засовывали в реку. Когда покровители выходили, ноги оставались целыми, кровь засыхала, а штаны сгорали. Сколько бы я об этом не думала, для меня было загадкой: зачем?

— Почему нельзя это прекратить, как в Аметистовой сфере?

— Наша Владычица делает что-то тогда, когда ей это выгодно. Думаешь, её жизнь станет лучше после того, как она издаст приказ о прекращении баловства по улицам?

— Пугает, что ты называешь это баловством.

— Ты молода для этих мест, не понимаешь всех законов мироустройства. Придёт день, и ты сама поучаствуешь в чём-то столь необычном.

— Не буду говорить «никогда». Кто знает, что со мной будет в будущем.

Девочка-ключик, чёрная сиротка. Иногда я сомневаюсь, что речь шла именно обо мне. Фактически я не являюсь сиротой, но чего можно ожидать от загадочных пророчеств — неизвестно. Хранители уже разгадали значение этих слов; может быть, их несколько.

Мы с Найджелом возвращаемся домой. Он уже не в первый раз уговаривает меня сходить в баню с его знакомыми под предлогом, что девушки там тоже будут. Но девушки тоже покровители, фактически люди — они могут быть способны на худшее, чем мужчины. Я усвоила этот урок. Поэтому в очередной раз отказываю Найджелу и, несмотря на его бешеную непреклонность, он слушается меня. Отказов хватает ненадолго — каждый день он убеждает меня пойти с ними. Я уже прямо посылаю его к чёрту. Он постоянно не отходит от меня. А в те дни, когда он пьянствует, я могу спокойно отдохнуть от его болтовни, шуток и флирта.

Несмотря на свою лень, Найджел отправился сокрушать куда-то на север. «Ненавижу снег». Я с ним полностью солидарна. Отвратительный хруст за всё моё существование вынуждал в эту погоду никуда не высовываться. Когда дело касалось морепродуктов, за которыми я бы с радостью полезла в мусорный бак, мои ноги непослушно давили замороженную массу, укрывающую почву, и заталкивали в магазин.

Я снимаю с себя всю одежду, остаюсь в одном нижнем белье. Несколько дней назад я попросила посыльную, которую мне приставил Гальтон, купить на Земле несколько комплектов белья исключительно чёрного цвета. Тогда Найджел всю неделю издевался надо мной и просил похвастаться, чтобы прикупить себе. Я ужасалась каждый раз, когда представляла его в... этом.

Я укрываюсь холодным одеялом. Скоро оно согреется теплом моего тела, и я буду чувствовать себя комфортно.

Всё, о чём я думаю, глядя на синий потолок — это насколько он обманывает глаза и становится ярче от долгого смотрения. Я не нарочно переключаюсь на негатив.

Здесь всё чуждо мне. Я хочу вернуться туда, где меня понимали. В сфере Чёрного Оникса я могла рассказать о содержании Пророчества.

Сфера Голубой Бирюзы источает одиночество. Я здесь лишняя, точнее сказать, временная. Мне нужно бежать из этого чертога дьявола, но пока Джюель Бертран не позволит, моё желание не будет осуществлено. Я около трёх раз приходила к ней с просьбой назначить мне хранителя, но получала один и тот же ответ: «Милдред нужно ещё набивать руку». А мои тренировки проходили в библиотеке, в городе, в постели, в трапезной. Я заперта в своих мыслях и мне немедленно нужно дать себе свободу.

Сфера Чёрного Оникса нужна мне.

— Я всего лишь на пару минут. Мне нужно поговорить с Яфой, — я твёрдо уговариваю Найджела. Он в очередной раз закатывает глаза и вздыхает.

— Ты умереть хочешь? Сама же говорила, что тебе там опасно.

Он столько раз нарушал закон, шёл против власти и не может позволить мне увидиться с покровителем сферы, из которой я сбежала.

— Яфа больше не приходит ко мне. Мне нужно знать состояние Грэма.

Найджел стискивает челюсти и отходит на дальнейшее расстояние, встряхивая руками свои рассыпающиеся белые волосы.

— Я не буду тебя защищать, — коварно проговаривает он.

— Ты отлично отплатил за то, что я спасла тебе жизнь. Но хорошо. Я в тебе не нуждаюсь.

— Ты хочешь сдохнуть. Вот и всё! Вперёд, Милдред, давай! Я как раз спасаю тебе жизнь, как и ты мне. Ты толкнула меня сделать то, что я ненавижу больше всего. А я прошу тебя не делать, что вздумается. Это так сложно?

— Эй, — я толкаю его в плечо, — с каких это пор ты нянчишься со мной?

— Могу сказать то же самое!

— Да мне наплевать.

— Мне тоже!

Наши возгласы заставляют обернуться некоторых покровителей во дворе.

— Славно. Тогда выполни свою часть. Тогда... мы можем больше не выручать друг друга, — заключаю я.

— Хочешь этого?

— Почему спрашиваешь? Если сказала — значит, я уверена.

Найджел резко хватает меня за руку.

Тело окутывает приятное подпекающее тепло. Ветер здесь постоянный: для людей. Порция воздуха обдаёт лицо, и я едва улыбаюсь. В сфере Голубой Бирюзы то и дело идут дожди, издавая причудливые звуки, ударяясь о различные поверхности.

Найджел переносит нас на этаж, где живёт Яфа. Горящие свечи освещают тёмный коридор. Только бы нас никто не увидел. Покровитель вражеской сферы, предательница, нарушительница закона и повинная в узничестве Грэма Коши украдкой бродят по замку. Нас молниеносно закинут в темницу. «Хотя бы узнаю, как там мой учитель».

— Давай скорее, — торопит Найджел.

— Заткнись, — шикаю я, прислушиваясь. Клянусь, я слышала чьи-то шаги поблизости. — Мне нужно в другое место. Я не уверена, что Яфа здесь.

— Где это?

— Ты можешь не знать... — протестую я, медленно шагая по коридору.

— Могу и знать.

— Через реку лавы стоит двухэтажное здание...

— Бывший центр. Я понял.

Центральное здание покрывает сухая глициния. Однако некоторые веточки смогли выжить и распустились пышными фиолетовыми бутонами. Через пару дней она превратится во что-то уродливое: коричневое и безжизненное. Цветы не приспособлены существовать в такой жаркой обстановке. Каким-то волшебством хранителей, им это удаётся.

— Я сама войду, — говорю я.

— А если тебя убьют? — я даже верю, что он переживает: брови нахмурены, взгляд стойкий.

— А как же «я не буду тебя защищать»? М? Остайся здесь, я справлюсь.

— Ты не знаешь этих покровителей, — Найджел указывает пальцем на здание позади

меня. — Ты уже доверяешь им?

— Я доверяю им настолько, насколько это требуется, — отрезаю я.

В старом центре пахнет горелым, будто само небо подпекает его снаружи, запуская ядрёное тепло внутрь.

Я отлично помню, где все собираются, поэтому спешу подняться. Прежде чем открыть дверь и войти, я прислушиваюсь. Тишина. Жду ещё некоторое время, надеясь услышать хотя бы вдох, но ничего из этого не следует.

Внутри не оказывается никого. Столик залит вином, два бокала пустые, только рубиновая капля осталась на дне хрусталя. На большой тарелке лежат кости съеденной курицы. Если сейчас здесь никого нет, то определённо был недавно.

Я прохожу ближе к столу, прочищаю зелёный обветшалый диванчик. Ничего интересного здесь нет.

С окна виднеется сияние реки, обжигающее глаза. Найджел подбрасывает средние и крошечные камушки и наблюдает за тем, как лава их поглощает.

За спиной раздаётся стук каблуков и неприятный лязг меча. Я не оборачиваюсь. Лишнее движение повлечёт за собой беду в виде распластанного посреди зала тело.

— Что ты тут забыла? — спрашивает Хардин. Это не Владыка, Алисия или её семья, что уже оставляет меня в живых. Я поворачиваюсь к покровителю.

— Приветствую, Хардин.

— Какая вежливость, — протягивает покровитель. — Что-ты-тут-забыла?

— Мне нужна Яфа. Не тебя я ожидала здесь увидеть.

— А тебе не опасно являться сюда? Ещё и дружка своего привела. Не только тебя, но и его накажут. Эгоистка.

— Как обидно, — саркастично говорю я. — Не буду продолжать с тобой беседу, мне нужна Яфа. Ей я доверяю больше, чем... — я окидываю покровителя взглядом, — сброду без толики стиля.

Одетые на него шаровары ужасающие, а сандалии с носками смотрятся по-клоунски.

— Как обидно, — копирует меня Хардин и засовывает оружие обратно в ножны. — Я позову её.

Эти слова дались ему тяжело, как мне, если бы я извинялась перед Алисией. Меня передёргивает, а виски пульсируют от ненависти.

— Милдред, — весело возглашает Яфа, расправляя руки для объятий. Я неловко обнимаю её. — Говори кратко. Твоего приятеля могут заметить. Ещё обвинят в чём-то.

Яфа с Хардином точно не сговорились.

— Он так и будет стоять здесь? — намекаю на Хардина.

— Конечно. Он тоже с нами. Забыла? — смеётся Яфа.

— Ладно, — сдержанно выпаливаю я, покосившись на мужчину в невзрачном наряде. А мне всё так же хочется стошнить при виде него. — Я кое-что услышала от хранителей.

Я вкратце рассказываю ей, что слышала. Хардин внимательно и неотрывно смотрит на меня, будто хочет что-то уловить. Ложь?

— Чёрная сиротка? Почему чёрная? — размышляет вслух девушка-покровитель.

— Злая, мстительная, — предлагает Хардин, смотря на меня пронизательным взглядом.

— Не нам это разгадывать, — заявляет Яфа. — Я немного разобралась в понятии о ключе.

— Моя мать жива, но даже вселенная отказывается принимать, что я не сирота.

— Тебе пора, — спешно говорит Яфа, вскакивая с подлокотника дивана.

— Постой. Как Грэм?

Она отводит глаза в сторону и громко сопит.

— Ты всё-таки полезла в темницу? — взрывается Хардин. — Как тебя не заметили?

Скажи, что ты не ходила к нему повторно.

— Я была максимально скрытной. Даже Грэм не знает о том, что я была поблизости, когда его пытали, — голос девушки немного дрожит.

— Не делай больше этого, — призываю я. — Как бы ты ни хотела следить за его состоянием, тебе придётся бросить это дело. Грэма не убьют, но хотя бы ты не попадайся прицепом.

— Я знаю, что делаю. Если я сейчас здесь, значит, у меня отлично получается.

— Однажды всё может пойти наперекосяк, — вновь уговариваю я.

— Всё! Я поняла. Прекратите давить на меня. Я не успокоюсь, если не буду знать, какие зверские приказы отдал Флавиан, поэтому пошлю своего знакомого посыльного.

— Надеюсь, он тоже не попадётся, — я грустно улыбаюсь.

— Грэму... только хуже, — вдруг начинает Яфа. — Он... не похож на себя. Его волосы превратились в мокрые вороньи перья от пота и крови. Лицо изуродовано, едва успевает зажить. А всё тело, — покровитель останавливается, чтобы взять себя в руки, — в ожогах и страшных волдырях. Я застала тот момент, когда сторож ногами качал его застывшее тело.

Я проглатываю ядовитую наживку, которая не позволяет мне вымолвить ни единого слова.

— Ты не сказала мне, — негромко произносит Хардин. — Я даже не знал... Грэм не должен это терпеть ради какой-то девки!

— Он сделал это ради общего дела! «Оно того требует». Не нужно винить во всём Милдред.

— С чего он взял, что у неё получится? Почему он вообще уверен, что она и есть та самая, о которой хранители без умолку трещат? — из Хардина вырывается истерический смешок.

— Мы не должны сомневаться. Грэм не ошибается, — говорит Яфа так, словно знает его с детства.

— Ты слишком неуверенный, Хардин, — проговариваю я. — Поэтому пытаешься прикрыть свою слабость мерзкими словечками?

— Ты умереть захотела?!

Мужчина наполовину достаёт свой меч из ножен, прикреплённых на поясе: Яфа вовремя хватает его за плечо, останавливая. Она выглядит могущественной, удерживая статного покровителя на месте. За этими круглыми щеками, розовыми губами, и длинными шоколадно-закатными кудрями прячется покровитель невероятной выдержки. Яфа только кажется милой добродушной девушкой, она — настоящая метель, сносящая преграды на своём пути: не только материальные, но и те, которые дышат.

— Кто здесь и хочет умереть, — процеживает она, — так это ты. Не расстраивай меня.

Яфа растягивается в улыбке и отпускает Хардина сразу, как его пыл гаснет.

— Хотите выпить? — предлагает она.

— К сожалению, мне пора, — говорю я.

— А-а-а, точно. Твой учитель у реки. Иди, он безумно заскучал. Скоро сами камни будут просить меня о помощи.

Я поспешно преодолеваю заброшенный центр.

Найджел облегчённо улыбается и забрасывает небольшой камень на другой берег реки. Он падает на дно ониксовой полупрозрачной лодки.

— Твоё «быстро» длится слишком долго. Вы там посиделки устроили что ли? А меня почему нельзя было позвать?

— Если бы я это сделала, наблюдала бы совершенно нежеланный поединок.

— Почему? Я заметил эту кудрявую гурию. Уверен, мы бы с ней начали не с драки, — он открыто ухмыляется.

— Она бы выбила тебя все передние зубы.

— Я и без зубов нашёл бы способ быть красавчиком, — весело говорит Гальтон.

Он оставляет меня в моей комнате. Как только я поднимаю одеяло и запускаю в него ноги, он снова входит без стука. Прошло около пяти минут: значит, что-то произошло. Не может же он просто так заявляться по двести раз за день.

Может. Это же Найджел.

— Если в баню ты не соглашаешься, пошли просто выпьем винишко. О, а люблю я его так же, как Омар Хайям.

Он плюхается на кровать и подпирает голову ладонью.

— Найджел, я... устала.

— Вот как раз снимешь напряжение. Я в этом специалист.

— Ты хочешь, чтобы я снова тратила силы на то, чтобы отмахнуться от тебя? Я не хочу видеть твоих друзей, пить с ними и с тобой. Не хочу, слышишь?

— Я о-очень разочарован, — шепчет покровитель. — Надеялся, что тебе это поможет привыкнуть к нашей сфере. Вдруг тебя выберет бирюза. В тебе может многое скрываться, — он звучит как подавленный ребенок, которому отказали купить все сладости мира.

— Ничего во мне не скрывается!

Я накидываю одеяло по самое горло и отворачиваюсь к стене. Оно начинает медленно сползать с меня. Стаскивает.

— Прекрати!

— Милдред Хейз, я дал себе клятву, что смогу вытащить тебя в общество и не дам погрязнуть в ночных мыслях о сфере Чёрного Оникса. Я ведь знаю — новости нехорошие. Всего лишь хочу тебя осчастливить.

Я томно выдыхаю. Нужно поставить на этом точку. Мой *любимейший* учитель должен забыть о том, что такое «Милдред и праздники».

— Если только ненадолго, — соглашаюсь я.

Найджел сдержанно улыбается. Я прошу ждать меня в коридоре.

Надеваю чёрные кожаные штаны и белую рубашку с рукавами-буфами, на талии завязываю короткий корсет. Я прибрала хорошие сапоги на складе: они не натирают, хорошо пропускают воздух и выглядят отменно. Вряд ли я скоро с ними расстанусь.

Место, в которое меня привёл покровитель похоже на мини оранжерею. Это небольшая комнатка с куполообразным прозрачным потолком, пропускающим серо-синие лучи, которые знаменуют о наступлении вечера. Решётка, свисающая под куполом — его точный скелет. Она обросла вьющимся плющом. Длинные серьги опускаются наполовину каморки, пара таких «украшений» вьётся на молочном кафеле, а одна оплетает ножку стула.

Помимо купола освещение приносит большое окно, завешенное салатовой занавеской и стеклянная дверь.

Сплошная стена, идущая кругом, обрастает кудрявой листвой. А возле окна и двери располагаются подставки для цветов. В одной растёт пышная астра лавандово-синего окраса, а в другой — куст сказочно идеальных крупных ромашек.

Круглый стол застелен прозрачной скатертью с выгравированными узорами. «Прямо как у моей бабушки». Семь деревянных стульев. Как много!

В центре столика меня привлекает немалый хрустальный графин с красным вином. Рядом с ним — блюдо с нарезанным грейпфрутом, глиняная чашка с оливками, коробка с горьким шоколадом, керамическая баночка с мёдом, в которой стоит жёлтая лилия. Основное блюдо находится под металлической крышкой. Семь тарелок, стаканов, вилка и нож для каждого.

— Здесь красиво, — очарованно говорю я.

Гальтон молчит. Только когда я оборачиваюсь, вижу его, стоящего на улице. Он здоровается со своими друзьями, которые с минуты на минуту войдут внутрь.

Друзья Найджела гусеницей продвигаются в это укромное помещение. Они почти не замечают меня и занимают свои места. Найджел отодвигает для меня стул и садится рядом.

Я осматриваю своих сегодняшних собутыльников. Напротив сидят двое длинноволосых мужчин. Один из них блондин, — другой — брюнет. Глаза одного цвета, острый нос, форма бровей — одинаковые. Они братья. Женщина рядом со мной поправляет рыжие кудри. Она не пытается скрыть свою огромную грудь — на ней утягивающий белый топ без бюстгалтера. Девушка с мальчишеской стрижкой закинула руку на плечо Найджела сразу же, как он опустил ее. Она отталкивается ногой от пола, качаясь на стуле, при этом успевая проесть меня хищным взглядом. Но я недолго являюсь её визуальной добычей. Им оказывается парень с длинными чёрными волосами, заплетёнными в две толстые косы. Его пальцы тонкие, как палочки для еды, острота плеч видна даже через рубашку с высоким горлом. Подсохшие губы покровителя плотно сжаты, глаза светятся, как чистое утреннее небо.

— Это Милдред. Я говорил вам о ней, помните? — в тишину вмешивается Гальтон.

— Это не та Милдред, который ты хотел отрубить голову перед Джюель и предложить поиграть ей в волейбол? — хрипит девушка с мальчишеской стрижкой. Она виртуозно крутит между пальцев свободной руки золотую монетку.

— К счастью, это уже не так, Габи, — говорит Найджел и неодобрительно улыбается. Габи фыркает и опускает глаза на свой фокус. Она не кажется враждебно настроенной. Ей забавно от того, насколько быстро поменялось отношение к дочери убийцы его родителей. Я бы и сама посмеялась.

— Я Нанна, — полногрудая протягивает ладонь, чтобы я её пожала и оголяет в улыбке свои кривые зубы. Я отвечаю на её жест и копирую её улыбку.

— Приятно быть знакомыми. Хороший... топ, — говорю я. Нанна застенчиво смеётся:

— Спасибо.

— Сколько ты уже покровитель? — интересуюсь я, разглаживая несколько неловкую обстановку. Стоит графину склониться над хрустальными бокалами, формальности испарятся, как бисеринка воды на пекле.

— Ой, наверное, лет двадцать пять или... тридцать, может быть, — она задумывается.

— Прекращай, — отрезает брат-брюнет. — У нас тут гость, а ты его своей болтовнёй утруждаешь.

— Всё в порядке, — говорю я.

— Не в порядке. Давай, сейчас мы накормим тебя, а то выглядишь, как наш Густавчик.

Худой парень злобно косится в сторону друга, поднимается, берёт ёмкость, а затем разливает каждому вино.

— Мне много не лей, — просит Нанна Густава, нелепо махнув рукой, украшенной массивными красными и зелёными кольцами.

— Будет сделано. — Его речь чёткая и отточенная, как покровительский меч. — Милдред, тебе наливать?

Я киваю.

— Я знаю, чем всё это закончится! Я вообще предлагаю сгонять в город, поиграть, — нелепо бросает брат-блондин. — И ещё... Знаете, сейчас вспомню.

— Так что, Тонни? — спрашивает Найджел. Он хватает со стола кубик шоколада, подкидывает его и ловит ртом.

— Ох, забыл, — он чешет затылок и неловко запивает вином.

— Идиот, ну! — его брат даёт ему подзатыльник и стискивает зубы от раздражения. — За твой мозг и цента не отдадут на рынке органов.

Я пропускаю его слова мимо ушей: постараюсь не верить, что такое существует.

Я внимательно слушаю покровителей, чтобы узнать их лучше, найти общие темы для разговоров.

Глупый брат — блондин Тонни не может даже предложение связать. И с каждой его путаницы все смеются. Он не может успокоиться размахивать руками.

Брюнет Тим, конечно за всё это время около десяти раз врезал ему по голове. Никого это не смутило. Даже самого Тонни. Как только Тим открывает рот, оттуда вываливается поток слов. Его открытая забота бешено удручает. За эти пару часов он тринадцать раз предложил мне съесть сочное мясо, выпить ещё вина, спеть песню вместе с ними. Везение это или нет, но среди мешанины голосов я так и не расслышала «мелодичность» пьяного воя Найджела.

Нанна напоминает мою назойливую соседку на Земле, которая часто упрекала нас с Айком за высокую траву под домом. Голос у них такой же писклявый, даже смех почти одинаковый. К тому же у этих особ я видела самую пышную грудь за всё своё существование. Соседка чаще жаловалась, а вот Нанна шутит на весьма «деликатные» темы: смерть, кишки, насилие и тому подобное. А когда она оголяет кривые зубы, её речь куда более ужасающая.

Габи прямолинейная, слишком открытая для этого мира. Если бы сама Владычица стояла перед её лицом, она бы твёрдо, даже с насмешкой выдержала её строгий взгляд. Эта девица подмигивает мне и поедает индейку, намекая на что-то развратное. Истинный покровитель сферы Голубой Бирюзы. В ней смешалась и дерзость, и похоть, и смелость, и, конечно же, лицемерие.

— Цвет глаз твоих прелестен, — расхваливал Густав, аристократично склонив голову. — Я никогда не видывал девушек с таким естественным снежным цветом волос как у тебя, Милдред.

И вот тогда Габи одаривала меня и своего «друга» гневным взглядом. Он, в отличие от неё, держался.

— Любовь и прикосновения находятся за гранью реальности, — говорил Густав. — Я хотел бы, что ты, Милдред, коснулась меня.

— Смею отказать, — подражала ему я, хотя понимала, что он говорит на полном серьёзе.

Кажется, я впервые выпила так много. Если моим фаворитом был крепкий виски, то он заслуживал буквально несколько глотков. На вечерах с друзьями Айка я позволяла себе стаканчик пива, рюмку вина или оставалась алкогольно голодной и смело пробовала, что предлагали поесть. Я едва сдерживаю слёзы, когда вспоминаю о тех безмятежных днях.

Найджел превращается в настойчивого Тима и своеобразно предлагает:

— Ну что за жизнь без хмеля и веселья,

Без флейт и домры тоже не сладка,

Не будь совой в дремучем подземелье,

Возьми кувшин и выпей два глотка!

— Звучит заманчиво, — громко посмеялась я.

— Тогда послушай не меня, а персидского философа! Он дело говорит.

Купол уже не светится так, как прежде. Через него видны звёзды и тонкий месяц, прикрытый серыми облаками.

Густав и Габи куда-то удалились. Боюсь представить, чем они сейчас занимаются. Нанна и Тим издеваются над глупым Тонни, которому совершенно наплевать, что его унижают и бьют.

Найджел, как и я, наблюдает за всем, закидывая в рот оливки одну за другой. Для него это такая же трагичная комедия, как и для меня.

— Мне нужно уйти, — озвучиваю я, приблизившись к его уху.

— Тошнит или в туалет?

— Нет. Я хочу вернуться. Надоело скучать.

— Я понял. Как раз хотел сворачиваться.

Найджел привлекает внимание всех оставшихся и сообщает о том, что мы с ним уходим. Нанна расстраивается и берёт с меня обещание повеселиться так ещё раз. Тим говорит, что Густав будет безумно рад видеть меня, хоть сейчас он и не здесь. Найджел отмахивается за меня от своих друзей и переносит нас в мою комнату.

— Я так много выпила, — говорю я, плюхаясь на свой диван. Найджел садится рядом, скрестив ноги.

— Тебе понравилось? — спрашивает он.

— Было неплохо.

— Не злись на них. Они просто были собой. Когда к нам присоединился Густав, они старались вести себя вежливо, но позже поняли, что лучше не лукавить, чтобы оказать особое впечатление.

— «Неплохо» — не значит кошмарно. Я выполню обещание, данное Нанне, я обязательно приду к вам снова. На самом деле, я много смеялась.

— Я заметил. Переживал, что весь вечер понурая будешь. Отдам должное своим друзья за то, что вытащили тебя из вязкого болота. Что бы ты без меня делала?

— Плакала, — неожиданно выговариваю я. Покровитель подскакивает.

— Я себя не узнаю: раньше я жаждал твоей смерти, а сейчас просто не вынесу увидеть твои слёзы. Не вздумай!

Он падает обратно, и диван скрипит кожей.

— Какая напускная забота.

— Я не притворяюсь, Милдред Хейз.

— Зачем так формально? У меня аж мурашки.

— Так ты мне веришь? — Гальтон заставляет неотрывно смотреть на него.

— Я верю, что ты пьян и можешь наговорить всякого.

Гальтон продолжительно молчит. Он начинает тихо хохотать, а затем с хлопком накрывают мою руку своей.

— Если я совру тебе, то предам и самого себя. А у меня высокая самооценка.

— Моя мать убила твоих родителей. Почему, Найджел?

Я застаю врасплох покровителя. Он не ожидал, что я поверну разговор в эту сторону.

— Ты её дочь, как бы тебе ни хотелось. Джюель Бертран источает зло. А ты другая, Милдред. Я понял это тогда, когда ты сцепила наши руки на тренировке, чтобы успокоить меня, — вдруг открывается он. — В тебе не было той же коварности, как у Владычицы. Я поверил тебе.

— Найджел, — зову я. Очертания профиля мужчины такие ровные и притягательные, что я не сдержалась окликнуть его, чтобы детально рассмотреть красоту лица. Взгляд его всегда хищный. Но рядом со мной зрачки мужчины расширяются, заставляя небо в его глазах синеть. И эта ночь пахнет теплотой и воодушевлением. Верно, я глупа, если вижу в этом большее. Кровь ударяет в виски, сердце подпрыгивает, когда произношу: — Я хочу поцеловать тебя.

Я готова к тому, что покровитель закроется, отпрянет или вовсе исчезнет. Возможно, он больше не захочет видеть меня, и я останусь одна, без учителя. Наша недолгая дружба оборвётся, как старая потёртая нить. Что-то столь тонкое нельзя восстановить. Я готова.

— Ты... это сказала, — негромко проговаривает он. — Милдред?

Тишина съедает это место. Здесь никого нет. Я захлопываю глаза и запрокидываю голову. Ничего нет. Он ушёл.

Отказ для меня ничего не значит, но я получаю лёгкий укол в сердце из-за унижения моей чести.

— Поднимешься? — звучит голос. Найджел стоит надо мной, уперев колени в диван. Он протягивает мне ладонь и помогает подняться. Как я вообще могла подумать, что он упустит такую возможность?

Покровитель обнимает меня за талию и зажимает так, что я держусь только за счёт его хватки: иначе бы я давно повалилась обратно.

— Ты это сказала, — вновь произносит он, подавленным шёпотом.

Его пальцы гладят меня по волосам, медленно и мучительно достигают шеи. Я не останавливаю его, а только тихо выдыхаю. В груди что-то норвит лопнуть от возбуждения.

— Тебе нравится, — улыбается он.

Он избегает зрительного контакта, рассматривая меня, как художник свой новоиспечённый портрет. Гальтон сосредоточен на мне, и я позволяю изучить меня.

— Я хочу тебя, — шепчет он и резко приближается к моим губам. Я помешалась на обаятельности этого мужчины, моего учителя, друга, рокового спутника в сфере Голубой Бирюзы. То, что сейчас произойдёт, я никогда не забуду. Столько жажды и похоти во мне смешалось, что кажется, будто я сейчас разорвусь на части, если позволю покровителю отпрянуть.

Я запускаю ладонь в его белые волосы, отбрасывая рассыпчатые пряди, чтобы они не мешали. Это действие так будоражит Найджела, что его руки опускаются немного ниже пояса и прижимают меня к его напряжённому телу.

— Целуй меня, — просит покровитель. Он нетерпелив и в одну секунду готов потерять контроль. Зачем вообще сдерживаться? Зачем я себя сдерживаю?

Алкоголь слишком одурманивает мой разум, превращает его в безразличное создание. Я хочу расслабиться и утонуть в объятиях Найджела, исчезнуть в пятом бокале сладкого вина и на рассвете прочесть четверостишие любимого автора Гальтона.

Я хватаюсь за батистовую мятую рубашку учителя: единственное препятствие на пути к его нежной коже. Была бы у меня сейчас сила покровителя, я бы мгновенно сорвала её с него.

— Давай же, — низким баритоном настаивает Найджел. Он расстёгивает верхнюю пуговицу у моего горла. Под его прохладными пальцами кожа вспыхивает, в висках бьёт бешеная барабанная дробь.

Покровитель жадно размыкает мои губы и переходит в глубокий безудержный поцелуй.

После попытки уснуть кровать осталась расстеленной. Найджел нависает надо мной опаляющей скалой, его бледные щёки рдеют, вены на лбу напрягаются, а улыбка олицетворяет страсть и ненасытный голод.

«Прекрати, — твержу в собственной голове. — Пожалеешь потом».

Гальтон оставляет влажные следы на моей шее, ключице. Его руки настойчиво следуют от спины к бёдрам. Я крепко вцепляюсь в его плечи, совсем не желая, чтобы наша прелюдия прекращалась. Не сейчас, когда я, наконец, разрешила себе забыться.

Он внезапно останавливается, срывает с себя рубашку. Мои руки тотчас тянутся к его обнажённому телу. В ложбине между грудями у него длинный выпуклый шрам в виде пореза, а над пупком — след от ожога: человеческие изъяны. Я осторожно трогаю его остатки прошлого, он это замечает и прижимает мою ладонь к своим ключицам. Волосы Гальтона путаются с ресницами, а с лица не сходит ухмылка.

— Кто кого соблазнил? — смеётся он. «Я просила о поцелуе». Внутри нарастает тревога, зарождаются сильные сомнения. Но, несмотря на это, я не воздерживаюсь.

Найджел склоняется, мягко касается губами моей щеки. Я обнимаю его шею, чтобы он продолжил покрывать меня кроткими влажными поцелуями, однако он одёргивается и тянет шнурок моего корсета, который я несколькими часами ранее прочно завязывала.

— Хочу сама это сделать, — шепчу я.

Мужчина исподлобья наблюдает за моими медленными движениями. Он ждёт, когда я закончу. В его глазах просачивается ярость, когда я медлю с последней петлей, поэтому он резко разрывает шнурок и стягивает корсет. «Медлила, потому что думала».

Покровитель в один миг расстёгивает все пуговицы моей рубашки. Я приподнимаюсь, чтобы он помог снять с меня лишнюю ткань.

Найджел накрывает меня своим тёплым напряжённым телом.

— Я одурманен твоей красотой, — вполголоса произносит он, опускаясь к моим ногам, чтобы избавиться от штанов. Он исследует подушечками пальцев мой живот, доходит до ремня. Когда Найджел бросает на меня взгляд, его руки висят в воздухе.

— Милдред?..

Я вылезаю из-под него, сажусь на край кровати, накидываю свою одежду.

— Я никогда не буду принадлежать сфере Голубой Бирюзы. Я не буду этого делать с тобой, Найджел. Извини.

— Серьёзно? Вот так просто уйдёшь?

Я не смотрю на него, потому что опасаясь снова потерять контроль и поддаться под воздействием алкоголя и его мучительно страстного взгляда. Я Милдред Хейз, человек, который не должен позволять себе такое распутство.

— Уйдёшь ты. Это моя комната.

— Ты обещала выполнить моё желание.

Его протест ставит меня в ступор. А потом я начинаю раздражаться, изгнав молящий о близости переворот внизу живота.

— Я хотела поцеловать тебя. Мне не нужно было что-то большее! И всё же... я позволила этому продолжаться. Прости. Я не собираюсь спать с тобой только потому, что спасла тебе жизнь.

— И не говори, что у тебя в сердце не ёкнуло, когда ты это сделала.

Его пьяный, самоуверенный тон, без намёка на сожаление и понимание превращает меня в дьяволицу.

— Не ёкнуло, — твёрдо отвечаю я.

— Ты бесчувственная, — холодно отрезает мужчина. Пусть лучше так. Найджел — покровитель сферы Голубой Бирюзы, а я человек. Ему свойственны случайные связи. А я не чувствую, что всю жизнь проведу в постели у каждого, кто покажется мне привлекательным.

Найджел, даже не вставая с кровати, переносится неизвестно куда, полуобнажённый.

— Проведи завтра экзамен.

Я без стука ворвалась в спальню Найджела, как всегда это делает он. Покровитель читал книгу, пока я не потревожила его. Он лениво переводит на меня взгляд.

— Джюель согласится. Ты говорил, я уже всему научена. Всё, что мы делали, это тратили время: похождения по городу, бессмысленная болтовня и посиделки с твоими друзьями.

— Из этого состоит сфера Голубой Бирюзы. Ты, видимо, настолько глупая, что до сих пор этого не поняла, — мужчина откладывает книгу с мягкой обложкой.

— Я не глупая, Найджел.

— Не-ет. Ещё какая. Ты не разбираешься в нашей системе и пугаешься даже тем циркам по улицам города. О чём может быть речь, если ты даже не покровитель!

— Мне нужно покинуть сферу, — проговариваю сквозь зубы. — Тогда смело можешь забыть обо мне.

Найджел довольно улыбается и закатывает глаза.

— Тебя не так-то просто забыть, — он тихо протягивает каждое слово. — Впрочем, неважно. Я, сделаю то, что ты хочешь. Но... как же твоё обещание?

— Я вчера объяснила тебе. По всей вероятности, ты был так пьян, что забыл. Повторю ещё раз.

— Нет, — вклинивается покровитель. — Я помню. Но это то, чего я хочу.

— И как же ты поступишь, если я не исполню твою наглую прихоть?! Не проведёшь экзамен? Убьёшь меня?

— Первое я вполне могу устроить.

Гальтон уже возвышается надо мной, исподлобья одаривая мрачным взглядом.

— Ты обязан выпустить меня. Ты мой учитель, — процеживаю я.

— Сколько плюсов... Ты останешься здесь надолго, как человек с угрозой мгновенной смерти. Будешь рядом со мной, поможешь мне избавиться от Джюель. Медленно будешь добираться до сферы Чёрного Оникса, к своему несчастному Грэму Коши.

Я сжимаю свои кулаки в попытке воздержаться и не выплеснуть все свои негативные эмоции. Просто не закричать. Вопреки желаниям, злость затуманивает разум, накрывает с головой и не отпускает.

Я размахиваюсь и бью кулаком в челюсть Найджела. Он дёргается. И это всё для могущественного покровителя. Вот бы из его носа полилась вишнёвая кровь как признак моего назидания.

— Ненормальная, — шипит он, истерично хихикая.

Найджел всё больше и больше подогревает мой гнев. Я достаю меч из ножен, и глаза Гальтона удивлённо округляются.

— Чего ты добиваешься? — Покровитель умело уходит от моих простых, но достаточно резких атак. Для него это всё комично и он не воспринимает всерьёз меня и мою злость, а она всегда дарит после себя невообразимые последствия.

Найджел становится у стены и расправляет руки.

— Хочется резать? Вперёд! Давай! Ты способна только по лицу хлопнуть, как все бабы. Ты не покровитель и не в состоянии на большее, — я чувствую явный запах перегара, исходящий от покровителя.

Сердцебиение отдаётся в ушах и заглушает любые посторонние звуки, глушит голос покровителя, источающий один лишь яд. Он намеренно провоцирует меня, а я наивно реагирую на его провокацию и освобождаю своего внутреннего зверя.

Я направляю остриё почти возле его сердца, между грудями. У меня есть возможность проверить свою меткость на живом существе.

— Я хочу, чтобы ты заткнулся! — прерывисто выкрикиваю я. Спутанные волосы заслоняют вид. Даже это не мешает мне воплотить планы в реальность.

Найджел весело ухмыляется. Он думает, что я бессильна, что я не решусь.

Металл, принадлежавший мне, входит в стену. Рукоять сдирает места мозолей на ладонях. Самое главное — лезвие полностью вошло в правую грудь покровителя, между рёбрами, ближе к ключице.

Покровитель пыхтит от боли, зажимая рану. Его ладони окрашивает тёмно-алая жидкость. Вена на лбу мужчины вздулась, на шее выступил пот. Он пытается что-то сказать, но кровь, которую он судорожно сплевывает, не позволяет ему даже двигаться. Найджел громко кашляет, и брызги летят мне в лицо.

— Я слабая, Найджел. Ничего не стою. Беспомощная, потому что во мне нет покровительской силы. Я ЧЕЛОВЕК! Какое унижение находится рядом с настоящим покровителем. Но как видишь, тебе так же больно, как и людям. У тебя такая же красная кровь, как и у всех, не золотая или серебряная. Ты опустился на человеческое дно.

Я вынимаю меч из груди учителя, и он валится на пол, оставляя после себя багровую лужу. Обтираю лезвие об его белую штанину, ясно осознавая, как бесчеловечно это выглядит со стороны. Меня обдаёт жаром: это всё сделала я. Та девочка, которой в детстве нравилось воздавать по заслугам и наблюдать за мучениями своих врагов, восстала из мёртвой спячки. Она стала страшнее, сильнее и беспощаднее, когда лицом к лицу встретилась с холодным оружием и смертью. В таком мире даже самый настоящий добродетель может стать серийным убийцей.

Одно из воспоминаний стучится, просит подумать о нём и осознать, кем я всегда была и кем снова становлюсь. Мэлвин, мой бывший парень, предатель. Как я отомстила ему? «Убей эту мысль». Но в голове проносится медицинская каталка. Я лишь хотела, чтобы он понял, как болезненно ходить с ножом в спине.

Когда я прознала о его скрытой миссии, пришла к нему отпраздновать его день рождения. Я принесла шампанское. А в кармане платья была пачка антибиотиков. Его везли в больницу с высоким давлением. Когда врачи сообщили ему о причине ухудшения здоровья, Мэлвин уверял, что не пил их, но алкоголь — да. «Сначала делаешь, а потом думаешь», — кричала у себя в голове я. Я могла отделаться разбитой техникой, порванной одеждой или порчей репутации, но взялась за опасный метод. Он мог умереть. Это было самой большой глупостью в моей жизни. Никто, даже Аик не узнал о том, что Мэлвин был в больнице из-за меня.

— Посмотрим, как ты проведёшь экзамен, когда до тебя доберётся власть, — шепчу ему на ухо. Найджел шокировано округляет глаза: это всё, на что он способен. Я чувствую одно лишь удовлетворение. «Чёрта с два кто-то ещё попытается мной управлять».

— Ты не умрёшь, поэтому я оставлю тебя здесь. А пока мне стоит завязать новое сотрудничество. Так советовал Грэм.

У Гальтона едва хватает сил для вдоха, не говоря уже о том, чтобы злиться при упоминании Коши.

Я взлетающей походкой мчусь по коридору. Окровавленное оружие скользит по полу, сопровождаясь скрежетом.

Из-за угла появляются Хейли, Холли и Хэйзи. Клянусь, если они попытаются ко мне прицепиться, я начну драться и неважно, на чьей стороне будет победа.

Хейли останавливает меня, вцепившись в плечо.

— Это кровь? — она оборачивается к своим подругам.

— Краска, — наивно отвечаю я.

— Чья она? Весь твой меч в крови, — нахмутив брови, интересуется Хэйзи. Холли крепко держится за кофту Хейли. Глаза невинной девчонки бегают от испуга.

— Найдзелу нужна помощь, — говорю я, стараясь скрыть хоть малейшее беспокойство. «Мне безразлично. Он меня использовал. Мне даже полегчало, когда я его ранила».

— Сучка. Он спас тебя от действия наркотика. Вот так ты ему отплатила? — язвит Хэйзи.

— Он просто собственник и эгоист. В этом жесте не было ни капли заботы.

Я слышу скрип меча, но голос Хейли останавливает девушку.

— Не сейчас. Пойдём.

Трио исчезает из виду.

Вся надежда на то, что я никого больше не встречу.

Грэм говорил, что в сфере Голубой Бирюзы мне будет безопасней. Но теперь здесь не менее опасно, чем в сфере Чёрного Оникса. Сейчас он сказал бы мне: «Сама виновата». Не тот, кому я верила, ударил по мне. Шли дни, недели, месяцы. Найджел хранил в себе своё желание, которому я не должна была воспротивиться. Я виновата в том, что доверилась незнакомцу, позволила ему возжелать многого. Однако я начала считать его другом, и это предательство вонзилось глубоко в грудь. «Здесь нет друзей. И никогда не будет».

Я открываю двери в зал Владычицы. Она точно не ждёт меня в своих роскошных тихих апартаментах после случая с её отцом. За мной закрывают посыльные-стражи. Они пропускают меня без всяких вопросов о моём кровавом внешнем виде.

Возле трона стоит Джюель, активно общаясь со своей безэмоциональной шестёркой с удивительно прямой осанкой.

— Кто её сюда впустил? — звучит от него, когда приближаюсь. Он встряхивает чёлку с лица, дёрнув головой. Неужели, видит во мне угрозу для своей благородной госпожи?

Джюель поднимает руку, чтобы остановить его. Владычица совсем не удивляется тому, как я выгляжу. Она даже не осматривает меня, будто знала, что так и будет.

— Приветствую, — я склоняю голову. — Прошу прощения за мой внешний вид, но моё дело неотложно.

— Поговорим в кабинете.

Она отмахивается от своего прислуги, и он нервно закатывает глаза. Мы идём в комнату справа от тронной части.

Перед входом, на красной стене висит небольшое начисто натёртое зеркало, окаймлённое массивным узором из золота. На полке под зеркалом стоит пара зажжённых канделябров.

По центру кабинета — стеклянный прозрачный стол такой же чистоты, как и зеркало. Для него предназначено два белых бархатных кресла с крохотной круглой подушкой.

В ряде высоких окон, плотно прилегающих друг к другу, отчётливо вырисовывается звёздное небо. Если судить по часам на моей руке, то время перевалило за десять.

Джюель приглашает меня присесть, а сама отходит к окну.

— Вы говорили, я могу обратиться к вам, если будут проблемы с Найджелом.

— Что я могу предпринять? — с задором спрашивает Джюель. Она медленно натирает шею, высматривая что-то в центральном дворе.

— Я не Владычица. Не мне это решать.

— Побудь великой на минуту и скажи, как бы ты наказала гадёныша, — вкрадчиво говорит Джюель.

— Я не смею.

— Немедленно, — проговаривает она.

— Завтра Испытание. Найджел отказался его проводить.

— Он сделает это, стоит появиться мне. Это и есть твоё наказание?

— Этого достаточно. Я попросила вас, как Владычицу, которую заботит её народ.

— Недостаточно, — Бертран резко оборачивается ко мне. На её лице — кривая ухмылка. Я знала, куда шла — в логово зверя. И мне нужно делать меньше движений, чтобы он не съел меня. — Я аннулирую его свободу: он рыл под меня и нашёл мою семью, — хищник поглотил меня. Перехитрил. — Ранее, эту сделку удерживала ты, но... твой выбор. После Испытания он вернётся в темницу, к своей родной камере.

Джюель давно бы избавилась от Найджела, если бы видела в нём реальную угрозу. Снова игры, в которые ей так хочется погрузиться и увидеть, как куклы мучаются под её лапами кукловода.

— Что?.. Я не...

Слова комом встают в горле. Я хватаюсь за подлокотники кресла.

Джюель делает вид, что не услышала моей попытки заговорить и выпроваживает из кабинета ледяным взглядом.

Я везде в опасности. Поэтому иду туда, где буду чувствовать себя спокойнее — в спальню. Это не гарантирует выживание, но точно даст шанс умереть со спокойным сердцем.

Я не могу сомкнуть глаз, прислушиваясь к малейшему шуму в коридоре или во дворе. На минуту я задумываюсь о том, чтобы прийти к Гальтону и попробовать поговорить, но эти мысли сразу улечиваются, когда вспоминаю всё, что он наговорил и сделал. Айк всегда говорил, что мне нужно быть любимой. «Ты как кошка — опасливая. Позволяешь погладить, но в любой момент готова расцарапать руку».

Тренировочный зал — самое подходящее место, чтобы обезопасить себя. Я скидываю окроплённую кровью одежду, мочу волосы под краном и тщательно натираю лицо. «Это кровь Найджела». Надеваю вчерашние штаны с корсетом, а наверх — майку с глубоким вырезом.

К счастью, в зале занимаются несколько покровителей. Никто из них не замечает пополнения.

Тренировка. Завтра Испытание. Я справлюсь, только если никто мне не помешает.

Небольшие кинжалы летят в цель. Попадаю два раза в девятку и один раз в восьмёрку. Остальные попытки попасть в центр заканчиваются провалом.

Я замечаю Густава в чёрном наряде с высоким белым воротником. Он тренируется с Габи: её причёска и женские плечи легко узнаваемы среди остальных покровителей.

Позади меня поддувает, будто в помещение забрался сквозняк. Кто-то закрывает мне веки. Температура помещения резко меняется. В зале было жарко и душно от вспотевших покровителей и горячего дыхания, а здесь, наоборот, — холодно, слышны прерывистые вдохи.

Неизвестный покровитель убирает руку с моего лица. На кровати лежит Найджел, у изголовья сидит Холли, медленно поглаживая макушку покровителя. Хэйзи восседает на кресле, как Джюель на своём троне. Она задумчиво трёт подборок.

— Сядь, — как приказ озвучивает Хейли. Её чёрные волосы слиплись от пота, а на лице виднеются три пятна крови.

— Постою.

Хэйзи хмыкает, окидывая меня изучающим взглядом.

— Я ненавижу её, — сквозь зубы рычит Холли, надувая губы.

— Тсс, — вырывается у Найджела. Холли по-детски закатывает глаза. Её короткие пальцы движутся от макушки до шеи покровителя, при этом она заостряет свой взгляд на мне. Вчера я так же гладила этого мужчину. Сегодня же хочу прижать к его яремной вене что-то острое.

Мой замысел никогда не осуществиться: я погибну от мечей троицы, а Гальтон будет спокойно за этим наблюдать.

— Ты конечно, сука, но Найджел настоял, — Хэйзи нарочно повторяет своё оскорбление. Эта девушка — чистый провокатор и любитель конфликтов.

— Почему я ещё дышу? — Я оставила свой меч в коридоре, в тёмном углу с горшком разросшихся алых роз, когда шла в тренировочный зал. Теперь я пустыми руками перед будущими убийцами.

— Давай не будешь язвить, — устало просит Хейли.

— Переходи к делу, — обращается к ней Хэйзи.

— Как ты уже знаешь, Найджел хочет положить конец эре правления Джюель Бертран. Ему нужны новые союзники. Не знаю, что между вами произошло, но надеюсь, что этот конфликт можно урегулировать, — Хейли со всей серьёзностью произносит свои слова, мизерными шагами огибая комнату. — Ты нужна нам всем, Милдред.

Я замечаю, как щёки Холли рдеют от злости.

— Найджел один. Кроме вас троих и тех алкоголиков... Вы ничего не сможете. Это Джюель Бертран, Владычица. И сколько бы историй я о ней не слышала, они долго не обговариваются. Эта женщина всегда выходит сухой из воды. Или... я чего-то не знаю?

— Не знаешь, — ухмыляется Хэйзи, скрепя ноги. — У Найджела есть целая армия глаза и уши по всей сфере, к тому же ему подчиняется свой доверенный хранитель, что позволено только Владычице. Если помнишь, хранители могут служить только Владыке и его правой руке. Но не сокрушающему покровителю. Они равны в сфере, а их силы балансируют на одной полосе. Если у тебя есть собственный хранитель — победа приближается.

— Лжец... — шепчу я, глядя на мучающегося от боли учителя. — Ты всё время скрывал от меня... Паршивый Гальтон.

Девушки наслаждаются моим удивлением. Найджел покашливает пару раз, брызгая кровью, и снова погружается в бессознательное состояние. Холли обтирает мокрым полотенцем испачканное лицо мужчины, а затем свои руки.

— Он хотел завлечь меня на свою сторону жалостью. Букашка превратилась в медведя за несколько секунд.

Я и вообразить не могла, насколько сильно влияние Найджела. Первое, что я представляю — как он мужественно раздаёт приказы, рушит предателей или проворно переманивает покровителей своим обаянием и хитрыми речами.

— Да, — кидает Хейли. — Перейдём к главному. Ты была у Владычицы?

— Была.

— Пожаловалась, наверное.

— Это была просьба провести Испытание, назначить нам хранителя.

— Как именно ты её попросила?

— Почему вы решили, что я уже с вами?

Не только они настаивали помочь свергнуть Джюель. Мадам Бланчфлоер тоже просила о помощи, и я согласилась, потому что она хочет спасти своего мужа. Уверена, Джюель стольким испортила жизнь, что лучшим решением для всех пострадавших будет её смерть. Остальное, например, высвобождение возлюбленного из темницы, меня уже не касается. Я не смогу помочь каждому. Только отомстить за них.

— Если Владычица тебе ничего не сделала, — говорит Хэйзи, — она однозначно сделает. Моё предчувствие говорит, что мы не первые, кто обращается к тебе с такой просьбой. Для Грэма Коши ты должна собрать союзников, чтобы кокнуть Флавиана. Мы вас поддержим. Если ты не считаешь, что должна нам помогать, то сделай это ради свержения власти Чёрного Оникса. Выгодная сделка, я считаю.

— Я услышала ваше предложение. Но! Я не знаю, какой камень предпочтёт меня. Думаю, тогда мы будем решать дальнейшие действия.

Девушки переглядываются между собой и кивают.

— Пусть будет так, — заявляет Хейли с внезапной бодростью.

Холли, как обычно, не смотрит в мою сторону. Она похожа на избалованного ребёнка с неустойчивой психикой.

— Ты натворила дел, нужно это всё разрешить, — Хэйзи смыкает ладони на коленях. — Что Джюель планирует?

— Возможно, вы знаете о нашей выходке на Земле. Она расценила наш визит в дом её отца как предательство. Пообещала лишение покровительской свободы. Я... толкнула Найджела попросить её этого не делать. Сегодня я сказала ей, что ошиблась в нём. И она аннулировала наше соглашение.

— Как ты посмела? — выкрикивает Холли, почти плача. Она подпрыгивает с места, направляясь ко мне. Её ладонь встречается с моим лицом. Я чуть не падаю, успев поставить ногу назад. — Теперь его не будет с нами! Он уйдёт! Не-е-е-ет.

— Хватит, Холли, — отрезает Хейли, осторожно потащив подругу за локоть.

Моя щека горит от удара. Кроме оскорблений я ничего не могу сделать.

«Побеждают люди, пропитанные гневом, но умеющие сдерживать его». Эти слова, которые я сказала себе после бешеных поступков Алисии. Я считала, что смогу придерживать свои эмоции, но то, что я зарезала Найджела, доказывает обратное. «Ты никогда не умела держать себя в узде», — мелькают мысли. Я мечусь между той, кем являюсь и той, кем хочу стать. Нужно только сильно возжелать.

— В какой-то степени я могла это заслужить, — шепчу дрожащим голосом. «Молодец».

— Всё в порядке, — вклинивается в разговор Найджел. Холли тут же подбегает к нему и принимается гладить чёлку.

— Он сказал, что найдёт выход. Попытается управлять оттуда. Для него важно отмщение и даже из адской тюрьмы он порешает Бертран. Если понадобится — умрёт, — Хэйзи лениво сообщает такие отчаянные новости.

— Все вы жертвуете собой для общего дела?! — возмущаюсь я, вспоминая о Грэме.

— Власть сферы Чёрного Оникса не настолько ужасна, как Джюель, — Хейли с скучающим видом загибает край своего рукава, без остановки похаживая по комнате. Все знают, что случилось в тот день, но не все знают, ради чего это было. Они думают, Грэм сделал это ради меня... Он бы никогда не пожертвовал своей свободой из-за незнакомого человека, для оружия — конечно.

— Если ты с Джюель будешь якобы сотрудничать, это пойдёт на руку всем, тебе в том числе, — уверяет меня Хэйзи. — Рядом с ней будет находиться язва, которая будет постепенно ослабевать её.

— Я поняла, — буркаю я. «Пушечное мясо». С другой стороны, только родная дочь может подобраться так близко.

— Если бы ты не ранила Найджела, он бы уже давно мог соблазнить Алика, — начинает

Холли. К моему изумлению, она унялась. Более неожиданно — обратилась ко мне.

— Алик? Кто это?

— Правая рука Джюель. Тот бледный блондинчик, — поясняет Хэйзи. — Ему нравятся парни. Особенно такие, как Найджел. Надеюсь, что у Алика есть хоть что-то о Джюель. Не зря же они любовники.

— Они что?..

— Я слышана, что как только Алик уходит, к ней приходит много мужчин, — заговорщически шепчет Холли, утирая блистающие дорожки на щеках. — Был ещё какой-то из Аметистовой сферы и хранитель из нашей.

— Это точно нас не касается, — протестую я.

— Каждый из них должен иметь информацию и вообще доступ к её апартаментам, — Хейли поправляет грудь, чтобы та не вылезла из тонкой рубашки.

— Умно. Возможно, мне пора.

— Куда-то спешишь? — спрашивает Хэйзи.

— Отдохнуть. Это всё, что мне нужно.

— К утру Найджел будет здоров. Готовься к Испытанию, — напоминает Хейли.

Я должна позволить себе сон, но почему-то изнуряю себя ночной тренировкой. Прошное Испытание плохо сказалось на мне. Завтрашнее заведёт ещё одного покровителя в тёмные стены, комнату, наполненную мраком и болью. В комнату для пыток. Я снова содействую чужим страданиям, а сама выхожу чистой из грязи, потопив в ней своих учителей.

Я не разрешаю себе думать об Аметистовой сфере, загадывать наперёд то, что может не случиться.

Один удар. Второй. Плечевой.

Цепи боксёрской груши звенят, шатая её во все стороны. От атаки ногой она взлетает и задевает стену. Я наношу резвые удары, но быстро изматываюсь.

— Ху-у-ух...

Выпиваю холодной воды, а остальное нарочно выливаю на лицо. В тренировочном зале никого нет, поэтому я ложусь на пол, сложив руки в замок и скрестив лодыжки.

Закрываю глаза, усталость постепенно высасывает всю энергию, и под своё громкое дыхание меня накрывают сновидения.

Меня дёргают за плечо.

— Просыпайся!

Во сне я не способна соображать чётко, сжимать кулаки и двигать пальцами. Ещё одна тряска, после которой я подрываюсь.

— Спать в тренировочной — плохая идея. Идём.

Яфа переносит нас в сферу Чёрного Оникса, похоже, в её спальню. Как только я замечаю кровать, мгновенно сажусь на неё. Лечь и уснуть мне не даёт резкий голос девушки.

— Я слышала, что у тебя завтра Испытание, — живо говорит она. — Наверное, тебе нужна подстраховка?

— Яфа... Ты подняла меня ото сна. Дай минутку адаптироваться, иначе меня сейчас стошнит на твой лимонный ковёр.

— Конечно. Тебе воды?

Я киваю. Девушка немедленно подаёт стакан. Мои руки липнут после тренировок, майка не успела до конца высохнуть и холодная потная ткань неприятно касается тела.

Я опустошаю стакан и ставлю его на прикроватный столик.

— Я загнала в темницу Найджела.

Вкратце я договариваю всё, что со мной приключилось.

— Ты дура, — грубо отвечает она. Тон её мгновенно смягчается: — Джюель? Потом ты будешь у неё в долгу.

— Опрометчиво, знаю. Но мне нужно пройти Испытание. Я не та, кто провалится на середине пути.

— Не доверяю я твоему учителю, — настороженно произносит она.

— А я никому не доверяю. И Яфа, как много бы ты обо мне не знала... То, что я рассказываю тебе, требуют обстоятельства. Только вы знаете, что я связана с Пророчеством.

— Я уже говорила, что понимаю тебя. Это твоё дело верить или нет. Учитывай, что одному в сфере сложно. Каждый имеет свою, хоть и маленькую, шайку. Самая большая из них почти вынудила тебя остаться на их стороне. Никому так сильно не везло, как тебе. Я знаю, ты расцениваешь всех, как предателей, но до поры до времени твои покровители найдутся. Милдред, ты — девочка-ключик, что может значить помощь, взаимовыручка, сотрудничество, победа.

— Это также может значить, что я могу закрыть все двери, стать жестокой. Чёрной.

Яфа осознаёт, что такое тоже вероятно и молчаливо мнётся на месте.

— Если Найджел подпортит тебе экзамен, я прикончу его, — внезапно возвысив голос, объявляет она.

— Я помогу, — улыбаюсь я.

— Я позову всех своих знакомых, чтобы убить покровителя сферы Голубой Бирюзы, после чего наши сферы устроят кровавое месиво, — с сарказмом предсказывает покровитель.

— Это было бы устрашающе, но легендарно.

— Да... — протягивает Яфа, покачав головой. — Все проходят первое Испытание, ожидая трудности, но со вторым уже легче. Ты не должна оплошать.

— Второе Испытание окажется трудным, если кто-то на это повлияет.

— Хочешь знать, почему мы пришли на два часа раньше? — предлагает согласиться на ответ Найджел. Мы сидим на сухой траве посреди поля в ожидании торнадо. Найджел от скуки прорывает еле торчащую безжизненную травку, а затем измельчает её на крошки. Он выпускает присыпку из рук, и порывистый ветер быстро разносит её по всей степи. — Я принимаюсь. Джюель способна придумать что-то настолько варварское, что мне даже двух часов не хватит, чтобы разобраться.

Я бы упрекнула его за бессмысленные шалости, но не хочу никаких ссор и проблем прямо перед носом Испытания. Судя по всему, надругательство над травой успокаивает его.

«Тебе ведь не обязательно наблюдать? Ты видела как нужно сокрушать. Прирежь одного и всё». Найджел сказал мне это, как только мы сюда перенеслись, в присутствии его хранителя по имени Майк. Он ждёт в одном из домиков в городе позади нас.

— Что ты планируешь выследить?

— Возможно, её покровителей. Или хранителя, который убьёт меня, подстроив, как несчастный случай: тело не нашли, унесло торнадо. Эти отговорки банальны для Владычицы, но тем не менее половина в них верит. Сколько лет она сметает нежелательных врагов и придерживается статуса невиновной.

— Отбрось все предположения и подумай о том, что она вряд ли бы совершила.

Гальтон несколько минут размышляет, стуча пальцами друг о друга — они образуют два веера. Покровитель внимательно высматривает близящийся шторм.

— Ох... Ну конечно. Джюель никогда не выполняет грязную работёнку. Для этого есть Алик. Но если это миссия важности... как, например, с моими родителями, она берёт бразды правления на себя. Здесь, прямо на «поле боя» риск погибнуть высокий. Джюель определённо нагрывает к нам.

— Она считает, что я буду наивной, доверюсь, встану на её сторону и помогу, — продолжаю я. — Точно поддамся семейным чувствам.

— Ты же этого не сделаешь? — настороженно спрашивает Гальтон. Я бросаю на него презренный взгляд и перехожу на другую тему. Зло не заслуживает доверия.

— Что с тобой будет?

— Не делай вид, что тебе до меня есть дело, — усмехается он.

— Сколько бы ты плохого мне не говорил, я не должна была ранить тебя. Я не смогла совладать с собой.

— Я тоже был не прав. Я не имел ни малейшего основания злиться на тебя и оскорблять. Но... Милдред, спасла ты мне жизнь или нет — не имеет значения. Ты дала обещание, — совершенно спокойно разъясняет он. — Не давай больше надежд тому, кому это пообещала и неважно, что это будет: убийство твоего же друга, предательство близких — никогда, Милдред, слышишь? Ты ступила в болото с завязанными глазами.

— Мудрый совет.

Он не собирался поучать меня, а просто защищал себя. То, что он использовал меня, всегда будет правдой.

Найджел Гальтон тот, кто имеет много связей, как сказала троица, хранителя... армию. Его ненависть сильна, а цель неоспорима. И это тот, кто кидал камешки в лавовую реку и следил, как она поглощает их. Как ребёнок. И только месть могла взрастить такого умного ребёнка.

— Ты хороший человек, а покровитель из тебя выйдет ещё лучше. Всё, что я сказал, было произнесено в приступе злости и обиды. Я не хотел этого, поверь мне, пожалуйста. Я готов искупить свою вину, попытаться показать тебе, что я не зло, каким успел себя представить. Я зацепился за своё желание, сотню раз отбрасывал эту болезненную идею. Но когда ты попросила меня... Да, я был ослеплён.

— Я надеюсь, мы забудем обо всём плохом, — наконец заключаю я. Это далось мне с невероятной силой. Я всегда буду вспоминать его неблагоприятный поступок. Но мне не мешает осмотреться в составе стаи сферы Голубой Бирюзы.

— Спасибо, Милдред. Твоё прощение много для меня значит.

Мне не верится, что совсем недавно покровитель грозился убить меня, за несколько месяцев между нами было множество разногласий. А теперь мы выстраиваем мост под названием «мир», и неизвестно из чего он будет — из крепкого бетона или хрупкого стекла.

Найджел что-то ищет, и это остаётся для меня загадкой. Он переносит нас на возвышенности, в центр города, к густому лесу, окончательной точкой оказывается сфера.

— Будь здесь. Я пойду, кое-что проверю, — он не дожидается моего согласия и сразу же исчезает. Не проходит и минуты, как он возвращается.

— Так и думал, — с ходу выпаливает он.

— Что не так?

— Джюэль сейчас не у себя, в тренировочной её тоже нет, хранитель сказал, она приходила к нему и *горячо* интересовалась, где пройдёт твоё Испытание. Не знаю, как я её не заметил, но она постоянно была поблизости и слушала нас.

— Она знает, что мы догадались, — заключаю я.

— Тогда Владычица точно выкинет какую-нибудь пакость. Что ж, не впервые, выкарабкаюсь. Ты смертная, вот с тобой может что-то случиться. Тебе есть с кем прощаться? У нас ещё много времени, — тон его серьёзный, но где-то, еле заметно, просачивается сарказм.

— Может, это тебе стоит попроситься? Прямая опасность угрожает именно тебе.

Найджел смеётся, признавая поражение.

Времени осталось не так много, как он говорит, а экзамен всё ближе. Покровитель сказал, что буря значительно усилилась и нам нужно быть на «позиции».

— Что если мы выберем другое явление? — предлагаю я. Ветер встряхивает свободный комбинезон, волосы на руках встают дыбом. Я вся продрогла.

— Некому будет нас заменить. Нам дали координаты, мы выполняем свою работу и не меняемся. Такое происходит только в случае о-очень долгого явления. Моё подкрепление начеку, не кипишуй.

Я шикаю, чтобы избавиться от дрожи в голосе.

— Будем уповать на чудо. Я поверю, что ты всё исправишь, поэтому постарайся.

Порывы становятся всё резче, приобретая власть над всей ранее чистой и ухоженной территорией. Не знаю, смогу ли я устоять и не засосёт ли меня в пыльный водоворот. Пугающие гудящие звуки постепенно приближаются.

Неожиданное сильное дуновение чуть не сносит меня с ног. Найджел слишком сосредоточен, чтобы отвлекаться на такие мелочи. Трепещет только его одежда, вздымаются волосы, которые подходят по цвету мрачно-серому небу.

— Я попробую справиться, а тебе советую молиться, чтобы одна из тварей уделила тебя минутку, — болтает он, не отрывая взгляда от надвигающейся круговерти. Она без задержки оборвёт существование тысячи людей: тех, кто не успел спастись. Воронка уничтожит часть города.

Я могу позволить фаугу вкусить торнадо, пропитаться частичкой той мощной энергии, чтобы ослабить угрозу. Таким образом, кто-то сможет укрыться, сбежать. Если бы торнадо можно было и вовсе прекратить, я бы так и сделала. Если бы я имела возможность остановить извержение вулкана на первом Испытании, не было бы столько жертв и, как бы сказала власть сферы Чёрного Оникса, Янко бы выжил.

Покровительство — это часть меня, я буду так жить на протяжении восьмидесяти двух лет. Мне предстоит видеть, как по моей вине умирают люди, невинные животные, крохотные дети. Я в состоянии спасти несчастных существ, попавших под влияние разгневанной Земли.

Но не судьба. Так сказал бы Грэм. Смерть уже держит их на удочке, а если я позволю им отцепиться, то они до последнего дня будут ходить с раной от крючка.

— Возьми себя в руки, — холодно отрезаю я почти шёпотом.

Невидимая сила побуждает сдаться прямо на поле боя.

Тогда я не пройду Испытание, не стану покровителем, буду посыльной, скрывая свои врождённые способности. Это такой же мир, где нужно выживать. На Земле ты должен выучиться, найти работу, иметь друзей — быть социализированным. В сфере мне

необходимы статус, будущее, союзники.

Ладоней касается притягательный металлический холодок.

Воздух закручивается в тонкую трубочку, засасывая траву, небольшие пеньки. На пути торнадо ещё ряд домов, школы, музеи, достопримечательности. И я. Оно направляется ко мне. Медленно, но я ощущаю его близость и привкус смерти на языке. Предвкушение чего-то ужасного окутывает меня, и я начинаю судорожно улыбаться. Найджел буквально проходит через адский водоворот, сокрушает небольшого фауга, размером в крохотную тыкву. Я впервые вижу такого крошечного фауга. «Борись, чтобы видеть их каждый день».

Я оборачиваюсь назад: издали надвигается гурьба опасных облаков. Один из них вскользь пролетает мимо меня, прямиком к Найджелу. Он изрядно увлечён и не замечает, что творится за его спиной. Меч, будто чующий угрозу, под действием рук Гальтона заканчивает страдания двух чудовищ.

Только тогда он обращает на меня внимание. Покровитель округляет глаза, осматривается и через секунду оказывается рядом со мной. В этот проклятый миг подлетает больше десятка наших врагов. Найджел сокрушает троих и нервно ругается.

— Не стой, Милдред! Пройди Испытание, и мы уйдём. Джюель рядом. Быстро!

Я не могу высоко подпрыгнуть, как это делает он. Несмотря на его указание, я терпеливо жду, хотя внутри меня уже всё на пределе.

Несколько фаугов плывёт к подпитке, избегая покровителя. Они настолько же рядом, как и торнадо. Я неустойчиво качаюсь на месте. Я могу прямо сейчас погибнуть, потому что даже Найджел не справляется. Масштабные потоки полупрозрачных существ мчатся к раскуроченному полю, летающей в воздухе травой, обозлённому Гальтону и беспомощной девчонке, а ещё к своей пище.

Фауги стали сильнее. Сейчас они максимальны в своей численности и мощи.

— Что за?.. — в глазах Найджела полная безнадежность. Он безысходно хмурит брови и крепко стискивает челюсти. Он забывает обо мне и переносится к точке большого нашествия. Он оставил мне три бывших человека. После первого сокрушённого, искусственный меч рассыплется, пустив в меня частицы голубой бирюзы, как признак того, что я закончила Испытание. А после окончания обучения определённые частицы пробудятся во мне, и я стану покровителем.

Я не должна так далеко загадывать: гибель дышит мне в затылок.

Мне ничего не остаётся, как бежать в сторону для привлечения внимания фаугов. Они игнорируют мой отчаянный план — для них важнее устранить настоящую угрозу и поесть.

Я поворачиваюсь, чтобы проследить за действиями Найджела, как неожиданно перед моим лицом появляется фауг. Нас разделяет около десяти сантиметров. Он причудливо покачивается, как яичный белок. Тварь словно рассматривает меня, не осмеливается убить. Фауг заметил мелкого человека...

Он приближается, но я быстро отпрыгиваю, спотыкаюсь и валюсь на землю.

Фауг почти что наваливается на меня, будто заглядывает внутрь. Я не могу дышать, двигаться. Глаза слезятся: я боюсь моргнуть. Вблизи меня мощнейшее создание, а я крупица по сравнению с ним.

— Милдред! — разрывной крик учителя пробуждает, и я перевожу на него взгляд. Он удивлённо и напугано смотрит на меня боковым зрением, одновременно взмахивая мечом.

Надо мной висит смерть и я должна от неё избавиться. В правой руке я по-прежнему держу меч. Я сглатываю и в этот момент, от напряжения каждой мускулы в теле, лицо

усеивает потная роса.

Сейчас мне никто не поможет.

Я выкрикиваю у себя в голове: «Вперёд!». Во мне разверзлась убийственная молния.

Я еле-еле поднимаю меч, дополнительно хватаюсь за лезвие левой рукой. Пальцы едва дотрагиваются до облака, а меч почти полностью пронзает фауга. Я истошно хватаю воздух и роняю оружие.

Я сделала это.

Металл рассыпается, превращаясь в голубой песок. Станный прилив сил, которого во время первого Испытания подавно не было, с невероятным упорством накатывает на меня. Эта несусветная мощь согревает кончики пальцев, пускает морозный холод к ногам и, спустя несколько мгновений, я вовсе перестаю их чувствовать. Я падаю на колени. Нет ни одной клеточки в моём теле, где бы сладкая энергия не заполнила их. Дикий и нетерпеливый жар внезапно, подобно волку, откусывает сначала конечности, потом завоёвывает туловище и окончательно голову.

Я сгораю.

Со рта вырывается умоляющий вопль, я бьюсь как в агонии, дёргаюсь и ощупываю свои волосы. Они тоже пылают.

— Прекрати! — я ещё даже способна говорить, а точнее, неразборчиво лепетать. Меня пронзил фауг, понимаю я. Значит, это и есть то, что испытывает покровитель перед героической гибелью. Боль и только боль.

Я не прекращаю кричать всё это время. Мой голос глушит шум торнадо и, кажется, что я сейчас оглохну. В груди, в животе, в спине и в черепе все органы делают резкий кульбит, под конец процесса их переворот замедляется и всё становится на свои места.

Поскорее бы умереть.

Я выплёвываю со рта какую-то жидкость. Это не кровь, а обыкновенная рвота. Боль немедленно стихает, коже теперь так же прохладно, как и прежде, только горло мученически саднит. Я разваливаюсь как морская звезда. Прекрасное облегчение. Мертва ли я?

Я поднимаю голову, чтобы найти Найджела. Он сражается на последнем издыхании, едва может передвигаться. Упасть ему не даёт честь. Один фауг быстро минует возле него и выбивает меч из рук. Бездушные, но умные: знают, как обезвредить противника.

Я шустро поднимаюсь благодаря какой-то новоприобретённой стойкости. Это минимум, что я могу сделать, потому что меча у меня нет. Сейчас я действительно ничтожество. Беспомощная. На моих глазах умрёт Найджел, а я последую за ним.

Гигантский фауг, в два раза больше, чем сам покровитель, непринуждённо пересекает поле. Он встречает Найджела на расстоянии двух метров.

— Най... — я хрипло и бесшумно выдавливаю начало его имени. Принимаюсь безостановочно кашлять. Жалко.

Фауг натывается на острый меч одного покровителя. Её грудь, пышно торчит из-под бархатного белого топа. Она мимолётно улыбается Гальтону, так как на долгие дружеские приветствия и ликование того, что он остался в живых, времени не так много.

После Нанны к сокрушению присоединяются Габи, Густав, Тонни и Тим. Найджел истерично смеётся и юрко забирает свой меч.

— Отдохни, сумасшедший! — выкрикивает Габи. Она хрустит шейей и подпрыгивает как паук. Девушка громит фауга так же непосредственно, как щёлкает пальцами.

Найджел молниеносно переносится ко мне и помогает подняться.

— У тебя получилось, — выдыхает он.

— Да...

— Почему ты так кричала? — быстро спрашивает Найджел.

— Не знаю, — определяюсь я. Я, правда, не знаю. От неизвестности внутри всё стынет.

Не все покровители это чувствуют, только я. Сами обстоятельства раскрыли меня. Фауги не могут так просто рассматривать кого-то, тем более человека. Если Гальтон ничего не заподозрил, то скоро он догадается.

— Потом разберёмся. — Он переносит меня недалеко от места нашествия. Торнадо уже прошло всё поле и достигло города.

— Сейчас будут по крышам сигать, — грустно посмеивается Найджел, глядя вдаль. Откуда у него берутся силы на шутки?

— Правда? — несущественно отвечаю я. — Где же тот самый план Джюель? — вспоминаю я.

Найджел не успевает ответить, потому что его обрывают.

— Это меня вы дожидаетесь? — вмешивается Бертран с насмешкой в голосе. Она выглядит как обыкновенный покровитель, а не Владычица. На ней белые утягивающие лосины с наколенниками и водолазка. Её руки тоньше, чем кажутся, но толще, чем у Густава на пару сантиметров. Однако изящные пальцы, на которых надеты богатые кольца, сразу представляют, кто она на самом деле. Платиновые волосы заплетены в высокий растрёпанный хвост. Губы Владычицы накрашены бледно-розовой помадой.

Позади Джюель громоздятся четыре хранителя в длинных парчовых кафтанах. Один из них с седой бородой и лысой макушкой, а остальные молоды, но точно старше меня.

— Кого ты назвала по имени? — я не сразу понимаю, что Джюель обращается ко мне. Она наслаждается своим величием: с лица не сходит мерзкая улыбка.

— Вам показалось, — твёрдо говорю я.

— За кого меня держишь?

Найджел хватается моё запястье.

Джюель стремительно подходит ко мне, ожидая, что я начну отступать от испуга. Я поднимаю голову. Мы смотрим друг на друга. И в её глазах я вижу свои. Передо мной моя родная мать. Человек, в котором я всегда желала видеть дом.

Джюель удивлена моей смелостью и в её взгляде я вижу, что она вскипела, хотя движениями и мимикой старается показывать чѐрствость.

Она грубо вцепляется в мой подбородок, её металлические кольца впиваются кожу. Она приподнимает мою голову, почти заставляя меня подняться на носочки, а потом грубо отталкивает её, как мешок с мусором.

— Никто не может называть меня по имени.

Я становлюсь в линейку с Найджелом. Теперь мы выглядим так, словно нас собираются отчитать родители.

— Сейчас я убью тебя, Найджел. Максимально обессилю и кину на растерзание фаугам. Прямо перед твоими друзьями, — проговаривает Джюель.

— Зачем рассказывать мне ваши ходы? — подозрительно спрашивает он. — Неужто, чтобы я боялся? Так же вы убили моих родителей?

Ни один мускул на лице Бертран не вздрагивает при упоминании того, что она сделала. Ведьма злорадно хихикает и поворачивается к хранителям, они тоже заражаются фальшивым смехом.

— Вы сказали, что он будет в темнице. Это моё желание.

— Думаешь, мне есть дело до твоих... — она брезгливо осматривает меня, — желаний?! Я делаю только противоположное, девочка.

Мне так и хочется плюнуть ей в лицо: «Моё имя — Милдред, которое, между прочим, дала мне не ты». Бабушка сказала, что я стойкая, что я всё выдержу после потери родителей. Потому что на холоде, в дождливый вечер апреля, когда я родилась, мой иммунитет выдержал. «Они бросили тебя прямо у меня на крыльце. Даже не додумались постучать, спасти тебя. Но ты выздоровела. Ты была в порядке». Карма. Я всегда вспоминала это слово, когда думала о семье. Что если в той аварии отец погиб, а мать забрали покровители? Если посчитать, то моё рождение пришлось как раз на тот день, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Это вполне возможно.

Покровителям-родственникам не стирают память. Пару дней назад мне об этом рассказал Найджел. А я бы так хотела, чтобы у меня никогда не было семьи.

— Начинайте, — окликает Владычица своих ручных хранителей. Поблизости появляется посыльный. Он ставит стул для Джюель и исчезает, сыграв свою незначительную роль в заговоре.

Она даже на обычном стуле восседает, как на троне. Джюель прищуривается, смотрит исподлобья. Её эмоции неожиданно застывают.

— Встань рядом, — требует она. Я некоторое время сомневаюсь. Если буду медлить дольше, она заставит меня силой выполнить приказ. Я подхожу и встаю позади неё.

— Ты хотела наказать его. Не благодари, — шепчет она как суровая северная зима. Прежнее ехидство смела безжалостная метель.

Не этого я хотела.

Старый хранитель своей невидимой магией подбрасывает Найджела высоко в небо и просто отпускает. Он летит вниз: руки расправлены, а ноги разъезжаются в разные стороны. Когда он с хрустом падает, я строго держусь, чтобы не вздрогнуть, не отшатнуться или вовсе не понестись прочь в зелёные заросли, однако всё же отвожу взгляд. Благодаря

покровительской силе он ломает только одну руку.

— Агх! — выстреливает Найджел, одаривая врага звериным взглядом. Её взор сосредоточен: оценивает его состояние.

— Слабо, — заключает Джюель. Хранитель хмыкает. Сразу трое подключают свою силу. Один душит его невидимыми путами, второй — понемногу жжёт его рубашку, а затем кожу. С каждым разом он всё дольше держит полыхающий красный огонёк.

Покровитель силится не терять сознание, не кричать, но эту боль невозможно выдержать. Я знаю, что такое огонь. Всё моё тело обожгло после того, как я сокрушила фауга. Учитывая, что один хранитель душит его, кричать попросту не получается.

Третий хранитель оставляет порезы по всей коже. Беспощадно брызжет кровь, земля впитывает огромные лужи. Капли тянутся в нашу сторону, с воображаемой надписью в воздухе: «Эта кровь должна поглотить вас». Я инстинктивно отшатываюсь, но Джюель цапает моё запястье со словами:

— Смотри на то, что хотела.

— Я не этого хотела! — выпаливаю я и злобно одёргиваю руку. — Вы использовали меня как предлог.

— Думаешь, ради тебя я перестану делать то, что мне нужно? До чего же ты глупенькая!

Теперь у меня появился повод прикончить Джюель. Я смотрю на неё, и меня насыщает пугающая ненависть.

— Прекрати это, — тут же мне хочется откусить себе язык. Мои слова будут иметь плачевные последствия.

Джюель удивлённо поворачивается ко мне.

— Хочешь такой же участи? — усмехается Владычица.

Она кивает на Найджела, который уже совсем не похож на себя прежнего. Половина его волос сгорела, всё тело покрылось кошмарными волдырями. Он старается изо всех сил вбирать воздух, который ему перекрыли. Его лицо зарделось, глаза точно вылезут сейчас из орбит или лопнут, как воздушные шары.

— Я ручаюсь за него, — отчеканиваю я. И мгновенно вспоминаю, что Найджел советовал не ступать в болото с завязанными глазами. Но мне плевать. Я должна это остановить. Если бы не мой гнев и вспыльчивость, мы бы с Гальтоном самостоятельно всё разъяснили, и Джюель сейчас бы здесь не было. — Прекратите это, пожалуйста.

— Нет, — отрезает Владычица, зрелищно наблюдая за пыткой. Она встаёт со своего «трона», садится возле Найджела и приказывает не душить его. Количество порезов продолжает нарастать, нещадно кровоточа и попадая на щёки правительницы. Её лицо остаётся невозмутимым, хотя всё оно в пятнах и потёках.

— Я убила их, — шёпотом диктует Бертран.

Из глаз Найджела вырываются слёзы. Одна за другой. Грязные, кровавые и горькие капли надвигаются к его острому подбородку. Сейчас плачет ребёнок, который лишился родителей. Убийца найден. Он объявился, наконец, показал свою истинную сторону.

Бездушное существо. Я не верю, что Джюель раньше была человеком с двумя детьми, родителями и какими-то счастливыми чувствами, как на той фотографии с сыном.

— Душегубка, — проговариваю я. Слёзы стремительно подступают, я стойко прячу их, хотя голос мой заметно дрожит.

— Ты думаешь, я сжалюсь над тобой только потому, что мы одной крови? — несмотря на монотонность, Бертран открыто насмехается. — Питер, начинай.

Она приказывает старику, чтобы тот присоединился тиранить Найджела. Я не обращаю внимания, что именно он уготовил покровителю, потому что Джюель направляется ко мне, оскалив зубы в улыбке.

Она останавливается в метре от меня, её взгляд внимательный: ищет испуг в моём лице. Я уверена, что из меня сквозит жаркой яростью, а всё моё тело овеяла огненная аура.

Владычица внезапно сдавливает пальцы на моём горле. Она жмёт так напористо, будто хочет, чтобы моя шея помещалась ей в руку, как безжизненная тростинка.

С первых же секунд удушье вытесняет почти весь кислород из лёгких. Я отчаянно пытаюсь ухватиться за капельку воздуха, убеждая себя в том, что Владычица ослабила хватку. Но она не сделала этого. От безысходности я внушила себе то, чего так смертельно жажду. А вдруг нет? Вдруг она позволяет мне дышать, вдруг я ей для чего-то нужна и она не намерена меня убивать? Пока что. Ей ничего не мешает сломать мне все кости и обвинить в своей беспощадности сферу Чёрного Оникса.

Секунда и я упаду в обморок. Как только в глазах темнеет, Джюель на краткий миг разжимает ладонь. Она поднимает меня с земли так, что кончики пальцев ног едва касаются её поверхности. Отпускает. Я падаю, как тряпичная кукла.

Из-за пазухи женщины поблёскивает дугообразный кинжал. Что есть силы, я ползу назад. Одна её рука как десять мужских: женщина грубо сжимает мои волосы и тащит к эпицентру пыток моего учителя. Сейчас мне здесь самое место.

— Я знаю, что делаю, — без эмоций произносит чудовище в облике моей матери. — Этот день станет твоим клеймом, будет напоминать о том, что великих нужно почитать.

«Ты не заслуживаешь почтения, потому что не дотягиваешь до величия».

Джюель крепко удерживает мою ладонь, чтобы я не дёргалась. Она вонзает лезвие кинжала в подушечки моих пальцев. Каждая выпускает струйки, они оперативно растекаются по ладонным линиям. Я жалобно ахаю и поднимаюсь с места, каким-то образом улизнув от Джюель. Она толкает меня в плечо, и я носом впечатываюсь в потрескавшуюся землю. Мерзко, унизительно.

— Что с тобой не так? — рычу я. Ноздри мои раздуваются от бешенства, как у дракона, готового выпустить свой огонь. — Чем жизнь тебя обделила? Почему ты такая?

Я и не заметила, как от ненависти перешла на личные вопросы. Джюель молчит, как будто собирается ответить, но я понимаю, что моё предположение абсурдное.

Я хочу в одно мгновение выключить происходящее здесь жестокосердное безобразие, покончить с каждым, кто вредит мне и тем близким, с которыми я делю кроху своего доверия.

Найджел горланит мне прямо в ухо разъярённым, молящим криком. Его белые как у призрака глаза сверкают от слёз. Он выглядит как копчёный картофель, но только с огромными волдырями, покрывающие в основном грудь, лодыжки и шею.

Девочка-ключик. Помощь, взаимовыручка, поддержка.

Я отползаю из-за пронзительных воплей Найджела. Крик действительно может так сильно студить душу, а потом разбивать её на хрупкие льдинки?..

Я отползаю всё дальше и дальше, пока не оказываюсь метров на двадцать от происшествия. Прошло десять секунд, но покровители стали такими же маленькими, как игрушечные солдатики. Я вижу корчащегося от боли Найджела, вождельную Джюель и наслаждающихся злодеяниями хранителей. Они не заслужили ими называться. Подумать

только «хранители природы, жизни и Земли» — зло.

Тело начинает чем-то наливаясь. Внутри меня словно работает встроенный обогреватель, он накаляется, напряжение постепенно нарастает. Это чувство на удивление приятное, нежно щекочущее, играющее. Сердце колотится чаще, гулом отдаваясь в ушах, и потом резво тарыхтит, как аппарат, который вот-вот взорвётся от огромной нагрузки. Лёгкий зуд зарождается на кончиках пальцев, щеках, шее и коже головы, забирается под волосяные луковицы, которые Владычица мне чуть не выдернула.

Необычные ощущения резко прекращаются. Я ненадолго зацикливаюсь на своих руках, оглядываю тело.

Царапины исчезли.

«Вставай», — мысленно побуждаю себя я. Одного слова достаточно, и я встаю, тут же оказываясь подле пыточного действия.

Невероятные новоприобретённые способности девочки-ключика.

Джюель наблюдает за пыткой, как за кульминационной сценой в кино. Ей не хватает только людских сердец, как закуски вместо попкорна. Финал этой истории наступает на пятки.

Я двигаюсь напрямик к Найджелу, сажусь рядом. Хранители смотрят удивлённо, а Джюель окидывает меня безразличным взглядом. «И что ты сделаешь?», — глазами спрашивает она.

Найджел лихорадочно дрыгается, измученный до неузнаваемости. Я не узнаю того покровителя, которого видела каждый день. Меня страшит, каким он сейчас выглядит.

Мои руки тянутся к телу Найджела. Я касаюсь его шеи и чувствую давление незримых веревок, которыми его душит хранитель. Я попадаю в эту сеть и выпутаться смогу только тогда, когда он остановится. Хранитель, поджигающий Найджела, направляет струю огня на меня. Пламя останавливается в пяти сантиметрах от моей ключицы, норовя протянуть к моей коже свои жгучие языки.

Я знаю, что это случится. У хранителя нет мотива жалеть меня. Он сожжёт меня, если ему вздумается, а Джюель вмешиваясь не будет.

Я испепеляю серые глаза хранителя. Его веки трясутся, а сухие губы дёргаются. Он раздражён, что приказу Владычицы помешала её дочь.

Огонь близится. Лицо и подбородок припекает. Я держусь, не отводя голову, хотя мои рефлексы толкают меня пригнуться, отползти или закричать «Не надо!». Гордыня не разрешает мне этого сделать. Раз уж я начала — нужно заканчивать, не падать лицом в грязь. «Прикидываться смелой, а потом струснуть». Никогда.

Хранитель не замечает Бертран, он делает по-своему и не выполняет команду хозяйки.

Огонь ударяет меня по щеке, я судорожно отворачиваюсь. Жжение молниеносно даёт о себе знать, оно требует тщательной обработки и чего-то холодного. Моя ладонь застывает в паре сантиметров от ожога.

Шею обвивает невидимая тонкая проволока, колючая. Она постепенно сжимается, одаривая зудящими ранами. Колючки на ней стирают только верхний слой кожи. Я перевожу взгляд на хранителя, который занимался удушением.

Найджел лежит без сознания, и только один хранитель запечатлевает кровавые неглубокие ранки на его теле. Внимание хранителей привлекает новая бессильная жертва.

— Подними её в небо и отпусти, — велит молодой хранитель.

— Без проблем, — отвечает старик будничным тоном. Таким, каким желают доброго

утра.

— Хватит! — вклинивается Джюель.

Они не обращают ни малейшего внимания на свою повелительницу.

— Считайте, вы уже мертвы, — спокойно говорит она и поднимается с места.

— Нам вынести Найджела? — хохоча, уточняет старый.

Джюель немедля вынимает кинжал и приставляет к его ярёмной вене. Металл плавится в руке Джюель, она лишь вытирает её об штанину.

— Я знала, что глупец это сделает.

Джюель достаёт запасной нож и осуществляет начатое: так быстро, умело, без слабых человеческих раздумий. Вся невозмутимость сохранилась даже, когда кровь в очередной раз окрасила её руки и лицо.

Она бросает оружие за спину, тем самым попав в шею второго хранителя. Он выплёвывает кровь изо рта и в окончательном итоге захлёбывается ею, харкая.

Я сохраняю стойкость. По крайней мере, я пытаюсь и надеюсь, что не выгляжу напуганной после увиденного убийства.

Кажется, что Владычица выкинет что-то наподобие: «Он и так был при смерти», но она безмолвствует. И это жутко.

— Замаскируйтесь под хранителей сферы Чёрного Оникса и бросьте Найджела к фаугам, — устало выдыхая, приказывает она. — Они быстро с ним справятся.

Замаскироваться под хранителей сферы Чёрного Оникса. Что если тот хранитель в маске, что мучил меня, был из сферы Голубой Бирюзы?.. «Джюель, ЧТО ТЫ ТАКОЕ? И какое несчастье принесло тебе моё рождение?».

Всему должна быть причина, даже если действия необоснованные. Джюель не выглядит умалишённой, а, наоборот — в каком-то смысле сильной и хитрой.

— Милдред. Я была не в настроении. Вернёмся и обсудим некоторые дела. Нам стоит многое наверстать.

— Не в настроении... — голос мой безжизненный, но как только Джюель улыбается, я вскипаю.

— Да. У всех бывает такой период. Ты моя дочь, Милдред. Я могу делать с тобой всё, что посчитаю разумным. Я управляю не только всей сферой, но и тобой. Везде и всегда, какой бы камень тебя ни выбрал. Ты — единственное существо, которым я могу правомерно располагать.

Я оставляю землю, струшиваю пыль с ладоней.

— Не-ет, — я истерически улыбаюсь. Хранители глазеют на нас со странным интересом, в предвкушении какого-то взрыва, легендарной битвы. Они не могут скрыть потрясение, овладевшее ими, стоило мне встать. Джюель убьёт меня за такое неповиновение, и они это понимают.

«Побеждают люди, пропитанные гневом, но умеющие сдерживать его».

Моя цель — придерживаться своих принципов и бороться с порывами прикончить каждого, кто хоть вздохнёт при мне неподобающе.

«А ведь это может стать твоим оружием», — думаю я.

«Оружием нужно искусно пользоваться».

— Во-первых, Джюель, ты не моя мать, — заявляю я. Улыбка или хоть какой-то смешок помогает мне умерить пыл, растущий с каждым моим словом. — Во-вторых, ты ошибаешься, думая, что я буду подчиняться твоим прихотям. Называешь себя матерью и не знаешь

особенностей характера дочери. М-м-м... Пустословие — это жалко. Мы не будем близки, даже если во все вселенной останемся только мы вдвоём.

Я выдыхаю. Владычица внимательно выслушала меня. Я жду, что она набросится на меня, но она всего лишь заправляет руки за спину.

— Не говори того, в чём не уверена.

— Я уверена. Попросить тебя о помощи было ошибкой. Я учла урок из нашего мерзкого «союза», больше этого не повторится.

— Ну-ну, Милдред. На будущее... Выбери правильную сторону, когда придёт время. От этого зависит твоя судьба. И положение.

— Не переживай. Я знаю, что делать и без твоих советов.

Она пронзает меня взглядом, слегка прищурив глаза.

Я сажусь рядом с Найджелом и беру его за руку. Она горячая, как кипячёная вода. «Проснись». Ты ведь этого не сделаешь.

Как мне определиться с тем, как я к нему отношусь? Эти чувства начинаются с ненависти и заканчиваются жалостью, принятием и желанием помочь. И каждого понемногу. Я ведь могу оставить Найджела и просто уйти: он больше мне не учитель. Мы — неприятели, заключившие мир. Мир нужно соблюдать, я согласилась на это условие и мне нужно следовать своему обещанию. Я не поступлю бесчестно. Я бесполезна, но в этой ситуации не могу стоять и уж тем более сбежать.

«Признай уже, что это симпатия. Забота». Я запахиваю эти мысли поглубже, чтобы ни за что их больше не обнародовать.

— Уберите помеху и заберите Гальтона, — приказывает Бертран.

Двое кивают и направляются ко мне.

— Вы пожалеете, — говорю я.

Один хранитель пихает меня так, что я впечатываюсь в грязь ладонями.

Они подхватывают Найджела, перекидывая его руки себе на плечи. Они не так сильны физически, как покровители, но тем не менее их магия могущественна так же, как и покровительская.

С использованием своих сил они удерживают его, и вокруг Найджела я вижу еле различимый мираж.

На языке ощущается горечь. Агрессия. Вот что я чувствую, когда Найджела уводят всё дальше. Своей магией хранители швырнут его в логово опасности. И он погибнет.

Джюель сосредоточенно смотрит вслед и сообщает мне:

— Я перенесу тебя в Аметистовую сферу.

Она подходит ко мне, а я отступаю.

— Не трогай меня.

— Боишься?

— Я ещё не закончила, — продолжаю я, хотя уже совсем не знаю, что могу сделать.

— Он мертвец. Не цепляйся за этого мальчонка. Я больше не буду его жалеть — он перешёл все границы, когда позарился на чужое.

Я стискиваю зубы. Нет, это не выручает. Я сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в кожу. И это не помогает. Я приоткрываю рот, и оттуда вырывается истошный крик. Я громко кричу, и, кажется, мой голос уже сорван после Испытания. В горле, будто разросся букет колючих роз. Я падаю на землю. Бессилие.

Что-то было во мне, что-то странное, магическое. Почему оно не может прийти прямо

сейчас? Я взываю к незнакомой мощи, молю вернуться, оснастить меня теми приятными ощущениями, когда я почувствовала себя устойчивой и нерушимой стеной.

— Не плачь, моя хорошая. Все мы кого-то потеряли, — безразлично «успокаивает» Владычица.

Я точно встаю из мёртвых: медленно поднимаюсь. «Ты и не представляешь, насколько я могу быть злой, Бертран». Именно сейчас я не сдержусь и воспользуюсь тайным оружием по назначению.

Я беру окровавленный кинжал.

— Собираешься убить меня безделушкой? Приди в себя и не совершай вздор, от которых многие уже мертвы, а некоторые вот-вот покинут этот светлый мир.

Я замахваюсь на неё оружием, но, как и ожидалось, Джюель ловит мою кисть и запросто отталкивает. Я злобно рычу и снова набрасываюсь на неё. Бертран хватает оба моих запястья. Я удерживаюсь двумя ногами, которые то и дело скользят.

— Не рискуй, — выдавливают эта женщина. Венка на её шее вздувается. Она трудится, чтобы сдвинуть меня с места.

Возникновение сил без их проявления и прохождения Испытаний. Об этом Грэму говорил хранитель Аметистовой сферы.

Я держу покровителя своими новыми способностями. При этом мне так легко, будто я противостою пятнадцатикилограммовой гире. Я в состоянии одолеть Джюель Бертран.

Моё дыхание перехватывает, а внутри становится щекотно и тепло. Наружу что-то просится выскользнуть, умоляет освободить из вечной клетки. Это похоже на обогревающий шар со жгутиками, он суетится, пихает в грудь, поднимается к горлу, сопровождаясь подташниванием.

Я отвлекаюсь, и Джюель отшвыривает меня с такой силой, с какой футболист бьёт по мячу. Я отлетаю к дереву, на ходу нащупываю ветку и приземляюсь на ступни, ничего себе не повредив. От взбучки шар нарастает. Он взорвётся, если я сейчас же не выпущу его.

— Ну, здравствуй, — читаю по губам Владычицы.

Я расслабляю мышцы. Это случается спонтанно. Энергия резко ушла, она освободилась.

Открываю глаза. Прозрачная волна сносит Джюель на невидимое расстояние. Она ломает своим телом несколько деревьев и те с хрустом погибают. Я оборачиваюсь в надежде застать хранителей и Найджела, но в поле моего зрения я никого воодушевлённого не подмечаю.

Ноги ходят, руки двигаются. Мои раны незначительны, поэтому я иду путём хранителей. Ниже опускается крутой травянистый овраг, куда мне не суждено приземлиться без покровительских сил и настоящей подготовки.

— Я не... умру, — слышится чей-то голос снизу. Шелестит полусухая листва, а помимо слов доносятся ещё и прерывистые вздохи.

Это хранители. Моя волна настигла и их тоже. Ранее говорящий лежит обездвижено, глаза уставлены в серое небо. Они остекленели, и ничего, кроме пустоты, в них нет.

— Хватай её! — раздаётся голос позади меня. Говорит Габи. Меня перенесут, подхватываю я, глубоко заталкивая страх и панику. Это происходит слишком быстро, и мои глаза не успевают примириться с полумраком.

Пьянящая прохлада пускает по телу мурашки. Я непременно сразу узнаю пещеру, на стенах которой мелькают светлячки небесного лазурного цвета. Над головой свисают хрупкие паутинки, больше похожие на утончённые серьги светской дамы. Здесь, вблизи, целый звёздный свод небес из причудливых насекомых. Они гаснут, когда мы занимаем небольшой и, наверное, единственный участок суши. Пещерная вода непоколебима и одно только затрагивает её покой — зеркальное отображение новозеландской галактики.

Нанна ставит стеклянный фонарь на камушки и присаживается рядом с Найджелом. Он не двигается, но дышит. Габи набирает в кувшин воды. Она ополаскивает Найджелу торс. Лицо и руки она обливает резче.

Я стучу зубами, но изо всех сил пытаюсь не попасться в ловушку холода.

Братьев — Тима и Тонни здесь нет, потому что они на важном задании. Густав сообщает нам, что метнётся в сферу за одеждой. Остаёмся мы с Габи и Нанной.

— Что будете делать? — сипло осведомляюсь я. Я уже должна была разучиться разговаривать после моих голосовых взрывов.

— Мы не были к такому готовы. Джюель заранее собиралась убить врага, а не бросить в камеру, — серьёзно произносит Нанна. Я не привыкла к подобному тону женщины. Она обычно задорная, ворчливая и чрезмерно опекает своих друзей. Передо мной словно другой покровитель, не тот, которого я привыкла видеть с чашей в руках.

— Вообще, это было логично, — добавляет Габи, пальцами расчёсывая волосы покровителю.

— Бертран мразь, — рычит Нанна, — поэтому в её духе — терзания, а не лёгкая смерть. Вспомни других узников, которых она пытается. Найджел просто надоел ей, и она решила забросить свою ненависть и просто хлопнуть его. Не было это логичным, Габи. Мы по горло в дерьме!

Нанна пинает ногой воду и капли с её сапога тревожат покойную гладь.

— Ну, успокойся. Подождём, когда Найджел проснётся и всё разрулит. Я верю, что он что-то выдумает, — отмахивается Габи.

— Зря мы ему на этот раз доверились. Он ошибся. Он, правда, думал, что спокойно отделается пытками? Хотел править из тюрьмы... Джюель не так глупа, чтобы раскрыть все карты своей так называемой дочери.

Слова женщины хоть и правдивы, но бьют в самое сердце.

— Запишу себе на лбу, что Джюель слишком умная, а мы полные идиоты. Буду чаще поглядывать в зеркало. Так устраивает? — выкрикивает Габи. Я не вмешиваюсь в их спор, чтобы не сделать хуже, потому что корни их стычки идут от меня. И если бы только не тот вечер... Если бы не моя вспыльчивость и глупость. «Тебе многому стоит поучиться даже у Найджела, Милдред».

— Не вынуждай меня, Гонкур, — резко встречает Нанна. — Тебя мне ещё не хватало.

Габи злобно закусывает губу и вытирает кожу Найджела куском его штанины. Нанна задумчиво мнётся на месте и рассматривает даль пещеры, где ещё что-то видно.

Я тихо предлагаю Габи, чтобы на всякий случай не разворошить ярость Нанны:

— Тебе помочь чем-нибудь?

Она вопросительно смотрит на меня из-за моего приглушённого голоса и косится на женщину.

— Ты хочешь поднять его тяжеленное тело и переодеть? — саркастически спрашивает девушка. За счёт мужской жестикоуляции, манеры говорить с вычурным распутством, короткой стрижки и плоской груди я бы точно приняла её за парня. Но только голос и черты лица Габи твердят о том, кем она родилась.

Я затеваю незначительную беседу с Нанной, пока Габи и Густав помогают измученному покровителю выглядеть живым и поскорее вылечиться.

— Не люблю я это местечко. Слишком мрачно. И что вы тут нашли? — весёлые нотки в голосе женщины указывают на то, что она унялась. Покровитель неуклюже дёргает носом после своей жалобы.

Найджел проводит важные переговоры именно в этой пещере, всех это устраивает, но только Нанна не питает к ней приятных чувств.

— Светлячки — уютно, но когда они пугаются... Пс! Хоть глаз выколи, но как в душе у Владычицы! — ворчала она.

— Дело вкуса, — ответила я. — Я на такое не покушаюсь.

Габи и Густав закончили и оставили Найджела на мокрых камнях. Даже в такой ситуации они не теряют времени на флирт и подмигивания.

— Переждём здесь, — вздохнув, решает Нанна. Она старшая и принимает пока что все важные решения. Как вообще этим покровителям угораздило поверить Найджелу, который буквально ведёт себя как мальчишка? Уверена, это было непросто и Найджелу довелось прибегнуть к крайностям, а именно, показать всю свою силу незнакомцам. Это рискованно, и если бы незнакомцы не остались на их стороне, от «знающих умов» избавлялись. Найджел точно делал это без сожалений или ему помогали, но факт, что он спокойно живёт и не жалеет, остаётся фактом. Настолько месть затуманивает разум, что раненый ребёнок, которого не жалели, впредь не жалеет других. Но это только мои догадки. Правда или нет, знают только его самые близкие союзники.

Целую ночь трястись от холода не входило в мои планы. Что тогда вообще может быть в планах, если всё, чего я хочу, никогда не исполняется?

Я не жалею на холод, который пробрался уже до самых костей, и подавляю дрожь, чтобы не показывать этого покровителям, для которых даже мороз что-то мелочное. Я стискиваю зубы и падаю рядом с друзьями Гальтона.

Тишина, кажется, питает это место. Я не слышу даже дыхание покровителей, хотя сидят они меньше чем в метре от меня. Несколько светлячков прилетают, осветив паутинные люстры матово-голубым цветом. Они похожи на крошечные камушки бирюзы. Даже здесь эта сфера преследует меня. Что уж я, рядом со мной сидят покровители сферы Голубой Бирюзы, на пальцах и шеях которых блестят украшения лазурного камня.

Отражение воды растягивает светящихся насекомых в длинный тонкий блик. Я хочу темноты, хочу закрыть глаза и не видеть пробивающегося сквозь веки ярко-голубого свечения. Я хочу в сферу Чёрного Оникса. Туда, где много ненавидящих меня покровителей: власть Бодо, Алисия, Владыка, Зейн. Даже так. Алисия хотела настроить всех против меня из-за своей необоснованной ревности, и у неё это отлично вышло. Мерзкий Зейн, которому заблагорассудилось поиграться и он выбрал меня, как ту, что первая попалась под руку.

Я убеждаю себя в том, что никому здесь не доверяю, но есть покровители, от которых исходит надёжная поддержка. Грэм и Яфа. Как бы мне хотелось сейчас их видеть. Можно ли считать, что я доверяю им или это просто безысходность? Может быть, это из-за того, что они знали обо мне больше. Я сомневаюсь, но как сказала Яфа, однажды я пойму, кто мои покровители. Если меня предпочтёт неподходящий камень, и я окажусь в аду, это станет поводом для самоубийства! Я без промедления и толики сожаления брошусь на съедение фаугам.

Ироничные мысли вынуждают губы лопнуть от сухости: всему причина неудержимая ухмылка. Тёплое покрывало накрывает мои плечи и в эту секунду здешние жители цвета водной сини утаивают своё невероятной красоты сияние, бросая нас с одним единственным фонарём.

— Милдред Хейз, я знаю, ты хочешь уснуть и согреться, но мы можем позволить лишь второе, — обеспокоено проговаривает Густав, расправив плечи в ровной осанке. Его глаза сделались добрее и сочувственнее, будто один коротким взглядом он опасается спугнуть меня, как тех самых светлячков. — Здесь будет тяжело дремать, но попытаться можно. И ещё... поверхность мокрая. Я достал вдобавок три одеяла.

— Всё в порядке, — встаю я, осторожно скидывая одело.

— Эй, угомонись! — вклинивается Нанна. — Быстро укуталась и спать. Не выделывайся, всем по боку, что тебе холодно. Мы сильнее, но быть слабым — не постыдно.

Она подскакивает, стягивает топ вниз, и принимается расправлять толстенные одеяла, имитируя целую кровать.

— Я подушку не взял. Прошу меня простить, — глухо извиняется Густав, аристократично перекидывая длинную косу за спину.

— Для меня этого достаточно, Густав, — с неловкостью отвечаю я. — Спасибо.

Мои благодарности пролетают мимо ушей покровителей. Я засыпаю под их шёпот, беспокойство пещерных вод и отдалённого дыхания ветра, чувствуя себя в полной гармонии, и совсем забыв, что лежу на земле.

Мне снится, как я убиваю Алисию, а Джюель становится передо мной на колени, умоляя пощадить её. Клянусь, я сожалею о том, что проснулась. Такие сновидения потом преследуют весь день, напоминая, что это всего лишь воображение.

Найджел шустро, как акула, проплывает всю пещеру.

— Я взбодрился. Самое главное — живенький, — он оголяет зубы в улыбке.

— Оденься уже, наконец, — язвлю я. Откровенное бахвальство этого покровителя меня не на шутку злит. — Невыносимо.

Остальные относятся к его виду совершенно спокойно. Уверена, Найджел спал здесь со всеми присутствующими, даже с Густавом... Я полагаюсь на свою прыткость и уступаю ей смести фантазии в глубину сознания, чтобы переключиться на волнующие вопросы.

— Мы вернёмся в сферу?

— Мы-то да, — бубнит Нанна. — А тебя ждёт Занудная сфера.

— Джюель убьёт Найджела, — протестую я. — Он не может заявиться на порог её зала фактически с мечом у горла.

— Если Найджел не придёт, она возьмётся за его приверженцев. По крайней мере, за тех, кого знает, — хмыкает Габи, почесав затылок. Девушка зеваёт от пещерной полутемноты. Видно, они с вином и излюбленной прелюдией давно не виделись. Учитывая, что прошло около пятнадцати часов, скорее всего, это слишком бедственно для покровителя

сферы Голубой Бирюзы. — А прятаться он не будет. Он слишком горд и это глупо.

— У меня есть что предложить нашей любимой Владычице, — широко скалится Найджел, накидывая поверх майки полупрозрачную накидку без рукавов. Густав точно выбирал одежду в бешеной спешке.

— Вы мне не скажете? — предполагаю я.

— Конечно, можно, но для тебя от этого не будет пользы. Ты уходишь в Занудную сферу, и голубая бирюза сто процентов тебя не выберет, — заключает Габи.

— Я собираюсь показать ей фотографию с её сыном, — начинает Найджел. — Мой хранитель сказал, что видит две плывущих жизни на этом фото. Джюель боялась, что мы что-то найдём в том доме, даже сожгла его. Она точно остерегалась именно этого.

— Ты серьёзно?! — я подпрыгиваю с места. — Мой брат жив, он покровитель и может находиться где угодно.

Я переусердствовала со своей «вспышкой» и все, кроме Найджела, косятся на меня. Он же доволен тем, что смог впечатлить меня.

— Его имя неизвестно? — спрашиваю я, успокоившись. Надеюсь, миссия Гальтона не прошла зря, он сумел очаровать доверчивых посыльных и у нас теперь имеются списки.

— Нет, он ощутил две жизни и только. Видеть такие вещи для хранителей нежелательно, в ином случае жизнь сокращается вполовину. А вот с моим заданием продвинуться так и не получилось. Те красотки слишком преданы сфере. Джюель предприняла все меры, — осведомляет Найджел. То есть, разбирая пророчество, хранители теряют половину своей жизни. Я поглощаю новую информацию и замолкаю. «Хорошие» новости весьма подняли мне настроение.

— Тебе пора, — грустно произносит Густав. — Я уже успел свыкнуться и соскучиться по тебе.

Я брезгливо улыбаюсь.

— Не сомневаюсь. Яркая личность, наверное.

— Насыщенные краски никогда не забываются. Прожигают дыру в мозге, — негромко вставляется Найджел. Остальные забавно хихикают. Я предчувствовала, что он выкинет подобное. Но никак не желала. «Не нужно, Найджел». Я оставляю свою речь при себе, потому что не в силах изменить чувства покровителя двумя словами.

— Я перенесу Милдред в Аметистовую сферу, а вы пока отправляйтесь домой. Ждите в нашем зале, — переключается Найджел.

У них даже свой зал для обсуждений есть. Ожидаемо. У Грэма он тоже имеется, но сомневаюсь, что сейчас там витает та же винная и непринуждённая атмосфера без главаря.

Лёгкая прохлада протягивает ко мне свои нежные пальцы. На мгновение она дарит незапамятную свободу и естественность. Даже воздух здесь иной: свежий и прохладный, бодрящий. Острые и навевающие таинственность шпильки замка вздымаются в небосвод, усеянный гигантскими ясными звёздами. Каждый изъясн и выбоину луны видно невооружённым глазом. Её огромный полукупол простирается справа от тёмно-пурпурного замка, сооружённого из аметиста. Полупрозрачные ночные облака под содроганием ветра иногда заглушают яркий свет небесного тела. К нему так и норовит прикоснуться, как ребёнку к незнакомой игрушке. Я выставляю перед собой ладонь: свечение сужает её, превращая пальцы в худые хрупкие веточки. Мне дарована лунная бледность, и эта особенность объединяет нас.

Главная дорога, ведущая к замку, обнесена невысокой позеленевшей изгородью, до того педантично подрезанной, что мне сначала кажется, будто это неживое подобие. Однако я быстро улавливаю резкий хвойный запах туи. Прямо у входа, в образе декораций, параллельно друг другу стоят два пилона. Они украшены подвесками из аметиста и до блеска отполированными алмазами. По центру, в нескольких метрах от главного входа дремлет фонтан. Некрупная горгулья раньше омывалась водой, а сейчас выглядит так, словно не знала влаги десятилетия.

В округе произрастают пышные ни на что есть ели. Растения способны здесь достойно умиротвориться. Мне пора привыкнуть к таким неожиданностям: глициния в сфере Чёрного Оникса, плоды и деревья в сфере Голубой Бирюзы. Сферы не имеют точного расположения, это что-то нейтральное, их нельзя заметить, выследить как единый объект. Одним словом мир сфер — это непостоянность. Следуя такой информации, мне стоит ожидать чего угодно.

Наконец, меня приветствуют мёртвые ворота, ведущие во внутренний двор. Вряд ли кто-то из покровителей пользуется ими, когда есть способности. Вот только я обнаруживаю закономерность: всех людей проводят через священные ворота с печатью, как обряд посвящения. Символ покровителей, которых избрал аметист — печать в виде тонкого полумесяца.

— Я бы попросился по-своему, но ты скажешь, что я эгоист, — Найджел акцентируется на последнем слове. — А ведь ты недавно сама меня об этом просила, — он переходит на шёпот.

Я умело увиливаю от его речей:

— Говоришь так, будто я иду на войну. Мы точно ещё встретимся.

— А навещать разрешишь? — спрашивает Найджел.

— Я не запрещаю, — бросаю я, совсем не намереваясь на ссору.

— Договорились, — он поднимает голову, любясь узорчатыми вышками. — Занудная сфера может и занудная, но в ней тоже есть несовершенства. Они праведные, но как и все покровители сокрушают фаугов. Умирают целые города, сёла, цивилизации... Не все здесь такие солнечные, у всех есть потёмки.

После своего зловещего предупреждения он уходит. Неужели начальное впечатление о сфере было ложным? Свобода была ненастоящей, надежда на успокоение тоже оказалась бессмыслицей, а прохладный воздух пропитан запахом крови. Сейчас я бы хотела лечь в свою родную кровать, зная, что по соседству засыпает Айк, и я в полной безопасности. Меня бы заботили экзамены и будущая работа, возможное замужество, переезд и дети. Такие обыденные человеческие заботы я хочу сейчас иметь. На данный момент для меня это такие же мелочи, как и для всех покровителей. На плечах каждого здесь тысячи, а то и миллионы смертей. Больше... В миллион раз больше. Счётчик под названием «Милдред Хейз» был запущен во время первого Испытания, когда я впервые сокрушила фауга. Если я выживу и стану покровителем, этот счётчик будет стремительно перекидывать цифру за цифрой, расти в геометрической прогрессии.

Я рождена такой и не могу отрицать свою сущность. Я должна научиться принимать свою судьбу не как обязательство, а как мотивацию двигаться, как свою жизнь. Каждую секунду я задумываюсь, что всё это — короткий миг, кошмарный сон. Я слишком много думаю о прошлом, нагнетаю себя и мучаюсь от боли. Это не прошлая жизнь, это фальшь, временная отсрочка от моей настоящей жизни.

«Справлюсь, если пожелаю».

Я смотрю вверх, когда над головой раздаются щелчки. Тик-так-тик-так... Надоедливые, но такие домашние и земные.

Яркая подсветка в виде фиалок обрамляет громоздкие круглые часы. Половина шестого. Если бы такое устройство повесили в сфере Чёрного Оникса, мне бы тогда лучше спалось: казалось, я отдыхала то ли один час, то ли все двенадцать.

Тиканье угнетающе отдаётся в висках, и это даёт мне стимул подойти к воротам. Они оказываются приоткрытыми, поэтому я решаюсь самостоятельно толкнуть их. Опираюсь плечом на шероховатую поверхность, её материал гадко скребёт уши. Как только я нажимаю на правую дверь ворот, тут же отпрыгиваю. Меня будто ужалил рой обозлённых пчёл. Я стаскиваю рубашку с плеча и вижу едва заметную сыпь без кровотечения. «Благодарю за гостеприимство», — хочется выкрикнуть мне.

Ворота раскрываются с небывалой лёгкостью. Меня встречает посыльный в серебряных доспехах. Мне не доставляет труда вспомнить кто этот незнакомец. Он подозревает, что я ключик, в худшем случае знает. Он — второй член Аметистовой сферы, которого я вижу за всё время пребывания в сферах. Первым был посыльный, который, собственно, меня сюда и доставил. Вопрос, которым я мгновенно же задаюсь это: «Как посыльному благородной сферы угораздило связаться с Найджелом Гальтоном, лживым и едким покровителем, а ещё до жути эгоистичным?». Этого мне не понять, пока я не узнаю поближе хотя бы одного покровителя, как говорят друзья Найджела и он сам, — Занудной сферы. Не сомневаюсь, что глаза и уши Найджела есть повсюду. Самое необычное, о чём я даже не могла подумать по отношению к покровителю, на самом деле правда.

Стоило бы задуматься, почему посыльный, который стоит передо мной, имел дело с Грэмом.

— Приветствую, — тихо здороваюсь я.

Мужчина нежеланно улыбается. Иногда я размышляла о том, чем же отличаются посыльные от сокрушающих. Казалось бы, они такие же, как люди: спят, питаются, а главное — чувствуют. Конечно, различий множество.

Во-первых, это статус. Посыльные не позволяют себе роскоши и богатства, хорошей заслуженной комнаты. Грэм рассказывал, что некоторые живут в одной комнате в компании пяти, а то и более, посыльных.

Во-вторых, посыльные — сродни отвергнутым. Они не смогли пройти все Испытания, застряв на одном, и в итоге они застревают там навечно. К тому же проживают они тоже век, затем становятся отставными.

В-третьих, спектр задач посыльных длиннее самой Амазонки. Если сокрушающий обучает новичков, само собой, уничтожает фаугов, то посыльные, как и человечество, может выбрать себе вид деятельности. Я не раз замечала, как некоторые девушки готовили еду, шустро убрали и отмывали от грязи и пыли целый коридор. В сфере Голубой Бирюзы я познакомилась с весёлой компанией посыльных на складе с одеждой: они фасовали мужские и женские костюмы. В библиотеке, пока я читала законы, видела грустного парня, занимающегося переплетением книг. В эту секунду я пролистала страницы, нашла раздел «Права и свободы народа» и прочла, где может устроиться данное сословие.

Закупка продовольствия, мебели, одежды, посуды, кузничное дело в совместительстве с хранителем, шитьё одежды, производство обуви, добыча камней, приобретение металла для мечей, печати, строительство, садоводство. Ещё они обеспечивают город и помогают древним отставным, там же они могут обосноваться и стать городскими торговцами. А

самое интересное — именно им доверяют списки всего народа сферы с анкетными данными.

В-четвёртых, посыльные прислуживают всем, кто выше их — сокрушающим покровителям, хранителям, Владыке и его приближённым. «Посыльные тоже покровители, однако те не видят фаугов, как и люди», — шокировал меня однажды Грэм, когда мы наблюдали, как один из них таскал семидесятикилограммовые булыжники, точно это волейбольный мяч. Покровители, но только неполноценные. Камни их не выбирают, это сами люди, их умения и обстоятельства выбирают сферу, в которой им остаться.

Покровители не могут иметь собственного меча, но способности у них имеются. Они в состоянии, как оторвать дом от земли, перенестись, так и высоко прыгать, долго оставаясь в высоте. Такие союзники полезны в междоусобице — они могут сразить покровителя, Владыку, кого угодно, но не фауга.

По этим причинам Найджел назвал их нижним миром, дном. Посыльные не стремились, не желали сражаться и не смогли научиться.

Но кем бы ни был этот посыльный, я считаю, что равенство имеет место быть, поэтому уважительно здороваюсь с ним. Так же я считала, когда Владыка оскорблял Грэма на моих глазах. Я хотела равноправия. Все равны, неважно, сколько у тебя сил, роскоши и власти. Все мы живые, чувствующие или равнодушные. Когда мне продолжают твердить, что я слаба без покровительских способностей, я хочу отрезать их силы и заставить сразиться со мной. Их опыт не сравнится с моим, но я хотя бы смогу их ранить.

— Милдред Хейз, — улыбается покровитель. — Мы ожидали вашего прибытия.

Он пропускает меня жестом руки, слегка склонившись в доброжелательном поклоне. Серебряные доспехи шелестят с каждым крохотным движением. Все покровители Аметистовой сферы ходят в неудобном для сокрушения обмундировании. Это жестоко. Я одобрительно киваю и отвечаю ему той же улыбкой.

По всей местности внутреннего двора с идеальной дистанцией расставлены несколько беседок; ротонды, большие и совсем крошечные. Во дворе не больше десяти покровителей, из них — пять — люди, на последнем издыхании отбивающие удары наставников.

«Чему ещё можно учиться, пройдя два Испытания?». Я мимолётно задумываюсь об этом и утилизирую такие мысли.

Во-первых, эти люди, а точнее, будущие покровители, не такие как я. Я отличаюсь мощностью, которую не так давно обнаружила, и способностью быстро ухватывать всё, что связано со сражениями и мечом. Больше никто не сможет опровергнуть это, как сделал Хардин, потому что мои силы вырвались наружу. И об этом точно знает Джюель. Её снесло моей волной на невидимое расстояние. А хранителей убило. Как это меня ещё не спохватились, и Владычица не выведала всем мой секрет и не обвинила в преступлении? Это говорит об одном — у неё есть козырь, которым она захочет воспользоваться.

Пока я размышляю о своей необычности, мельком замечаю роскошный главный вход, испещрённый овальными камнями аметиста, плотно прилегающими друг к другу. Входные двери в замок напоминают пористый шоколад. Его цвет необычайно лилового цвета переливается полупрозрачными проплешинами.

Я еле слышно ахаю, представляя, как сейчас войду через неё. Как будто переступив порог, все мои враги исчезнут, боль уйдёт, все душевные раны заживут. Я точно выгляжу скверно: волосы грязные и растрёпанные, на лице шрам от опалённой кожи, лицо осунулось, глаза потухшие. Я жалкая. Тем не менее я пытаюсь скрыть зажатость в движениях, чтобы не

показаться слабой. Я изменю мнение о неспособных и пустых людях.

Слухи обо мне распространились во всех сферах. Они могут быть по-свойски искажены каким-то сплетником, а могут быть и придуманы. Аметистовая сфера ждала моего прихода. На это должны быть причины.

Посыльный миновал между толстенными колоннами, кого-то высккивая. Я медленно следую за ним.

Пока у меня есть время и меня не отвели к Владычице или к новому учителю, я осматриваюсь.

Над головой возвышаются своды, отделанные барельефными узорами черничного цвета. На высоте пяти метров по диаметру протягивается одна-единственная непримечательная аркатура, она прилегает к стене в качестве бессмысленного украшения. Собственно, там, где я нахожусь, виднеются четыре анфилады комнат. Я подхожу близко к одной из них. Полукруглый вход, который меня встречает, ограждён решёткой, на её шпильях вырезаны блестящие фигурки из аметиста. Остроту прутьев смягчают бархатные шторы сливового оттенка, они подвязаны еле заметными подхватами того же цвета. Мне так и хочется заговорить или ахнуть от того, насколько замок скрупулёзен в архитектуре, оформлении, а главное — в удобстве и гармонии.

Я заглядываю за решётку, чуть ли не просовывая голову между тонкими прутьями. Начало комнаты по бокам охраняют горшки с пышными зелёными растениями. Пальма с худым стволом, лохматый фикус, гибискус с красными цветками, названия остальных мне неизвестны. Кроме череды комнат за этим ограждением я ничего не вижу. И пока решётки внушали недоверие (главные ворота сферы Чёрного Оникса и Голубой Бирюзы), навевая опасность и осторожность и рождая чувство, будто ты животное в зоопарке и попадаешь в собственную клетку, Аметистовая сфера дарит неоднозначные ощущения. Здесь они не кажутся для меня угрожающими. И пускай их главные ворота сродни вкусному шоколаду, их «тюремный вход» находится внутри замка.

— Прошу прощения, Милдред, — спешно бросает посыльный. — Я должен был передать вас одному покровителю, но он не явился. Очевидно, задерживается.

Почему меня встречают, как важную персону? Если и есть, за что меня знать, так это за кучу нажитых врагов за последние пять месяцев. Сфера, прославленная правильностью, подозрительно вежлива ко мне.

Помимо «единицы», в которой я сейчас нахожусь, протягиваются целые этажи, громоздкие и наполненные покровителями. Пока посыльный ведёт меня наверх, я значительно устаю.

Он может перенести меня, тогда зачем ему тащить меня по лестницам, когда и глупому будет ясно, что после Испытания я до ужаса уставшая? С момента нашей встречи он ни разу не обратил внимания на измученную меня или просто не подал виду.

— Желаю удачного обучения! Мне пора удалиться, — он поспешно переносится.

Я терпеливо выжидаю. Как только меня познакомили со сферами, я была нетерпеливой и любопытной, нежели сейчас. Я бешено злилась из-за незнания того, что происходит вокруг меня. Я никогда в точности не узнаю, что обо мне говорят или что скрывают. А сколько бед я навлекла на себя не сосчитать по пальцам...

Моя резкость, а особенно гнев и жестокость, которые с трудом получается держать в узде... Сколько совершённых ошибок, о которых я сожалею. Меня уже невзлюбили, это клеймо до конца моего столетия будет напоминать о себе, жечь и мучить. Моя жизнь всегда была беспокойной, отныне неприятности будут гонять меня по замкнутому кругу, толкать,

избивать. Я никогда не смогу выбраться.

Я нервно перебираю пальцами, сдерживаюсь, чтобы не заплакать. Ужасные, а самое главное — реальные мысли, обрушились на меня, как дом от взрыва.

Грэм, Яфа, Дона, Хардин, Кой и Вермандо. Мне жаль, что я заставила их жалеть с встречи со мной. Казалось, мы провели не так много времени вместе, мы не близки, как семья, но чувство вины хлыщет меня крапивой. Яфа убеждала, что это ради общего дела. Но в общем деле я замешана и не могу не чувствовать унижение.

Мой дом... Айк, учёба, его девушка, с которой мы почти стали близки. Я хочу вернуться и не бороться со всем в одиночку — без них.

Та жизнь — фальшивка, утверждаю я ежедневно. Ложь. Неправда. Чья-то злая шутка.

Грэм рассказывал, что он в сфере с детства, ему не исполнилось восемнадцати, прежде чем его забрали. Ему некуда было идти, и это место стало для него родным домом. У него тоже была фальшивая жизнь, как и у большинства покровителей. Но почему никто не додумался не терзать нас? Можно было отнять нас от дома ещё младенцами.

Проверка. Стойкость. Знание людей. Адаптация и любовь к людям. Это всё подготовка. Если юнец будет жить всё время в сфере, он не познает мир таким, каким он является. «Это может быть выбор родителей», — говорил Грэм. Неужели Джюель решила не забирать меня в сферу? Или ей просто было плевать.

Все, кто связывается со мной, страдают. Я пытаюсь искать другие стороны своих слов. «Они всегда страдали, что Грэм, что Найджел. Владыки их сфер давно ненавидели их, а я лишь подлила масла в огонь, который однажды должен был вспыхнуть».

— Вас приветствует Аметистовая сфера. Меня зовут Киара Аттвуд, — девушка в серебряных доспехах легко склоняет голову, отчего её длинный чёрный хвост едва не скользит по полу. Добрые глаза и маленькое лицо, как у ребёнка. Девушка скромна, ровно держит спину, точно кто-то невидимый приставил оружие к её горлу, лишь бы она отличалась грацией. Я невольно представляю, как бы Киара выглядела в роскошном нежно-розовом платье. Цвет подходит её внешности и воспитанным манерам.

— Приветствую, — выдавливаю я, на мгновение ощутив себя бедной среди богатых — унижительной. Я следую действиям Киары и тоже опускаю голову, насколько хватает энергии.

— Я бы хотела извиниться за то, что заставила ждать, но отплачу, когда будет свободная минутка, — задорно тараторит она. — Ты не против?

Я думала, что уже и Владычица будет обращаться ко мне на «вы».

— Всё хорошо. — Попытка сдержать слёзы, позабыв о том, где я нахожусь, явно отображается в моём дрожащем и холодном голосе.

— Я отведу тебя в баню, чтобы отдохнуть. А позже к Юми... О, то есть к Владычице.

— Хорошо, — не раздумывая соглашаюсь я. У меня нет сил спорить, что я хочу лечь спать, не приведя своё тело в порядок. Какой от этого прок, если в душе у меня настоящий беспредел?

Девушка переносит меня, предварительно напоминая, что лучше закрыть глаза. Мы следуем по коридору с массивными люстрами и небольшими подвесными горшками с зеленью.

— Третье Испытание самое лёгкое, — Киара улыбается и махает рукой. — А Четвёртое самое тяжёлое. Так все говорят — я уже не помню. Но в принципе, с этим морально нелегко справиться. А так, ничего делать там не нужно.

Я протягиваю лишь «О-о», как будто по-настоящему поражена.

Деревянная банька довольно уютная и маленькая как раз для двоих. Перед тем, как расслабиться, Киара велит принять душ, и я даже не отвечаю. Я утомилась и безумно хочу спать: в пещере я несколько раз просыпалась, ворочалась, ещё у меня болит кобчик. Отвратительный сон посреди пещеры, где холодно и кругом одна вода.

Покровитель выдала мне что-то наподобие полотенца: у них оно представлено в виде длинной сорочки со свободными рукавами, накрывающими даже кисти.

Киара ждёт меня в бане. Она сидит на лавочке и осторожными движениями рук разгоняет пар.

— Ой, ты пришла! — восклицает девушка, но тут же тушит свою радость. — Садись рядом.

Она хлопает по деревянным доскам ладошкой.

Тёплый воздух вводит в полудрёму. На самом деле, после пещеры это место — сказка.

— Мне не терпелось с тобой увидеться. А ты не такая страшная, как о тебе все говорят. То есть... жестокая. Нет, пугающая! Опасная... Вот это я хотела узнать.

— Я просто уставшая.

— Значит, ты правда сама опасность, — уши девушки слегка подёргиваются.

— Не знаю, какой меня описывают другие. Но думаю, что они наполовину лжецы: таким сплетникам я бы отрезала языки.

На мгновение я задумываюсь, что зря произношу такие злые вещи перед покровителем Аметистовой сферы, но Киара с грустью отвечает:

— Я тоже.

— Почему меня ждали? — интересуюсь я.

— Это секрет. У всех есть секреты. И у нас есть. Ничего, что я не скажу тебе его сразу?

— Ладно, — отмахиваюсь я.

Я слишком хочу спать, чтобы кого-то допрашивать. Сон. Мне нужен сон! Глаза автоматически смыкаются.

— Хочешь отдохнуть? — взволнованно спрашивает покровитель. Я киваю ей с закрытыми глазами. — На, держи.

Она протягивает мне одежду: туника с поясом и свободные штаны цвета спелого винограда. В пустой и очень тесной коморке я стягиваю с себя платье призрака и быстро накидываю на себя вещи. Это хоть немного бодрит меня.

Киара со скукой пинает что-то невидимое в воздухе, или просто стирает резиновую обувь об аметистовый пол.

— Спасибо, что приняла меня, — я еле заставляю себя улыбнуться. И хотя эмоция была максимально неискренней, Киара рада этому.

В моей комнате есть всё для удобства, такого не встретишь в комнатах других сфер или я просто не обследовала каждую. Пол на платформу выше, поэтому мне предстоит пройти несколько ступенек небольшой лестницы, которую освещают жёлтые фонари по бокам. С потолка свисают шарообразные лампы с неоновым фиалковым свечением. Они светят достаточно тускло, чтобы под них можно было засыпать, к тому же их можно выключить. Здесь нет негаснувших столетиями свечей, которые возможно потушить лишь руками.

Кровать здесь двухместная, с высоким балдахином тёмно-фиолетового цвета, лёгкий шифон украшают вышитые из серебряных нитей звёздочки. У изголовья кровати стоит аквариум, освещённый сиреневыми лампочками. Я подхожу ближе и разглядываю

необычных рыбок плавающих в четырёх стеклянных стенах. Они как будто ищут выход, дальнюю дорогу, интересную пищу в виде дюймовых насекомых. Они растут в коробке, которую запросто можно разбить. Я стучаю ногтем по стеклу. «Я не допущу этого. Однако вы никогда не покинете свою тюрьму». Я поднимаюсь и смотрю на Киару, которая всё это время ждала меня.

— На всю стену зеркало. — Она указывает напротив кровати. От одного угла до другого тянется вычищенное зеркало, над ним спускается небольшая меркляя лампочка. А прямо возле зеркала, только уже на другой стене — две зияющие дыры, через которые отчётливо видно тёмно-синее небо и яркий месяц. Я замороженно таращусь на круглое окно. Во дворе слышатся громкие крики, звон доспехов и скрежывающихся мечей.

— Я знала, что тебе понравится, — тихо шепчет Киара, неожиданно зардевшись. Я мимолётно бросаю взгляд в её сторону, чтобы избавить её от дискомфорта.

— Это... слишком? Все комнаты выглядят так?

— Не все, но у каждой своя красота, практичность или роскошь. Владычица любит, когда её покровители чувствуют себя благоустроенно. Твои покои нравятся мне больше всех, — мечтательно делится Киара, осматриваясь, — я бы хотела жить здесь. Тут всё такое королевское.

— Почему не жила?

— Ну-у-у, Юми приберегла её для тебя ещё задолго до... Ай, да неважно, — нервно улыбается Киара. — Ты хотела спать?

Владычица Аметистовой сферы знает о моих способностях? «Не все здесь такие солнечные, у всех есть потёмки». Какова её цель? Подманить меня богатой комнатой, приветствовать со всей светлостью, привлечь на свою сторону «мешок с магией» и бессовестно манипулировать им? Посыльный, который знал обо мне, подозревал меня, значит, знает его хранитель. Следовательно, Юми тоже располагает тайной информацией. Одно её слово и меня бросят в темницу, в худшем случае я проведу считанные дни, засыпая лицом в бетон.

— Да. Хочу отоспаться.

Я оставляю свои мысли при себе, а болтливость Киары игнорирую. Она высосала из меня оставшиеся силы, благодаря которым я могла хотя бы моргать. Я лениво лезу на удобную мягкую кровать с бархатной простыней.

За секунду до того, как я вижу отвратительное сновидение, в голове проносятся короткие, причиняющие невероятную боль слова.

«Последнее экзаменационное Испытание. Последний Владыка. Последний учитель. Последний раз, когда я полноценный человек».

Я проспала весь день. Очнулась только следующим утром, если верить миниатюрным золотым часам над дверью. За сквозными окнами проглядывается та же иссиня-чёрная темнота. Тёмно-серые облака упрятали гигантский месяц, звёзд в небе мало, но те, которые встречаются, светят ярко, тем самым заимствуя величественный свет луны.

Моя комната находится на шестом этаже и мне отчётливо видно площадь внутреннего двора. В самых потёмках горят уличные фонари в виде луны, где-то в виде ангела с пушистыми крыльями, бокала с настоящей бурлящей от пузырьков жидкостью. В полукруге сосен, в дальнем парке, высится громадный фонарь, распространяющий свет на пятьдесят метров, он изображает женскую изящную ногу, декорированную серебряными цепочками.

Ещё дальше я вижу шарообразный фонарь, такой же большой, как купол замка. Это произведение, должно быть, озаряет остальную часть парка.

Я уверена, что ещё многого здесь не видела и мне предстоит ещё стольким удивиться и восхититься. Помнится мне взгляд посыльного, который приходил к Грэму. Ему было некомфортно, даже неприятно, словно он окунул чистую руку в грязь. Он держался крепко, хотя время от времени проскальзывало беспокойство. Вместо своей чудесной сферы ему пришлось ходить по жаркой земле, видеть жёсткие лица покровителей и рельефный неаккуратный замок. А ещё ему приходилось общаться с Коши.

Если кто и господствует среди всех сфер — это Аметистовая. Джюель никогда не беспокоилась о своём народе, своей семье, даже о своих любовниках. Её заботит власть, убийства, месть и пытки. Такова жизнь Владычицы, таков её смысл. Флавиан Эбурн — воплощение жестокости и невежества, а семья Бодо хоть и удерживает на себе всю сферу, но не имеют доверия своих подданных. Подобных правителей не должно быть, их нужно скидывать, как фигурки на шахматной доске и это могут сделать лишь сильнейшие.

Я умываюсь в ванной, которая кажется мне мрачной из-за тёмных оттенков чёрного, фиолетового и синего. Моя слабость видна невооружённым глазом. Щёки упали, веки подпухли, а взгляд как у бродячего пса. Я заметно похудела: лицо вытянулось, стало острее. Я, бывает, забываю поесть или не ем пару дней. Когда я стану покровителем, об этом даже думать не придётся. Я заглядываю в холодильник и обнаруживаю графин из аметиста с красным вином. Запах напитка соблазняет, поэтому я делаю один глоток и возвращаю на место. Не знаю, сколько этим панкейкам лет, точно не десять — они мягкие. Я достаю тарелку десятиэтажного медового здания. Одну за другой мой желудок с жалостью переваривает. На вкус оладьи чересчур сахарные, даже немного тёплые внутри. От приторно сладкого мёда сводит зубы, но в этой сладости ощущается горечь. Боль. Этот вкус напоминает мне ушедшее прошлое, раннее детство, когда бабушка то и дело откармливала меня чайными ложками «жёлтого варенья» — так я его называла.

— А я ни на секунду не сомневалась, что ты всё съешь, — Киара смотрит на пустую тарелку. — Собирайся, пойдём.

Киара подвигает к моим ногам коричневый чемодан. Я вопросительно смотрю на неё. Она кивает, чтобы я поскорее открыла. Девушка постукивает ногтем по своим доспехам, пока я распутываю ремешки. Я готова разорвать их, но моих сил будет недостаточно, чтобы сделать это голыми руками.

В серебряных блестящих доспехах искажённо отображается моя физиономия, полная злости и возмущения. Я вытаскиваю металлические штаны при всём наборе: сапоги, набедренники, наколенники, пояс. На дне покоится облегающий и неудобный на вид корсет.

— Я буду ожидать тебя. Если стесняешься, я могу выйти, — предлагает покровитель.

— Не переодеваться же мне перед незнакомкой.

Губы Киары опускаются, а глаза дрожат. И что такого неправильного я сказала? Это всего лишь личные границы.

— А... буду снаружи.

Она поспешно выбегает из моей комнаты.

Я с трудом натягиваю на себя металлический хлам. Чувствую себя отвратительно, скованно: старым деревом, ветки которого не колышутся даже во время грозы. Обувь сдавливает пальцы, корсет маловат, двигаться в нём невозможно. Каждый второй носит это «недоразумение», никто не обделён, если только сама Владычица не расхаживает в

шикарных платьях, лениво высиживая трон и дожидаясь появления только вылупившихся покровителей.

— Готово, — выхожу я.

— Замечательно, — Киара радостно подпрыгивает и поворачивается ко мне. — А что на тебе надето? Где доспехи?!

Оно обеспокоено осматривает меня, стараясь найти хоть крупицу того металла, который я затолкала в чемодан.

— Если Владычица ждала меня, её не будет интересовать, как я выгляжу. Я не влезла.

— Как это размер не подошёл?! — вспыхивает девушка и круглыми глазами смотрит на меня. Круглые и чёрные сияющие глаза. Добрые и доверчивые глаза. — Они это специально!

— Они — это...

— Забудь, — резко отмахивается Киара и берёт меня за руку, позабыв про все приличия. — Идём, обещаю, тебе понравится.

Она тащит меня по коридору некоторое время, только после этого вспоминает, что может перенести нас.

На одной длинной и высокой аметистовой стене располагаются три двери. Одна из них значительно выше остальных и минимально украшена камнями. Две остальные отличаются только цветом, но резьба, высота и ширина полностью одинаковы. Первая (светлая) — это, по моим предположениям, спальня Владычицы, а вторая, на несколько тонов темнее — ванная комната. Даже на расстоянии трёх метров доносится терпкий аромат мыла. Я чётко улавливаю сирень, её запах хранит в себе столько приятных мелочных воспоминаний. Каждый год, когда начинала цвести сирень, и пока её небольшие цветочки не сдувало ветром, разнося по земле и воздуху, я отламывала себе самые махровые ветки и ставила на рабочем столе. Вся комната пахла цветами, и Айк непрерывно жаловался, что мой мерзкий освежитель захватил весь дом. Порой он даже не заходил ко мне, а говорил за дверь, предварительно отойдя на метр.

На противоположной стене следует череда других комнат. Я догадываюсь, что в них живут приближённые. Это не этаж Владычицы, как в других сферах, а этаж власти. Здесь обосновались самые доверенные посыльные, хранители и покровители. Посыльный, принимавший меня у ворот направляется к нам сразу после того как захлопнул дверь своей спальни.

— Снова приветствую, — обращается он ко мне, а затем переключается на Киару. — Киара, ты заставила меня ждать. Уверен, Милдред это не пришлось по нраву.

Звучало это как упрёк. Чтобы посыльный так общался с сокрушающим... Все кругом твердили мне, что они лишь прислужники, заполняющие дно сословия мира сфер.

— Давай спросим у неё, Норвуд, — девушка вроде бы и возмущённо, но дружелюбно скидывает брови. Оба смотрят на меня в ожидании, что я предотвращу разгорающийся спор. К их досаде, слышится естественный скрип: перед нами открывается тронный зал.

Глаза быстро свыкаются с пронзительным жёлтым светом. Сияние разнообразных ламп похоже на солнце, но тем не менее некоторые углы остаются темноватыми и укромными.

Сомневаюсь, что туда часто ступает чья-то нога. Как и в каждом тронном зале, верх — это крестовые своды. По бокам идут двухэтажные протяжённые аркады. Это больше похоже не театр, в котором горит только сцена, а зрители во мраке восхищаются действием. Ранее здесь точно сидели покровители и хранители и наблюдали за чем-то грандиозным. Сейчас эти специальные места для зрителей пустуют, и давно — это чувствуется.

Киара подводит меня к ступенькам, чтоб подняться на невысокую платформу. Я иду по красной дорожке, обделанной по бокам золотыми вставками. Конечно, нам приходится пройти длинный путь, чтобы добраться до вершины, как и в залах других сфер.

Трон, на котором *она* располагается, создал слово «великолепие». Спинка высокая, расширяется к концу, по краям отделана золотом. Подлокотники и ножки блестят тем же драгоценным металлом. Сама Владычица небольшая по телосложению, её «сиденье» ей великовато, из-за чего мне хорошо видно его фиолетовый цвет. Позади Юми, у толстенных пилястр, навтыжку стоит старенький хранитель — он облачён в сине-серебряные доспехи, и правая рука Юми — на нём педантично вычищенные доспехи из золота. Мужчина сияет в золоте, но лицо его подозрительно сосредоточенное. Мы встречаемся взглядами и его настойчивость не оставляет мне выбора, кроме как продолжать смотреть. Долгий контакт даёт понять, что я ему совсем не нравлюсь.

Из окон на пол тронного зала падает свет вышедшей из тени облаков луны. Я ловлю один луч глазом и неконтролируемо морщусь. На Земле такой эффект могло производить лишь полуденное солнце, а не вечная луна.

— Приветствую тебя, Милдред, — ангельским голосом произносит Владычица. Я подмечаю в нём не столько доброты, сколько авторитета, выработанного годами правления. Она встаёт со своего положенного места. Это действие вызывает беспокойство и недоумение у её правой руки. Он хочет подорваться и усадить её на трон, но сдерживается, сильно стискивая зубы. — Я Юми Нисимура, Владычица Аметистовой сферы.

Она предлагает официальное рукопожатие. Её рука такая миниатюрная, нежная и мягкая, что мне хочется закутаться в её тёплых ладонях и забыть обо всех горестях и крысах, путающихся под ногами.

— Приветствую, Владычица.

Я почтительно опускаю голову, она убирает руку, и мне мгновенно хочется вернуть её. Юми улыбается, и глаза её становятся острыми узкими лодочками. Блики в чёрных зрачках напоминают мне звёздный небосвод, в котором так легко затеряться. Глянцевые тёмно-шоколадные глаза отражают мои бледные волосы. Почему-то мне сразу хочется довериться ей, поделиться переживаниями. Такой кроткой я представляла себе свою маму. Каждый день, каждый миг я думала о той беловолосой счастливой женщине и видела в ней характер Юми Нисимур.

Владычица обнаруживает мой резкий эмоциональный спад и взволнованно хмурит брови.

— Должно быть, ты недостаточно отдохнула. Нужен сон?

Слова женщины бьют по груди кувалдой с шипами. Я натягиваю фальшивую улыбку и снова склоняю голову. Гоню мысли прочь и задумываюсь о врагах, которые мотивируют меня двигаться.

— Нет. Я хорошо спала благодаря удобствам, которые вы мне предоставили.

— Тогда можем начать. Если почувствуешь себя плохо — сообщи. Врач осмотрит тебя.

Я киваю, и мы продвигаемся к трону. Киара и Норвуд следуют за нами, они останавливаются недалеко от нас. Девушка роняет свой меч, она вовремя хватает его, однако тот успевает кончиком стукнуться об пол. Посыльный по-дружески смеётся с её оплошности. Когда Киара слышит тихий хохот, пихает друга металлическим локтем. Лязг их доспехов негромкий, но обращает внимание. Владычица бросает в их сторону строгий взгляд и они, как её послушные дети, немедленно затихают и опускают руки по швам. Но с их лиц не

сползает усмешка.

Двое посыльных ставят рядом с тронем удобный пуф. Я как можно легче и спокойнее, присаживаюсь, но только после Владычицы.

— Милдред, я слышана о тебе. И не виню тебя в произошедшем. Когда ребёнок находится на пороге взросления, когда у него появляются новые особенности, это свидетельствует о том, что у него формируется личность, к которой позже ему нужно будет привыкнуть. Так же и с тобой. Ребёнок — это твои силы.

Я нервно оглядываю хранителя, правую руку, Киару и посыльного. Они даже не шелохнулись, когда речь Юми была озвучена.

— Сколько вы знаете?

— Столько же, сколько и мой хранитель. — Столько, сколько Норвуд успел узнать у Грэма. Единственный их козырь — это догадки, в то время как Коши имеет весомые доказательства. — Никто не будет тебя принуждать к чему-то и более. Я хочу обсудить с тобой будущее сфер. Я должна помочь тебе совладать с эмоциями и справиться с переходным периодом. Сделать это будет некому. Я протягиваю руку помощи, если ты неправильно интерпретировала моё предложение. Я переживаю не только за весь мир сфер, но и за тебя.

Ложь. Чистой воды ложь. Но сколько бы я не убеждала себя в том, что так и есть, я не верю себе. Юми искренна со мной, она не настроена на вражду и возможность использовать меня в собственных целях.

«Тебе суждено быть использованной. Ключ кто-то да держит в руках».

Внутренний голос всё больше оказывается прав.

— Я стану твоим учителем и буду вести тебя, — продолжает Владычица. Глаза Киары расширяются и они с Норвудом удивлённо переглядываются. Правая рука досадно кусает щёку и злобно мнёт рукоять меча, свисающего с его пояса. Только хранитель не откликается на неожиданные новости. Такого они точно не ожидали. Такого не ожидала я.

Владычица Аметистовой сферы могущественная. Она не вселяет ужас в покровителей, женщину уважают и просто не могут не подчиниться. Это точно не страх: глаза каждого покровителя, которого мы встречаем, выказывают любовь и уважение. Они гордятся тем, что Юми Нисимура правит сферой и так же обстоятельно приветствуют её правую руку — Бада Аумана. Как сообщила мне Киара, они давно женаты и знакомы с тех пор, как Бад попал в сферу.

Владычица воплощает цветущий куст нежных розово-фиолетовых крокусов. Её вроде бы и скромное, но в некоторых местах открытое платье, плетётся ковром по мраморному полу. Высокий чёрный хвост находится под её скрытым железным контролем, в точности как у Киары. Кажется, будто она способна остановить ураган, лишь бы тот не колыхнул её шёлковую гриву. Прямая осанка, элегантная походка, уверенный взгляд заставляют меня восхищаться Владычицей. Другие Владыки внушают лишь ужас и отвращение. Откуда-то у меня появляется уверенность, что Юми Нисимура будет единственным учителем, которого мои поступки не доведут до сырой, пропахшей кровью темницы или гроба, украшенного многочисленными камнями. Она станет единственным Владыкой, который меня не возненавидит. Она властна над всеми — это истина, которой мне хочется ткнуть в лицо Джюель.

Большие участки зала разделяются рядом колонн. Свободные места занимают покровители, которые усердно тренируются, и люди, борющиеся в попытках победить своих учителей. Одну большую площадь занимаем мы с Владычицей. Бад отходит на безопасное расстояние, его лицо неоднозначное: то ли ему всё равно, то ли он раздражается.

Я осматриваю временный аметистовый меч, который дала мне Киара.

— Продемонстрируй свои умения, а уже позднее мы будем разбираться в тебе, — говорит Юми.

Зачем ей это? Ради процветания сфер? Ради меня?! Демоны есть и у праведных. И демоны Юми Нисимуры могут пытаться меня.

Она хочет научить меня пользоваться силой, заманить на свою сторону, даже если буду в другой сфере, под предлогом «я тебя вырастила», сразить всех жестоких Владык и назначить новых. Я не возражаю против такого исхода событий, но ужасно быть использованной.

Нет.

Это сотрудничество. Если мне это нужно и им тоже, почему бы не объединить усилия? Уничтожить Джюель — объединится с Найджелом, Флавиана и семью Бодо — с Грэмом. Будущее сфер. Нисимура имела в виду либо свержение неумелых шишек, либо защиту покровителей от моей силы. Время покажет, что ей нужно, а пока я буду настороже, наблюдать за всеми её приближёнными — в особенности за правой рукой.

— Начнём, — отзываюсь я. В голову вторгаются тренировки с Грэмом и моё надоедливое клишированное «начнём». После такого вызова Грэм никогда не мог отказать мне в спарринге. Или в моём проигрыше.

Я набираю воздух в лёгкие, покосившись на Бада. Его глаза становятся мечтательными при виде жены. Я погружаюсь в глубокий океан любви: он смотрит на неё и восхищается её красотой, движениями, каждым сказанным словом.

Юми замахивается своим острейшим мечом. Я быстро отбиваю атаку: удар был встречным, одним из самых лёгких, где нужно прикладывать минимум усилий. Владычица, видно, не старается. Она атакует, а хвост её даже не трогается. Глаза острые и сосредоточенные, как кинжалы, чёрные как смоль.

Второй удар, на который я трачу на сотую сил больше. Юми меня жалеет? Третье нападение оказывается неожиданным: парный удар. Противная колючка в сантиметре от моего лба, Юми не медлит и мгновенно убирает свой меч.

— Ты пропустила, — она слабо улыбается. Как она вообще умудрилась сделать сложный приём в длинном наряде и, по моему предположению, очень неудобном?

— Я была не готова к этому, — негромко произношу я, полностью признавая вину.

— Ты, верно, думала, что я сочувствую тебе? — она говорит без упрёка, ласково и звучно, словно поёт песню ребёнку. Бад, который прежде стоял смиренно, как солдат, накидывает на плечи любимой пышную шубу, на тон темнее, чем её платье, с брошью из серебра, изображающей полумесяц.

— Благодарю, Бад, — шёпотом произносит Владычица, плотнее запахивая шубу. Они обмениваются говорящими взглядами и в эту же минуту становятся серьёзными: Бад — солдатом, а Юми — строгой Владычицей.

— Ты хороша, Милдред. Но тебе определённо стоит брать у меня уроки. Мистер Гальтон и мистер Коши обучили тебя отличным приёмам, но не профессиональным. Они совершенствовали твоё умение пользоваться мечом, телом. Я научу тебя пользоваться покровительскими способностями, привыкнуть к тому, что тебе предстоит выполнять на протяжении всей жизни.

— Спасибо, Владычица, — почтительно отвечаю я. — Мне это понадобится.

— Я твой учитель. Мне следует выполнять свои обязанности, — она оголяет зубы. — Поэтому я должна показать тебе наш амфитеатр.

— Вы уверены, что хотите отправиться туда одни? — взволнованно упрекает Бад.

— Бесспорно. Привыкни, милый мой, что я не хрупкая принцесса, который нужен рыцарь, я — Владычица сферы и способна защитить себя.

Она аккуратно касается его пальцев, и он чуть не поддаётся соблазну сжать её ладонь. Бад косится в мою сторону и отправляет руки за спину.

— Благополучной экскурсии, — отчеканивает он.

Мы подходим всё ближе. Застоявшийся от старости амфитеатр, гамма цветов которого состоит из тёмно-серого и песчаного жёлтого, вызывает у меня ностальгию.

— Ему более трёхсот лет. Когда я была человеком, часто посещала это место, даже если покровителям была неровня. Они были справедливы и сражались со мной на одинаковых силах, и я часто побеждала своей техникой и хитростью. Они злились, но мне было весело.

— Вы здесь с рождения?

— Да. Решением моих родителей было оставить меня под присмотром своих знакомых. Земля для них никогда не была домом, ровно как и для меня.

— Спасибо за ответ.

Владычица вежливо смотрит на меня и тихо усмехается.

— Мне было не сложно, Милдред. Я Владычица, самая могущественная во всей сфере но я особенно приветствую прямодушие. Я не ценность, от которой стоит держаться подальше. Народ любит меня, а я люблю их.

Перед входом оказывается пусто, изнутри доносится неугомонный ропот, возбуждение

и короткие присвистывания. Сверху и до самых ворот спускается чёрно-фиолетовый шёлковый флаг с изображением стройного полумесяца, символа Аметистовой сферы. Юми толкает двери. Взгляды каждого пленит остервенелая драка, и никто не замечает пополнения. Покровители яростно кричат, высоко привскакивают с лавочек и швыряют кинжалы с такой силой, что они по самую гарду врезаются в песок, рассыпая точёные песчинки.

На арене сражаются трое. Двухметровый мужик с толстой щетиной и выраженными глазами цвета коры дерева одет слишком откровенно для боя — ноги босые, торс пыльный и мокрый от пота, ободранные, будто злыми волками, шорты обтягивают его мускулистые бёдра.

Ещё один мужик, менее крупный, чем первый, одет так же, как и щетинистый. Третий покровитель — это девушка. Её светло-русые волосы сплетены в косу, уже превратившуюся в трёпаное гнездо. Она тщетно старается сдерживать в ненужных моментах разгорающийся гнев, чтобы направить его только на своих противников. Девушка отталкивается от земли, взлетает, одновременно исполосовывая грудины мужчинам. Они поочерёдно затыкают рану ладонью, несмотря на то, что им даже руки не хватит, чтобы остановить кровотечение.

К центру арены, вальяжно перебирая крупными бёдрами, выходит элегантно обряженный судья с трубой на плече и пышными афроамериканскими кудрями. Он дудит торжественную мелодию, потом рисует в воздухе крест там, где стоят мужики.

— Победа! — горланит судья, а за ним спохватываются болельщики. Он возвышает к космическому небу усталую руку девушки, быстро встряхивает. Они переглядываются с уверенным торжественным оскалом. Победительница не может сдержать смех, то и дело сутулясь и переминаясь с ноги на ногу.

— Когда ты находишься на арене или на трибунах, забываешь обо всех правилах. Я множество раз проигрывала, меня резали, пронзали мечами тысячи раз. Никто не стал просить прощения и милости, когда я стала их правителем. Потому что в амфитеатре все равны. Когда тыходишь — все становятся твоими противниками, а когда переступаешь порог, чтобы вернуться в родную спальню, то вы приобретаете статус незнакомцев. На этом месте мы с Бадом сотню раз сражали друг друга.

— То есть вы так познакомились и влюбились?

Слишком личный вопрос ни капли не смущает Юми. Она только рада, что я задаю свободные, не касающиеся нашего обучения, вопросы.

— Да. Эти трое, кстати — лучшие друзья.

Я удивлённо вскидываю брови. Как вообще можно ранить близких людей? Как у них получается представить их ненавистниками, угрозой, быть такими разъярёнными?

— А мы с Бадом были заклятыми врагами. Даже за этими стенами мы не переставали ненавидеть друг друга. Место наших встреч становилось ареной.

Я недолго смотрю на Юми, в её шарящие в воспоминаниях глаза. Она не расстроена, наоборот — для неё это приятный опыт, позабытое прошлое, которое они с Бадом уже давно обговорили. С чего началась их вражда? Когда-нибудь я задам Владычице этот вопрос.

Трибуны накрывает спокойствие — наверное, это некая подготовка, отдых перед следующим зрелищем, от которого их глаза и глотки будут пламенеть. Мельком приметив двух неизвестных, судья прищуривается, удивляется, рука его хватается за сердце.

— Поприветствуем давнюю гостью амфитеатра, Юми Нисимуру, — распевает он. Все внимательно слушают, словно дожидаясь его сигнала. После кивка афроамериканца

бешеные покровители выкрикивают «Буря». Значит, это позывной, которым обзавелась Владычица ещё в период молодости. Буря сносит любую преграду на своём пути. Юми крушила соперников, кропила и так уже алый песок кровью, безжалостно, раз за разом побеждала Бада Аумана. А проиграла любви.

Женщина гордо поднимает ладонь, в одну секунду приостанавливая шум.

— Прошло двадцать шесть лет с моего последнего визита, — гласит она, осматривая тысячи заинтригованных лиц. — Я здесь за тем, чтобы показать своей ученице, что такое выживание на равных.

— Определим жребием, кто следующий, — помурлыкав, осведомляет судья. — Один или несколько? Ах, точно, ты всегда выбирала качество, а не количество. Я помню. Помню.

— Верно, я не бьюсь с группой, — твёрдо отвечает Владычица. Она скидывает с себя богатую меховую шубу, резко срывает подол с прицепом и кидает на песок, оставаясь в коротких утягивающих лосинах баклажанного цвета. Ноги Юми бледно-белые, голени утончают босоножки, инкрустированные сияющими камнями.

Обувь летит к сорванному подолу её платья прежде, чем я успеваю задуматься о том, как можно сражаться, не боясь испачкать такую красоту. Юми босиком шагает в центр, заплетая хвост в пучок. Получается небрежный кокон, однако это только украшает её воинственный экстравагантный для правителя облик.

Ко мне подходит посыльный, отводит к трибунам и предлагает занять его место в первом ряду. Ещё он предупреждает меня, если я снова сюда приду, то лучше зайти с чёрного входа, а не с главного. Он сказал, что через главный вход проходят только легенды амфитеатра после долгого перерыва: это вызывает трепет и восхищение у зрителей.

— Ты всё так же обворожительно пригожа, как и двадцать шесть лет назад, — ластится судья, с предвкушением сжав ладони в замок.

Юми разминает шею, вынимает из ножен свой меч и разрезает им песок, образуя сыпучий дождь. По амфитеатру разносятся аплодисменты и довольные возгласы. Кинжалы, которые из уважения бросили девушке, сразившей собственных друзей, таинственным образом оказались снова во власти болельщиков. Несомненно, к этому причастны хранители. А возможно, я не заметила посыльных, разгребающих металлические завалы, потому что была заинтересована своим учителем.

Судья вытаскивает свёрток со списком желающих поучаствовать. Он медленно, дразня публику, Юми и меня, раскрывает бумажку, скрученную в трубочку. Владычица внезапно напрягается, но не оттого, что скоро объявят её противника, а оттого, что остальные записки сложены пополам, но эта свернута и склеена. Юми знает, кто так делает, я могу лишь догадываться. Женщина сжимает рукоятку крепче, глубоко вдохнув. Она расправляет плечи и вытягивает шею как орлица.

— Ита-а-ак! — ревёт судья, уже зная имя. Он весело хмыкает, даже со злобой и наслаждением. Его развлечения — это кровавые драки, поединки между близкими, старающимися скрывать свои чувства. Он питается покровительской яростью и отчаянием. — Юми, твой противник — это... Заинтригованы? — протягивает он, повернувшись к гостям. — Ух-ух, а как же. Бад Ауман!

Толпа нервно шепчет и охает. А в центр идёт правая рука Владычицы, её любимый муж. Верно, когда они вдвоём в последний раз стояли здесь, они желали друг другу смерти.

— Начинаем! — судья взмахивает между противниками красным флагом из плотной

ткани. Нет правил. Все равны, все враги, а главная их цель — пролить кровь.

Я чувствую, что должна вмешаться, остановить беспорядок. Влюблённые покровители не должны этого делать.

Юми Нисимура бросает в мою сторону взгляд. Она этого и хочет: чтобы я осознала, что близких не всегда можно спасти. Она хочет, чтобы я двигалась дальше, привыкла к тому, что не смогу дотянуться до тех, кто уже давно вне моей досягаемости.

Арена — невидимая преграда между близкими. Те три друга казались врагами, но они друзья, они держались и сумели. Только благодаря взаимной любви они смогли возненавидеть, стать командой. Юми справится не хуже них, как и грозный Бад.

Нисимура сжимает губы и направляет меч на мужа, не задумываясь, без капли уважения. Вот её настоящая сила. Безразличие или постыдный проигрыш.

— Сразись со мной... — она хочет продолжить мерзким оскорблением, но сдерживается. — Мой заклятый враг. Грязный подонок без сил и чести, — всё-таки продолжает она.

Бад болезненно кривится, нервно улыбается и заражается хохотом. Это такой способ прикрыть боль, которую причинило высказывание жены. Неужели она каждый раз произносила эти слова?

— Самоуверенная стерва без сил и чести, — режет слух ответная атака Бада. Пока они неплохо справляются, но взоры говорят сами за себя. У Юми он более правдивый, нежели у Бада. Он определённо пришёл сюда, чтобы спасти любимую от недоброжелателей, позволить ей выиграть, сразить себя. Их чувства сильные, даже я в этом не сомневаюсь, но правая рука будто боится, что те суровые времена возвращаются. Он начинает верить Владычице, её холодной ненависти.

Они обходят круг, воюя фальшивыми гневными взглядами. «Вспомни те чувства», — читаю по губам Юми я. Бад еле заметно кивает головой. «Я попробую», — сообщают его глаза.

Кончик меча проходит возле ноги Аумана, он уклоняется, прогибая спину назад. Зрители затихли. Они поражены картиной, которой на этой арене давно не было. Ни одного шёпота, лишнего движения, только шаги и дыхание двух правителей.

— Я верю в твоё поражение, Нисимура, — скалится Бад.

— Я верю в твоё поражение, Ауман, — Юми отпрыгивает назад.

Бад нападает первым, вкладывая как можно больше гнева в свой удар. Юми приседает, затем выворачивается, прокатившись по песку между ног мужа. Он предугадывает вылазку жены и успевает наступить на её выбившиеся из пучка пряди. Владычица не теряет, отталкивается от песка, почти скручиваясь, и бьёт двумя ногами Бада в живот, несмотря на стянутые волосы, которые вот-вот порвутся. Она хватается за его ногу и поднимается. Лицо Владычицы краснеет — безразличность любимого, пусть и напускная, рассердила её. Чем лучше притворяешься, тем легче разозлить мнимого противника и выиграть «бой на публику». Никто из них обоих не хочет ни победы, ни провала, лишь бы всё кончилось, покровители вышли отсюда довольными, рассказывая о том, как прочно держалась нашумевшая в сфере пара. Владычица Аметистовой сферы и её правая рука прежде всего должны заботиться о своей чести, как бы неприятно это ни звучало.

— Больно?! — сквозь зубы рычит он.

— Ты никогда не мог сломить меня, не сломишь и сейчас!

Грудь Юми часто вздымается, она набирает воздух в лёгкие, надувает щёки и наносит

поразительный удар Баду. Ей так кажется: лицо выражает удовлетворение, что их битва подошла к концу. Ауман перехватывает лезвие ладонью, по долу незамедлительно течёт струя крови. Когда капли соприкасаются с кожей моего учителя, она резко одёргивает оружие, прорезая тем самым ещё одну рану.

— Штрафной! — ревет судья, дунув в свой инструмент.

Трибуны разрываются криками: «слабак», «червь», «Юми искуснее», «неумеха», «человек».

Юми не теряет времени, использует отвлечённость мужа и, взлетев вверх, валит его на песок. Женщина безжалостно разрезает шею любимого. Всё произошло так быстро и неожиданно, что я вместе со зрителями в голос ахаю.

Владычица грузно встаёт с тела Бада, опорой ей служит собственный меч. Совсем недавно Бад смотрел на неё глазами полными любви, нежно касался её рук, волновался о ней, а Юми спокойно принимала его чувства. Они вновь оказались там, где начался их общий кошмар и где закончился. Эти дни давно погибли, уступив место беззаветной любви.

Бад с характерным хлопком зажимает горло, и судорожно хватая воздух ртом. Юми пытается сделать безучастный вид, ненадолго проскакивает волнение, но женщина быстро избавляется от каких-либо эмоций и искренне улыбается, острым взором оглядывая покровителей.

— Победа! Буря победила!

Судья трясёт её рукой и с наигранным сочувствием осматривает Бада, будто бы издеваясь: «Как был жалок, таким и остался».

— Спасибо за бой... Ауман, — негромко благодарит его женщина, насыщая свою признательность желчью.

Праведные, добрые, справедливые — Аметистовая сфера. Это место будто под воздействием магии меняет их. Как покровители этой сферы могут быть такими жестокими и безразличными? «Не все здесь такие солнечные, у всех есть потёмки». Я считала их невинными, а это оказалось забавной ложью. Сфера, фауги, сокрушение взрастили из них стойких и жёстких покровителей, зачастую добродушных, беспристрастных и открытых. Никак не невинных.

— Спасибо каждому зрителю, — Владычица аккуратно склоняет голову и молча поворачивается ко мне. Мне отчего-то становится неловко, я отворачиваюсь. Юми собирает свою одежду и идёт ко мне, я выхожу ей навстречу и наконец, больше не слышу возмущения тех, кто сидел рядом со мной.

— Вы хорошо справились.

— Мне приятно, Милдред.

Её голос делается мягким, как и раньше, лицо расслабленным, осанка — аристократичной. Теперь передо мной не Буря, а собранная Владычица Аметистовой сферы. Растрёпанная, грязная, в крови, но чистая душой.

Вне амфитеатра мне становится спокойнее. Особенно в своей комнате, в которой я ещё не освоилась. Здесь уютно, богато и опрятно, пахнет лавандой и морским воздухом, а не потом, металлической кровью и гневом.

Я не подхожу этой сфере. Я точно не такая идеальная, как Юми, такая отзывчивая, как Киара и такая уважаемая, как Норвуд. Я знаю, где моё место и это определённо не оно...

«Девочка-ключик», — крутится у меня в мыслях на протяжении всего дня. Если бы у

меня действительно был ключ, я бы открыла «шкатулку тайн» и узнала бы всё, что пожелаю, открыла бы хранилище с оружием против Джюель, открыла бы двери тюрьмы Грэма... Я не в состоянии сделать ничего из этого. От злости пинаю пилон кровати, и прозрачные шторы над головой содрогаются, как паутинка на ветру, окрашенная цветом ночного неба.

Прошло три месяца с тех пор, как я видела Грэма и два месяца, когда я в последний раз встречалась с Яфой. Найджел навещал меня вчера, но кажется, будто миновали скучные годы.

— Не отдыхаем! — влетает в мою комнату Киара, топя гулками железными сапогами. Я всё удивляюсь, как у них не проломились полы, когда один костюм весит как сам покровитель?

— Что такое?

— Сейчас не ночь, чтобы спать.

Когда в сфере темень, это навевает лишь вечную дремоту. Киара этого, безусловно, не поймёт — она покровитель и не помнит, что такое необходимый сон.

— Владычица зовёт тебя на ужин.

— Ужин? — лениво спрашиваю я. Я не желаю идти туда и наблюдать за влюблёнными покровителями, которые вчера собирались порезать друг друга на куски. Живот неожиданно начинает урчать, убеждая меня в том, что я должна пойти. — Сейчас?

— Да! Я мигом побежала к тебе... То есть перенеслась. Наверное, ты будешь чувствовать себя некомфортно, но все тебе очень рады. Правда!

Да-да, особенно Бад: он запляшет от счастья, закажет оркестр и будет постоянно улыбаться мне, как первым цветам.

— Я принесла другие доспехи. Может, эти подойдут. — Киара протягивает мешок из толстой резины.

Я отрицательно качаю головой:

— Я это не надену. Есть какое-то платье, костюм? Я уже третий день хожу в одном и том же комбинезоне.

— Многого хочешь. Это особое правило нашей сферы, каждый покровитель должен его соблюдать.

— Они чересчур тяжелы для меня, к тому же я не принадлежу вашей сфере. Если аметист выберет меня, я обязательно буду следовать традициям. Разве олицетворение вашей сферы это не «свобода»?

— Ну и ладно, ведьма! Тогда пошли.

В зале находится около шести человек. Они мирно сидят за продолговатым столом, в хорошем настроении о чём-то беседуя.

Киара хватает меня за руку и ведёт стремительнее.

— Милдред, — учтиво произносит Юми.

— Всех приветствую, — вежливо говорю, здороваясь с Бадом, Владычицей, хранителем, Норвудом и покровителем с объёмной зачёсанной шевелюрой, почти такой же, как у Хардина. Он с улыбкой отодвигает мне стул рядом с собой. Воспитанный мужчина заслуживает моего одобрительного кивка и снисходительной улыбки. «Никогда не ведись на благодать. В каждом скрывается вторая личина», — твержу себе, удерживая зрительный контакт с незнакомцем. «Они знают о тебе больше, чем ты. Твоя жизнь в их руках. Тебе нужно им довериться», — возражаю я, осматривая зачинщиков ужина. Я ощущаю себя нагой перед ними. Прямо как с командой Грэма: все они знали больше меня ещё до того, как я

впервые коснулась стали.

— Поздравляю с победой, Юми, — подбадривает Киара. Женщина улыбается и берёт Бада за руку. Он удивлённо вскидывает брови и смотрит на их едва сцепленные ладони, словно бы после драки он вернулся и застрял в том времени. И почему же тебя это так ранит, Ауман? Неужели ты сомневаешься в чувствах своей драгоценной? Или ты настолько не уверен в себе?

Мужчина задерживает на мне взгляд, будто слышит, о чём я думаю. «Какое несчастье, что ты не имеешь такой способности. Мы бы с тобой весело пообщались». Я оскаливаюсь ещё шире, лишив свои эмоции дружелюбности. Бад сжимает челюсти и отворачивается.

— Прощу, приступайте к ужину, — предлагает Юми.

Еда здесь только для меня имеет значение, потому что покровители питаются своей энергией. В их организме происходит обмен — используя свои силы, они восстанавливаются и насыщаются. Это позволяет им не питаться, не спать, иметь ускоренную регенерацию и спасательный щит: хоть сердце вырви — покровитель останется жив. Я сижу в одном помещении с настоящими «механизмами».

Что касается отставных — они расстаются с мечом, лишаются способности видеть фаугов и нутром чувствовать их приближение, будто снова становятся обычными людьми. Однако никто из них не теряет мощных физических сил, долголетия и способности переноситься в другое место. Этим покровителям приходится питаться и спать, чтобы получать магическую энергию. Потому-то у посыльных так много работы в городе.

Я съедаю блюдо с лимоном, сыром и оливками, припорошенное фиолетовой блистающей стружкой. Вкус специфический, ничто не стоит в сравнении с ним. Вкусно, но ни сладко, ни солёно, ни горько, ни кисло.

— Я помню, как Норвуд только-только дал мне попробовать феоллэ. Это о-о-очень аппетитно, я тогда до потолка прыгала от наслаждения, — причмокивая, произносит Киара.

— Мы с приятелями уже заканчиваем с ониксовой специей, — сообщает Норвуд. — Ещё год и будет готово.

— Не терпится попробовать, — восклицает Киара. Бад впервые смеётся за всё то время, пока я его знаю. Два его передних зуба совсем немного выступают вперёд.

— Наши посыльные покровители в свободное время изготавливают различные вкусы, специи, добавки, — рассказывает Владычица. — Для этого у нас на двести десятом этаже есть ряд кухонных лабораторий. Только в нашей сфере этим занимаются. Если нам выгодно, мы можем проводить обмен с другими сферами.

— О... Это очень интересно. Я бы хотела посмотреть процесс.

— Он занимает от полугода до двух лет, — Норвуд чешет затылок, что-то вспоминая. — Опора изготовления — это магия хранителя. Мы сами созданы из магии — мы её и поглощаем как энергию.

— Это отличный способ восстанавливаться, — поддерживаю разговор я. — Но... что будет со мной? Я человек.

— Второе Испытание пробудило в тебе силы, — открыто объявляет Юми. — Они есть в тебе и сейчас ты их восстановила.

Я разглядываю присутствующих, которые никак не реагируют на слова Владычицы. «Успокойся! Они в курсе и им наплевать!».

— Мне действительно стало лучше.

Я решаю доесть оставшуюся еду. Никто так не скрупулёзен в своей деятельности, как

покровители Аметистовой сферы.

К нам спешно врывается девочка в доспехах, совсем молодая, как я, но выглядящая в разы младше. Она что-то говорит Бадю на ухо, тот мрачнеет и с неверием глядит на девочку. Все за столом напрягаются, но не прерывают трапезу.

— Мне бы не хотелось портить ужин плохими новостями, но, боюсь, сообщить будет некогда, — начинает Бад, откладывая в сторону вилку и нож. Юми отвлекается на мужа. Покровитель почему-то медлит. Киара нервно прокашливается и как можно громче кладёт свою пустую тарелку на тарелку Юми. — Сегодня... слишком много покровителей погибло.

— Сколько? — невольно спрашиваю я.

— Три тысячи сокрушающих и двадцать посыльных, которые сопровождали погибшую двадцатку.

Юми хмурится и плотно сжимает губы. Киара шумно ахает, Норвуд утешающе гладит её по спине, а незнакомец хмурит брови от каждого слова правой руки.

— Скоро нам будет недостаточно покровителей, чтобы справляться с нашествием фаугов, — продолжает Ауман. — Мы не можем прийти в упадок. За всё существование Аметистовая сфера никогда не была на дне. Баланс — наша основная задача. Он потихоньку расшатывается, а вскоре вообще разрушится и вселенная будет охвачена мерзкими паразитами.

— Паразиты... Мягко сказано, — хмыкает Киара. Её маленькие глазки блестят от слёз, но щёк они так и не достигают.

— Зато мы явствуем и веселимся! — рычит Бад, с грохотом откидывая стакан. Я вздрагиваю от шума, но остальные, привыкшие к таким выходкам, невозмутимо следят за дальнейшими действиями Бада.

— Погибших не вернуть. Я решу этот вопрос, — холодно заключает Владычица. Я вижу по её глазам, не успевших стать для меня родными, что Юми боится будущего, переживает за свой народ и семьи ушедших из этого мира. Для неё много значат эти три тысячи двадцать. Самое главное — она правда сделает всё для того, чтобы помочь сфере.

— Вас ни капли не смущает, что мы разговариваем о политике перед незнакомкой? — без враждебности вклинивается покровитель с шевелюрой.

— Об этом не стоит волноваться, Вальтер, ты и сам знаешь. Милдред не предаст нас, — Норвуд недобро смотрит на него, а затем с улыбкой переводит взгляд на меня.

В сфере поднялась массовая суeta. Киара и Норвуд стараются уладить хаос громкими заявлениями. Самое большое количество погибших зафиксировано в Аметистовой сфере. Это огромная цифра даже для общего числа погибших во всех сферах. Три тысячи двадцать, звучит из каждого угла. Покровители напуганы, что тогда происходит в других сферах? Насколько их шокировали такие низкие показатели «высших»? Как злорадно торжествует Джюель Бертран, как упивается поражением своих неофициальных врагов? Если фауги с каждым днём крепнут, значит, такая участь настигнет все сферы.

Вальтер предлагал сохранить информацию о погибших в секрете, но их слишком много, чтобы такое утаивать, поэтому было решено объявить об этом на весь мир, показать своё бессилие перед фаугами, нежели перед народом наглой ложью, которой суждено было раскрыться. Треснула бы оболочка крепкого ореха и все обнаружили бы внутри почерневшее сморщенное лакомство.

Несколько дней я почти ничем не занимаюсь. В свободное время мы с Владычицей успеваем уделить десять минут лёгкой тренировке. Юми сокрушает вместе со своими покровителями и приходит ко мне утомившейся. Киара притворяется весёлой и приветливой, но я вижу, что она расстроена. Она до сих пор держит траур по своим друзьям из трёх тысяч двадцати.

Я никак не могу помочь никому из них. Моя обыденность — это тренировки, еда, сон, чтение, прокручивание воспоминаний. И так уже семь дней, как я здесь нахожусь. Снова мне хочется в свою родную постель, отдаваться тем бессмысленным делам, которыми они кажутся сейчас. Тогда меня заботили такие мелочные вещи. Они есть крошечными по сравнению с тем, что творится в моей жизни на данный момент. Одна опасность за другой... Враги, встреча с матерью-чудовищем, тайны, которые не терпится раскрыть. Кто я? Зачем я здесь? Что я буду открывать, являясь ключом? Меня до злости раздражает незнание, мне не с кем поговорить и спросить, как обстановка в других сферах. Яфа больше не приходит. Возможно, она просто забыла обо мне, посчитав ненужным мусором.

Киара приходит ко мне сразу после сокрушения, она выглядит вымотанной и до боли неважной. Я тем временем приводила свои волосы в порядок, подрезав на три сантиметра.

— Как поживаешь? Опять бьёшь грушу, опять режешь доски мечом?

— Ну, знаешь, мне необычно от появившейся физической силы. Без конца хочется что-то уничтожить.

— Иди вместо меня сокрушать, — уныло смеётся она, плюхаясь на кровать. — У тебя не только физическая сила.

— Да...

После Испытания я больше не чувствовала присутствие магии в своём теле, но дарованная мощь в руках — это и есть часть той магии.

— Сегодня погиб новичок, только вчера стал покровителем, — сообщает девушка. — Всё так... резко изменилось за один день. Как такое вообще может происходить? Всё! Всё живое постепенно становилось мощнее, а тут... эти чудища стали настоящими истребителями за одну ночь. Я не понимаю ничего! Хочу, чтобы всё это закончилось.

Киара на грани того, чтобы кричать, плакать, разбивать мебель. Она хватается за волосы осторожно, как будто боится их повредить. Они потные и растрёпанные, кончик передней

пряди ровно срезан, похоже, после схватки с одним из паразитов.

— Даже я могу погибнуть. Как интересно. Наша Владычица. Да кто угодно!

— Вы справитесь, Киара. Я верю в это. — Если бы я на самом деле верила, если бы не переживала каждый раз, когда покровители сокрушали, если бы я не ждала тренировку, только чтобы увидеть Юми...

— Мы не сильнее других. Я могу уйти сокрушать и больше не вернуться. Я хочу жить, — Киара смахивает слёзы и обтирает руки об мою кровать.

Я осторожно подступаю к ней и робко обнимаю за плечо. Не знаю, насколько для неё это важно, но когда тебе до безумия плохо, хочется, чтобы тебя кто-то обнял. Не поддержал словами, не принёс сладостей или выпивки, а просто дал понять, что он не будет один.

Казалось бы, Киара мне не близкий человек, но я чувствую, что она полностью подходит мне. Её красота — мои изьяны, её робость — моя дерзость, её наивность — моя недоверчивость.

Я ещё крепче сжимаю её плечо. Она начинает вздрагивать от плача. А когда я замечаю её трясущиеся тонкие руки, немедля заключаю их в своей ладони. Они на удивление полностью помещаются в мою руку.

— Хочу домой, — тихо шепчет она. На секунду я сомневаюсь, но потом вспоминаю, что все покровители были людьми, а многие, как я, имели друзей, семью. Какой бы фальшью ни была земная жизнь, ты привязываешься к её соучастникам, считаешь их родными.

— Вниз? — уточняю я. — На Землю?

— Да...

— Я сама не привыкла к такому правилу, но мне постоянно его твердят: «Та жизнь была ложью».

Киара тяжело выдыхает, голос её всё ещё дрожит. Я бы снова обняла её, но, кажется, это будет лишним.

— Извини, что беспокою. Я хотела поговорить с кем-то. Мне было грустно, наверное.

«Больно». И всегда будет при вспоминании о пережитом периоде.

— Я пойду, — говорит Киара. Она поднимается, и стук её железных сапог отзывается во мне эхом. На выходе девушка останавливается, чтобы что-то сказать.

— Всё хорошо, — заканчиваю я, чтобы отпустить её. — Обращайся, если тебе понадобится.

Киара выходит из комнаты, и ещё несколько секунд я слышу шум за дверью. Она снова отворяется. Я собираюсь заговорить с девушкой, но ко мне жалуется Найджел. Он застал меня врасплох — я вовсе забыла о том, что он просил наведываться.

— Почему так поздно? — мне почему-то хочется встать и крепко обнять его, просто из-за того что я не видела более близкого мне покровителя, чем Киара, Юми и Норвуд. Я сдерживаю своё странное желание.

— Ты ждала меня, — он улыбается. — Пока вы собирали сопли, я рисовал на стене фигурки.

— Ты подслушивал?! Это ненормально.

— Тебе бы ещё говорить мне, что хорошо, а что плохо. Не хочешь случайно, чтобы я твою роскошную палату украсил рисунками? Слюной конечно, но это моё авторское искусство, его нужно беспрекословно уважать!

Покровитель гордо расправляет руки, будто он это всерьёз говорит.

— Найджел... — Мерзко, но терпимо. Самое главное, что не на зеркале в моей спальне,

настолько начищенном, что даже подходить к нему становится бешеной идеей. Почему-то присутствие Найджела сеет пыль в таком роскошно-богатом месте. Я блокирую желание вытолкнуть его отсюда.

— Проехали. Я соскучился по тебе. Вчера хотел навестить, но решил, что ты спишь. Ух, как я изводился! Ты бы знала.

Я лишь с улыбкой киваю, едва не засмеявшись вслух от его любезного признания.

— Габи и Густав держали меня за руки и ноги, чтобы я к тебе не мчался.

— Какая драма! Прямо-таки крепкой хваткой в твои ласты вцепились?

— Я бы рассказал подробности, но у нас есть более важные темы для обсуждения.

Он хохочет, вскидывает подбородок, явно прокручивая в мыслях восхитительные моменты.

— Сама Джюель Бертран испугалась, когда увидела эту фотографию, — на последнем издыхании проговаривает Найджел после заливистого ржания. — Её глаза, как два шара раскрылись, — покровитель начинает активно жестикулировать. — Она схватила кусок жёлтой бумаги и... О, боги! Прижала к груди! Ты, наверное, на секунду подумала, что из чистой материнской любви. Но на её лице было отчаяние, отвращение... у-ужас.

— Не было никакой секунды. Джюель предсказуемая. И непробиваемая.

— Под давлением она мне кое-что выдала — и это самое увлекательное. Мальчик без имени, её сынок — посыльный. Какой сферы — не ответила. Он чёрное пятно в её репутации. Когда он был ещё годовалым ребёнком, она оставила его у порога местного кафе. Сейчас парень мёртв. Но мой хранитель говорит, что на фото две льющиеся жизни, таким образом, твой новоиспечённый родственник жив и здоров. Он где-то здесь и нужно вынюхивать среди посыльных. Какое Испытание он провалил и в какой сфере остался — для нас загадка. Если прежде я считал, что он покровитель сферы Голубой Бирюзы, как его мамуля, то теперь я в этом очень сомневаюсь. Нам понадобятся списки каждой сферы, а это верх трудности.

— Но... — я всё ещё не могу воспринять всю тернистость участи моего брата. Мать бросила его на произвол судьбы, как и меня. Избавилась от груза на своих ногах, чтобы подниматься по кровавой лестнице. — Если ты стоишь передо мной, значит, пообещал забыть о том, что раньше по земле ходила ещё одна её кровь и плоть?

— Ага, конечно! Я сделал вид, что поверил её байке «он героически погиб со своим сокрушающим покровителем».

— Она знает, что ты не поверил. Скоро наша любимая Владычица снова захочет развлечься. Мы начнём искать, а она будет тихонько шагать по нашим следам. И глазом не успеем моргнуть, как она нас опередит.

— Заметь, тебя она не стыдится. Она даже не против, что все вокруг сплетничают о «дочери Джюель». Не оскорбляю, но почему она уверена, что ты пройдёшь все Испытания?

— Либо она самая лучшая мать на планете, которая верит в старания своей единственной дочки, либо... у неё есть какой-то секрет... мотив. Что об этом думаешь?

— Джюель свойственны только такие пункты, как твой первый.

Злая ирония рассмешила меня и развеяла длительную тоску.

— Всего одна мысль о том, что я прикончу её, вызывает щекотку на пятках, — так же с насмешкой произношу я. Найджел становится серьёзнее:

— Мечты мечтами... Их угодно исполнять. Союзничать. Ты больше ничего не хочешь узнать?

— Твои друзья в порядке? — негромко интересуюсь я.

— Д-а-а, в полном. Удивлён, что спросила. Я думал, ты их не выносишь.

Я демонстративно закатываю глаза. Не то чтобы они мне полюбились с первой встречи, но, так как никто из них пока не угрожает моей жизни, чести и репутации, я полностью спокойна. Расслабляться, так или иначе, мне строго запрещено.

— Как обстоят дела в сфере Чёрного Оникса?

— О Грэме Коши никаких вестей не поступало. Мои глаза и уши сообщают, что Яфа частит с запретными свиданиями.

Снова подвергает себя опасности.

— Я спрашивала обо всей сфере, — огрызаюсь я. Разумеется, я не отказалась бы услышать, как Грэм, но то, с каким пренебрежением Найджел назвал его имя, вскипятило меня.

— Ох, точно, — прищурившись, кивает он. — Флавиан главенствует с семьёй Бодо за своей жирной спиной. Подружка твоя, Алисия, всюду бегает и умоляет отпустить Грэма и не мучить его. На коленях ползает перед своими родителями, а потом они запирают её в темнице и бьют за такое поведение.

Таких подружек у меня ещё никогда не было. Были чуть получше, но не такие, которые с лёгкостью могли использовать на мне все приёмы с мечом, кинжалом и кулаками.

— Какая преданная, — ляпаю я, и в моём голосе сочится злость. — До сих пор поражаюсь, как Грэму угораздило повестись с ней.

— Раньше она была другой. Помню, их история любви закончилась около пяти лет назад. Все мы совершаем ошибки в этом деле. У тебя они тоже были, я уверен.

Предательство Мэлвина мелькает в голове как стрела и пронзает сердце. Не только из-за того, как обидно мне было, но и из-за того, что я натворила потом.

— А у тебя было такое?

Покровитель лишь фыркает. Я ждала от него душераздирающего прошлого.

— Не-ет. Такого я ещё не чувствовал. А кого здесь любить? Габи? Нанну, которая мне в бабушки годится? Или трёх моих девочек? Они моя утеха, развлечение, с ними я заполняю пустоту. Остальные — разовые. Я не ищу любви, и она не доставляет мне проблем.

Но что значу для тебя я, Найджел, только хочу спросить я, но быстро прикусываю язык. Я тоже должна была стать разовой? Или той, кто станет твоим постоянным увлечением? Ради обыкновенного удовольствия он бы ни за что не упал перед Джюель Бертран. Во что же ты втягиваешь себя, Гальтон? Зачем заставляешь меня испытывать вину?

— Вычеркнем этот разговор, — отмахивается он. — Когда мне ещё к тебе зайти?

— Как ты хочешь.

Он заметно расстраивается, и я осознаю, что это выглядело как «мне всё равно, это тебе нужно».

— Когда у меня будет время, я обязательно приду. И не забудь сказать, что рада меня видеть. Договорились?

— Конечно договорились, — задумчиво говорю я.

— Ни разу у нас не вышло изъять твои силы, — устало вздыхает Юми. Владычица пытается выглядеть сильной и полной энергии, но в таких вещах все плохо притворяются. — В тебе есть мощь, но она боится вылезти. Мощь любит контроль. Ты убила два хранителя, снесла покровителя на сотни метров, моментально регенерировалась и

насытилась энергией. Твои эмоции были на пределе, тобой двигал гнев.

— Меня нужно вывести на эмоции.

— Это первоначальная цель. Но позже ты сама должна вызывать силу. На одном дыхании, без особых усилий и духовного ущерба.

— Я хочу, чтобы силы дали о себе знать. Прежде всего.

— Пока этого недостаточно. Тебя что-то тревожит, ты не можешь сосредоточиться. Торопишься?..

Юми целиком и полностью права. Я хочу, чтобы унижительный ад скорее прекратился, хочу надрать зад, тем, кто не считался со мной. Настолько это желание преисполнено могуществом, что внутри меня что-то осторожно подрагивает, как фитилёк свечи: хорошее предзнаменование после долгой тишины.

— Спешка — это плохой признак, Милдред. Так ты ничего не добьёшься.

— Возможно, я прозвучу глупо, как ребёнок, но мне правда не терпится выбраться из испытательных тренировок. Мне нужно хоть немного свободы, тех сил, что есть у всех. Все вокруг ни во что меня не ставят, потому что я человек. И никто не согласится сражаться со мной на равных. Тогда я встану с ними в одну линию и сразу собственным покровительским мечом.

— Мстить полезно для самоудовлетворения души, но... Этот способ я тебе не советую. Не совершай ошибок, о которых будешь жалеть.

Не я начинала эту войну... Я не терроризировала власть сферы Чёрного Оникса, я не заставляла свою мать ненавидеть меня. Это мой метод расплаты — месть. И я позволю ей поглотить меня, унести на синих водах бездонного океана под чёрным небосводом. «Милдред, дыши. А потом забудь», — раздаётся мягкий и заботливый голос Айка. «Не вмешивайся», — в ответ реву я.

Его голос — иллюзия моего разума, и он сам стал похороненным прошлым, стал разбитым кораблём, который всегда указывал мне верный путь. Теперь я ступаю по тернистой дорожке и не дам себе повернуть назад. Теперь я не позволю нотациям Айка, засевших в моей голове подобно клещу, действовать по соображениям добра. Мир слишком жесток, чтобы быть добрым.

— Сферы держат острые плечи семьи Бодо и Джюель Бертран. Если наткнёшься на них — получишь двойную дозу яда. Меня интересует то, что будет дальше, а именно, как сферы продолжают развиваться, когда у трона одни диктаторы. Если это месть, то в захват определённно идёт свержение чудовищ с почётногo места.

— Тебя так же заботит мир сфер. Я это принимаю. Я хочу спокойного будущего, единства общего народа. Почему я тренируюсь с тобой, скажи мне, Милдред?

— Вы хотите мира среди общего народа. Вы хотите помочь мне справиться с контролем, научить пользоваться магией, — твёрдо говорю я. Клянусь, мой голос ещё никогда не звучал так уверенно. — Моя сила нужна мне, чтобы покровители толпами шествовали за мной.

Я подбираю свой выброшенный на пол меч и наставляю на Владычицу.

— Попробуем снова. Я буду думать о том, что меня мотивирует.

— Борьба. Мир. Близкие покровители.

Мы сталкиваемся в схватке. Юми нападает отточенными движениями, лёгкими и спокойными. Я улавливаю почти каждое её наступление, с трепещущим сердцем отражая атаку. Но последнюю пропускаю, и Юми задевает моё бедро.

— Ты ранена. В порядке?

— Я справлюсь. Было похуже, — улыбка сама растягивается на моём лице.

Я бросаю взгляд на царапину и мгновенно забываю о ней, несмотря на тихую пульсацию. Юми, немного помедлив, продолжает спарринг, стараясь поколоть меня мечом.

— Что самое дорогое для тебя? — вдруг спрашивает она, отбивая мой ответный удар.

— О... Над этим вопросом стоит задуматься.

— Ответ сейчас. Спонтанные ответы зачастую есть правда.

— Свобода. Покой.

— Ты можешь оказаться на свободе, покончить со всем, свергнув Владык-тиранов. Без силы ты будешь беспомощна. Когда Испытания будут окончены, ты сможешь навестить свой дом на Земле. Это, по-твоему, свобода? Тогда борись! Достань то, что прячешь.

Владычица становится агрессивнее в нападении. Она подпрыгивает к потолку и с высокой скоростью налетает на меня. Её меч направлен мне прямо в шею. Я готовлюсь к тому, чтобы стать мёртвой, но перед глазами пролетает вся фальшивая и настоящая жизнь. Мечь. Я обязана увидеть, как чудовища станут мошками. Как на трон взойдёт Грэм Коши с Яфой за спиной — его верной помощницей. А что до сферы Голубой Бирюзы... Правление Найджела пугает не меньше Джюель. Но то, что попрекать каждого на чёрном кресле будет не она, счастливит меня больше, чем новое платье.

Я крепче сжимаю рукоять, которая скользит в моих руках от пота. Совсем немного и это закончится — я перестану быть человеком. Что-то внутри меня восстаёт, пододвигая органы на миллиметр. Каждый из них дрожит под воздействием неизвестного землетрясения, горячего, как красное пламя. «Кричать от ужаса», — проносится в голове. Я боюсь снова испытать этот болезненный аффект, полыхание плоти, мучения.

— Не-е-е-ет! А-а-а-а!

Мой ор будоражит Владычицу. Она подрывается с места, побросав все свои принадлежности, висящие на ней. Больше я ничего за ней не замечаю — потому что боль становится сильнее, мучительнее, медленнее. Я уже не обращаю внимания на окружающие меня стены. Для меня существуют только огненная пропасть, которую я преодолеваю с медлительностью улитки. Теперь огонь жрёт меня не снаружи, а изнутри. Самое жуткое заключается в том, что кожу соблазнительно холодит. Как же хочется направить холод поглубже.

Владычица кладёт мою голову себе на ноги и неизвестно откуда появившимся мокрым полотенцем промачивает мне лицо, шею и грудь. Юми резко отбегает и незамедлительно появляется с мечом в руках. В эту секунду мои глаза расширяются: она поднимает надо мной лезвие и без раздумий пронзает живот. Я вскрикиваю, но не так истошно, как при горении органов. Это ещё белые ландыши по сравнению с невыносимым огнем внутри меня. Я всё ещё скулю от боли, кровь сочится из меня, как если бы хлынула гроза. Юми совсем не намеревается доставать меч.

Её прохладная рука касается моего лба. Тонкими изящными пальцами она проводит по моим волосам. Кажется, сейчас она склонится надо мной, чтобы поцеловать, как я представляла себе маму в детстве, но она этого не делает.

Боль начинает отпускать, махая напоследок. И если бы у неё были глаза, то в них я бы прочла: «Я вернусь, и веки вечные буду сопровождать тебя». Чем больше крови — тем меньше огня. Юми вынимает меч, и рана затягивается.

— Ты молодец. Молодец, — шепчет Юми, сокрушённо выдохнув. Она Владычица,

могущественный правитель, сидит на грязном полу, с окровавленными руками и радуется маленькой победе человека.

Я выдавливаю жалкое, но искреннее «спасибо».

Ладони сплошь вымазаны кровью, одежда пропитана кровью, а мрамор залит алыми лужами. Почему меня всё равно заботит всеобщая безопасность наподобие: «Как объяснить кому-то, почему весь зал в кровавых ручейках, а два покровителя здоровы и без единой царапины на теле».

— Твоя магия спала. Если новичок в каком-то деле не стажирруется, он не набирается опыта. Твоя сила была в спячке, нам стоило раньше её активировать. Она потерялась, я выпустила её из тебя и направила энергию на заживление раны.

Во мне находится как-то тварь, я не могу её контролировать, и меня это страшит. Я боюсь самой себя. Боюсь разгневаться, сделать лишнее движение, повеселиться, заплакать... Потому что для силы проход открыт именно в те моменты, когда мои эмоции слабы, то есть подвержены заражению.

Киара заставила меня поужинать, и я, преодолевая себя, съедаю четыре ложки жареного риса. После двенадцати часов сна я зову Владычицу на тренировку, пока она не сокрушает.

— Ты переживаешь, если не упражняешься? — спрашивает она, видимо, заметив, что я не переделась и не сходила в душ.

— Меня пугают эти изменения. Вдруг я не смогу с ними совладать? — звучит это настолько безнадежно, что на мгновение я замолкаю. — Особенно, если рядом не будет вас. Вчера вы помогли мне, я чувствую, что в долгу.

— Заставить не испытывать вины я не могу, но мы договаривались: я учу тебя — ты помогаешь сферам. Ты сама этого желаешь — проблема исчерпана. Считаю, мы заключили выгодную сделку.

Я нерешительно киваю учителю и показываю фальшивую улыбку.

— В этот раз будет легче, чем вчера. Милдред, теперь тебе придётся проходить через это постоянно, пока ты не применишь свои способности. Тебя ждёт один лишь кропотливый труд.

Я качаю головой, и до тошноты мне вспоминается та боль. Что мне предстоит пройти, чтобы оказаться в нужном месте? Плата за могущество в моём случае непомерно дорога. Остаться умирать или двигаться дальше... Я обязана выбрать второе, потому что первое — признак трусости. Я не стану бежать от препятствий. Если бежать, то только вперёд.

— Я справлюсь, — неожиданно для Юми, решительно заключаю я. — Ради себя и ради будущего сфер.

— Когда почувствуешь, что готова сдаться, приходи ко мне.

— Я не сдамся.

— У каждого наступает переломный момент. С помощью него мы учимся жить достойно. Настанет день, когда ты захочешь скрыться в тени, стереть своё существование, даже не зная своих друзей и любимых. После мучительной фрустрации тебе нужен будет толчок. Я могу сделать это, но пойти ты должна уже сама. Слышала меня?

Я сдерживаю слёзы, представляя смерть ненавистников — работающий отвлекающий манёвр.

— В первую очередь я найду вас, обещаю.

— Сразимся снова. Не паникуй и делай всё, как я скажу, — медленно произносит Владычица, растягивая слова, как жевательную резинку, и её голос расслабляет мои мышцы.

Мы не спеша обходим круг, направляя друг на друга острия своих мечей — моего голого и скудного и Владычицы — насыщенного аметистовой магией, украшенный красивыми отполированными камушками.

— Кого ты особенно недолюбливаешь? Тот, кого бы ты уничтожила, не раздумывая? — спрашивает Юми. Она задаёт дразнящие вопросы. Я смело поддаюсь, вынуждаю себя разозлиться, ослабляю барьер, который зачастую выстраиваю, когда хочу упрятать свои чувства.

— Джюель Бертран, моя мать по крови, предательница, лживая, бесчувственная и безразличная. Ничтожество. Убогая правителька. Чудовище.

— Как так? И ты не любишь её?

— Нисколько. Я всегда мечтала о материнском тепле, но взамен получила порцию ненависти вперемешку со специей «отрава».

— Ты будешь ей должна?

— НЕТ, — рычу я. — Она не подарила мне благополучную жизнь, зато я подарю ей мучения. Она могла забрать меня в сферу. Даже если не забрать, то хотя бы избавить меня от тех мерзавцев, зовущих себя детьми, которые насмехались над моим сиротством, дряхлой бабушкой и отвратительным вкусом стиля. Джюель не попыталась исправить свою ошибку, она не заслуживает даже моего вдоха.

— Не слишком ли ты жестокая, Милдред?

— Я пока ещё милостивая!

Этот разговор выводит меня из себя и мне немедленно хочется прекратить его. Владычица ковыряет шрамы, а я терплю ради себя. Какая ирония!

— Ты сможешь полюбить её, какой бы ни был её характер. Да, она не сладка, как мёд, но горька как трава. Траву так же можно есть, смотря, кем являешься ты — человеком или добрым ослёнком, идущим на уступки. Стань другой в угоду маме, ступи на другую тропу, поверь в её усилия.

— О каких усилиях речь? Она ненавидит меня.

— Ошибаешься.

— Вы не дали мне закончить, чёрт возьми! Я не буду преклонять колени перед покровителем из-за того, что по венам у нас течёт одинаковая кровь.

— Будешь!

Снова боль, снова ожоги, колебания, мои разрывные крики. Я бью себя по лицу в попытке успокоиться и не кричать, но глотка сама разрывается, я не в силах даже закрыть рот, чтоб не вымолвить ни звука.

— Не держи это в себе! — голосит Юми, перекрикивая моё рычание и нечленораздельные вопли.

Я просыпаюсь оттого что пот бисеринками стекает по лбу и шее. Обтираю его уголком одеяла. Ветер, заглянувший в спальню, обдаёт ласковой прохладой. Жар продолжается уже двое суток с последней тренировки, лучше не становится — только хуже, словно сила пытается убить меня, дабы избавиться от слабого сосуда. Владычица говорит, что мы с магией одно целое и если умру я, то и она тоже; я была такой рождена и не могу лишиться частицы себя. Если бы кто-то рассказал мне, какая у меня задача и зачем в мир было ниспослано такое могущество! Юми не знает ответа на мой вопрос или остерегается отвечать.

Киара приносит стакан воды с крошечными кубиками льда, я полностью опустошаю его и со стуком ставлю на тумбу. Рыбок, плавающих в четырёхстенном океане, ничего не заботит, кроме пищи, в чём я им всякий день завидую. Каково это жить с единственным смыслом в существовании? Такие чувства меня ещё не терзали, и даже не знаю, хочу ли такой суетной жизни.

— Мне тебя очень жалко, — неслышно говорит Киара. — Это очень больно?

— Я вот-вот поправлюсь, — хриплю я, а затем воровато прочищаю горло. — Чем чаще я буду дрессировать силу, тем легче мне будет. На самом деле, эти попытки насыщают меня энергией. Я прямо сейчас ощущаю её переизбыток.

— Ты не врёшь?

— Нет! Правда, у меня до сих пор жар, но это не так страшно, — я натягиваю улыбку. — Переживу.

Каждое моё слово — полная противоположность. От такого количества лжи, да ещё убедительной, меня тошнит. Кажется, что я нескоро выздоровею. Чем больше я тренируюсь — тем хуже. Я жажду смерти, когда моё тело достигает кончика пламени. Часто я воображаю, как скончаюсь у Владычицы на глазах. Тем не менее я не останавливаюсь. Такие испытания постоянно будут толкать меня в яму — но перепрыгну я, рухну вниз или свешу в ноги в крошечную темень, руками цепляясь за стенки, — мне решать.

Киара обещает принести обед через час после сокрушения с угрозами «я заставлю тебя есть». Я делаю невозмутимый вид, но от одного упоминания о еде меня воротит.

Я не ожидала увидеть Найджела и совсем не ждала, когда сама в убийственно-мертвенном состоянии. Он одет по-простому: светло-серая плотная рубашка с засученными по локоть рукавами в сочетании с широкими закрывающими обувь штанами молочного цвета. На поясе висит кожаный бурдюк, а за метр от покровителя нехило несёт вином. Я сглатываю, чтобы наверняка сдержать завтрак, который меня принудили доесть.

— Здравствуй, солнышко. — Здесь не хватает только окна, завешенного шерстяной шпорой и яркого солнечного света. — Неважно выглядишь.

— Да. Люди болеют, представляешь?

— Чего сразу жалиться? Может, тебе дать вина хлебнуть, развежишься? М? — Гальгон делает глоток с характерным булькающим звуком.

Я незначительно закатываю глаза. Желание, чтобы он ушёл резко перемещается на первый план.

— Я заболела. Мне нельзя пить, Найджел, — ледяным тоном отрезаю я.

— Не кори меня за глупость. Я забыл что такое люди.

— Помимо меня у тебя было множество других учеников. Не притворяйся, что не знал. Раздражаешь.

Покровитель на некоторое время исчезает, я успеваю даже выдохнуть и расслабиться, но блаженство длится недолго и он сию минуту оказывается у изножья кровати. Мужчина протягивает флакончик с ярко-голубой жидкостью.

— Пей. Мне подарили его для серьёзного случая, а сейчас как раз такой. До дна, не оставляй ни капли.

Недавно Найджел предлагал мне алкоголь, а теперь я должна принять неземное вещество. Я не выставляю руки, как он рассчитывал, а упрямо складываю их на груди.

— Что это?

Покровитель садится напротив меня, скрещивая ноги. «Скажи спасибо своим чистым ботинкам, которые открыли тебе путь к моей постели», — хочется бросить ему.

— Лекарство. Создали хранители и посыльные в Аметистовой сфере. Тебе разве не рассказывали? — Я киваю. — Оно у меня уже десять лет на полке валяется. Лишний мусор. Не успеешь глазом моргнуть: здоровая будешь как бык, — Гальтон показывает большой палец, рекламируя магическое средство.

— Найджел, это просто жар. Зачем отдавать мне такую бесценную вещь? Возможно, тот самый случай ещё не настал. Я не умру и завтра уже буду бодрой. Забери это и сохрани, тебе понадобится.

— Если не выпьешь, я сделаю кое-что грешное, а поверь мне, я устрою запоминающееся шоу, все сферы потом поминать будут. Это всего лишь побрякушка.

— Побрякушка? Зачем тогда ты даёшь её мне?

— Для меня этот предмет мелочен, а тебя он вылечит, — уставший уговаривать, отчеканивает Гальтон. — Ты не окочуришься — ладно, но перестанешь мучиться. Как тебе такая идея, Милдред Хейз? Бери от жизни всё! Заливай!

Ненормальный...

— Позже я...

— Сейчас! Ну! Ну! Я в ожидании, — перебивает он, довольно подскакивая с кровати.

— Как будто смерти моей ждёшь, — шепчу я и сомневаюсь, что покровитель не услышал.

Я открываю деревянную пробку, это сопровождается звуком лопающегося мыльного пузыря. Из флакона поднимается небольшой лазурный дымок. Запах почти неуловимый, едва чувствуются нотки ржавого железа. На вкус я возлагаю все надежды. Я разом поглощаю снадобье: обыкновенная морская вода, разбавленная красителем и усыпанная блёстками.

Моё самочувствие улучшается. Я подхожу к зеркалу и уже не смотрюсь как ранний труп, забрызганный водой.

— Красота-а-а, — сказочным голосом мурлыкает Найджел. Он тоже идёт к зеркалу, становится позади и кладёт ладони на мои опущенные плечи. Я реагирую на прикосновение и выпрямляюсь. — Лекарство будет достаточно время эффективно. Станет дурно — вылечишься.

Я и без того самостоятельно исцеляла раны, но тут Найджел прав — обычное человеческое заболевание лечит бирюзовая смесь. Мы с Юми не определили конкретную причину моей повышенной температуры. Наша потенциальная теория — это, что мой организм постепенно восстанавливается, поэтому я не смогла выздороветь сразу же.

— Ты такая загадочная, — тихо подмечает он, приблизившись к моему уху. Меня это не

то чтобы пугает, но настораживает. — Удачи, Милдред. Надеюсь, ты благополучно завершишь Испытание.

Он так искусно переносится, что я даже не замечаю, как он убирает руки с моих плеч.

Найджел наведалься, чтобы вручить мне лекарство. Он водил меня за нос вином, опьянением, глупыми шутками, якобы только заметил моё состояние. Он что-то знает и теперь намекнул об этом. Покровитель понимал, что я разгадаю его подозрительное поведение. Зачем ему это баловство? Задаваясь этим вопросом, я на секунду забыла, из какой он сферы.

— Я уже тут, — врывается Киара с громадным подносом. — Ты почему стоишь? Ляг в постель!

— Я здорова, — успокаиваю я.

Киара ставит поднос с едой на тумбу и направляется ко мне. Девушка берёт меня за руки и тащит к кровати.

— Как ты так...

— Сила.

— О! Это уже прогресс! Молодец! — Покровитель крепко сжимает меня в объятиях.

— Не откажусь потренироваться, — я осторожно отстраняюсь. — Владычица занята?

— Она на севере. Будет через три часика.

— У тебя как прошло?

— Сегодня погибших нет, — заурядным тоном сообщает Киара. — Я до жути этому рада. Мы стали сильнее или... фауги сдали позиции. Может быть, они снова набросятся на нас, как рой пчёл на предмет опасности.

— Почему нельзя их истребить?

— Они довольно скользкие существа, размножаются семьями. Если сокрушить главу семейства — исчезают все его детишки. Но основной папочка постоянно прячется и иногда выползает на охоту. Рисковать отправляться на поиски не стоит: до нас было миллион попыток. Хранители искали главных, но это просто потраченное время: дети верхушек плодили свеженьких фаугов. Так или иначе, прикончив одного, мы ликвидируем нескольких, но и рождаются они тоже быстро и постоянно.

— То есть глава не питается?

— Хо-хо, ещё как. Если выходит крупный фауг, это знаменательное событие. Для этого собирают очень много покровителей, потому что он как циклоп, а разрубить его в любом случае нужно пополам или хотя бы на равные части, — Киара активно жестикулирует и тараторит, словно опасаясь что-то упустить. — Одна партия покровителей делают из мечей фигуру: чаще это «солнышко», другая является приманкой — так легче поймать гиганта, а третья сражает мелких фаугов. Папочка отправляется на охоту редко, потому что в его... теле? В его теле скопилось огромное количество энергии. Да, мы можем ненароком пропустить фауга, и он вкусно покусает! На чём я остановилась? Э-э-э... А, тебе этого точно не рассказывали. Хранители выдвинули теорию, что хозяин ест собственных детёнышей, поэтому он такой громоздкий. Добровольно или принудительно — тоже неизвестно. Найти логово этих тварей трудно — довольствуемся тем, что вычислили несколько десятилетий назад. Вообще только самые опытные хранители видят фаугов.

— Я об этом не знала, — ошеломлённо проговариваю я.

— Ты столько всего не попробовала. Так много не видела. Особенно в моей сфере. Юми столько всего придумала, устроила. Ох, как же мне неймётся похвастаться. Но ты

выздоровливай. Когда мы с тобой освободимся, я стану твоим личным гидом. Я в этом деле знаток.

Я отрывисто киваю.

— Ты участвовала в этом бое?

— «Исполинская облава»? Однажды. Страшно, но интересно.

— Сколько тебе лет, Киара?

— Я старенькая, мне двадцать один.

— Ты ещё молодая, — протягиваю я, усмехнувшись.

Я решаюсь уснуть до тех пор, пока не вернётся Владычица. Болея, я мало спала, ворочалась, умывалась холодной водой. Киара, Норвуд и Юми ежеминутно ко мне заходили и «не нарочно» будили, проверяя жива ли я. Если бы в моём случае мне помогали антибиотики, я бы пошла на улучшения. Без лекарства Найджела, я бы ещё неделю недомогала.

Спустя три часа, когда я уже успела поесть и поспать, приходит Юми. Она выглядит расстроенной или уставшей. Покровители нечасто истощаются, значит, Владычица вымотана морально. Она в буквальном смысле непоколебимо и мужественно удерживает сферу на своих плечах.

Я сдерживаюсь сказать ей, что сама справлюсь с тренировкой, но умалчиваю. Только Юми выловит меня из смертельного положения, не даст потеряться в себе, поможет высвободить силу. Выжить. Окажись я в прошлые разы одна, меня бы давно здесь не было, эту кровать занимала бы другая важная персона, совершенно не заботясь о том, кто жил тут до неё.

— Как самочувствие, Милдред? — она подбадривает меня, глядя по плечу.

— Я... вылечилась.

Юми не поверила мне: её еле заметные прищуренные глаза я всё-таки замечаю.

— Если ты готова, мы можем продолжить. Не готова — не рискуй.

Второе предложение учителя звучит как упрёк или же наставление.

— Где мы будем тренироваться? В том же зале?

— Да, — вздыхает Владычица и переносит нас в тренировочную. Настроение у неё значительно улучшилось, вероятно, замечательная актёрская игра. — Переживаешь?

— Я соврала, если бы сказала нет. Руки дрожат.

— Я бы хотела понять тебя, — мягко произносит Владычица. — Ты ещё совсем ребёнок, идёшь во мрак в одиночку. Милдред... я искренне хочу лишить тебя боли, которую приносит неизведанная магия.

Я не отвечаю Владычице: это ново для меня — жалость.

Около сорока минут Юми пытается вывести меня на эмоции, но я подсознательно скрываю их, не осмеливаясь чувствовать. От ужаса.

— Если ты не выпустишь всё наружу, это сделает тебе хуже. Ты умрёшь. Милдред, ты вольна бояться, но даже страх можно перепрыгнуть, если тебе захочется. Дай волю, распусти себя.

— Я не... не могу.

— Ты сдашься? — без укоризны спрашивает Владычица. Само слово «сдаваться» бьёт меня по затылку. Я никогда не была такой, я обещала себе, что не проявлю слабость.

— Ни за что. Когда я преодолела окольный путь...

— Продолжай, — настаивает учитель, в надежде привести меня в исступление.

Упасть на колени, сжаться клубком, зарыдать, закричать о боли и одиночестве, забыться где-нибудь... Это действие мимолётно пронесётся в мыслях, следом наступает отчаяние, а отчаянием ничего не добиться.

— Крайние меры. Они есть? — твёрдо и без заминки вопрошаю я.

— Это не самый хороший вариант, — вполголоса говорит Владычица, пикнув как серая мышка.

— Я согласна.

Юми качает головой и смотрит на меня тёмно-коричневыми, почти чёрными глазами, будто сейчас заплачет. Её черты выражают печаль и сожаление, а потом принятие.

В спину поддувает зимний ветер, почти сдвигая меня с места. В тонкой безрукавке и коротких вельветовых шортах я вмиг замерзаю. Снег покрывает ресницы, и они становятся тяжёлыми, как если бы на них возложили массивные булыжники. Я стряхиваю их пальцами и разглядываю протяжённую белоснежную скалу. Подхожу к краю — вниз метров пятьдесят. Высота смерти.

— Этот способ... скверен, — выкрикивает Юми из-за шквалистых порывов ветра. Снег бьётся о мои голые ноги, оставляя крохотные кровавые борозды. Я чуть не вылетаю со скалы: Владычица успевает ухватить меня за локоть.

— Падёшь книзу — тогда магия вырвется в свет на фоне инстинкта самосохранения. Снег должен облегчить жар. Убрать — не знаю.

Я опускаю взгляд в облачную пустоту и вздрагиваю.

— Мне жаль, — шепчет на ухо Юми Нисимура и толкает меня в серебристую бездну, овеянную одними лишь стужей и мертвенностью.

Ветер подхватывает волосы, властвует над моей одеждой, раскачивает тело, как хрустальную капельку дождя. Он, всемогущий, овладел и моим сердцем как паук своей добычей, ощутимо сдавливая его, словно мизерную докучливую муху. Холод пробирает до костей, зубы отбивают дробь прямо в виски. Я давно не чувствую конечностей, есть только разум и понимание, что в воздухе парит оболочка, принадлежащая Милдред Хейз.

Всё о чём я могу думать — это то, что мне повезёт. Нет наступающей энергии, нет силы, которая спасёт меня от ужасной, хоть и мгновенной смерти. Спина ощущает, как стремительно приближается земля, как неумолимо манит в свою взрыхленную пропасть, отзываясь покаянием.

— Владычица! — кричу я, барахтаясь посреди снежных кристаллов. Быстро, однако собранно и последовательно, они сопутствуют ветру, насмехаясь над инородным существом, потревожившим их покой.

Сила. Мне необходимо дать ей рвануть из меня фонтаном, не боясь болезненных последствий. Крайние меры должны такими и оставаться, потому что больше у Юми нет альтернатив, как призвать обитателя моей души. Я издаю гортанный рык, будоражащий скальные пустоты, сметающий жемчужное нагромождение и сбивающий каждого человека, находящегося в пределах пятисот километров. Иллюзия спасает: мельком в груди появляется неестественное тепло. Я довольна скалюсь и снова зову Юми. Никакой боли внутри нет, моё сознание по-прежнему будто в безотрадном одиночестве летит среди молочного тумана.

Стоит обрадоваться и вволю захохотать, как могучий прилив проходит, повлёкши за собой цепочку: изумление, ужас, затем сожаление и, в конце концов, принятие.

Мечь, о которой я мечтала целых четыре месяца, стремилась до этой минуты, канет в

лету, моё имя забудется, так и не став олицетворением свободы, синонимом девочки-ключика. Она не вызовет мир сфер от жестоких диктаторов у власти, не поможет нуждающимся в её силе. Она не выкажет благодарность тем, кто постоянно помогал ей, невзирая на то, что это их обязательства. Милдред умрёт попросту, принеся в мир очередной бугор в земле.

— Спасибо, — тихо произношу я в надежде, что сказанное разлетится по ветру и дойдёт до нужных людей и покровителей. — Умрите, — адресую чудовищам.

Я ладонями накрываю отяжелевшие глаза и в эту секунду соображаю, что чувствую ноги и руки. Финал моей истории несметно близок, в мыслях рождается ледяная пустошь, обязывающая сопровождать меня, когда я стану невесомой душой.

Моё грузное тело соприкасается с землёй и его тут же простреливает боль. В голове громоздятся точёные ледники, нет эмоций, нет любви к серому небу, как прежде, нет страдания; саднящие и жгучие места испаряются, как утренняя роса с появлением жарких лучей солнца. Ничего нет.

— Милдред! — испуганно бросается ко мне Владычица. Я улыбаюсь тому, что в мой заключительный сон наведальась восхитительная во всех проявлениях женщина, которая на краткое время заменила мне маму.

— Жи...ва? — я сама едва слышу, что выдавливаю из себя. Юми кивает в знак согласия, на её лице мелькает полуулыбка.

— Я перенесу нас, — резко сообщает она.

Я ожидаю увидеть свою комнату или тронный зал. Подо мной рассыпчатый и, наверное, донельзя горячий белый песок: если я так моментально отогреваюсь. По щекам стекает снег, покрывавший мои ресницы: они представляют подобие слёз. Я бы заплакала, но у меня даже для этого нет сил.

Четверть часа мы проводим в тишине. Только тогда окончательно оттаяла ледниковая пустошь.

— Всё произошло так внезапно, — надломленным голосом говорю я, — ничего не понятно.

Юми вздыхает и садится на песок со всей возможной изящностью.

— Твоя магия не подвела, как я и предполагала. На короткий миг ты зависла в воздухе.

— Да. Я почувствовала, когда она действовала. А потом... опять рухнула.

— Когда находишься по соседству со смертью, начинаешь жалеть, — Юми загребает в ладонь песок, медленно высыпает, и ветер разгневанно сокрушает тёмно-коричневое облако, как покровитель фауга.

— Так и было.

— Ты справилась. Твоё самочувствие улучшилось.

— Я не умираю от боли, — грустно усмехаюсь я. — А ещё я жива.

Юми крепко обнимает меня. От неожиданности я не сразу отвечаю взаимностью.

— Спасибо, — благодарю я. Больше не позволяю себе откровенничать.

«Как закончится следующая попытка?», — мельтешит в голове. — «На что придётся пойти, чтобы совладать с собой?». Тем не менее я спокойно засыпаю и отпугиваю плохие мысли. В последние дни еда никак не привлекает меня, появилось чувство, будто я в ней не нуждаюсь. Всё же у меня остаётся предчувствие, что это временно. Киара и Норвуд жилились развеселить меня и не оставлять с моими демонами. Я неоднократно повторяю им, что не ребёнок и способна остаться наедине, но эти двое отнекиваются: «Ты нам очень

понравилась, вот и хотим пообщаться».

Предыдущая тренировка, несмотря на жертвы, увенчалась успехом. Мы с Владыкой медитировали и подобным способом старались «наладить контакт» с моей силой. Частично у меня это вышло. Я управилась и сделала желанный бросок — откинула Владыку на железную перекладину. Казалось, она радовалась больше меня. Вот только моя волна оказалась настолько мощной, что теперь в стене приличная вмятина. Посыльным редко приходится заниматься строительством, в основном достройкой, но с моими занятиями их обязанности растут. Основа замка, созданная Гайюсом и Касьяном магически нерушима, и лишь моя магия может это изменить.

Сейчас я собираюсь на тренировку. Не с таким трепетом, как ранее, но рассчитывая, что в этот раз у меня получится лучше.

Мой тренировочный образ составляет утягивающий комбинезон-униформу с разномастными ремешками и карманами, который целиком открывает руки и плотно облегает шею, толстые перчатки, если доведётся работать с железом и перекладинами и любимые сапоги, приобретённые в сфере Голубой Бириузы.

Я заплетаю стриженные вчерашним вечером волосы в хвост, хотя знаю, что резинка спадёт. Киара переусердствовала и укоротила их до мочки уха.

— Давай я провожу тебя, — просит она, сдвигая брови треугольником. — Я хочу посмотреть, как ты шаманишь. Юми сказала, что теперь будет безопаснее. Я покровитель, не умру.

Я убила два хранителя и не могу обещать, что не наврежу Киаре или Юми.

— Не стоит. Мало ли.

— Милдред, не будь такой скучной. Всё будет отлично, слышишь?

Я вздыхаю, потому что знаю — она будет непреклонной. Я соглашаюсь, и она радостно мнётся на месте, сдерживая всплеск обнять меня или резко развернуться и понестись в зал. «Переместиться», — вспоминаю я, а потом — открывшуюся мне тайну. Киара рассказала, что эта процедура крадёт энергию не намного больше, чем сокрушение, поэтому если в этом нет нужды, проще «передвигать ножками». Усталость не возьмёт покровителей такими обычными вещами как ходьба.

В коридоре нас встречает Владычица, видимо, направлялась ко мне. Она говорит второпях:

— Тренировку нельзя отменять, — мы делаем это повседневно, чтобы моя магия не зачахла. — У меня есть неотложные дела. Бад займётся с тобой. Я подойду, когда освобожусь.

— Конечно, Владычица.

Она кивает и незамедлительно ретируется.

Киара ободряюще сжимает моё плечо.

— Ну что, приготовься, — предупреждает она. — Бад был моим учителем. Конечно, ко мне он относился суперски, а вот что до тебя... Сдаётся мне, ты ему совсем не нравишься, — девушка с печалью кривится.

— И не такое бывало, — я улыбаюсь. «Хуже Найджела он быть не может», — становится первоначальной мысль. Но тут моё мнение резко меняется: Бад не станет теплее ко мне, как Найджел, он не пожалеет подрастающего птенчика.

Нервы пляшут как пламя, но я захожу в тренировочный зал с уверенностью.

— Приветствую, — мой голос выходит равнодушным.

— Милдред, — он впервые называет моё имя, да ещё с нескрываемой желчью. — Буду честным: я не желаю находиться здесь и в особенности с тобой, потому быстро выполню поручение Владычицы и мы разойдёмся.

— Ладно, — так же безучастно говорю я, словно его наглая речь не задела меня. На самом деле, я закипаю от его презренного вида: перед ним будто навал тряпья.

Мы с Киарой переглядываемся. «Всё будет хорошо». Бад либо сделает мне гадость, либо не сделает ничего и, как он обещал, не ослушается приказа и спокойно отпустит меня по окончании тренировки.

— У тебя проблемы с эмоциями? — спрашивает Бад. Это очевидно. Такие трудности испытывали бы все на моём месте. Покровитель даже не скрывает насмешку в своём тоне.

— Да. Если вас это забавит, то напомню, что вы не можете сдерживать свою неприязнь. Киара округляет глаза.

— Не дерзи, — сквозь зубы проговаривает Ауман, уязвлённый моим замечанием. — Это может плохо для тебя закончиться.

— Милдред, — вклинивается Киара. — Начинайте тренировку. Не разжигайте, пожалуйста, огонь.

Слова девушки звучат подобно приказу. Пора перестать удивляться, что крохотный одуванчик способен стать пышным бутонем. Это же Киара, утаивающая свою истинную натуру под милым образом.

— Мы покровители, сокрушаем фаугов, — апатично читает лекцию правая рука. — Фауги почти неуловимые существа. И раз ты прошла два Испытания, знаешь, что нам нужно подниматься в воздух. Почти так же как ты летела со скалы, только с контролем и без смерти.

Я удерживаюсь, чтобы снова не съязвить ему или не плюнуть в глаз.

— Сегодня мы пробуем контролировать тело и соединять его с твоей... силой, — небрежно бросает он. — Лезь на канат. Хранитель будет убирать его с помощью магии, и ты полетишь вниз. Твоя задача — удачно приземлиться.

В зал входит старший хранитель Аметистовой сферы, он облачён в сине-серебряные доспехи. Мне редко удавалось видеть его: впервые — на первой встрече с Юми, когда он позади неё стоял навтыжку, а второй раз — на ужине: тогда он был безмолвным, внимательно осматривал всех присутствующих, а после спешно удалился.

Мужчина, видно, уверен в себе: его руки аристократично сложены за спиной, осанка прямая. Он тянет ладонь к лицу, затем проводит пальцами по своим пушистым усам и, как обычно, задумчиво взирает на меня. Киара склоняется к моему уху.

— Бад никогда не был настолько жёстким.

Я многозначительно смотрю на девушку, а потом отвлекаюсь на хранителя.

— Приветствую вас.

— Приветствую, — он осматривает меня и только потом приветственно кивает. — Я Адио Сали, доверенный хранитель правительства Аметистовой сферы. Работаю с высшим обществом уже тридцать три года.

— Да ну, Адио, прекращай церемонничать. Перед кем? — насмехается Бад.

— Никогда ты не принимал нашу идею, Бад, — он с дружескими намерениями хлопает его по плечу. — Как-нибудь тебе это аукнется. Попомни мои слова.

— Ты вознамерился остаться без новой истории, м? У меня их в запасе, как у тебя сил, — Ауман хохочет, как дед с избитой шутки. Мы с Киарой сохраняем непринуждённые

лица, хотя от архаичной обстановки меня воротит.

— Бад очень начитан; когда дело касается историй, его не остановишь. Ещё он пишет книги разные, — осведомляет меня Киара.

— Ей необязательно располагать этой информацией, — ворчит он. Девушка треплет меня за рукав и заставляет на неё посмотреть. «Не нарывайся на неприятности». О, Киара, они наступают мне на пятки, толкают в спину и бьют по затылку. Однако я никак от них не избавлюсь, промолчав на колкости какого-то ворчливого правителя.

Когда мы с Адио встречаемся взглядами, он кивает на канат диаметром около десяти сантиметров. Он не предназначен для людей — слишком толстый и тяжёлый. Потолок в тренировочной комнате высокий, а точнее — такой высоты достаточно, чтобы сломать ногу.

Правая рука и хранитель продолжают весело о чём-то беседовать. Киара поднимает вверх свой крошечный кулачок в знак поддержки, а затем с железным звуком стучает нарукавником по поясу. «Спасибо», — мысленно благодарю я.

Я берусь руками за упругий канат. Никто мне не сообщил, что это трос: стоит повиснуть на нём, ладони сотрутся в кровь. Я осторожно, медленно взбираюсь наверх: появившаяся физическая мощь легко придерживает вес моего тела, отчего я не получаю травм. Пока что я на безопасном расстоянии, то есть свободно могу спрыгнуть.

Хранитель и Бад разговаривают, как и прежде, не обращая на меня ни малейшего внимания. С каждым преодолённым сантиметром я понимаю — если окажусь у потолка, без промедления сорвусь. Я должна надеяться не на то, что моя магия спасёт меня, а что я сама её использую. Стать одним целым — к этому нужно стремиться.

Разговор с самой собой придаёт мне немного решительности. Я карабкаюсь ещё выше, оказываясь уже на половине пути. Стоит мне обернуться, и я ловлю на себе пристальный взор Адио: он потирает свои серебристые усы. Под его наблюдением я прилагаю несметные усилия.

Если бы мне год назад сказали подняться по тросу, я бы рухнула, не задержавшись и на долю секунды. Расскажи я о своей физической успеваемости в школе, меня бы здесь высмеяли. Я была физоргом класса, так как отлично играла и выигрывала вместе с друзьями медали за победы, а сейчас я борюсь за свою жизнь и прошлое мелочно, как хлебная крошка.

На стеклянном потолке чёрная и многолетняя грязь, покрытая небольшим слоем свежей пыли. Я невольно оставляю свои незаметные следы пальцев на поверхности свода. Кажется, что сюда отроду никто не поднимался, а я — первая.

— Что ты делаешь? — хранитель плавно приближается к неподвижному тросу, вперив в меня загадочный взгляд. — Почему держишься?

— О чём вы?

— Что не так, Адио? — подходит к нему Бад. Когда он переключается на меня, с брезгливостью дёргает губой.

— Она не даёт мне спрятать канат. Она держит его, — решительно заключает хранитель.

Как мне позволить хранителю избавиться от каната, если я не контролирую свою силу? Контроль — это то, чему я должна научиться. Рядом нет Владычицы, которая вытащит меня из замкнутого состояния, её вообще не будет рядом после «выпуска». Что такого должно случиться, чтобы я научилась располагать *собственной* сущностью? Этим вопросом я замучила Владычицу.

— Когда придёт время, — было её ответом. — Твоим спасательным кругом станут твои мысли. Насыщай разум прошлым, всеми большими и постыдными моментами, ненавистью и любовью. Вспоминай. Позволь своему телу привыкнуть, что яростные попытки — это желание. Твоя сила станет принимать *каждое* твоё желание.

Юми Нисимура мудрый покровитель. Каждый раз, когда она учит меня, я поражаюсь ходом её мыслей. Откуда она знает, как справляться с магической силой, являясь покровителем? Уверена, она помогает не только новичкам покровителям, но и «новорождённым» хранителям. Ей шестьдесят пять лет: за эту долгую жизнь она познала миллион новых и необычных вещей, изучила магию хранителей как свою собственную. Это необходимо, если покровитель метит на пост Владыки, — не жестокого и неряшливого, как Флавиан Эбурн, а того, кто станет учителем, помощником и другом своего народа, родителем сферы, частью великой истории.

— Что ты делаешь, Милдред? — с холодным спокойствием спрашивает Адио.

— Ничего не чувствую. Скорее, это подсознательный инстинкт.

Я так же продолжаю виснуть на канате, ничего не предпринимая.

— Ты справишься, — доносится до меня шепчущий голос Киары.

Я закрываю глаза. Игнорирую окружающий меня мир, абсолютно всё: голоса, каждый шорох, своё дыхание. Я заикливаюсь на своих мыслях, роюсь в памяти и достаю оттуда все воспоминания. Руки мои по локоть в грязи, крови, слезах и ярких красках. Каждое воспоминание пришлось для меня горько, мучительно — это падения и взлёты в моей фальшивой жизни.

Мозг резко переключается на последние четыре месяца, которые я называю «багровым периодом вперемешку с потом». Новые личности: плохие и хорошие. Я позволяю накопленной ненависти вырваться наружу, критикуя каждую мразь в своей голове. Как грустное заключение, я позволяю гневу захлестнуть меня. Канат выпадает из моих рук, расплывается в воздухе как туман. Меня ждёт опасный кафель. И пусть я знаю, что не умру и регенерирую мгновенно, человеческий страх ещё не покинул меня.

Крик в моей голове не даёт мне покоя. Он горланит во всю «Давай!» и я чётко слышу его и отказываюсь игнорировать свой внутренний голос, как постоянно это делала. Я смогу, я приземлюсь правильно, осторожно.

— Милдред! — зовёт Киара. Она подбегает ко мне и её тут же отшвыривает в стену с барельефной печатью сферы.

Я приземлилась на колени. Вокруг меня пыль и осколки. В дремучих облаках я замечаю спокойного хранителя. Он только кажется таким с одного взгляда, но его удивление и испуг можно заметить, если долго и внимательно смотреть. Бад немедленно бежит к Киаре.

Прямо под моим коленом разверзлась рыхлая воронка. Боль была мгновенной, так как на мне теперь больше ни царапины. Я встаю и струшиваю с себя известковую краску,

неторопливо минуя руины. На чёрных штанах осталось красное пятно и потёртости. Такой удар был явно не из-за высоты, а от того, насколько сильно я переусердствовала с желанием приземлиться.

— Я справилась? — подхожу к Адио.

— Можно... и так сказать. Это было вычурно.

— Я плохо рассчитываю силу. Потребуется больше тренировок.

— Для идеального результата ещё несколько лет, — отрезает хранитель. Я вздрагиваю от его слов. Это не тот промежуток времени, за который я рассчитываю научиться пользоваться своими способностями.

— Я не просто покровитель. Это тоже не следует забывать.

— Я пожертвовал многим, чтобы изучить пророчество и... мне кажется, что добром это не кончится.

— Не буду спорить, вам известно больше. Меня до сих пор не посвятили ни в одни подробности.

— Это секрет хранителей, который каждый из нас поручился беречь от покровительских ушей. Когда мы собираемся, нашим акцентом становится именно Пророчество, а ведь раньше это были рабочие разговоры... *Чёрная сиротка много видит. Чёрная сиротка может съесть паразитов. Девочка-ключик.* Это всё, что нам ведомо из первой части. Но я знаю, что это ещё не всё. Нас ждёт вторая часть «Чёрной сиротки». Я предполагаю, нас настигнет заключительное пророчество, подразумевающее... конец.

Я не сразу понимаю, что Адио назвал текст Пророчества. Грэм всё гадал, как Адио узнал, что я инициатор. Он почти что ткнул пальцем в небо и оказался прав. Хранитель, должно быть, потратил часть своей жизни на разработку открытого два десятка лет назад Пророчества, проверял каждого покровителя, сотрудничал с хранителями других сфер, учителями новичков. Я не представляю, каким разочарованием было, когда он промахивался; грызся от мысли, что он не застанет день появления девочки-ключика. Все сферы знают, что ключ однажды явится. Для кого-то счастьем, а для кого-то огорчением окажется, что это я.

Я не спрашиваю Адио, чтобы не казаться бестактной, хотя желание во всём разобраться загрызает меня.

— Позаботься о подруге. Мне пора.

Он, как летящая ласточка, исчезает из зала. Вопросов неисчислимое количество, а ответов нет.

— Киара, ты как?

— Всё отлично. Пара ушибов, завтра пройдут.

Рядом стоящий Бад искоса поглядывает на нас, сдерживаясь от своих язвительных высказываний.

— Спасибо, что помог мне не наткнуться на трубу. Я бы сейчас была сквозной, — улыбается Киара, кивая в сторону нескольких труб, торчащих из стены. Бад одаривает свою бывшую ученицу отеческой улыбкой. Он уходит без слов. «Самый лучший учитель», — проносится в голове мой редкий саркастичный голос.

— Ух... Ну ты и погром устроила. Я любила этот зал, — Киара оценивает ущерб.

— Извини.

— Да всё равно. Я мало тренируюсь, но вообще делаю это на поле боя. Фауги — лучшие тренажёры и противники. Они стали быстрее, мощнее — мне на руку, я люблю их щёлкать.

Жалко, Норвуд посыльный и не может сокрушать со мной, потому что с ним в миллион раз веселее!

— Давно вы с ним друзья?

— Со времён динозавров. Я его обожаю, — она тихо хихикает и это поднимает мне настроение. Покровитель берётся за меня и переносит в свою комнату.

Я ожидаю увидеть много декораций, и мои догадки подтверждаются — стена над кожаным диванчиком сплошь украшена небольшими картинами пейзажей, коллекцией миниатюрных настенных часов и искусственными цветами.

— Это красиво, — я показываю на уголок искусства.

— Мы с Норвудом потратили четыре года, чтобы собрать эти картины. Выкупили лучшие часики на нашем рынке. Цветы я забрала со своего прошлого дома на Земле. Получилась такая картинка. Остальные стены практически пусты, — следом она показывает мне туалетный столик слева от кровати, на котором стоит флакончик духов, нежно-розовая губная помада и ваза с белыми каллами.

Я представляю Киару в пурпурном вечернем платье, чёрных глянцевого тифлях, с тонкими золотыми кольцами на изящных длинных пальцах, жемчужным ожерельем, спускающимся к бледной коже декольте. Почему сфера сковывает своих покровителей тяжёлым металлом?..

— Жизнь в сто лет — это настоящее испытание, его нужно заполнять какими-то радостями, чтобы не покончить со всем сразу после отставки. К сожалению, не для всех это важно — для кого-то это бесконечная работа без... эмоций.

Киара заставляет меня вспомнить Грэма Коши, который, как я слышала из многих уст, отказался от чувств и личной жизни после ссоры с Алисией и семьёй Бодо. Ссора, о которой мне совсем ничего не известно.

— Я бы хотела радовать всех, устраивать пиры, веселиться. Хотела бы дружбы между всеми сферами, — девушка приближается к зеркалу, садится на стул и распускает хвост рассыпчатых волос цвета аспиды. Я и не замечала, насколько они длинные и красивые — Киара всегда держит их в высоком хвосте, закалывая палочками. Наверное, она взяла эту идею у Юми.

— Это наивно.

— Знаю я, — для меня оказывается внезапным ответ Киары. — Мы живём в чёрством мире, но иногда мне нравится помечтать. Норвуд не любит разделять со мной грезы и постоянно ругает, поэтому я говорю об этом с другими.

— Он боится нарисовать воздушные замки и однажды не стереть их.

— Это в его характере, — с хрипотцой говорит Киара, расчёсывая запутанные пряди. Я медленно обхожу комнату и в конечном итоге останавливаюсь возле покровителя.

— Почему Бад так не любит меня? — я знаю ответ, но всё же уточняю.

— По нему не скажешь, что он добрый и ранимый: скрывает, — она выдыхает после очередного вычёсывания прядей. — Бад и Юми сильно-сильно любят друг друга, прямо как в самых настоящих сказках о принце и принцессе. Когда Адио стал обговаривать с ней Пророчество, Баду это не понравилось — он боялся, как плохо это скажется на жене. Юми ведь возьмёт всё на свои плечи и погубит себя. Думаю, теперь ясно, почему ты ему не по сердцу.

Он глуп так же, как и Найджел в первый день моего пребывания в сферы. Оба обвинили меня в том, в чём я не виновата. «Я решила испортить жизнь Юми Нисимуре, поэтому

попросила Джюель родить меня невероятно способной. А ещё я сама заставила Владычицу стать моим учителем». Он нашёл себе козла отпущения, потому что под этот статус никто другой не подходит. Он не скажет своей драгоценной жене: ты делаешь это понапрасну, твой замысел ничего не стоит, заботься только о себе.

Пребывая в Аметистовой сфере, я поняла, что благородность у каждого выражается по-разному. «Не все здесь такие солнечные, у всех есть потёмки».

— Очевидно, — выговариваю я единственное слово. Всё, что я хотела сказать сказано в моей голове.

— Мне нужно сокрушать, — Киара снова заплетает высокий хвост.

— Ты же не оправилась ещё.

— Для меня несколько царапин, рана глубиной в сантиметр — пустяки как для тебя головная боль. Точнее, раньше была. В общем, пойду я. Тебя перенести в комнату, тренировочную, трапезную?

— Сама дойду, мне не помешает сбросить пару килограммов, — Киара злобно хмурит брови, чтобы снова прочесть мне лекцию о том, что широкие бёдра у меня с рождения, однако я опережаю девушку: — Давай, поторопись.

— Мы потом это обсудим!

Киара проверяет доспехи, ощупывая их со всех сторон, машет мне рукой и оставляет наедине с тишиной. Я оглядываю комнату, и мне становится неловко находиться здесь в безмолвии.

Я миную тихий и неизвестный мне коридор, чтобы заказать горячий обед. Яркие искусственные свечи отражают лиловый свет на пол. Я останавливаюсь и подставляю руку к светильнику. Жёлтое сияние заполняет всю мою ладонь, только местами, мимолётно, как радуга появляется слабое свечение от аметистовых стен. Хотелось бы, чтобы этот свет заполнил мою душу.

Я спускаюсь по крутой лестнице, держась за тонкие перила, шаткие для моей покровительской силы. Внезапно в животе начинается жжение. Надеюсь, причиной этому является острая паста, которую я съела на завтрак. Я двигаюсь вперёд, не задерживаясь. Возникает чувство, что сейчас я потеряю равновесие, но мне предстоит преодолеть ещё много ступенек. Я продолжаю идти, как вдруг жжение перетекает в затылок, щёлкает в спину и правую ногу.

Вовремя силе захотелось поиграть со мной. Я должна сейчас выпустить немного этой чертовщины, чтобы облегчить страдания. Какими бы мучения ни были — они всегда мучительные.

Я направляю желание «избавиться» на композитную колонну, с настолько изыскано вырезанной капителью, что даже при критическом состоянии я замечаю её уникальность. Разруха покрывает пылью глянцевые полы, камни летят во все стороны, один из них сдвигает горшок с цветами.

Боль постепенно нарастает, разливается по всему телу, как и в прошлые разы. Это конец. Я смотрю на свои руки — от них исходит тёплый мираж, высота которого с каждой секундой становится больше. Ещё чуть-чуть и я начну гореть ослепительным пламенем, как уголёк в печи, как древесина в костре, как пылающий дом в пожаре. Я паникую и сползаю на коленях по ступеням. Осознавая, что скоро покачусь вниз, я поднимаюсь, удерживаясь за перила. Прикусываю язык, чтобы не выкрикнуть, но попытки мои напрасны — я изрыгаю болезненный животный рёв.

Через мгновение мои глаза закрываются, и я падаю за перила, утаскивая их за собой. И более ничего не чувствую, кроме холодных полов.

Меня мучают кошмары, прежде чем я просыпаюсь в собственной постели. Я потеряла сознание, и это к лучшему.

Я накрыта одеялом, в комнате присутствует лёгкая бодрящая прохлада. Раньше здесь всегда было тепло, независимо от сквозных окон. Я вижу настежь открытую дверь: с минуты на минуту в неё входит Найджел.

— Найджел?! — я удивляюсь его появлению, потому что мне становится ясно, как я оказалась здесь. Он видел, какой я устроила погром. — Что ты тут делаешь?

— Принёс рыбкам ужин, — беззаботно отмечает он с жёлтой пачкой в руках. — У тебя что-то со здоровьем. Моё лекарство тебя вылечило. Где спасибо? — покровитель сыплет корм в аквариум и на его лице отражается голубая водная рябь под стать его глазам.

— Спасибо, но... это ты заставил меня пить, — голос осип после моих срывов.

— Опустим этот момент, — сквозь зубы, но с улыбкой произносит Найджел. — Как думаешь, не мало я им насыпал?

— Если мало, я их позже покормлю.

— Ты день и ночь занята, тренируешься.

Покровитель пока не заговорил, кто разбил нерушимую колонну из аметиста, снёс перила, и почему я лежала без сознания посреди коридора. Он не потребует объяснений, потому что догадался. Казаться глупым в соответствующий момент — его козырь в рукаве.

— Да-а. Скоро нужно заканчивать Испытание.

— Знаешь, — он садится на край кровати, закидывая одну ногу, — я вспомнил, насколько мерзкой ты была поначалу.

— Да ты был хуже! — Я скидываю его ногу с моей кровати, подметив пыль на белых коротких сапогах. — Похоже, таким и остался.

— Я зол. Очень, — говорит он и хмурит брови, а затем принимается хохотать. Я впрямь поверила, что он бушует. — Ладно, я помог тебе в хозяйственных делишках, поддержал и теперь ухожу.

— Так быстро?

— Хочешь, чтобы я задержался? — он не отпускает мой взгляд. — Вообще, я тут с незапамятных времён. Хотел бы целую вечность, но меня ждут ученики и, безусловно, война.

— Расскажешь?

Он возмущённо кривится и махает рукой.

— Ла-адно, птенчики подождут. Джюель что-то задумала. Это заметно, но... что именно и в отношении кого — тайна. Её правая рука частенько куда-то сматывается, а она сама не бывает в тронном зале. Когда могу — за Владычицей слежу: она сокрушает, а иногда исчезает, всякий след пропадает. Готовит новый план. Столько дел у неё: и Флавиан с Бодо, я собственной персоной, ты, Аметистовая сфера. Нажила себе врагов, теперь разделяется.

— Нехорошо это. Как продвигаются поиски её сына?

— С той девчонкой без одной руки не вышло, мы устроили настоящий поединок, и скажу честно, она отлично управляется с мечом! Мы с Нанной обсуждали, каким способом искать твоего братца. Каждый из них — это метод тыка. Нам нужен компас, который в точности укажет, куда двигаться. Нельзя рисковать. Знаешь ли, даже в Аметистовой сфере

есть её шпионы. Хранителей и посыльных привлечь легче всего — они могут принадлежать любой сфере. Имеется у них стайка «Бертран», гордятся, наверное.

Итак, в день второго Испытания я могла убить не только хранителей сферы Голубой Бирюзы, но и других сфер. Эта мысль вгоняет меня в ужас. Всегда я утешаю себя, что это было неосознанно. Но я по-прежнему остаюсь настоящей убийцей, желала я этого убийства или нет.

— Ты побледнела, — подмечает покровитель. — Опять болеешь?

— Угу. Мне в последнее время нездоровится, — невнятно говорю я, обтерев затылок ладонью.

— Скоро это пройдёт, — он лениво оскаливается. Найджел прямо говорит, что знает, кто ключ или это моя сумасшедшая паранойя? — Ты станешь покровителем, и человеческие болезни улетучатся!

— Это так.

— Ах, забыл. Интересно тебе или нет, но Яфа сейчас тоже под замком.

Я приоткрываю рот и смотрю на покровителя, ожидая от него пояснений. Но как только я улавливаю его готовность исчезнуть, немедленно спрашиваю:

— Как... Почему это произошло?

— Не догадываешься? Как комично, — он потирает руки как муха. — Твоя подружка решила геройствовать, попросила смягчить Грэму срок заключения, если её тоже возьмут, как подопытную. Якобы это ударит по нему сильнее пыток.

Он сообщает об этом так, словно всю жизнь читал Эдгара По, и отныне у него стойкий иммунитет на такие ситуации.

— Ему не уменьшат срок заключения. Семья Бодо — сплошная несправедливость. Про Флавиана мне и сказать нечего.

— Я в их переделки не лезу.

— Шпионаж, по-твоему «не лезть»?

— Ой, всё. Хватит. Мне пора.

Он уходит, а я не успеваю бросить ему что-то ядовитое.

На что Яфа надеялась, когда шла на такой поступок? Я признаю, что это достойно уважения, но сколько это продлится? Она оставила руководство, отказалась от спасения Грэма, сдалась. Я не знаю всей ситуации, поэтому не позволяю себе зайти далеко, критикуя девушку.

Я отлёживаюсь в постели пару часов, читаю древнюю пьесу и периодически подкармливаю рыбок. Найджел внушил мне, что они вечно голодны. Я слишком часто отвлекаюсь и поглядываю на них, как и они на меня, словно прося «ещё горстку, пожалуйста».

Юми и Киара навещают меня, когда стрелка только щёлкнула за чертой «12». Владычица сидит ровно, с поднятым подбородком, аккуратно сложив ладони на коленях. В то время Киара, стянув с себя доспехи и оставшись в утягивающем комбинезоне, который обычно надевает под низ, сидит со скрещёнными ногами и, сторбившись.

— Я прикрыла этот момент, — говорит Владычица. — Ты в порядке?

— Да. Меня выручил друг. Нашёл и перенёс сюда.

— А ему можно доверять? — спрашивает Киара. — Это Найджел? Тот чудак, который приходил к тебе в прошлый раз?

Тот раз уже давно не прошлый.

— Да, это он. Найджел исключительно на моей стороне — у него нет мотивов вредить мне. Плюс он знает, кто я.

— Ты ему рассказала? — Юми тщательно подбирает слова.

— Нет. Он узнал из наблюдений.

— Значит, вертится возле тебя круглые сутки, — прищуривается Киара и хлопает ладонями.

— Да уж. Лучше бы не вертелся, — бубню под нос я. — Приступ случился внезапно, после тренировки.

— Теперь тебе следует непрерывно быть начеку, — заключает Юми. — Мне жаль, что я не могла быть рядом на тренировке, но ты неплохо справилась. Это огромный успех.

— Спасибо.

— Не скромничай, Милдред. Будь с нами, как с подружками, — Киара толкает меня в плечо, и я не сдерживаю смех. С первой же нашей встречи я поняла, что у Владычицы и её маленькой приближённой тёплые отношения, настолько полные доверия, что формальности для них — дикость.

— Она воспитанная, — поправляет Юми. — Это прекрасно. Говори, как тебе удобно, но никогда не кланяйся.

Если бы я сейчас была в хорошем расположении духа, то сказала бы: «Я никогда и никому кланяться не буду».

— Вы постоянно интересуетесь моим самочувствием и... Как вы?

Юми и Киара переглядываются, искорки грусти в мгновение угасают и они обмениваются фальшивыми улыбками.

— Отлично. Позаботься о себе. Твоё состояние гораздо важнее, — Владычица оглядывает обитателей аквариума и дёргает бровями. — Гуппи — моя детская и некогда позабытая любовь. У меня тоже был аквариум, стоял на этом же месте, только был вдвое меньше. Одинокая гуппи — так я её называла. Я призывала родителей подселить к ней друзей, но они боялись, что я не справлюсь с такой ношей.

— Юми, здесь была твоя комната? — вспыхивает Киара, и Владычица кивает, разглаживая складку платья на ногах.

— Заранее: всё хорошо, Милдред. Я знала, кому отдаю свой детский уголок и нисколько не жалею.

— Мне приятна ваша доброта. Я не заслуживаю её, я не такой человек как вы, — к горлу поднимается ком, и я резко сглатываю, избавляясь от него.

— Может быть и не такой, но любви ты точно заслуживаешь. Ты почти никогда не знала, что это, — Киара улыбается, открывая белоснежные зубы.

— Фух, чувство, будто я сейчас растрогаюсь. Если вы свободны, можем поесть?

— Не сдерживайся, не стесняйся показать, что ты чувствуешь, — Владычица подоброму усмехается. — Ты пытаешься доказать, что люди — не хуже покровителей. Разве будешь ты человеком, если прячешь эмоции под железной маской?

— О, я не задумывалась об этом. Ваши слова имеют смысл.

— Сегодня повара обещали блюда из морепродуктов. Милдред, что ты об этом думаешь? — спрашивает Юми. Киара подпрыгивает от счастья и сжимает кулаки.

— С ума сойти! Конечно! Это же моя любимая еда! — я сбрасываю с себя одеяло и даже не замечаю, как беру Юми за руку.

Такое случается редко, но иногда я задумываюсь, что всё это сон. Сон ли это?

Кто ты? Кем ты стала? Почему ты так изменилась?

Я Милдред Хейз, сильнейшее существо в мире, непобедимое даже хранителями. Но как я изменилась, видит лишь зеркало, и оно мне не отвечает.

Сегодня я насчитала ровно пять месяцев обучения в Аметистовой сфере. Через два дня третье Испытание, сдача экзаменов, становление истинным покровителем. Каждая клеточка моего тела вибрирует от предвкушения.

— Красотка, — Киара подходит сзади и выглядывает из-за моего плеча. — Тебе идут доспехи. Почему ты возмущалась?!

— Юми стоит отменить этот дурацкий закон, — говорю я, поправляя вывернутый нарукавник. — Я хоть и ношу доспехи около трёх месяцев, это не делает их привычными и удобными.

— Этого вот «дурацкого закона» придерживается Бад. Он его основоположник, Юми уважает его мнение как правителя, поэтому согласилась. Никто не приходил с жалобами. Если такие найдутся, доспехи исчезнут с лица нашей аметистовой планетки.

— Я не считаюсь, да?

— Ты не наш член, так что да. Если ты собралась, то пошли быстрее. Сегодня редкая распродажа, все штучки скоро раскупят.

Мы значительно расслабились — смертей больше нет. Фауги резко ослабли, будто всю свою энергию направили на три тысячи двадцать покровителей и их мощь угасла. Мы подозреваем, что это ненадолго. Я и Киара часто посещаем город, чтобы что-то купить, а точнее, обменять. Деньги в сферах почти отсутствуют, покровители получают всё необходимое, как «рабы камня». Иногда им хочется удовлетворить себя покупками, праздниками, выпивкой. Редко такое происходит, потому что многие живут, ничего не замечая, кроме своей обязанности. Если взглянуть на работу покровителей сферы Голубой Бирюзы, может показаться, что такая тенденция у них особо распространена, но у них-то минимальное количество промахов. Как они успевают совмещать свои гедонистические наклонности с таким важным заданием, как сокрушение? Или дело в их педантичности и брезгливости?

— Я хочу снова на озеро, — вспоминаю я.

— Только после рынка! Мне говорили, что там обменивают швейцарские настенные часики!

— Конечно после. Ты уже сто раз сказала, что там сейчас всё заберут.

Мы шагаем по тротуару, так как жизнь в городе закипает: повсюду катаются повозки, а иногда кареты с отставными Владыками. Постаревшие покровители медленно шагают, закручивая седую бородку, а женщины поглаживают седые длинные косы. Я часто помогаю им перетащить груз, перейти дорогу. Их сила всё же угасает, а не стоит на месте, насыщая уже негодного покровителя. Частенько я разговариваю со старичками и сообщаю обстановку в сферах. Они любят слушать мои новости, а я — слушать их истории. «Сто семь лет назад впервые ступил я на этот путь...». Их истории завораживают, заталкивают в разные исторические периоды, войны на Земле и распри в сфере. Киара тоже внимательно слушает и порой задаёт интересующие вопросы. В такие моменты мне кажется, что я возвращаюсь в своё далёкое приземлённое прошлое. Стоит мне взглянуть на веснушчатое небо, гигантскую

луно, а затем перевести взгляд на бурную жизнь в городе, освещённую миллионами факелов, я понимаю, что земная жизнь давно отпущена, я не держусь за неё так яростно. Я есть здесь. Я здесь буду навечно.

Мимо нас пролетает мужчина с факелом и чуть не врывается в Киару. Он быстро лавирует в толпе и исчезает из виду. Киара остаётся возмущённой.

— Я привыкну, но не знаю когда, — сквозь зубы говорит девушка. — А если бы он мне хвост спалил?

Она засовывает длины за шиворот и оглядывается.

— Ублюдок! — ругается она. Я издаю возглас удивления: до сих пор не привыкла слышать от Киары брань. Я всегда идеализировала в своей голове её сферу, иногда до сих пор это делаю. Однако, вспоминая амфитеатр, покровителей, с которыми успела пообщаться, и слова Найджела, такие мысли незамедлительно отсеиваются.

Киара подбегает к нужной нам лавке товаров и трепетно обыскивает глазами часы.

— Приветствую, купчиха, — быстро говорит она лысой старухе. — Швейцарские часики ещё не проданы?

— Лезешь без очереди. Иди в конец! — рявкает она и махает рукой, даже не удостоивая Киару взглядом.

— Вам так сложно ответить? — влезаю я. — Нам нужно знать, напрасно мы стоим в очереди или нет.

Наконец она обращает на нас взгляд, впихивая покупателю небольшую бумажную коробку.

— Только что обменяла их на старое издание книжного цикла.

Она забирает у покупателя тяжёлый ящик и ставит за лавку. Больше старуха не замечает нас. Мы отходим от лавки в безопасное место, чтобы нас в случае чего не затоптали.

— Эти торгаши специально так делают — собирают огромные очереди, чтобы все думали, якобы у них лучшие товары. Потом они подходят и подходят, а, оказывается, там сидит противная пиявка.

— Не в первый раз мы натываемся на таких.

— Не хочу здесь быть. Я весь день думала о любимых часиках... Грустно. Пошли на озеро.

Мы пешком достигаем пункта назначения. Это место с первой мысли о нём стало моей драгоценной любовью. В один из вечеров, что мы проводили вместе, Юми произнесла короткую, но очень притягивающую речь, которая тянула меня к уютному городку:

— Я так хотела жить в городе. Возвращение в столицу становилось для меня большим разочарованием. Первое, что я сделала в пользу своего народа, когда пришла к власти — это улучшила их старческую жизнь. То, чего хотела бы для себя я, получает мой народ. Прежде чем воссоединиться с небесами, я мечтаю успокоиться в окружении любимых, верного народа и в чистом воздухе, купаясь в ромашковых водах. Наслаждаться.

Восхищаться Юми Нисимурой — моё повседневное занятие. Она ангел, сошедший с небес. Как-то раз я, Киара и Норвуд говорили о том, насколько их Владычица красивая, и в этот момент она стояла поблизости и смеялась.

— Ромашки... Они восхитительно выглядят в кристально чистой воде.

Я провожу рукой по озёрной глади, и головки ромашек вмиг устремляются за ней. Эти прелестные цветочки пугали меня своими откровенными прикосновениями под водой, а сейчас я привязалась к ним и каждое касание вызывает трепет.

— Ты будешь лезть? — Киара сбрасывает с себя доспехи и на всех скоростях плюхается в озеро. С покровительской силой она оказывается почти в центре ромашковых вод. — Вау! Вода тепловатая.

«Морозная». Появились у меня силы или нет, я до сих пор нуждаюсь в тепле, пище и сне.

Я окунаю ноги в воду, но полностью не лезу: вода и впрямь холодная. Это для бодрости.

— Я знал, что найду вас здесь. Милдред, приветствую, — Норвуд принимается снимать с себя железо. Он относится ко мне с уважением, как я и к Владычице: сколько бы ни просили — это дело принципа и привычки.

Норвуд со всплеском ныряет под воду, проплывает метров десять и выныривает перед лицом Киары.

— С ума сойти! — Девушка бросает ему в лицо пенистую волну, а он только смеётся.

— Не утопите друг друга! — бросаю я, болтая ногами от ничегонеделанья.

— Допустим, но сделает это только один из нас, — говорит Норвуд, подплывая ко мне. — Почему вы не плаваете?

— Вода холодная.

— А... Я понял. Безусловно. Не подумал. Надеюсь, вам не одиноко?

— Всё отлично, — я улыбаюсь.

Он кивает и оказывается рядом с подругой, не успеваю я и глазом моргнуть.

«Только часть». Моя сила лишь частична. Становление сокрушающим покровителем — это новое начало, новые возможности и ещё больше проблем.

Я занимаюсь игрой Норвуда и Киары, они без остановки смеются, и время от времени призывают меня к себе со словами «ты потом вылечишься». На самом деле, я просто не хочу отбивать зубами барабанную дробь, притом позже мне сложно будет отогреться. Несомненно, они не вспомнят, как это ощущается, потому я отнекиваюсь без объяснений.

Я образую ровный водяной шар, поднимаю его вверх и мысленно направляю на покровителей. Если я не могу обрызгать их вблизи, сделаю это издали. Они ненадолго уходят по воду, выныривают с возмущёнными возгласами.

— Вы соблазните своими детскими играми! — говорю я, почувствовав неприятное покалывание в затылке. За использование магии нужно платить.

— Какой адреналин-и-ин! — кричит Киара, расправив руки в объятия чёрного неба. — Спасибо, Милдред.

— Никаких спасибо! — рвёт голос Норвуд.

Они выходят на сушу, струшиваются и надевают доспехи.

— У тебя десять минут, — напоминает Норвуд. — Лунное затмение.

— Только бы по-быстрому, — говорит Киара.

— Хранители сказали, что сегодня завал.

— Что ж, пойду тренироваться, — говорю я. — У меня Испытание как-никак.

Норвуд переносит меня в тренировочную комнату. Они с Киарой уходят по своим покровительским делам.

Я всё ещё осторожна с силой, хотя хорошо контролирую её. Настанет день, и я избавлюсь от постоянного страха, что она сожрёт меня изнутри. Семнадцать раз. Через это количество боли мне пришлось пройти, чтобы достичь нынешнего результата.

Я поднимаюсь по канату, мысленно избавляюсь от него и с лёгкостью приземляюсь на ноги подобно птичьему пёрышку. Я проделывала это сотню раз и даже сейчас это кажется

лишним.

Скоро закончится почти человеческая аметистовая жизнь, я стану покровителем какой-то сферы. Тогда всё изменится. Я никогда не буду принадлежать Аметистовой сфере. Таким «нечистым» людям, как я, нравится быть в «раю», где всегда бело и веет теплом; когда их окружает и принимает сама светлость. Так я ощущаю себя и это безумное искушение. Я уйду туда, где всё будет под стать мне — грязно, предательски, злостно, жестоко.

Оставаясь наедине с собой, я перегружаю мозг разными мыслями. В основном на мне отыгрывается моё недоверие. Юми, Киара, Норвуд... Вдруг они предатели? Стоит мне увидеться с ними, я теряю бдительность и доверяю.

«Ты никогда не вдавалась в подробности, рассказывая о своей жизни. Многое утаивала». Я никому не доверюсь полностью — это станет моим преимуществом или помехой.

Если они не окажутся темными лошадками, я и мои тайны окажутся в безопасности. Даже думать о таком не по себе: такие добрые покровители могут быть предателями? Мои сомнения, как стрелка весов, находятся посередине. Один раз я ненавижу себя за то, что могу обвинять невинных людей, в другой — хвалю, что осторожна. Я верна своим убеждениям и не попадаюсь на чьи-то уловки.

Разбивая силой мысли глиняные кувшины, я представляю своих врагов. А затем задумываюсь о тех, кому обещала помочь. Грэм, мадам Бланчфлюер, Найджел... Наша общая цель — Владыки-тираны. В любом случае это выльется в войну или тайный заговор. Тогда покровители сделают то, что задумали, а я лишь натолкну их на победу.

— Алик оказался довольно-таки непробиваемым. Ни слова тебе не сказал. А ведь вы уже три месяца... вместе? — говорю я Найджелу.

— Типа того. Я его ненавижу. Когда мы с ним спим, приходится включать фантазию и представлять самых невероятных красавиц, которые только у меня были.

— Ужасно! — протестую я.

— Ранее ты просила меня рассказывать поподробнее! — в тон отвечает покровитель.

— Можно просто пригрозить ему смертью, выпытать информацию, а потом прибить, чтобы не наговорил лишнего Владычице?

— Ух ты! Ты начинаешь мыслить как покровитель. Или Владыка-тиран.

Я ловко вынимаю меч из ножен и приставляю к горлу Найджела.

— Козлина, — шепчу я, на что покровитель закатывает глаза и одним пальцем, якобы брезгуя, отодвигает от себя лезвие. Я убираю оружие и улыбаюсь:

— Я очень надеялась, что мы приблизимся к финалу.

— Он ещё не скоро. — Найджел шагает по краю отвесной скалы, некогда озеленившейся мхом. Позади нас — живописная Франция и ярко слепящее солнце, а перед лицом — шелестящий мятно-зелёный пролив. — То, что обещает быть легендарным — быстро не заканчивается. Бертран — неукротимый противник, достойный для всякого в мире сфер. Я бы как заведённый кичился, если прикончил её. Не «если», а «когда». Недооцениваю себя!

— Почему она вообще так... масштабна? Джюель.

— Отличный вопрос. Она не человек, не покровитель, а такое же создание как фаут, но гораздо сильнее. Знаешь ли, она хитрая и проворная. У неё так же много врагов и союзников. Повсюду. Земля тоже населена её «друзьями». Её преимущество — это безжалостность. Она

категорически избегает крови, но убивает кого не попадая.

— Занятно. Бойтся крови? Мне так не кажется, — я хмыкаю. В день моего второго Испытания она спокойно сидела с забрызганным кровью лицом.

— Ох, ну, она мастерски прячет свою ненавистную гемофобию. Представляю, как она мылилась после этого.

Я снова изумляюсь тому, сколько известно Найджелу.

— Не закончил я, — подхватывает он. — Если бы Джюель было легко низвергнуть, я бы давно её хлопнул. Во-первых, покровитель может погибнуть из-за фауга, во-вторых, умереть после отставки в обнимку с любимым мечом. Ну и всё. А подстроить такую шутку для самой Владычицы Бертран не просто. Я исстари пытаюсь ослабить её союзы. Несколько раз ловил её мышек, но их так же стремительно замещали. Я найду способ. Без сомнения. Один козырь уже у меня: её сын.

— У тебя получится, — глухо выговариваю я, воображая ту желанную победу.

— Премного благодарен, — он почтенно склоняется, как богатый милорд, с хищной улыбкой. — Ладно, это мы обсудили. Что по поводу тебя?

— А что не так?

— У тебя Испытание! Впервые силу покровителей вкусишь!

Он часто намекает, что в курсе моих способностей, но продолжает играть. Зачем? Издевается? Ему нравится наблюдать, как я без заминки реагирую на его заковырки. В очередной раз я не осмеливаюсь поговорить с ним.

— Для меня это важно, но месть приятнее.

— Твой огонь сожжёт вселенную, я уверен в этом.

И что он имеет в виду? Мою натуру или магию?

— Ты на славу поработала. Тебе следует гордиться, Милдред Хейз. Я жду твоего восхождения больше, чем доставку выпивки, а поверь, она многого стоит.

— Я польщена, мистер Гальтон.

Он подыгрывает мне и изображает поклон со шляпой. Дикость, но весело.

Перед экзаменом я позволяю себе уснуть на час.

Юми как мой наставник убеждает, что это будет просто.

— Явления в Аметистовой сфере охраняются педантично. Они случаются не ежедневно, но тем не менее для них мы собираем поток покровителей. Для каждого это Испытание волнительное и мы обучаем наших ребят тщательно. Будучи посреди межпланетного пространства, они теряются. Но я знаю, что ты справишься.

— Что это будет? — я выдыхаю.

— День зимнего солнцестояния. Проще этого ничего быть не может.

Я осознаю всю серьёзность этих событий. Что было бы, если бы фауги навсегда избавили планету от этих явлений? Эффект бабочки.

Я живу в сфере длительное время и не задумывалась, что окружающие меня покровители почти каждый день отправляются в космос. Да что уж там, я живу в нём, но это ничто по сравнению с неизведанным. В сфере есть куда приземлиться, а в космическом пространстве нет...

Вскоре это покажется мне пустяковым делом. Испытания станут далёкой потускневшей звездой, но до могилы будут заставлять помнить.

О моей готовности не спрашивают и поспешно переносят.

В поле моего зрения простираются огромные долины нашей неизмеримой Вселенной, я уверена, с ещё кучей других цивилизаций и чувств.

Где-то здесь, в этом зловещем межпланетном пространстве вращается Аметистовая сфера: устойчиво возле луны, либо движется вместе с ней. Для меня созерцание Солнечной системы, родного дома — Земли, который мы защищаем и не даём этой точке во Вселенной померкнуть, кажется монументальным зрелищем. Казалось бы, тут царит пустота, но мой мозг сочиняет занебесную музыку: смешение различных симфоний. Недалеко от нас покровители в серебряных доспехах поражают фаугов. В космосе эти создания выглядят нереально: сквозь их тело-дымку мерцают звёзды, галактики. Занесённые мечи рассекают их аморфные тела. Тогда облака бесследно исчезают. Этот фауг мог быть человеком с серьёзной врождённой мутацией, а также мог родиться фаугом, не познав жизнь предков. Для них любая охота может стать последней, ещё одной смертью на совести Алойза.

Люди, борющиеся за становление покровителем, одеты в массивные скафандры. Близ них, как прицепом, мешается их учитель и неподалёку — хранители, среди которых — Адио Сали. Это Испытание трудное, но тем не менее я верю в себя и своего учителя. Мне, благо, как и сокрушающим покровителям, снаряжение не требуется — во мне достаточно сил, чтобы недолго выдержать в космосе. Адио кое-как потрудился надо мной и научил дышать в вакууме, создавая вокруг себя индивидуальную кислородную оболочку. С моей неполноценной силой её надолго не хватит, поэтому мне строго наказали: ни в коем случае не задерживаться, действовать и немедленно уходить. Видно, что в скафандре тяжело использовать приёмы: люди скованны в этих серо-белых одеяниях. Кто меня заметит, будет думать, что я тоже покровитель. Иначе как бы человек мог здесь находиться без экипировки?

По этой причине первый экзамен — наблюдение, отменился. Следующее явления может нескоро настичь нас. Юми особенно придерживается правил, потому что Аметистовая сфера труднопроходимая. А сферам нужны сокрушающие покровители, а не посыльные. Люди должны видеть воочию, как сражаться, а не получить сердечный приступ, едва лицезрев чёрно-синюю даль.

— Я буду рядом, — успокаивает Юми, удерживая меня твёрдой хваткой. Когда она освободит мою руку, я могу упасть в безызвестность.

— Нам лучше поторопиться. Мы нужны им, — Киара объявляется подле покровителей. Она ориентируется в пространстве так же умело, как колибри. Её тело расслаблено, но удары резкие. Впервые вижу её в выполнении обязанностей, уверенной, яростной. Волосы девушки вздымаются, как стая воронов, когда она мчится вниз за сбегавшим крохотным фаугом.

— Сейчас, — призывает Юми.

Киара носится по всему простору, как футбольный мяч, неистово разбивая планы чудовищ. Она переносится, останавливаясь в метре от нас и бодро улыбается, точно не она только что лишила счастья десятков фаугов.

Юми достаёт остро заточенный и сияющий из-за космических тел меч. Эфес в меру украшен аметистом — посередине крупный камень, а по бокам — миниатюрные. Боковые окольцовывают жемчужные бисеринки. Владычица лавирует между покровителями, убивает фауга.

— Вы можете отпустить меня, — сообщаю я, намеренная дёрнуть рукой, если Владычица не согласится. Она морщит лоб раздумывая.

— Я буду рядом, — повторяет она и выпускает меня.

Я закрываю глаза, не веря в то, что нахожусь одна в невесомости. Космос насыщенный, но одновременно такой опустошенный. На меня свалился необузданный страх, и наряду с этим я готова заплакать от вакуума в чувствах: страх вытеснил остальные эмоции.

«Открывай, смотри. Или умрёшь и потащишь за собой сотни жизней, погибших по прихоти диктаторов».

Я медлю даже после разговора с самой собой, держу себя в узде: закрепляю на руках и ногах тяжёлые кандалы, перевязываю глаза. Я ничего не ощущаю от скованности.

Но вдруг со мной заговаривает совсем иной голос. «Ты моя дочь, Милдред. Я могу делать с тобой всё, что пожелаю. Я управляю не только всей сферой, но и тобой».

Я не стану посыльным покровителем, я не буду её подставкой для ног. Я попросту должна взглянуть, дать себе толчок. Я не могу погаснуть в конце тернистого пути. Я шла по нему, усердно одолевая встречные ловушки, какие-то мне удавалось обходить. И всё же я здесь. Собственными усилиями, волей и жаждой.

«Я скучаю по прежней Милдред Хейз. Такой же сильной и упорной. Мог бы я снять с тебя этот груз, непременно бы это сделал. Как раньше».

Последние слова моего лучшего друга, не Айка Белла, который негодовал, почему незнакомка ошивается у его дома, а моей путеводной звезды на протяжении всей жизни, выжгли клеймо в моей памяти. Он ни на мгновение во мне не сомневался, и это прибавляло мне сил. Сейчас мой груз на плечах никто, кроме меня, скинуть не может. Только я.

Веки распахиваются. Я не падаю, а парю в космосе так же, как и покровители в доспехах и люди в скафандрах. И это хорошо у меня выходит. Я не могу перенестись с одного места на другое, поэтому по-русалочьи плыву в гущу фаугов. Благодаря Адио и моей решительности в руках возникает холодное оружие.

Мой меч тянется к фаугу, лезвие издаёт характерный для него лязг. Сбежал. В нескольких метрах от меня он застопорено взирает на меня невидимыми глазами, словно привидение в тёмном коридоре. Он рассматривает меня, не двигаясь. Повезёт мне так же, как и на втором Испытании? Ни за кем нестись не нужно, он будет чересчур увлечён мною, чтобы бежать. Я устремляюсь к нему на всех возможных скоростях. Только в эту секунду его сокрушает покровитель. Я ругаюсь и гневно оборачиваюсь за спину. Их здесь около тысячи: бери кого возжелаешь. Моих сил не хватит, чтобы успеть быстрее покровителя.

У меня одна-единственная попытка. Я ставлю себе слабый ультиматум: просто сделай, а иначе *всё*.

— Милдред! — горланит Владычица с непривычным рычанием. Я поворачиваюсь, ожидая увидеть летящего на меня фауга. Юми хотела, чтобы я встрепенулась, одумалась и прошла Испытание. Вокруг неё изобилуют фауги, а на помощь никто не спешит.

Я направляюсь к ней, перебирая ногами.

— Молодец, — отмечаю я, задыхаясь от усталости.

Всё происходит чрезвычайно быстро. Вверх поднимаются белые клубы облака и безвозвратно улетучиваются.

— Тебе нельзя здесь присутствовать, — бросает Юми. Оружие рассыпается, оставляя на ладонях порошок цвета сирени. «Ты победила». Я больше не разрешаю хвалить себя — не буду преувеличивать, более того, на это нет времени.

Начнёт ли адское пламя бессердечно пожирать меня? Я жду сулимую агонию в пугающем предвкушении.

Чья-то ладонь накрывает мои веки и охватывает на уровне груди. Привычная температура, запах и воздух.

— Прошу прощения, — Норвуд заметно взволнован. А ведь когда-то он провалил Испытание в Аметистовой сфере. Как это произошло?

— Всё в порядке, — я привыкаю к замку напротив меня, к мощному свету фонарей, к звёздному небосклону. Случившееся кажется безумием, сном. — Норвуд, почему ты провалил Испытание?

Я корю себя за дерзость. Эмоции на пределе, и владеть собой с трудом получается.

— Это было не так давно, — он усмехается, а затем заводит руки за спину, — я испугался неизведанности, меч так и не появился в моих руках, сколько бы попыток ни делал. Так я и застрял здесь. Когда-то рассчитывал стать покровителем сферы Голубой Бирюзы. Стал посыльным — всё равно мечтал быть там. По правде признаться, я не жалею, что судьба так повернула. Здесь все, кого я люблю и никогда не оставляю: я научился по-настоящему любить и сочувствовать. Я не сокрушаю, и это облегчает моё существование.

— Ты так считаешь?

— Я это знаю. Да, посыльные — это муравьи среди людей, но покровители — животные среди человечества. Дело масштабов. Почему интересуетесь?

— Я не знаю.

Он дотрагивается до моего плеча, тем самым вынуждая посмотреть на него. Мужчина одаривает меня искренней улыбкой.

— Я желаю вам удачи. Наконец, камень потянется к вам. Сфера Чёрного Оникса — это олицетворение Милдред, — он смущённо хлопает ресницами.

— По-твоему я жестокая?

— Нет! Вы добрая. А вот что касается ненавистников... Именно гнев мотивировал вас.

— Спасибо тебе, Норвуд. Может быть, когда-нибудь ты разучишься обращаться со мной, как с госпожой. Я не заслуживаю этого.

— Не приуменьшайте вашу значимость. Вы золото среди груды серебра, — посыльный оскаливает зубы.

Мы разминулись с Норвудом. Целую минуту я заполняю лёгкие сферным, но живым воздухом, осязаю тело, головой и сущностью я в итоге приземляюсь.

— Поздравляю, — голос Найджела будоражит меня. Я планировала отдохнуть, а его всегда в переизбытке.

— Мерси, — надменно палю я. — Ты следишь за мной?

— Если я пришёл сразу, как кончилось твоё Испытание, ещё не значит, что я поставил для тебя шпиона.

Я не доверяю ни единому слову покровителю. Только бы он не установил за мной слежку...

— Скоро четвёртое, Посвящение.

Мне о нём бегло рассказали. Я просверливаю Найджела взглядом. Для четвёртого Испытания даже особое название имеется...

— Всё узнаешь. Тебя ждёт неожиданный сюрприз. Когда... Завтра?

— Да, — тихо протягиваю я, напрягаясь от подозрительности мужчины.

— Я сам не то чтобы удивился, а даже чуточку разозлился.

— Почему не скажешь мне?

— Я хочу тебя заинтриговать, — он приближается ко мне, зрачки заговорщически

искрятся, и негромко произносит: — Тебе понравится завтрашнее Посвящение. Сладких снов, золотая.

Он, припрыгивая, убегает от меня, насвистывая песню, а затем скрывается. Какой он сюрприз уготовил для меня? Или его упаковал кто-то другой, а он лишь наблюдал?

Кожа потрескалась и теперь выглядит как солевая пустыня. Эти шрамы уничтожают меня. Лицо посерело и пересохло, как кора ветхого дерева. Рубцы по-хозяйски расположились на всём теле, словно незримое землетрясение решило расколоть меня как почву. Как же нещадно хочется закричать, заплакать, разрушить замок, убить всех покровителей, покончить с миром. А ещё больше — чтобы всякая боль молниеносно испарилась, как вода, атакованная беспощадными лучами солнца.

Я строго запретила Киаре входить в момент болевого приступа, сухого и режущего, без толики того клеймённого в моей памяти огня. Девушка умоляла, просилась ко мне, потом просила позвать Юми. Я кричала неистово, как и обычно. А ещё боялась, что причину Киаре вред. «Справлюсь. Нет». Но, кажется, не все демоны оставили меня во время этого «ритуала посвящения». Посвящение.

Осталось несколько минут, а я такая же отвратительная, как и весь прошедший час. Мне больно дотрагиваться до себя, видеть свою физиономию в отражении плиток; от меня разит металлическим запахом крови и горелой плоти. Я наблюдаю себя повсюду, даже если повёрнута спиной к зеркалу. Моя сущность преследует меня.

Два резких стука в ванную меня будоражат. Первый — тихий и неуверенный, а второй — настойчивый и желанный.

— Сейчас. Ещё немного.

— Милдред, это я, — отзывается Найджел. Я досадливо выдыхаю. Он навещает меня так часто, будто мы семейная пара. Навязчивый и липкий. Но он не даёт скучать, разбавляет нудные будни. — Я хотел сопроводить тебя.

Его баритон осторожный — он чувствует мой страх, моё нежелание выходить.

— Я буду не против, но... У меня к тебе весьма странная просьба, — я решаю идти на рожон, знает Найджел или нет. — Пожалуйста, не задавай лишних вопросов. Как-нибудь всё объясню, — на пять секунд я замолкаю, собираясь с мыслями, и взираю на дверь из чёрного дерева. — У тебя не найдётся лекарства? Мне нужно то, которое лечит... болезни покровителя. Что-то наподобие ониксовой мази. Быстро и бесследно.

Если бы меня волновало мнение окружающих по поводу моей внешности, я бы наплевательски ринулась проходить четвёртое Испытание. Но они догадаются. Возможно, этому предстоит раскрыться, но не сейчас.

— Такую вещь непросто отыскать. Её тяжело изготавливать.

Я обхватываю руками волосы, скольжу спиной по стене и даже эта боль ничто, когда осознаёшь, что последняя надежда потеряна. Я немедленно поднимаюсь с пола, хлюпая голыми ногами по мраморной плитке, уже не такой ледяной, какой она всегда была. Магия покровителя и хранителя, к моему горю, всё чаще напоминает о том, что они — новая, проснувшаяся часть меня.

Я раньше так жаждала этой силы, желала вкусить её, как запретный плод. А он-то действительно в какой-то степени запретный. Всё для победы и свободы от деспотов. Сейчас я готова отказаться от этой сумасшедшей затеи ради себя. Но пути назад нет. Я перешагнула достаточно ступеней, и не буду сдаваться пока что только ради этого. Я выбрала сражаться и мне стыдно, что я принимаю жалкое поражение. Я не позволяла себе такого и не позволю сейчас. Сложности не должны стать помехой моих целей.

— Я найду его для тебя, — говорит Найджел, когда я поворачиваю замок. Его слова заставляют вновь замкнуть его. Надеюсь, он этого не услышал. Забавно. Как можно упустить щелчок подобия курка?

— Спасибо, Найджел. Я обязательно отплачу тебе.

— Я делаю это из собственных побуждений. Не надо платить мне. Ты не можешь дать мне, то чего я хочу, а я не буду вынуждать... Как тогда.

— Прости.

— Не стоит. Я понимаю тебя. Давай закроем эту тему. Вернусь, как смогу. Жди меня.

Чуть позже я окликаю его — ответа не следует.

«Тебе понравится завтрашнее Посвящение». Найджел во многом непонятен мне или я просто не пытаюсь его понять. Боюсь, что мне станет больно так же, как и ему. Слишком болезненно примерять на себя чьи-то раскромсанные чувства, а потом долго забывать эту острвенелую боль и отчаяние.

Гальтон поверхностный. Вино и крепкий виски, детские шалости, шутки, любовные интрижки, секс и развлечения. Маска? Да. Я видела его настоящим, плачущим, намеренным пойти на всё, даже на унижение ради мести. Он стал *помешан* на мести.

Я впадаю в панику, предполагая, что стану такой же нечеловечной. «Свержение тиранов».

Сколько бы я ни убеждала себя, что это ради других, мой внутренний голос, который я постоянно заглушаю, повторяет: «Это твоя персональная месть. Ты ненавистна ко всему. Ты жестокая, бессердечная».

В определённых ситуациях я обещала сдерживать гнев. Когда я буду сводить счёты, никто не будет держать меня в узде, я позволю себе стать волевым зверем. Чудовища заслуживают наказания за то, как поступили со мной и миллионами других покровителей.

Я отгоняю эти мысли, чтобы немного привести себя в порядок. Умываюсь холодной водой. В первый раз умывания кожу нестерпимо щипало, будто я брызнула перекисью на рану. Я осмеливаюсь умыться во второй раз и, к счастью, этот ад не повторяется. Полотенец я сторонюсь — ткань задевает ранки так же, как и одежда.

Лишь ладони и стопы не покрылись лопнувшей серо-бурой коркой. За весь час я отказывалась верить, что превратилась в бревно на девяносто девять процентов.

— Не зачала ещё? — я вздрагиваю, когда снаружи раздаётся громкий и задорный голос Найджела.

— Ты пришёл, — с трепетом говорю я. Во мне вдруг вспыхивает желание прильнуть к двери, как к мягкой шелковистой постели. Обнять его... Нет, я не сделаю этого!

— Я достал вкусняшку, — покровитель стучит флакончиком о дверь. — Оставлю у порога. Хочешь — отвернись.

— Да, отлично. Отлично.

Я высовываюсь из комнаты, хватаю пузырёк с зеленоватой жидкостью и опустошаю его. Здоровое тело, боль развеивается пеплом по ветру. Помнить я буду всегда, покинуло меня это дрянное состояние или нет.

Я выхожу к Найджелу и в первую очередь, что я делаю — это крепко обнимаю его. Раньше он был худее, сейчас же я ощущаю его упругие мускулы. Я значительно ниже Гальтона и мой подбородок упирается в его грудь. Он сам не настолько высок.

— Ты крупно выручил меня, — шепчу я.

Он отвечает на объятия, осторожно касаясь руками моей талии. Я чувствую, как он

глубоко вдыхает и совсем немного стискивает пальцы.

— Это ничего не стоило, — потерянно произносит он. Я понимала — не следовало благодарить его таким способом, но всё равно сделала это. «Ты благодарила себя. Ты захотела обнять его».

Я отстраняюсь от покровителя.

— Что у тебя взяли взамен, Найджел? — я твердою от одной мысли, что цена может быть велика.

— Это не то что должно волновать тебя. По крайней мере, сейчас. Я обязательно расскажу тебе эту тайну, но позже. Иди. Тебя заждались.

Заждались? Там будет целое скопище?!

— Я буду в первом ряду. Не отвлекайся на задние, — он ухмыляется.

Я с лихорадочной поспешностью зашнуровываю сапоги, а поверх лавандовой водолазки надеваю шерстяной безрукавный жакет. Недавно эти штаны причиняли мне запредельную боль, цепляясь за раны, а сейчас я по-прежнему люблю, как они на мне смотрятся. Найджел подмечает, что правая штанина завернута, и я немедленно расправляю её.

Он подставляет локоть, и я охотно просовываю руку. Хотелось бы подыграть нашим фирменным «милорд, миледи, мадемуазель», но у меня туго с настроением. Удивительно, ведь Найджел всегда спасал меня в таких ситуациях.

— Завершаем цепочку. Теперь ты покровитель.

— Ещё нет.

— Четвёртое Испытание невозможно провалить, поверь. Ни разу не случилось такого. Ни разу!

— А вдруг со мной произойдёт?..

Он понимает, о чём я, но всего-то беззаботно улыбается. Гальтон не глуп: он знал, что я не обыкновенная со дня второго Испытания, когда фауг рассматривал меня, как игрушку и когда я кричала неистовее урагана.

Мы решаем двигаться пешком. Светлая площадь — место, где проводятся обряды Посвящения. До сих пор я даже краем уха не слышала о таком месте.

— Осталось чуть-чуть, — бросает покровитель, увлечённый чем-то вдалеке.

Чем ближе мы подходим, тем тревожнее мне становится. Сердце бешено рвётся наружу, когда я наблюдаю огромную публику. Не просто огромную... Гигантскую! Здесь размещены бархатные скамьи, но они полностью заняты, площадь заполнена стоящими покровителями. Повсюду сплочённо расставлены фонари, кое-где — факелы, а меж рядами висят тонконогие подсвечники с обвитыми вокруг ножки узорами из чистого золота или матового аметиста. Что привычно для данной сферы — это ослепительность искусственных светил.

Площадь Посвящения предназначена для большого скопления народа — десять или пятнадцать тысяч и, как сказал Найджел, пятьсот сидячих мест.

Это много. Очень.

Мы приближаемся, в нос внедряется солоноватый запах морской воды. Низкий оплот отделяет площадь от худой и извилистой реки. Её дно сплошь покрывают отточенные камушки аметиста, подсвечивающие водный источник нежным пурпурным цветом. Кругом разрастаются кустарники, пышные молодые деревья, от шума и скуки головки цветов клонятся к почве. Я обращаю внимание на масштабный речной порт с десятком или более суден. На суше громоздятся многотонные ящики с надписью «Металл», «Ткань», «Продукты питания», «Камень аметист». Кропотливая работа посыльных воочию. Очевидно, река ведёт

в город, где производят всю атрибутики, доставляют продовольствие с Земли. В других сферах мне не приходилось заставлять кипучую деятельность посыльных: парни и девушки толпой перетаскивают ящик, а рядом стоящий хранитель посылает невидимую волну друзьям, чтобы быстрее дотащить груз до судна.

Важнейшая достопримечательность площади, на которой сосредоточен всеобщий интерес — эта возвышающийся почти что к небу помост. Возможно, я преувеличиваю, но подниматься на него, как на второй этаж. Сцена круглая, достаточно большого диаметра. Здесь нет ни упоминания об аметисте — только настил из деревянных досок, настолько плотный и крепкий, что он выдержит даже сотню. Нет ни задника, ни кулис, ни шпор — один планшет сцены, если её можно так называть: процесс Посвящения нужно видеть со всех ракурсов и на дальнем расстоянии — никак иначе. Светлая площадь находится в Аметистовой сфере, но здесь совершаются различные мероприятия для каждой.

— Такие церемонии проходят ежедневно, — перекрикивая гам, осведомляет Найджел. — Я прихожу сюда, дабы убить время, посмеяться над испуганными людишками. Такого сборища покровителей никогда здесь не бывало — у каждого есть заботы и обязанности. Подозрительно. Будто кое-кто специально собрал любопытное стадо!

— Я переживаю, — признаюсь я, громко выдыхая. — Собрались здесь, точно муравьиный рой. Как мухи на... Неважно.

— Я не прочь услышать продолжение, — подмигивает покровитель.

Я ловко отмахиваюсь от него, и мы переключаем внимание на сцену.

— Начинается. Ой, продолжается, — с предвкушением говорит он. — Я в передний ряд к своему любимому врагу!

Я думала, под «сопровождением» он имел в виду «я постоянно буду поблизости». Но он ушёл к своему... Джюель? Она бы не смогла не прийти на моё Испытание.

Я стою недалеко от подмостка, между третьим и четвёртым рядом: мельком пробегаюсь по ним глазами и замечаю несколько старичков, которые в отставке уже лет двадцать, а то и более, покровителей сферы Чёрного Оникса, парочку из Голубой Бирюзы (их белая одежда едва ли не светится из-за лунного света) и Дону. Ту самую, которую я ранила живот, а потом мне грозила власть за нарушение непреложного закона. Девушка резко поворачивается ко мне, смотрит без единой эмоции и так же резко отводит взгляд, направляя его на будущего покровителя, замученного тысячами взоров.

Парень с длинными взлохмаченными как у куклы волосами, смеется, и на его щеках появляются ямочки.

— Поздравляю, истинный покровитель сферы Голубой Бирюзы, — судья из амфитеатра слишком любит излишнее внимание, раз присутствует здесь в качестве ведущего. — В сегодняшний день Светлая площадь принимает твою кровь, а камень забирает душу.

Тон, с которым мужчина произнёс эти слова, казался зловещим. Моё тело вздрагивает.

Яркие жёлтые фонари гаснут. Я снова дёргаюсь.

— Согласно списку, откуда, к сожалению, вычеркнуты многие и стали посыльными, — его физиономия сделалась поддельно жалостливой, — следующий человек, торжественно завершающий карьеру «новичка» и... барабанная дробь, это Милдред Хейз!

Я с досадой закрываю глаза. Внезапно.

Свет зажигается.

Я не хочу идти, хочу стоять на месте, чтобы враги не прожирали меня взглядом на одиноком подмостке. Нужно. Я заставляю себя передвигать ногами, потом они уже невольно

несутся к ступенькам.

Каблук сапога эхом разносится по всевозможным закоулкам и между рядами. Только вдалеке доносятся смех и разговоры работающих посыльных. Зрители, точно в цирке, затихли, ожидая очередного измывательства над животным. Я не смотрю в зал: сделав это, я захочу провалиться сквозь дерево под моими ногами и зарыться глубоко в землю. Я стойко выдерживаю взгляд судьи.

— Приветствую, — собственный голос раздаётся повсюду, никто даже не двигается, не шмыгает носом и... будто не моргает. Когда на сцене находился паренёк, было достаточно шума, чтобы слышать отрывистую речь афроамериканского тамады. Всех распирает от любопытства, кем же будет дочь Джюель Бертран. Казалось бы, мне должно польстить «уважительное» отношение, но это молчание мне хочется разрезать гневливым криком.

Стол накрыт красной тканью, а под ней заметно выделяется три меча. Три сферы. Если личные мечи могут взять лишь обладатели, то кто будет резать меня ими?

Напряжение в тишине нарастает: не только моё, но и зрительское.

— Три покровителя разных сфер проведут кровавую процедуру, — судья стягивает ткань со стола и встряхивает её, словно к нам сиюминутно должен ринуться разъярённый бык. — Как ты видишь, перед тобой в каждом кувшине представлены три камня — оникс, бирюза и аметист, безусловно.

Я безупречно держусь, хладнокровно, ни на что не реагируя. Когда космический ветер колышет мои волосы, я не поправляю их — если позволю себе лишнее движение, моё волнение потом будет не обуздать.

— Подойдите ко мне, троечка, — рукой подзывает судья. Я невольно думаю о Хейли, Холли, Хэйзи. Но это не они. И не могли бы, когда принадлежат одной сфере. На нас, будто вихрь, надвигаются трое мужчин. Нет, на меня. Их взоры сродни убийцам — даже не ухмылка или злорадство, а вечная стужа. У каждого здоровяка значится одинаковый глубокий шрам на правой щеке. Они предназначались для своего дела, а не для сокрушения.

Я стараюсь не выдавать, что нервничаю при виде лысых гигантов с бугристыми мышцами.

— Приветствую. — Они игнорируют меня, хватая мечи. Судья с улыбкой безумца касается моих лопаток и подводит к кувшинам. Они располагаются на невысоком круглом столике.

— Ты не бойся только, будет больно, — предупреждает судья лукавым-лукавым голосом, от которого у меня сводит конечности.

— Делайте, что требуется, — спокойно отвечаю я. Пусть уже подвяжет свой болтливый и изворотливый язык.

Громила с пирсингом из оникса в носу встаёт напротив меня: нас разделяет лишь стол с кувшинами. Его равнодушные глаза направлены на мою руку, и я вытягиваю запястье.

Он проделывает это без промедлений и предупреждений. Остриё меча движется от локтевой ямки до конца запястья, не жалея водолазку, которую я сегодня спешно надела.

Кровь мгновенно растекается по всей руке. Когда я стискиваю зубы, понимаю, что на моём лице не мелькает ни единой эмоции. Такая боль стала для меня менее значительной, чем попытки приручить магию.

Покровитель по той же инерции обхватывает руку, выжимая из неё кровь, точно мокрую тряпку.

Когда второй покровитель «троечки» — сферы Голубой Бирюзы, выполняет то же самое, я рассматриваю зал, чтобы отвлечься от его хозяйских и резких действий. Он оказался грубее и беспощаднее прошлого великана.

Передний продолговатый ряд занимают правящая власть, их приближённые покровители и хранители. Но также с Джюель соседствует Найджел. Ему удалось «уговорить» Владычицу занять кресло в почётной полосе бархатных стульев. Гальтон, без сомнения, нагло ворвался в её апартаменты, помахал фотографией, засмеялся и отдал приказ, сопроводив его грязным высказыванием. Возможно, это в его манерах, но так он бы не рискнул. Скорее всего, это была уверенная просьба, повлёкшая отказ. Тогда мужчине пришлось прибегнуть к крайностям и продемонстрировать фотографию.

Мы пересекаемся взглядами с сукой Бертран. Она сощуривается и приподнимает подбородок: пытается прочесть: страшно мне, всё равно ли.

На ней надето белоснежное платье, его дополняет темный металл: корсет, воротник, а также светлые металлические нити, вьющиеся вниз от пояса, который в свою очередь представляет крохотные бутоны медных роз. Я бы сорвала с неё острый корсет и перерезала глотку, если бы только после этого она больше не вздохнула.

Металл — Аметистовая сфера, а чёрные кольца, которые сверкают едва ли не на каждом её пальце, — оникс. Чертовке всегда надобно выделиться, показать своё господство над миром сфер или же предупредить, кто скоро станет главным. Была бы я мужчиной и не знала её сущности, точно бы конкурировала с её поклонниками. Она поистине красивая: тонкая алебастровая кожа гармонирует с густыми волосами цвета шерсти полярного медведя. Она такая же хищница, причём в самом жестоком смысле.

Рядом с ней никого, кроме Найджела, нет, только через два сиденья широко раздвинув длинные ноги, развалился старший хранитель сферы Чёрного Оникса. Янко уже давно нашли отвратительную замену. Никого в первом и втором ряду из сферы Голубой Бирюзы нет — Владычица отлично скрывает личных прислужников. Друзей Найджела я замечаю на правой стороне площади. Они махают мне и бодро поднимают кулаки в небо. Я осматриваю каждого из них и мысленно благодарю. Простите, но проявление каких-либо эмоций даст брешь и я не смогу сохранять самообладание. Мне нужно быть толстым льдом, сквозь который ничего не рассмотреть. Тысячи взглядов не изучают, а прожирают меня.

Второй отдел сидячих мест кишит покровителями в угольных и алых одеждах. Впереди проклятая «семейка» внимательно оглядывает меня: Флавиан Эбурн, Мэри и Генри. И Алисия. Она перебирает пальцами в знак приветствия, при этом ехидно облизывает острым кончиком языка свои губы. В её взгляде нет прежнего неистового огня, но мелькает какая-то едва уловимая надежда на... жизнь?

«Не откликайся».

Через пять рядов пристроились Зейн, Хардин и Кой с появившейся растительностью на голове. Неподалёку, как адская богиня, восседает мадам Бланчфлюер: женщина всё такая же изящная, с вишнёвой помадой на губах и хищнической ухмылкой. Она приветственно кивает, на что я вынуждена якобы не обратить внимание.

Третий отдел теплом окутывает моё бушующее сердце. Киара, Норвуд, Бад Ауман и хранитель утроились в таком же порядке. Юми прибудет с минуты на минуту: обещала успеть на моё Посвящение.

«Я буду в первом ряду. Не отвлекайся на задние».

Я стараюсь разглядеть последний ряд: приходится перебрать около сотни голов. Здесь

много незнакомцев в традиционных белых одеяниях своей сферы. И только два крайних гостевых кресла отличаются по цвету.

Я ахаю и вздрагиваю. Чувствую, как безотчётно сощуриваюсь, чтобы удостовериться, что это не галлюцинация. Покровитель, болезненно высасывающий из меня силы, почти заканчивает.

Грэм и Яфа до неузнаваемости измучены непрерывными пытками.

Они сидят бок о бок, крепко держась друг за друга. Рука девушки предательски дрожит, сжимая предплечье приятеля. Коши не похож на себя прежнего: его когда-то шелковистые волосы отросли чуть ниже плеч, а кончики завились небольшими кольцами. К заострённым, точно покровительский меч скулам, спадает срезанная ломкая прядь, определённо когда-то раздражающая его. Теперь ему плевать на такие ничтожности: всё его тело терзают, умело пробиваясь в душу и порождая там неизлечимые увечья. Щёки Грэма покрыты густой щетиной, под глазами образовались синие мешки... Взгляд замученный, как у голодного пса, лицо туго обтягивает кожа, а осанка не столь прямая, как раньше: он сидит сторбившись. Раны или усталость. Он выглядит павшим.

Я смотрю на него и широко улыбаюсь, когда строго-настрого запретила себе чувствовать на этой треклятой для зверей сцене. Я пробую сдерживать прилив слёз: щёки обдаёт жаром, а дышать становится тяжело. Наконец я увидела их.

Яфа смотрится лучше, чем он, но вид той же отощавшей собаки. Она сплела осенние волосы в слабую косу, что так ей не подходит. Раньше она распускала свои длины, бахвалась их красотой. Отсутствуют огненно-красные стрелки, летние румяна и закрученные густые ресницы. Покровитель бледная как смерть. Её плечи вяло опущены, отныне она не такая энергичная и дружелюбная. Справа от неё по диагонали, далеко, но так близко, чтобы прикончить, расселась ониксовая верхушка. Яфа ощущает их присутствие и раздражённо хмурится.

Зачем они так поступают с собой? Со мной?! Почему?

Я стараюсь не думать, как им позволили сюда явиться — главное, они отдыхают от пыток.

Эти двое выглядят как ползучие сорняки среди цветущих чёрных восточных лилий, белых и голубых васильков и серых гвоздик.

«Я сам не то чтобы удивился, а даже чуточку разозлился».

Вот и подарок, который Найджел жаждет сжечь.

Я хотела бы услышать эту прекрасную новость заранее, но покровитель любит ёрничать. Я бы ни за что не была проинформирована самим Найджелом Гальтоном.

— Превосходно! — оглашает судья. — В заключение аметист.

Ко мне подходит следующий покровитель.

— Грудь, — говорит он сиплым голосом, будто до этого век не разговаривал.

Я снимаю жакет и натягиваю водолазку. Громила разрезает ткань и, вопреки моей «помощи», оставляет порез параллельно правой ключице. Кровь не сразу стекает. Я склоняюсь над кувшином. Её мало по сравнению с руками. Почему они выбрали именно это место?

Неожиданно перед лицом мелькает лезвие, награждая новым порезом. Острое железо срезает немного моих волос и они, как всколывавшийся одуванчик, летят в сторону, медленно паря в воздухе.

Я злобно хмурюсь, но покровителя это никак не трогает: он всю жизнь встречает такие

лица. Меня ему стоит побояться — я могу случайно перестать контролировать силы, и они попадут прямиком в него.

Я быстро одёргиваю рукава и закрываю грудь жакетом, пока раны не стали демонстративно заживать.

— Один из кувшинов подаст знак, Милдред. Он зашипит, забурлит, почуяв родственную энергию. Известно ли тебе, что после Испытания камень уже выбирает тебя? Во время Посвящения оставшаяся энергия камня сливается с внутренним зародышем. А потом вуаля — и единое целое: ты покровитель!

— Мы в предвкушении. Где же хранитель? — раздаётся из уст Джюель.

К нам приближается Адио. Он кажется нервным, каким я не привыкла его видеть. Натура хранителя флегматичная. Он лишь боится, что моя сущность раскроется. Это угрожает не только мне, но и тем, кто имел сведения о моих особенностях и помогал скрывать их от остальных, а особенно от власти, которая обвинит нас в нарушении закона. «Указ № 4. За предательство Владыки и попытку свергнуть его с трона выносятся наказание — покровительское лишение свободы».

— Приветствую, Милдред.

— Приветствую, хранитель Адио.

Он несмело касается каждого кувшина священной рукой. Из кувшинов исходит яркий свет, а затем резко гаснет. Реакции зала нет — значит, так должно быть.

— Спасибо, — выговаривает Адио и сходит с подмостка. Его ноги дрожат, когда он спускается. На секунду я задумываюсь, что его встревожило что-то другое.

Он присаживается рядом с Киарой и дрожащей рукой вытирает шею. Я ощущаю себя точно так же. А ещё предчувствую неладное.

— Слышите? — возглашает судья. — Сосуд вскипает. Но какой же из них?

Он хватает его со столика и мастерски хихикает. Первый кувшин, первый громила, первая рана. Ответ на вопрос «Кто я?» мне давно известен. Я покровитель сферы Чёрного Оникса.

— Итак! Это сфера... — вдруг начинает свирепствовать кувшин с голубой бирюзой, прерывая речь судьи. — Это ещё что? Что за грубые ошибки на Священном Испытании?! — сквозь зубы произносит он, не на шутку разгневавшись.

Мужчина заглядывает внутрь глиняной посуды. Он не изумлён — там бирюза.

Настала очередь аметиста неистово бурлить.

— Что за?..

Мужчина переглядывается то со мной, то с гостями. Всегда весёлый и уверенный в себе ведущий растерялся.

С бешеной скоростью в меня врывается осознание. И как я не догадалась, когда изучала историю? Как?!

Выдающийся Многоплодный, удерживал в крови могущество трёх камней, нынешних сфер. Тогда бедный зауряд упал перед Руфом, заросший и покрытый сединой. Я владею магией хранителя, что не свойственно Флавио. Я умру. Раньше и мучительнее, чем он. Почти всё обучение я не выдерживала истязаний своей силы, потому что была уязвимым человеком. Проклятая магия заведёт меня в каменный гроб.

Ноги немеют, руки трясутся, а дыхание вовсе сбивается. Всё это похоже на заговор. Даже если и так, то этой стратегии явно много лет.

Зрители лихорадочно перешёптываются, а кто-то возмущённо кричит, не улавливая

происходящее.

Я смотрю на Грэма и Яфу: они с досадой опускают глаза, а потом будто злятся.

Найджел пронизывает меня взглядом.

«Ты знал».

«Да», — он слабо кивает.

Зал остервенело бушует, как моё сердце. Мысли смешались в горькую кашу, готовую в любое мгновение вырваться в виде магической бури.

— Молчать, — Джюель со скрипом поднимается. Тишина сызнава обуревают площадь.

— Вам нужны объяснения. Я понимаю.

Бертран оказывается близ, и достаёт из-под стола громкоговоритель. Она хочет быть услышанной целой вселенной.

— Как вы осведомлены, Милдред — моя дочь. Я, как и всякая мать, знаю о ней больше других. Больше чем она сама.

Теперь мне хочется затолкать громкоговоритель ей в глотку, чтобы она заткнулась. Но даже так она будет говорить, коверкая слова змеиным языком.

— Все мы читали историю сфер. А может быть... не все. Это исключительно ваши заботы, — она ходит туда-сюда, медленно, небольшими шагами, излагая пояснение. — Однажды Алойз создал фаугов, а Касьян и Гайюс создали нас. Хранитель и человек не забыли разработать запасной план. Это верно для проблемы мирового масштаба. Фауги, как и человечество, эволюционирует. Они укрепились, как вы заметили. Последние восемнадцать лет сферы страдают от больших потерь. Кто-то должен укротить эти отребья, погасить их силу. Милдред Хейз — девочка-ключик, о которой издавна твердит Пророчество.

Тайна раскрыта. Мир обнаружил, кто я. Он узнал девочку-ключика. Лекарство Найджела оказалось напрасным — все знают. ВСЕ. Джюель давно в курсе и точно ещё многое недоговаривает.

— Боже правый! — охает позади судья.

Перед глазами плывёт, зрители сливаются в сплошное мутное пятно. Я незаметно облокачиваюсь на столик и кое-как стою на ногах.

Теперь думай, кто в опасности — я или они.

— Вопросы? — спрашивает Джюель.

— О, у меня, — вызывается Найджел, вальяжно поднимая руку. Его голос приводит меня в чувство. Он понимал меня. Принимал. — Как вы это выяснили, ваше владычество?

— Хороший вопрос, — сквозь зубы проговаривает Владычица. Она поведает либо правду, либо байку. — Когда я стала покровителем, хранители сообщили мне о Пророчестве и ключе — то, что непосредственно утаивали от покровителей. Мне доверили важную вещь, потому что им было известно, кто напишет будущее сфер — я и моя драгоценная дочь. — Она роется у себя в голове или придумывает впечатляющую ложь. — Судьба ниспослала мне видение, которое разведало все сомнения. — Снова ухмылка. — К сожалению, подробностей и доказательств у меня нет.

Бертран цепко окидывает публику, выдерживая паузу.

— Ну вы и шутиха, Владычица! — вклинивается Флавиан. Я разглядываю его неоднозначное лицо — то ли поражён, то ли пьян в стельку.

— Владыка Флавиан, — она чётко выделяет первое слово, — вас я никак не ожидала услышать. — Ну конечно. Конечно. Милдред станет покровителем, — развивает женщина со

сходной интонацией, — и тогда мы устроим официальную демонстрацию её благоговейной магии. Здесь, на Светлой площади, на этой сцене. Сейчас я запрещаю нагружать мою дочь, её нужен отдых.

— Ох, ага, — икнув, отвечает пьяница.

Джюель выпрямляется и внимательно осматривает меня: как охотник свой трофей. Её долгожданный замысел осуществился, она победила.

«Я разделаюсь с тобой, мерзость в белых одеяниях. В них ты же станешь призраком. Вспоминать будут лишь как сгнивший труп».

Как жаль, что я не могу высказаться в эту секунду.

Как я вообще научилась так мыслить? Откуда столько злобы? Кто породил её: я, общество или Джюель, которой никогда не было в моей жизни? Я любила её, я ненавидела её. Маленькая Милдред осознавала, что мамочка бросила её и продолжала верить, что она не плохая — ей пришлось так поступить. А взрослая Хейз поняла, что её не желали, её почти убили, оставив на крыльце у бабушки. И если бы в тот вечер она не спустилась, чтобы просмотреть недавние письма, у порога дома её бы ждало холодное тельце двухдневной малышки.

Я не замечаю, как стремительно наполняются мои глаза, как жгут слёзы, норвя преодолеть болезненный путь к щекам.

— Что ж, приступим к основному и самому интересному, — тише произносит Бертран. — У Милдред, к счастью, есть выбор, чего нет у нас. Так как в её крови целых три камня, она вправе выбрать сферу, в которой останется.

Я в недоумении оглядываю зал и останавливаюсь на Гальтоне — он тоже не предвещал такого поворота событий. Мужчина смотрит на Бертран, и в его взгляде я вижу неподдельный ужас. Он считал, что её козни немного проще, но нынешнее действо — обратное тому свидетельство.

Владычица подходит ко мне, кладёт ладонь на плечо. Через водолазку я чувствую, как её кольца впиваются в кожу. Я демонстративно дёргаю плечом и отступаю: пусть только прикоснётся ко мне ещё раз и подмосток станет эшафотом, а мои руки виселицей.

— Выбери правильную сторону. От этого зависит твоё будущее, — она уже говорила мне это. В конце второго Испытания, в ходе ужасной пытки Найджела. Вот, что стерва подразумевала. Только почему она по сей день умалчивает о том, что я убила хранителей? Вспомнив об этом, мои конечности холодеют.

Глубоко дышать. Вдох, выдох.

— Не нервничай, — дыхание Джюель обжигает шею. Кажется, будто её баритон выпускает раскалённые иглы, пробивающиеся под кожу.

— Я не буду долго раздумывать, — выговариваю я и сразу смотрю на Найджела, нервно покусывающего губы, Яфу и Грэма — напрягшихся даже с чудовищной усталостью, Киару и Норвуда — поникших от шока. Остальных я не достаиваю вниманием. Я хочу побыстрее уйти отсюда. — Миновал год, с тех пор как Найджел Гальтон привёл меня в сферы. Он всегда заботился обо мне. Спасибо.

Покровитель улыбается мне и не упускает возможности открыто подмигнуть.

— Благодарю моего учителя, Грэма Коши, который буквально слепил из меня покровителя. Сегодня он присутствует, это радует меня, — мужчина сосредоточен, а его брови нахмурены. — В особенности я благодарю Юми Нисимуру. Её величие никто не переплюнет. Этим качеством она щедро поделилась со мной. Поэтому я прошла третье

Испытание и поэтому я здесь, — по окончании речи мой голос предательски вздрагивает.

Слышится ожидаемое фырканье Джюель. Завидует.

— Она задерживается, но... спасибо вам, Великая Владычица, — Киара принимает благодарности вместо неё, с улыбкой кивнув мне. Я поворачиваюсь к Джюель: естественно, её взбудоражил титул Великой Владычицы, сказанный не в её адрес. — Я слишком грязна для Аметистовой сферы и чересчур справедлива для Голубой Бирюзы, — я замолкаю. — Я стану покровителем Оникса.

Я ещё принадлежу себе, меня не тащат в кандалах и не заставляют делать то, что мне не нравится. Я предпочла сферу Чёрного Оникса, это значит новое начало. Джюель, вопреки собственной жестокости, не удалось спугнуть меня как мышь в чужую норку — сферу Голубой Бирюзы.

Мы с Грэмом смотрим друг на друга, игнорируя в нашем поле зрения тысячи взглядов и сильный шум. Он улыбается, и эта улыбка разбивает мне сердце: я встречаю её впервые. Он никогда не был таким счастливым, таким живым, даже невзирая на его измождённый вид. И должно быть, мне повезло, потому что Грэм ни с кем не близок, чтобы преподнести такие замечательные подарки. За что я удостоилась его получить?

Яфа оживлённо, насколько позволяют силы, махает мне и посылает десяток воздушных поцелуев. Коши откидывается на спинку стула, наконец расслабляясь.

Я усмехаюсь, а потом решаюсь взглянуть на Гальтона. Он злостно сжимает подлокотники и в итоге переносится прочь.

— Я уважаю твой выбор, — фальшиво отзывается Бертран, шикнув в мою сторону.

— Благодарю, Владычица.

Публику привлекает толпа из посыльных и хранителей. В свете луны серебряные и сине-серебряные доспехи ярко отблёскивают.

— Мы вынуждены прервать церемонию, — на подмосток идёт хранитель. — Приносим глубочайшие извинения. Некоторое время назад произошёл несчастный случай. Мы пока не установили, таков он или нет.

К нам поднимается второй хранитель. Он так взволнован, точно готов умереть.

— Все здесь собрались, — отчаяние сквозит в его надтреснутом голосе. Он боится сказать что-то вслух.

Стряслось что-то ужасное — то, что повергнет каждого. Это ощущение перекрывает мне воздух, изредка выручая несколькими вдохами.

— Только что мёртвой была... была найдена Юми Нисимура. Признаки жизни полностью отсутствуют. Мы соболезуем её близким и надеемся на всеобщую поддержку и сочувствие.

Мужчина закрывает лицо огромной ладонью, начинает плакать, а затем под руку с напарником, спешно спускается.

Нет. НЕТ. Юми не могла...

Владычица Аметистовой сферы оставила титул, бросила Киару и Норвуда, меня, своего мужа. Раскол. Во мне что-то ломается с громким треском, а последовавшая после этого дрянная боль становится почти невыносимой. И тогда слёзы опаляют щёки. Тогда я не вижу. Я не вижу никого, кроме Джюель.

Я быстрым шагом удаляюсь от злополучной Светлой площади. В руках ощущается тяжесть покровительского меча, ножны которого обиты чёрной кожей. «Одно целое», — как сказал мне Грэм на первых тренировках. Я чувствую сущность меча в себе, его непрерывное присутствие; он напоминает мне, кто я есть. Одна мысль о том, что моё оружие против фаугов и самой себя будет не рядом, заставляет всё внутри перевернуться от ужаса.

Судья в спешке всучил мне меч и выпроводил со подмостка. В ту секунду я почувствовала лёгкость в ногах, готовая оторваться от земли и вспороть небо новоиспечённым железным спутником; воздух стал холоднее, страх поубавился, замесившись восторгом: я больше не нуждалась в пище, немедленном отдыхе и не была до смерти уставшей. Магия, которую я представляю как огромный сияющий шар, расширилась, стала плотнее, отчего меня едва не стошнило на сапоги. Преследуемая болью, я сбежала по ступенькам.

Покровители и хранители создали настоящий гам и, толкаясь, разбегались и переносились.

Сейчас я бреду по пути, которым мы с Найджелом добирались до этого окаянного места. Я покровитель и мне нужно перенестись в собственную сферу. Юми говорила, чтобы это сделать, необходимо иметь хотя бы какие-то сведения о пункте назначения.

Я закрываю глаза, привожу учащённое дыхание в порядок и вспоминаю расположение мебели, стены, постель, высокое начищенное зеркало...

С перемещением поменялись воздух и звуки. Ониксовая сфера жаркая, поэтому моя кожа испытывает одно лишь бодрящее тепло, которое казалось невиданным в Аметистовой сфере.

Спальня Грэма по-прежнему опрятная, но уже не пахнет свежей хвоей.

Я подхожу к его шкафу с бронзовыми статуэтками, с которых около двенадцати месяцев не стряхивали толстую пыль, тянусь к скачущей лошади, и вдруг меня одергивает голос:

— Что ты творишь, Милдред? — грубо выплёвывает Хардин. Я поворачиваюсь к нему. Этот тип тоже ни капли не изменился. Его нелепая объёмная причёска сверкает от обилия лака и это создаёт о нём впечатление порядочного парня, а не дотошного скандалиста.

— Такой же вопрос.

— Несомненно, сраная Владычица, я перед вами отчитаюсь! Я пришёл покормить голодного Мейлко, — покровитель кривит губы и цокает языком.

— Мейлко?!

Под ногами покровителя, мяукая, пробегает чёрный кот Грэма. Его янтарные глаза пристально смотрят на меня, а нос дёргается. Кот начинает громко мурлыкать, прошмыгивает мимо и запрыгивает на подушку. Его голова вяло опускается на лапы, а веки медленно смыкаются. Я сдерживаюсь, чтобы не подойти утешать тоскующего питомца.

— Грэм в темнице, здесь ты его, к сожалению, не найдёшь. Не знаешь случайно, какого беса он туда загремел?

— Прекрати нападать на меня!

— А то что? Продемонстрируешь на мне свои магические штучки? Не смей.

— Ты не первый, кто так открыто во мне сомневается. Ещё веселее наблюдать, когда вы трясётесь, стоит мне руку поднять, — я склоняю голову и слабо улыбаюсь. — Не переживай,

я здесь не за этим. Я всего лишь вернулась домой.

Махнув напоследок покровителю, я выхожу в коридор.

За углом появляются чем-то взволнованные Кой, Дона и Вермандо.

— Приветствую, — растеряно выговариваю я.

— Милдред, — произносит женщина-гигант.

— Приветствую, — здороваются Кой и Вермандо. Наставника Коши я не заметила на Посвящении. Он состриг седовласую длину до шеи и теперь выглядит моложе, несмотря на морщинистое лицо. Почему он живёт больше ста лет и продолжает оставаться в столице?

— Мне нужно поговорить с вами. — Я крепко сжимаю рукоять меча.

Переноситься — для меня чрезвычайная сложность, поэтому в бывший Владыческий центр я прибываю последней.

— Спасибо, что не оповестили Хардина, — приступаю я, усевшись на зелёный диван. Кой наливает мне виноградный сок, и я легко попиваю его между репликами: — Всем известно, кто я и каким могуществом обладаю. Каждый. Каждый ринется добыть эту силу, поработить меня. Остановить алчных покровителей может только власть, а нашей верхушке безразлично. Поэтому её пора убрать. Перво-наперво мы вызволим Грэма и Яфу.

— Милдред, — вкрадчиво начинает Вермандо, — я понимаю, ты печёшься за свою жизнь, но мы не можем рисковать. Они заключены на два года. Им осталось несколько месяцев, учитывая, что срок смягчён благодаря поступку Яфы. Таково наказание, и они его достойно приняли. Наша преграда — время. Мы будем ждать.

— Всё верно, — отзывается Дона, постучав ногтями по своей острой коленке.

— У меня двойное мнение, но... Вермандо прав, — добавляет Кой, качая головой.

Я закипаю. Однако спокойно осушаю бокал, ставлю его на стол и скрещиваю ноги.

— Джюель начала действовать. Сегодня она явила миру свои истинные замыслы. Нам известно, что она хочет моего рабства. Владычица использует меня в личных целях и тогда несладко придётся всем, включая вас — приспешников Грэма. Она избавится от Флавиана и семьи Бодо. Как думаете, кто станет её следующей мишенью?

— Это мы и без тебя знаем, взрослая девочка, — бросает Дона.

Я удерживаю её взгляд, таким образом показывая, что ей грозит, если она ещё раз унижит меня.

— Мне так не кажется. Сидеть бездействуя — слабо. Джюель уже всю сферу перебьёт. Мы нуждаемся в цельной команде, чтобы противостоять игу обеих сфер. Ожидаемо, что Бад Ауман займёт трон. Он ненавидит меня, понимаете? Тогда три сферы ополчатся против кучки покровителей. Если вы ничего не будете делать, я сделаю всё самостоятельно.

— Не лезь в игру, которая ведётся два десятка лет, — вновь подначивает женщина.

— Я вас поняла, — твёрдо заявляю я и поднимаюсь.

— Я надеюсь, ты не будешь предпринимать меры прямо сейчас? — интересуется Вермандо. Хотелось бы мне верить, что он сожалеет, но для меня это кажется очередным притворством.

— Нет. Но процесс пошёл, когда вы мне отказали. С завтрашнего дня я начну действовать. На счету каждая секунда. Сука ходит за нами по пятам.

Я ушла, зная, что они станут осуждать моё «глупое незрелое решение». За год учёбы я научилась двигаться вперёд, а не стоять на месте.

Я стучусь в громадные двери тронного зала — посыльные быстро справляются со своей

работой и широко раскрывают их. После Испытания я выгляжу как настоящий мясник, но дьявол не заметит на мне крови, когда она целиком заликает его глаза.

— Приветствую, Владыка. Мэри, Генри, — здороваюсь я. — Алисия.

Флавиан скучающе отворачивается и громко выдыхает, надувая толстые щёки. Мэри и Генри теперь смотрят на меня не как на избалованную девчонку, а как на врага: страх, недоверие, высокомерие.

Под глазами Алисии издали виднеются синие мешки, вздутые губы, и зардевшееся лицо. На ней нет чёрно-коричневого макияжа, а волосы неряшливо завязаны в слабый хвост. Её взгляд прикован к полу, ладони скрещены на животе. С момента Посвящения она успела выплакать все слёзы и превратиться в старую овдовевшую деву.

— Чего заявила? — спрашивает Мэри, рассматривая меня так, словно я её жертва.

— Я осмеливаюсь просить вас о свидании с Грэмом и Яфой. Надеюсь, вы поймёте меня и позволите увидиться с ними, — я как можно ниже склоняю голову и говорю наипокорнейшим тоном. Сейчас мне нужно раздавить свою гордость так, чтобы она ни звука не издала.

— Нет, — буркает Владыка. Он достаёт из-под трона бутылку, делает глоток и ставит обратно. — Они приходили на твоё Испытание, продлили себе срок на шесть месяцев. Там вы и виделись. Довольно. Проваливай.

— Как ты... смеешь приходить сюда с такими просьбами? — звучит надтреснутый голос младшей Бодо.

— Молчать, Лис. — Девушка покорно слушается и опускает плечи после веления матери.

— Возможно, нам удастся договориться? — негромко предлагаю я.

— Тебя только пинать и ничего больше! — встревает Флавиан, брызгая слюной.

— Пожалуйста, Владыка, — едва выговариваю я. — Я останусь в долгу перед вами.

— Иди уже, мерзкая!

— Спасибо, — я склоняюсь почти вполонину.

— Но Владыка... — начинает Генри и тут же смолкает. Приказы не обговариваются. Алисия холодно оглядывает меня и снова роняет голову, будто та тяжела как свинец.

Теперь я должна исполнить любую прихоть грязной власти.

Я переносусь к темницам. Меня встречает пухлый сторож с рыжей бородкой над губой.

— Владыка позволил мне навестить Грэма Коши и Яфу Бейтмен.

— Жди здесь.

Сторож исчезает и через короткое мгновение возвращается. Он велит следовать за ним. Мужчина звенит ключами и, наконец, открывает сто тридцатую камеру, следом отодвигает несколько мощных засовов.

Камера поглощена мраком. Я оглядываюсь: где здесь могла прятаться Яфа? В глаза бросается крупная вентиляция. Мне вдруг становится душно. Каково оказаться в этом тесном месте, сковывающем движения?

Со стула вскакивает мужчина средних лет с кривой ухмылкой и выбитым глазом.

— Кто такая?

— Где они? — не церемонюсь я.

— Какая нетерпеливая! Пройдёшь по коридору, там их клеточки. Подопытные истощены, страшные — твоим прелестным глазкам такое зрелище не полюбится.

Я хмурюсь.

— Не ты случайно их пытаешь?

— Конечно я! — кичливо проговаривает он, жадно разглядывает моё тело и подходит ближе. — У надзирателей обед, хотел перекусить чего-то... сладенького.

Мне хочется громко хохотать. Надзиратель, значит... Он чёртов палач, а не надзиратель.

— А ты покровитель? — таким же соблазнительным тоном говорю я.

— Ага. Мы быстрые, сильные. Выносливые.

— Это хорошо. Потому что... меня бы наказали за убийство хранителя.

Без раздумий, своей хранительской силой я сворачиваю ему шею, и он шумно падает на бетон. Поистине хранительская сила!

Когда я обнаруживаю толстые прутья, моё сердце разрывается. Я стремительно подбегаю к клеткам.

Они лежат без сознания в углу разных камер, липкие от крови, грязные, смердящие испражнениями, мочой, кислой рвотой и смертью. Волосы Яфы под корень срезаны и теперь она похожа на ёжика. Лицо испещрено шрамами и свежими кровоточащими порезами. Недалеко от её ноги валяется отрубленный посиневший и весь в грязи и крови кончик пальца.

Шея Грэма исполосована, из полуоткрытых глаз вытекает кровь. О боги! В его глазах торчат тонкие иглы... В животе я едва замечаю деревянный кол. Неподалёку от самих клеток громоздится огромный стол с вёдрами, банками и различными видами холодного оружия и кухонной утвари.

Я начинаю плакать. Так, что уже не могу остановиться. Слезы продолжают лить, а душа с каждым всплеском распадается на тысячи кусочков. Я просто обязана освободить их, иначе не смогу жить, зная, какое зверство с ними происходит. Так даже скот не забивают!

Я сажусь на корточки и протягиваю дрожащую руку в клетку Грэма. Он мертвенно обездвиженный, грудная клетка слабо поднимается и опускается и это единственное, что свидетельствует о его текущей жизни. Мне не удаётся коснуться его. Я не пытаюсь дотронуться до Яфы: она ещё дальше Коши, так как свернулась калачиком.

— Я достану вас из этой дыры, чего бы мне это ни стоило. Чем же вы думали, когда пришли на моё Посвящение? Это тоже ради общего дела? Обрекли себя на лишние муки, — я стихаю. — Дайте угадаю, это твоя идея, Яфа?

— Я лучше умру, чем... — я еле различаю голос Яфы, спутав с мужским.

— Яфа! — подскакиваю я.

— Что ты тут делаешь?

Девушка смотрит на Грэма, в тёмный коридор и снова на меня.

— Где этот извращенец?

— Он... трогал тебя? — осторожно спрашиваю я.

— Не раз. Грэм это видел, — покровитель вымучивает улыбку: — Я рада с тобой встретиться.

— Прошёл час с Посвящения! Когда он успел так изувечить вас?

— Забудь. Как ощущения? Становиться покровителем волнительно.

— Яфа! — кричу на неё я. — Не говори обо мне больше! Замолчи! Посмотри, в каком ты состоянии. Когда Грэм очнётся?

— Через пару дней. Акбар пожалел меня для своих... утех. А Грэма отключил, чтобы... не подсматривал.

— Это кошмар... — я замолкаю. Две минуты мы с Яфой безмолвствуем.

— Где он? — переспрашивает она.

— Я свернула ему шею. В отключке.

— Давно мечтала об этом.

— На обратном пути оставлю ему парочку ссадин, — хмыкаю я.

— Не нужно. Тебя потом накажут. Будешь здесь сидеть. Это невыносимо, — тараторит девушка.

— Я ведь не нарушу закон.

— Не рискуй, — требует Яфа. — Я не хочу, чтобы ты испытывала это. Никогда. Умоляю, Милдред, не притрагивайся к нему.

Я киваю. Потому что верю: темница сферы Чёрного Оникса — суший ад.

— Я найду способ вытащить вас отсюда. Черпай силы из моих слов и никогда не сдавайся. Скажи Грэму, что я... сожалею.

— Не вздумай...

— Просто передай ему. Я больше не приду к вам. Спасибо за всё, что вы сделали для меня и для сферы.

Я почтительно склоняюсь перед ней и Грэмом.

— Владыка Грэм Коши и его правая рука Яфа Бейтмен.

Она ошеломлённо смотрит на меня, приоткрыв рот, и не находит слов ответить.

— До свидания, — добавляю я и погружаюсь в сумрак коридора.

— Постой, Мил. Запиши на похоронах наши с Грэмом имена. Мы будем скорбеть вместе с Аметистовой сферой.

Юми Нисимура убита по приказу Джюель Бертран. Кто-то обагрил руки кровью Великой Владычицы праведной сферы. И я жажду отыскать изувера и посадить в камеру, находящуюся за моей спиной. Но только тогда, когда она будет пустовать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net